ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК

1 (42) 2013

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ВОЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с мая 2002 г.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-12244 от 02.04.2002 г.
Выходит 4 раза в год

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

М.А. Гареев, доктор военных наук, доктор исторических наук, профессор, главный редактор;

С.А. Батюшкин, доктор военных наук, профессор, заслуженный военный специалист РФ;

С.П. Белоконь, доктор технических наук, профессор, заместитель главного редактора;

Б.П. Груздев, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

В.В. Лойко, кандидат технических наук, специалист по Сухопутным войскам, ответственный секретарь;

И.М. Капитанец, специалист по Военно-Морскому Флоту;

Ю.Я. Киршин, доктор философских наук, профессор;

А.И. Пожаров, доктор экономических наук, профессор;

А.А. Прохожев, доктор экономических наук, профессор;

А.Г. Пятыгин, специалист по финансовым вопросам;

В.А. Рябошапко, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель главного редактора;

Д.Н. Филипповых, доктор исторических наук, профессор.

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

С.Ф. Викулов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

А.О. Камбаров, доктор экономических наук;

В.И. Ковалев, кандидат технических наук;

В.Д. Косынкин, доктор технических наук, профессор;

А.С. Куликов, доктор экономических наук;

В.Л. Манько, кандидат военных наук;

Е.К. Миннибаев, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

С.А. Модестов, доктор философских наук, доктор политических наук, профессор;

С.Л. Печуров, доктор военных наук, профессор;

В.И. Потапов, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

А.А. Рахманов, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

В.В. Сухорученко, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

Н.И. Турко, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (председатель);

И.В. Холиков, доктор юридических наук, профессор;

Б.Ф. Чельцов, доктор военных наук.

Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» редакция имеет право не вступать в переписку с авторами. При перепечатке материалов ссылка на «Вестник Академии военных наук» обязательна.

Журнал предназначен для лиц старше 18 лет

Подписано в печать 25.04.2013 г. Формат 60x90 1/8.
Печать офсетная. Печ. л. 23. Тираж 1000 экз. Заказ № 321 . Цена договорная.

Адрес редакции:
117330, г. Москва, Университетский пр., д. 14,
тел. (499) 194-24-48, (499) 147-51-19,
факс: (499) 143-67-38

Отпечатано ООО «Базис-Торг»

© Вестник Академии военных наук

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК 26 ЯНВАРЯ 2013 ГОДА

Вступительное слово президента Академии военных наук **М.А. ГАРЕЕВА** 6

Выступление министра обороны Российской Федерации генерала армии **С.К. ШОЙГУ** 7

Доклад **М.А. ГАРЕЕВА**. Итоги деятельности Академии военных наук за 2012 год и задачи академии на 2013 год 8

Выступление заместителя председателя Правительства Российской Федерации **Д.О. РОГОЗИНА**. Пути активации инновационной деятельности в оборонной промышленности и Вооруженных Силах Российской Федерации. 22

Выступление начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации – первого заместителя министра обороны Российской Федерации генерал-полковника **В.В. ГЕРАСИМОВА**. Основные тенденции развития форм и способов применения Вооруженных Сил, актуальные задачи военной науки по их совершенствованию 24

Выступление начальника Генерального штаба Вооруженных Сил -первого заместителя министра обороны Республики Беларусь генерал-майора **П.Н. ТИХОНОВСКОГО**. Роль научного подхода к обеспечению национальной и военной безопасности Союзного государства в современных условиях военно-политической обстановки 30

Выступление главнокомандующего ВМФ вице-адмирала **В.В. ЧИРКОВА**. Организация управления силами ВМФ в новой организационной структуре. 33

Выступление врио начальника Главного управления по работе с личным составом ВС РФ генерал-майора **М.В. СМЫСЛОВА**. Пути повышения морально-психологических стимулов военной службы 37

Выступление генерал-майора **С.В. ЯГОЛЬНИКОВА**. Проблемы обеспечения безопасности Российской Федерации в воздушно-космической сфере 41

Выступление **Б.А. ЯКИМОВИЧА**. Проблемы подготовки инженерных кадров для военной организации государства 44

Выступление генерал-полковника **В.В. ВОРОБЬЕВА**. Финансово-экономические аспекты реформирования национальной обороны и безопасности России. 46

Выступление генерал-майора **А.И. ВЛАДИМИРОВА**. О национальной военной мысли и военной науке 56

Уважаемые читатели!
Подписка на электронную версию журнала – на сайте www.avnrf.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Выступление генерал-майора **В.Г. ШУМИЛОВА**. Деятельность Белорусского регионального отделения по научному обеспечению направлений развития военной организации Союзного государства 64

Заключительное слово президента Академии военных наук **М.А. ГАРЕЕВА** 67

Постановление общего собрания АВН от 26 января 2013 года 67

ГЕОПОЛИТИКА И ОБОРОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

А.А. БАРТОШ. Модель национальных интересов Российской Федерации в глобализирующемся мире 69

С.Г. ЧЕКИНОВ, С.А. БОГДАНОВ. Экономическая безопасность государства в современных условиях 76

В.Ю. СИЗОВ. О системе законов вооруженной борьбы. 85

В.В. ТАТАРИНОВ. Элементы сетецентрической защиты 91

Н.А. РУКИНА. От электронного правительства к электронной демократии: к постановке проблемы информационной безопасности 94

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

О.В. КОЛОМОЕЦ. О некоторых подходах к оценке эффективности государственных программ 99

УПРАВЛЕНИЕ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ И ИХ ИНФОРМАТИЗАЦИЯ

В.И. ВЫПАСНЯК, О.В. ТИХАНЫЧЕВ, В.Р. ГАХОВ. Кибер-угрозы автоматизированным системам управления. 103

В.В. КОЛОДЯЖНЫЙ, Ю.Е. КУЛЕШОВ, Н.П. ШЕХОВЦОВ. Методический подход к совершенствованию автоматизации управления войсками: информационный аспект 109

В.В. КОНДРАТЬЕВ, А.А. ПОЛЮТОВ. О некоторых военно-экономических и оперативно-тактических аспектах оснащения общевойсковых тактических формирований средствами и системами автоматизации управления 116

ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

А.Ф. РАССОЛОВ. Проблемные учебно-научные комплексы как форма интеграции образовательной и научной деятельности современных военных вузов 120

В.Ю. БАЛАБУШЕВИЧ, А.И. ГУРСКИЙ. Военно-политические училища как педагогический феномен 126

ВСЕСТОРОННЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВС РФ

А.А. УВАРОВ. В.В. АРТЯКОВ. Опыт банковского обслуживания армии США и возможности его использования в банковском обслуживании Вооруженных Сил Российской Федерации 132

И.Е. КАЛЕНОВА, В.Н. АРДАШЕВ. Методология принятия решений в клинической неврологии 135

ВООРУЖЕНИЕ, ВОЕННАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕХНИКА

В.М. МОРДАШЕВ. Атомный дирижабль – ключ к сохранению и процветанию России 144

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА И ОБОРОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Е.А. ДЕГТЕРЕВА. Особенности формирования оборонного сектора Европейского союза. 149

В.А. МАРКОВ, В.И. КРЫЛОВ, В.В. БАГРОВ. Использование моторных топлив растительного происхождения как фактор энергетической, экологической и продовольственной безопасности России 154

А.С. ВЕДЕРНИКОВ. К вопросу об эффективности грозозащиты двухцепных ЛЭП 35 ÷ 220 кВ 161

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Ю.А. НИКИФОРОВ. Подготовка СССР к войне с Германией в 1941 году: границы дискуссии 166

Ю.В. РУБЦОВ. Реабилитация спустя 16 лет. 170

В.Г. ЛЕБЕДЬКО. Князь Варшавский 177

CONTENTS

A.A. BARTOSH. A model of national interests of the Russian Federation in the globalizing world 69

S.G. CHEKINOV, S.A. BOGDANOV. Economic security of the state in the modern conditions 76

V.YU. SIZOV. On the system of laws of warfare 85

V.V. TATARINOV. Elements of network-centric defense 91

N.A. RUKINA. From e-government to e-democracy: in the issue of information security 94

O.V. KOLOMOETS. On some approaches to evaluation of efficiency of state programs 99

V.I. VYPASNIAK, O.V. TIKHANYCHEV, V.R. GAKHOV. Cyber-threats to automated control system (according to foreign specialists) 103

V.V. KOLODIAZHNY, Yu.E. KULESHOV, N.P. SHEKHOVTSOV. Methodical approach to the improvement of automation of military force control: information aspect 109

V.V. KONDRATYEV, A.A. POLIUTOV. On certain military-economic and operational-tactical aspects of equipment of combined arms tactical formations with the means and systems of automation of control 116

A.F. RASSOLOV. Problem-based training and scientific complexes as a form of integration of educational and scientific activity of modern higher military schools 120

V.Y. BALABUSHEVICH, A.I. GURSKIY. Military-political schools as a pedagogical phenomenon 126

A.A. UVAROV, V.V. ARTIAKOV. Experience of banking support in the US Army and possibility of its use in the banking support of the Armed Forces of the Russian Federation 132

I.E. KALENOVA, V.N ARDASHEV. Methodology of decision-making in clinical neurology 135

V.M. MORDASHEV. Atomic airship as the key to the preservation and prosperity of Russia 144

E.A. DEGTEREVA. Features of the European Union defense sector formation 149

V.A. MARKOV, V.I. KRYLOV, V.V. BAGROV. Use of motor fuels of vegetable origin as a factor of energy, ecological and food security of Russia 154

A.S. VEDERNIKOV. On the issue of efficiency of lighting protection of double circuit power transmission lines 35 ÷ 220 kV 161

Yu.A. NIKIFOROV. Preparation of the USSR for a war with Germany in 1941: limits of discussion 166

Yu.V. RUBTSOV. Rehabilitation 16 years later 170

V.G. LEBED'KO. The Prince of Warsaw 177

ГОДОВОЕ СОБРАНИЕ ЧЛЕНОВ АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК И ВОЕННО-НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ АКАДЕМИИ

Итоги работы Академии военных наук за 2012 год подводились по научным и региональным отделениям и на расширенном заседании президиума академии, на которых была дана оценка деятельности академии в целом, отделений и конкретных ученых. Были приняты решения при подведении итогов работы – главное внимание уделить анализу и обобщению результатов проведенных исследований и научной деятельности академии в истекшем году. При этом имелось в виду, что формирование и выдвижение новых идей, выводов и предложений по обеспечению более эффективной обороны страны, повышению боевых возможностей армии и флота в обстановке проведения в государстве реформирования оборонных структур является главной задачей академии. В истекшем году АВН сосредоточивала основное свое внимание на исследованиях и разработке основных направлений совершенствования боевых возможностей Вооруженных Сил в реальных условиях их строительства.

С учетом всего этого в академии совместно с учеными Белорусского отделения, привлекшего к работе большой коллектив военных ученых и специалистов, в конце истекшего года была проведена совместная военно-научная конференция по актуальным вопросам практического решения задач в условиях агрессии против Союзного государства.

В работе конференции принимали участие представители Администрации Президента Российской Федерации, Правительства, Совета Федерации и Государственной Думы, Совета безопасности Российской Федерации, руководящий состав Министерства обороны, других силовых ведомств, представители Российской академии наук, члены Академии военных наук, военных академий, ведущих научно-исследовательских центров и институтов МО РФ, ученые и конструкторы в области военной науки и оборонной промышленности, ветераны войны и Вооруженных Сил.

На конференции выступили начальники Генеральных штабов Вооруженных Сил Российской Федерации и Республики Беларусь, главнокомандующий ВМФ, военные специалисты, определяющие развитие оборонных структур в рамках действующих руководящих документов государства, указаний и решений Верховного Главнокомандующего В.В. Путина.

С приветственным словом к собравшимся обратился министр обороны генерал армии С.К. Шойгу. Обстоятельный доклад о состоянии строительства Вооруженных Сил Российской Федерации, задачах государства по повышению боевых возможностей Вооруженных Сил и мерах, предпринимаемых Советом безопасности страны по решительному совершенствованию всех направлений развития армии и флота, оборонной инфраструктуры страны, представил заместитель Председателя Совмина РФ, председатель ВПК Д.О. Рогозин, а также другие руководители Министерства обороны. Всего на конференции выступило 9 человек по основным злободневным вопросам строительства и применения Вооруженных Сил, повышению оборонного потенциала страны. Материалы всех выступивших, а также тех ученых, кто не имел возможности выступить, но представил

свои подготовленные тексты, публикуются в данном номере журнала.

После окончания военно-научной конференции состоялось общее годовое собрание АВН, на котором принято решение по итогам работы Академии за 2012 год и задачам на 2013 год. Состоялись выборы в действительные члены, члены-корреспонденты и профессоры АВН.

Президиум АВН

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

президента Академии военных наук генерала армии М.А. ГАРЕЕВА

Уважаемые товарищи!

Разрешите поздравить вас с окончательно наступившим Новым годом и пожелать Вам доброго здоровья и новых творческих успехов!

В соответствии с планом работы Академии военных наук на сегодня намечено общее собрание академии, которое по установившейся традиции мы проведем в форме военно-научной конференции с тем, чтобы, наряду с подведением итогов за истекший год, основное внимание уделить обсуждению некоторых актуальных проблем военной науки.

Необходимый кворум имеется. Разрешите общее собрание Академии военных наук считать открытым! (Гимн).

В работе собрания принимают участие: вице-премьер Правительства РФ, председатель ВПК Д.О. Рогозин, министр обороны РФ Герой России генерал армии С.К. Шойгу, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил генерал-полковник В.В. Герасимов, заместители министра обороны, главнокомандующие (командующие) видами Вооруженных Сил, родами войск, другие ответственные лица Министерства обороны, других силовых ведомств, представители Администрации Президента, Правительства, Федерального собрания, аппарата Совета безопасности, РАН, ведущие ученые военных академий, НИИ, наши прославленные военачальники.

Разрешите поблагодарить всех, принимающих участие в работе собрания, за внимание к Академии военных наук!

Вынужден с прискорбием сообщить, что мы за прошедший год потеряли ряд замечательных наших военных ученых. Ушли из жизни:

1. Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза, почетный член Академии военных наук СОКОЛОВ Сергей Леонидович;

2. Герой Советского Союза, маршал бронетанковых войск, почетный член Академии военных наук ЛОСИК Олег Александрович;

3. Дважды Герой Советского Союза, маршал авиации, почетный член Академии военных наук ЕФИМОВ Александр Николаевич;

4. Действительный член Академии военных наук, генерал армии КОБЕЦ Константин Иванович;

5. Действительный член Академии военных наук СУХИНОВ Сергей Александрович;

6. Член-корреспондент Академии военных наук генерал-майор ЛЕОНТЬЕВ Александр Николаевич;

7. Профессор Академии военных наук, полковник ГОРЬКАВЫЙ Игорь Владимирович;

8. Профессор Академии военных наук, полковник КОСТЯЕВ Николай Иванович.

Выражаю наши глубокие соболезнования и прошу почтить вставанием память ушедших из жизни товарищей.

План проведения собрания, где изложен предложенный регламент проведения, у вас имеется. Вопросы желательно задавать в письменном виде.

Кто за утверждение предложенного регламента, прошу голосовать. Собрание носит открытый характер, поэтому приведение в выступлениях каких-либо закрытых сведений не рекомендуется.

Разрешите в соответствии с утвержденным регламентом приступить к отчетному докладу президиума АВН.

ВЫСТУПЛЕНИЕ
министра обороны Российской Федерации
генерала армии С.К. ШОЙГУ

Добрый день, уважаемые товарищи!

Прежде всего, хочу поблагодарить за приглашение принять участие в работе общего собрания Академии военных наук.

Ваша Академия решает важные задачи по научному обоснованию путей развития военной организации государства, эффективного выполнения оборонных задач.

Как вы знаете, силовые методы продолжают играть важную роль в разрешении экономических и политических противоречий между странами.

Мы видим, что подоплекой большинства конфликтов является борьба за ресурсы.

На ряде направлений усиливаются военные опасности для Российской Федерации, «горячие точки» находятся и вблизи наших границ.

В связи с этим мы должны быть готовы ответить на любые вызовы и угрозы.

Для этого нужны Вооруженные Силы с оптимальной структурой, эффективной системой управления, современным вооружением и профессиональными кадрами.

Многое уже сделано в этом направлении.

Тем не менее предстоит решить немало проблемных вопросов строительства и развития Вооруженных Сил.

Приоритетными для нас являются:

повышение эффективности системы управления войсками;

оснащение современным вооружением и военной техникой, их качественное освоение;

укомплектование соединений и воинских частей;

улучшение оперативной, боевой, специальной и мобилизационной подготовки;

развитие мобилизационной базы и обеспечение мобилизационного развертывания Вооруженных Сил;

совершенствование материально-технического обеспечения армии и флота;

повышение качества подготовки кадров и военного образования, формирование необходимых моральных и психологических качеств личного состава.

Уважаемые товарищи!

Мы рассчитываем, что ученые Академии военных наук и в дальнейшем будут принимать активное участие в научном обосновании путей развития Вооруженных Сил.

Наши встречи для обсуждения текущих проблем предлагаю сделать регулярными.

Спасибо за внимание.

ДОКЛАД
президента Академии военных наук
генерала армии М.А. ГАРЕЕВА

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК ЗА 2012 ГОД И ЗАДАЧИ АКАДЕМИИ НА 2013 ГОД

Уважаемые товарищи!

За истекший год академия продолжала выполнять задачи, поставленные Указом Президента РФ № 173 от 20.02.1995 г. об учреждении АВН.

На сегодня организационно АВН состоит из 12 московских научных отделений и 17 региональных: Санкт-Петербургского, Смоленского, Рязанского, Нижегородского, Поволжского (Саратов), Тверского, Северо-Кавказского (Ростов-на-Дону), Белорусского, Башкирского, Удмуртского, Сибирского (Омск), Новосибирского, Калининградского, Амурского, Камчатского, Казахстанского, Подмосковного.

В настоящее время в АВН состоят 589 действительных членов, 364 члена-корреспондента, 53 почетных членов и 1470 профессоров, из них 72% – генералы, адмиралы и офицеры в отставке и запасе, 28% – военные ученые, находящиеся на кадровой военной службе.

За истекший год по заданиям Совета безопасности, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, Министерства обороны и других силовых ведомств выполнен ряд научно-исследовательских работ, разработано и издано 62 теоретических труда и других научных работ. Члены академии принимали активное участие в парламентских слушаниях и научных конференциях у нас в стране и за рубежом по вопросам оборонной безопасности.

По результатам проведенных исследований в Генеральный штаб ВС РФ и в Совет безопасности представлены обстоятельные доклады по оценке перспектив развития геополитической обстановки в мире, нового характера вооруженной борьбы, предложения по организации Воздушно-космической обороны, направленности реформы Вооруженных Сил, совершенствованию системы управления ими. В объявленный президентом РФ год истории, не только историческое отделение под руководством Д.Н. Филипповых, но и другие члены академии активно участвуют в военно-исторической работе, по противодействию фальсификации отечественной истории и в подготовке 12-томной истории Великой Отечественной войны, в подготовке мероприятий, посвященных 70-летию Сталинградской битвы.

В первом отделении под руководством Ю.Я. Киршина выдвигаются идеи о космополитическом измерении войн и проблем международной безопасности, но они еще далеки от их практического преломления с учетом реальной расстановки сил в мире.

Во втором отделении под руководством генерала Батюшкина главный упор был сделан на рассмотрении вооруженной борьбы в едином информационном пространстве и сетецентрических методов управления войсками.

Труд 3-го отделения по боевому применению РВСН, выполненный под руководством В.Ф. Лата, удостоен государственной премии им.Г.К. Жукова, труд 1-го отделения (В.И. Викторова) по истории военной дипломатии – премии им. Свечина.

В отделении национальной безопасности под руководством генерала А.А. Прохожева основное внимание было уделено исследованию проблем стратегического управления в сфере национальной безопасности.

Активно и плодотворно работало военно-морское отделение под руководством адмирала флота И.М. Капитанца.

10-м отделением во главе с Н.Н. Швецом совместно с координационным Советом при президенте РФ организован Всероссийский конкурс инновационных идей и проект «Энергетика будущего», осуществление которого продолжалось и в истекшем году.

Набирают обороты в научной деятельности отделения МВД и по делам казачества. Отделение Василия Максимовича Глущенко выдвинуло ряд ценных идей по социальным аспектам развития городов и обеспечения их безопасности.

Как и в прошлом году, особого внимания заслуживают исследования проблематики региональной

безопасности учеными Санкт-Петербургского, Башкирского, Нижегородского, Белорусского, Амурского, Казахстанского, Поволжского региональных отделений. Активно работали и другие отделения. Работа Белорусского отделения «Национальная безопасность республики Беларусь» получила премию им. А.В. Суворова. Плодотворно работали и многие другие члены АВН. Например, полковник Цыганок за короткий срок обобщил опыт войны в Ливии, генерал П.С. Печуров – по англосаксонской системе военного строительства.

Большую не только практическую, но и научно-исследовательскую работу проводит межгосударственный авиационный комитет во главе с Татьяной Григорьевной Анодиной по обеспечению безопасности полетов в рамках СНГ.

В целом план работы академии на 2012 год в основном выполнен. Более подробно итоги работы АВН подведены по отделениям и секциям.

Ученые академии проводили не только теоретические исследования на основе изучения документов и литературы, но и путем участия в учениях и других практических мероприятиях, в рассмотрении уставных документов. Мы выражаем пожелание, чтобы члены АВН еще шире привлекались на такие мероприятия. С созданием Общественного совета при председателе ВПК АВН более активно подключилась к научной и общественной поддержке ОПК, способствуя ее более тесному взаимодействию с Минобороны.

Как и прежде, наша научная работа проходила во взаимодействии с военными академиями, НИИ МО, других силовых ведомств и РАН. Члены АВН активно выступали в печати и других СМИ, ими опубликовано более 250 статей в различных газетах и журналах. Наиболее тесно сотрудничали с АВН издание «ВПК», «Красная Звезда», «НВО», «Военная мысль» и «ВИЖ».

АВН взаимодействует с Клубом военачальников во главе с генералом армии А.С. Куликовым, ветеранскими организациями, которые возглавляют генералы армии М.А. Моисеев, В.Ф. Ермаков, ветеранской организацией СНГ, возглавляемой адмиралом флота А.И. Сорокиным, фондом «Наука XX1» Р.М. Тимошева, Ассоциацией «Мегапир», экспертным советом по проблемам ВКО во главе с И.Р. Ашурбейли.

Среди почетных членов академии особо хотелось бы отметить активную творческую работу Маршалов Советского Союза Д.Т. Язова, В.Г. Куликова, В.И. Петрова, генералов армии Ю.Н. Якубова, В.Н. Лобова, К.А. Кочетова и В.М. Шуралева, адмирала флота В.Н. Чернавина, маршала артиллерии В.М. Михалкина, генерала армии Дейнекина.

В целом могу доложить собранию, что избранный президиум академии, несмотря на ряд недостатков в работе, оправдал ваше доверие.

ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ РОССИИ И ПУТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Для того, чтобы не ошибиться в оценках и выводах в этой области, прежде всего необходимо, на наш взгляд, избавиться от мифов, от навязывания обществу и Вооруженным Силам надуманных идеологизированных политических установок, которые не вытекают из реально сложившейся в мире геополитической обстановки и привносятся со стороны чуждыми для нас интересами и соображениями.

Президент РФ В.В. Путин в Послании Федеральному собранию подчеркнул, что «мир вступает в эпоху потрясений, и вопрос, кто вырвется вперед, а кто останется аутсайдером, зависит от воли каждой нации». Мир укрепляется в многополярности. Он сказал, что «Наша страна должна быть суверенной и влиятельной, сохранить национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация... Надо, чтобы мы отчетливо понимали: ближайшие годы будут решающими, а может быть даже переломными для всего мира, который вступает в эпоху кардинальных перемен, а может быть, даже и потрясений».

Глобальное развитие становится все более неравномерным. Вызревает почва для новых конфликтов экономического, геополитического, этнического характера.

Не только научные прогнозы, но и вся реальная действительность , политика и повседневная деятельность ведущих государств подтверждают эти выводы главы нашего государства. Осуществляется долгосрочная политика по сжатию и ограничению геополитических интересов России, продолжающееся расширение НАТО, прямой военный разбой на Ближнем и Среднем Востоке и других регионах, наносящих политический и экономический ущерб нашей стране.

Первоочередным остается стремление к установлению контроля над энергетическими ресурсами, в т.ч. и в России. Экспансия готовится не только военно-политическая, но и экономическая. Одновременно упор сделан на разработку альтернативных энергетических ресурсов, чтобы лишить Россию доходов от производства и продажи газа и нефти и поставить ее перед угрозой социально-экономического обвала. Уже не только Тэтчер или Бжезинский, некоторые отечественные академики и политологи, например, академик Ю.Пивоваров, возглавляющий центр научной информации РАН, открыто предлагают нам отказаться не только от Курильских островов, но и от Сибири и Дальнего Востока. Вообще, наша страна в ближайшие годы будет подвергаться мощному геополитическому давлению со стороны США и Китая, и нам надо сделать все и прежде всего политико-дипломатическими средствами, чтобы отстоять свои национальные интересы и сохранить целостность страны.

Не являются большим секретом и стратегические планы военной экспансии против России. Когда один из ведущих политиков США, кандидат в президенты объявляет Россию врагом № 1 – это далеко не только предвыборная риторика. Достаточно сказать, что за Ромни проголосовала почти половина избирателей Америки.

Если американский госсекретарь считает возможным открыто вмешаться в политику России в Центральной Азии и заявить о недопустимости какой-либо евразийской интеграции стран СНГ, усма-

тривая в этом имперские устремления, то считать это нормальным и не усматривать в этом никакой враждебности не приходится.

Происходит также перемещение центра деловой жизни и приложения капиталов в Азиатско-Тихоокеанский регион, как следствие этого – перемещение военной силы баз США и НАТО в центрально-азиатский регион, затрагивая национальные интересы и безопасность России в постсоветском пространстве этого региона.

В СМИ широко обсуждается вопрос: уйдут ли американцы из Афганистана? Можно со всей определенностью сказать, что из Центральной Азии они никуда не уйдут и будут наращивать там силы, вбивая клин между Китаем и Россией. Характерно, что на территории Афганистана есть группировки мятежников из среднеазиатских стран, которых натовцы все эти годы берегли и не спешили их ликвидировать.

Политологи иногда говорят о возможности объединения России с США или Китаем, но это зависит, конечно, не только от желания нашей страны. США и Китай настолько связаны теперь между собой в торговом и финансовом отношении, что какие-либо крутые повороты в политике по отношению друг друга чреваты катастрофическими потрясениями.

Общей тенденцией развития для большинства стран становится потеря и ущемление национального суверенитета, уродливые формы приобретает насильственно насаждаемая по всему миру «демократия».

В Ливии с Каддафи так жестоко расправились не только из-за недостатка демократии или из-за дешевой нефти в этой стране, но, прежде всего, потому, что Каддафи добивался создания союза африканских государств, национализации в этих странах природных ресурсов, отказа от доллара, введения своей африканской валюты. Этот пример для других регионов мог бы подорвать главные устои владычества американцев. Теперь хотят добить Сирию из-за «недостатка в ней демократии». Готовится война против Ирана.

России в этих условиях нет особой надобности слишком тесно прислоняться к каким-то центрам силы. Надо спокойно и последовательно отстаивать свои национальные интересы, сотрудничая в первую очередь с теми странами, которые заинтересованы в равноправном сотрудничестве с нами. В соответствии с Посланием В.В.Путина, нашей главной национальной идеей может быть возрождение России как великой, действительно независимой державы, уважающей свою историю, свои традиции и свои подлинные национальные интересы.

При этом Россия не может, конечно, изолированно строить свое будущее. Интересы противостояния общим экономическим, экологическим, военным и террористическим угрозам и вообще интересы выживания человечества требуют совместных, согласованных усилий, в том числе и с США и КНР.

В этом отношении не лишне было бы приглядеться к Китаю, который в своей хорошо продуманной долгосрочной политике всячески уклоняется от крайностей, резких движений и последовательно, упорно проводит свой избранный курс неуклонного самоусиления и возвышения.

При прогнозировании перспектив развития геополитической обстановки нельзя все сводить, как это, к сожалению, практикуется, к высказываниям тех или иных государственных деятелей или политологов. Книжки тоже не вредно читать, но при этом нельзя забывать, что есть не только заблуждения, но и самая изощренная дезинформация, скрытое подсовывание элементов информационной войны.

Поэтому, чтобы не ошибиться в наших прогнозах и оценках, главный упор в исследованиях надо делать на анализ объективных факторов, которые, независимо от чьих-либо высказываний, неуклонно предопределяют ход развития исторических событий. Например, в Китае разработана стратегия комплексной мощи государства (экономика, передовые технологии, военная мощь), по мере роста которых Китай должен неизбежно расширяться по направлениям, где есть ресурсы и где ожидается наименьшее сопротивление. Согласно этой теории, по мере роста населения, при нехватке энергоресурсов и воды будет или огромной силы внутренний взрыв или неизбежное внешнее расширение, и нетрудно догадаться, в каком направлении.

А для более устойчивого сотрудничества с республиками ЦА и чтобы другие центры силы не уводили их легкими посулами, России совместно с этими странами нужно осуществить ряд крупных проектов, например, по снабжению их водными ресурсами, электроэнергией, которые прочно связывали бы их и делали бы невозможным их отрыв друг от друга.

Для обеспечения национальной безопасности для России требуется более реалистичная и объективная оценка угроз в том духе, как говорил об этом В.В. Путин. Однако в ряде официальных документов это делается весьма условно, обтекаемо и неопределенно. Ультралиберальные политики и политологи, эксперты неправительственных организаций настойчиво внушают обществу, что никаких угроз для России не существует, всякие затраты на оборону, идеи защиты Отечества объявляются надуманными и архаичными. При этом говорят, что раз у нас возможности ограничены, то нужно пересмотреть характер угроз, сократить ВС до 0,5 млн. человек, снять часть оборонных задач. Но угрозы и оборонные задачи существуют объективно и, если их не удастся нейтрализовать политическими средствами, отменить их невозможно, иначе эти задачи поставит перед нами противник, как это было в 1941 году.

Дело еще и в том, что большинство граждан обычно мало читают официальные заявления и документы. На них больше воздействует СМИ, главным образом ТВ, которые внушают населению далеко не то, что в мире происходит, или то, о чем говорил президент. Но такой разнобой по такому коренному вопросу национальной безопасности недопустим. Без всенародной поддержки задачи, которые поставил перед страной президент, и тем более оборонные задачи, решить невозможно.

Когда один из руководителей Генштаба в своем

выступлении на заседании Общественного совета сказал, что по всему периметру наших границ существуют потенциально конфликтные зоны и что они при определенных обстоятельствах могут перерасти в вооруженные конфликты различного масштаба, в том числе и с применением ядерного оружия, некоторые газеты вышли с сенсационными заголовками: «Генштаб готовится к ядерной войне», «Генштаб пугает россиян ядерной войной» и т.д. С какой целью предпринимаются подобные извращения? Всем понятно, что это делается с целью внесения раскола в сознание общества в понимании оборонных задач нашего государства.

Обратим еще раз внимание, что в газете «Военно-промышленный курьер» № 50, 2011 г. было опубликовано интервью известной российской правозащитницы Людмилы Алексеевой. Корреспондент газеты спрашивает у нее: «Людмила Михайловна, вы много лет прожили на Западе, в Соединенных Штатах. Как там обстоят дела с соблюдением прав человека в армии...?» Оказывается, там все обстоит превосходно, и она ни под какое сомнение не ставит необходимость военной службы в Америке. А относительно России, правозащитница возмущается, что на армию идут большие деньги. Она говорит: «А сейчас мы к чему готовимся? Кто на Россию собирается напасть – Грузия, США? Да им плевать на нас, зачем мы им?... Никто нашу страну захватывать не собирается». И такое внушается нашим гражданам изо дня в день.

Между прочим, в мире нет ни одной страны, кроме России, где было бы так много СМИ, печатных изданий, прямо или косвенно принадлежащих иностранцам, которые имеют возможность через эти СМИ влиять на общественное мнение нашей страны. Об этом говорил и В.В. Путин, что «представители некоторых иностранных государств собирают тех, кому они платят деньги... проводят с ними инструктажи».

В наше время фактором, сдерживающим развязывание новой крупномасштабной войны, является ядерное оружие. Поэтому главная ставка заправилами современного мира делается на достижение политических целей двумя путями: во-первых, подрывными действиями, цветными революциями внутри противостоящих стран, крупномасштабными информационными акциями; во-вторых, когда требуется применение военной силы, достигать стратегических целей по частям – путем развязывания локальных войн и конфликтов, как это было сделано против Югославии, Ирака, Южной Осетии, Афганистана и как пытаются сделать это сейчас в Сирии и Иране.

Для того, чтобы гарантировать безопасность страны от таких угроз, Россия должна быть сильной и мощной и, прежде всего, в экономическом и технологическом отношениях.

Как докладывал на собрании нашей академии академик РАН Д. Львов, в стоимости российского ВВП 82% составляет природная рента, 12% -амортизация промышленных предприятий, созданных еще в советское время, и только 6% – непосредственно производительный труд. Следовательно, 94% нашего дохода образуется за счет проедания прежнего наследия и природных ресурсов. В печати сообщается, что ежегодно 70-80 млрд.долларов уходит за рубеж. Но такая экономика не может обеспечить осуществление перспективных национальных интересов РФ. Она порождает тенденцию регионализации и распада страны. Следовательно, рано или поздно надо коренным образом менять экономический курс страны. Без этого ни в одной отрасли деятельности никакие реформы невозможно осуществить и, прежде всего, невозможно обеспечить национальную безопасность России и ее надежную оборону.

Исходя из этого, во-первых, главная задача экономического развития нашей страны определена Президентом вполне обоснованно: избавиться от сырьевого уклона, не превращаться в сырьевой придаток Запада и Китая и сделать основной упор на модернизацию промышленности, сельского хозяйства и в целом взять курс на инновационное технологическое развитие. Эта цель, наряду с возрождением всенародного патриотизма, становится главной сутью современной национальной идеи.

Если мы не будем примером современного развития, мы не будем востребованы и нашими соседями и, прежде всего, среди стран СНГ. Большим шагом вперед в этом отношении является таможенный союз между Россией, Белоруссией и Казахстаном и перспективы создания Евразийского союза. Но это тоже не простая задача – за рубежом и в нашем Отечестве есть силы, которые будут отчаянно противодействовать евразийской интеграции, стремиться оторвать от этого процесса наши соседние страны.

Задачи, поставленные главой государства перед страной, мы всячески поддерживаем. Но вызывает беспокойство отсутствие должной организации реализации некоторых из намеченных программ. Провалена, например, программа возрождения Волги, нет должной последовательности в осуществлении проекта развития Сибири и Дальнего Востока, случилось то, что вы знаете, в области образования, военного строительства и в ряде других областей.

Главная причина всего этого в том, что нет подлинного системного подхода к решению этих задач, деятельность государственных, местных органов власти, общественных организаций недостаточно последовательно направляется к достижению поставленной цели. Известно, что при системном подходе – прежде всего намечается общая цель, направление движения (деятельности для всех ведомств), и если эту цель сразу достигнуть нельзя, то все промежуточные решения и действия должны быть целеустремлены и строго направляться к общей цели. Они ни при каких обстоятельствах не должны отклоняться от намеченной общей цели – генеральной линии развития. Например, если, скажем, государство определило приоритетной задачей развитие Сибири и Дальнего Востока, то Министерство образования или Министерство обороны были обязаны поступиться, если это нужно, некоторыми своими ведомственными интересами, но не ликвидировать,

например, свои вузы в Сибири и Дальнем Востоке, особенно такие, как Уссурийское автомобильное или Иркутское авиационное училища и другие. Вообще военные вузы – это важнейшие островки, обеспечивающие единство армии и народа.

Дает о себе знать также пренебрежение принципом профессионализма и превращение в самоцель принципа менеджмента и бухгалтерства, назначение на государственные должности заведомо некомпетентных людей, которые снижают эффективность работы и приводят к провалам. Если, например, во главе департамента военного образования оказывается человек, не имеющий никакого опыта военной службы и военного образования, то это не случайная, не частная ошибка в назначении, а произвол и неделовой, негосударственный подход к решению важной задачи. Выполнение задач, поставленных президентом РФ, требует перестройки всей системы государственной службы.

Во-вторых, кроме значительного повышения мощи государства, противодействие современным многовекторным угрозам требует системного осуществления в государственном масштабе стратегии стратегического сдерживания, предусматривающую систему взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и других мер по обеспечению национальной безопасности.

Надо полагать, что соответствующие государственные службы делают выводы из всего этого и предпринимают необходимые меры. Но по-прежнему, в нашей стране нет государственного органа, который бы координировал деятельность всех ведомств, которые в той или иной мере занимаются противодействием информационным и другим угрозам, осуществляемым невоенными средствами. Объявлено, что новое управление в аппарате президента будет заниматься какими-то общественными проектами. Сказать прямо, что оно будет заниматься и патриотическими делами, даже стесняются. А пока что по-прежнему нет должной согласованности в действиях, и решение некоторых задач опаздывает или вообще упускается. Видимо, откладывать дальше решение этих вопросов нельзя. И, конечно, не обязательно с возникновением новых проблем и задач создавать новые органы управления. В ряде случаев целесообразно, в первую очередь, уточнять задачи, функции, организацию существующих управлений, документы, регламентирующие их деятельность.

Например, большим изъяном Стратегии национальной безопасности является то, что, по существу, все задачи по обеспечению национальной безопасности возложены на федеральные органы. Принижена роль губернаторов и других местных органов власти. Как показали трагические события в станице Кущевской, на Урале и других районах, местная власть и правоохранительные органы в ряде случаев находятся в большой зависимости от криминальных элементов.

В-третьих, в условиях всех этих перемен совершенно по-новому встают проблемы внутренней безопасности. Теперь это уже нельзя сводить только к борьбе с теми или иными уличными беспорядками и правонарушениями. Нужно взглянуть на проблемы внутренней безопасности в более широком плане.

Главная и самая срочная задача государства и общества в новых условиях – обеспечить единство и сплоченность народов России и пресечение экстремизма и сепаратизма. Уже говорилось о необходимости создания не комиссии, а полноценного министерства по делам национальностей, где должны состоять не чиновники, а мудрейшие и образованные люди, знающие проблемы не по книжкам, а из глубинных истоков жизни.

Экстремизм нужно пресекать не только на улицах, а прежде у его истоков и находить тех, кто платит и провоцирует его, в том числе в СМИ, где раздаются провокационные открытые призывы к ликвидации национальных автономий и к созданию унитарных губерний, чего не было даже при царском режиме. Дружба народов, сплочение их во главе с великим русским народом во имя защиты Отечества явились важнейшим фактором, обеспечившим нашу победу в Великой Отечественной войне. И надо бы сохранить это наследие. Мы еще раз настаиваем на том, что Россия как многонациональное государство может сохранить свою устойчивость и целостность только в том случае, если она будет строиться и развиваться на основе последовательного проведения в жизнь принципов федерализма.

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что в ряде стран во время волнений армия и полиция суверенных государств оказываются управляемыми извне, и главный рычаг давления на высших гражданских и военных чиновников – это деньги, хранимые в заграничных банках. Необходимо и в этом деле установить какие-то дополнительные оградительные меры, о чем говорил и президент РФ в своем Послании.

Для России важнейшим условием обеспечения надежной национальной безопасности страны является единство армии и народа. Без всенародной поддержки идей защиты Отечества никаких боеспособных Вооруженных Сил создать невозможно.

В условиях, когда правозащитники и другие грантоносцы ниспровергают идеи защиты Отечества, открыто публикуют инструкции, как нужно уклониться от военной службы, они подрывают основы оборонного сознания общества и главный фундамент национальной безопасности. В этих условиях более твердую позицию должен занимать и Совет безопасности. Нужна, видимо, большая требовательность к действенности патриотического воспитания.

В деле патриотического воспитания личного состава большое значение имеют традиции и героическое прошлое России. Для этого очень важно объективное освещение и изучение отечественной истории и особенно истории Великой Отечественной войны, избавляясь от всякой однобокости и предвзятости. Мы обязаны отдавать должное заслугам и подвигам любой исторической личности. Вместе с тем гово-

рить честно о их неудачах, ошибках и преступлениях там, где они действительно имели место. Но не политизировать и не идеологизировать историю.

ИЗМЕНИЛАСЬ ЛИ СУШНОСТЬ ВОЙНЫ И В КАКИХ ФОРМАХ ОНА МОЖЕТ ОСУЩЕСТВЛЯТЬСЯ?

В связи с наращиванием в международном противоборстве масштабов и эффективности информационных, экономических, психологических, кибернетических и других невоенных средств воздействия, направленных на подрыв национальной безопасности, некоторыми учеными и политическими деятелями ставится вопрос о пересмотре сущности войны и некоторых фундаментальных основ науки о войне.

В частности, предлагается пересмотреть определение самого понятия о войне, полагая, что любое международное противоборство, в том числе экономическими, информационными средствами, является войной. Но эти средства в том или ином виде применялись на протяжении всей истории. Только для некоторых философов это кажется небывалым делом.

Сунь-цзы еще до нашей эры говорил, что хороший полководец побеждает, не сражаясь. В 1000-летней истории Византии 90% войн было выиграно без применения армии, с использованием ее как средство стратегического сдерживания. Все остальное — путем обмана, подкупа и другими подрывными действиями.

Если рассматривать этот вопрос с точки зрения современной, когда предлагают, например, любое кибернетическое вмешательство в интернет и другие информационные акции считать равносильным объявлению войны, а такие акции осуществляются постоянно, то тогда все страны окажутся в состоянии перманентной войны друг с другом. Главной спецификой войны является все же применение вооруженного насилия. На войне по-иному осуществляются и другие формы борьбы.

Если экономическая борьба в мирное время осуществляется путем экономических и финансовых санкций, эмбарго, информационным воздействиям, другими враждебными акциями, то во время войны важнейшие экономические и информационные центры (как это было в Югославии в 1999 г.) подвергаются бомбовым и ракетным ударам, разрушаются и уничтожаются. Во время войны любое государство переводится на военное положение и функционирует по законам военного времени. Разрываются дипломатические, экономические и другие отношения. В мирное время может происходить самое острое экономическое или информационное соперничество, но в наш ядерный век лучше все это до войны не доводить.

В связи с возникновением новых, весьма опасных форм международного противоборства, осуществляемых действительно на грани войны, завуалированными или открытыми насильственными действиями, назревает срочная необходимость рассмотреть эти проблемы на специальной, чрезвычайной конференции Генеральной Ассамблеи ООН и выработать дополнительные международные правовые нормы (решения), ограничивающие применение в мирное время так называемых «невоенных средств» насильственными способами.

В научной работе вообще целесообразно полнее использовать научный потенциал РАН и других научных центров. Для координации усилий в этой области в масштабе страны желательно в РАН иметь Совет по оборонным вопросам.

Целесообразно также уточнить функции и расширить состав секции по оборонным проблемам при РАН, который был бы способен отслеживать и рекомендовать для реализации новейшие открытия не только в области естественных, технических наук, но и общественных (гуманитарных наук).

ХАРАКТЕР УГРОЗ И ВОЙН СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

В соответствии с многовекторным и многообразным характером угроз возникает и возможность различных войн, вооруженных конфликтов, которые могут быть навязаны России. Отсюда возникает необходимость для армии и флота быть в первоочередной готовности к выполнению боевых задач в локальных войнах, вооруженных конфликтах, антитеррористических операциях при мобилизационной готовности к региональным и крупномасштабным войнам. Это объясняется тем, что войны между крупными странами или несколькими небольшими странами, особенно, когда они поддерживаются извне другими государствами, имеют тенденцию к расширению. Кроме того, не исключена возможность экспансии против нашей страны со стороны государств регионального масштаба. Вообще нет полной гарантии того, что войны за обладание основными ресурсами планеты удастся ограничить определенными рамками.

Такова объективная реальность.

Однако в некоторых наших высших кругах, среди экспертов либерального толка считается хорошим тоном говорить о том, что России могут угрожать только локальные войны и террористические действия.

Всякие упоминания о крупномасштабной или региональной войне почитается за «генеральскую ересь» троглодитов. Такие утверждения обычно преподносятся в самом категорическом, безаппеляционном виде как установки неведомых инстанций.

Известный американский аналитик Ричард Вайц считает, что ключевая цель проводимой в России реформы «состояла в преобразовании вооруженных сил советской эпохи, созданных для ведения глобальной войны с Западом, и в превращении их в оптимальный институт для ведения успешных военных действий в локальных конфликтах и в борьбе с вооруженными формированиями боевиков» (СР 13.12.2012 г.) Так трактует этот вопрос и директор центра анализа стратегий и технологий Р. Пухов («ВПК» 3 (32-35), 2012) и некоторые другие отечественные эксперты.

Относительно характера вооруженной борьбы они утверждают, что никаких массовых сражений и тем более с применением большого количества танков больше никогда не будет, будут в основном боевые столкновения в воздухе и космосе в течение нескольких суток, и на этом все закончится. И еще:

Военные действия будут носить высокоманевренный характер. Никаких сплошных линий фронта не будет, прорывом обороны, централизованным огневым поражением не придется заниматься. Теряет свое былое значение оборона, и действовать придется в основном наступательно. Все цели и объекты противника будут уничтожаться немедленно по мере их обнаружения еще на дальних подступах, и боевые столкновения будут носить бесконтактный характер. Управление войсками будет осуществляться по сетецентрической системе, решения для командиров в нескольких вариантах будут вырабатываться компьютерами, они же будут мгновенно доводить задачи до подчиненных. Одну и ту же обстановку на дисплее будут видеть на расстоянии сотен километров и командующий армией, и солдат, имеющий оружие с дальностью стрельбы 500-700 м.

В военном искусстве останутся стратегия и тактика, оперативное искусство исчезает.

Что на все это можно сказать?

Конечно, характер вооруженной борьбы существенно меняется, военные действия действительно будут носить более высокоманевренный характер, чем в прошлом.

Но и Первая, и Вторая мировые войны начались с высокоманевренных действий, но затем стремление обеспечить фланги и тылы приводили к определенной (может быть в будущем более кратковременной) стабилизации фронта. Тогда приходилось и прорывать оборону, и не только наступать, но и обороняться, а порою и отступать. Уничтожать сразу по мере выявления все цели и объекты противника тоже невозможно – просто на это не хватит боеприпасов, тем более и очень дорогих для высокоточного оружия. Или, скажем, зачем каждому солдату видеть ту же обстановку, что и командарму? Возникает много и других подобных вопросов, на которые нет и, видимо, не будет вразумительного ответа.

Да и что такое – локальная война? По американским взглядам война в Корее начала 50-х годов относится к «конфликтам средней интенсивности», а там с обеих сторон принимало участие около 2,5 млн. человек. Для оккупации Ирака или Афганистана были привлечены войска нескольких десятков стран.

Кроме того, на решение всех этих вопросов будут оказывать свое влияние не только оперативно-стратегические соображения, но и многие геополитические и военно-политические обстоятельства. Например, согласно теории «войн шестого поколения» считалось, что необходимо в первую очередь авиацией, крылатыми ракетами разрушить центры управления, инфраструктуру, важнейшие промышленные объекты и вынудить противостоящую сторону капитулировать. А по группировкам сухопутных войск считалось даже излишним наносить удары и тратить на них боеприпасы.

Если это передовая, ультрасовременная теория, то почему же мы в 2008 г. не стали действовать подобным образом: разрушить города, важнейшие объекты инфраструктуры, аэродромы Грузии и вынудить режим Саакашвили капитулировать, не задействуя наши сухопутные войска?

Во-первых, потому, что нам еще пока нечем так действовать (особенно в авиационном отношении). Во-вторых, чтобы так действовать, должен быть совсем другой геополитический потенциал государства. Агрессия Грузии была подготовлена под эгидой США, и в случае более широких наших действий мы могли столкнуться с США и другими странами НАТО.

Автоматизированные системы управления, робототехника, беспилотные разведывательные и ударные средства, оружие на новых физических принципах внесут много новых изменений в характер военных действий. И Академия военных наук призвана основательно исследовать все эти новые явления в военной науке и в военном искусстве. Но при этом не отрываться от реальной действительности и объективно, предметно и конкретно подходить к изучению новых явлений.

Скажем, например, почему не будет больше танковых сражений? На чем основаны такие суждения? Сейчас на вооружении армий США, КНР, Индии, НАТО, России и других стран десятки тысяч танков и БМП. Куда они денутся с началом войны, оставят их на складах, чтобы не портить новый облик войны или будут утилизировать? Сама объективная обстановка вынудит использовать все виды вооружения, в том числе и танки для решения возникающих боевых задач.

Если уже опыт Великой Отечественной войны совсем потерял свое значение, давайте приглядимся хотя бы к опыту локальных войн, которые ведутся в наши дни, по существу на наших глазах, а в ряде из них с участием людей, некоторые из которых присутствуют в этом зале.

Первые походы в Грозный в 1994-1995 гг. совершались танковыми колоннами. В зоне Персидского залива в 1991 г. воюющие стороны имели свыше 10 тыс. танков. Это больше, чем было в Берлинской операции в 1945 г., где с обеих сторон было 6300 танков; в Прохоровском сражении с обеих сторон – 1200 танков.

Да и борьба с террористами ведется не только мелкими группами. Они могут захватывать целые страны, устанавливать там свою власть, как это произошло в Афганистане. И войсковые, и специальные подразделения, частные военные формирования более 50 стран НАТО участвовали в оккупации этой страны.

США, являющиеся самой мощной воздушно-космической державой, в союзе с другими натовскими войсками не то, чтобы за два-три дня, а вот уже более 20 лет не могут закончить эту войну.

Если мы не хотим ошибиться в оценке назревающих геополитических угроз и определении характера оборонных задач, надо исходить не из навязываемых нам дезинформационных штампов, а трезво и объективно учитывать реально сложившиеся обстоятельства.

ВАЖНЕЙШИЕ КОМПОНЕНТЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Стратегические ядерные силы, сохранение ядерного потенциала приобретает еще большее значение, чем прежде,- в связи с возрастанием информационных, кибернетических и других невоенных и военных угроз и существенным ослаблением сил общего назначения России. Поэтому в рамках выполнения заключенного с США договора о сокращении стратегических вооружений нам необходимо придавать первостепенное значение качественному совершенствованию стратегических ядерных сил и космических средств, всячески противодействовать созданию американского стратегического ПРО.

Активизировать деятельность по вовлечению в процесс сокращения и контроля сил других ядерных держав, в т.ч. Китая.

Положение усугубляется появлением высокоточного стратегического вооружения, способного вывести из строя наше ядерное оружие в самом начале войны. В связи с этим необходимо срочно создавать свое высокоточное стратегические оружие и изыскивать пути преодоления ПРО противника. И, конечно, в наше время нельзя полагаться на всякого рода соглашения и юридические обязательства о ненаправленности ПРО против России.

Надо изыскивать более гарантированные способы противодействия таким угрозам.

И, конечно, невозможно согласиться с утверждениями некоторых экспертов, государственных научных центров, заверяющих, что даже сравнительно небольшого количества ядерного оружия достаточно для сдерживания агрессии, ибо последствия их применения будут все равно катастрофическими. Реально в мире произведено уже более 2 тыс. ядерных взрывов, из них 570 воздушных. Последствия – такие, как есть на сегодняшний день. Поэтому на этот самообман нам лучше не попадаться.

Нельзя забывать также о нарастающих угрозах геофизического и экологического характера, способных привести к катастрофам планетарного масштаба. Это обстоятельство также вынудит международное сообщество продолжать уделять внимание ракетно-космическим технологиям.

Военная угроза состоит также в ускоренном качественном развитии основных видов вооружения в ведущих странах мира, прежде всего, информационных, беспилотных средств, робототехники, преобразующих всю систему боевого применения оружия и военного управления. Широкое применение спецподразделений, террористических и так называемых частных военных формирований, миротворческих сил, манипулирование и насильственное вовлечение в зоны конфликтов населения создает сложную, запутанную обстановку в зоне вооруженных конфликтов, где необходимо учитывать и решать не только оперативно-тактические, но многие социально-политические, а иногда военно-дипломатические вопросы. Совершенно по-другому встают задачи охраны коммуникаций. По опыту Афганистана мы, например, знаем, что в некоторые периоды для этих целей приходилось выделять до 60-70% сил и средств воюющих дивизий.

В наше время уже невозможно, как это было иногда во время Великой Отечественной войны, выделять для охраны штабов, тыловых органов боевые подразделения. Поэтому мы говорим, что все тыловики, техники, медики, юристы и др. должны быть военными. Они, кроме выполнения своих специфических обязанностей, должны быть способны организовывать охрану, умело размещать и перемещать подчиненные подразделения и органы на поле боя. Вообще с навязанной нам тенденцией огражданивания военной службы следовало бы более основательно разобраться.

К сожалению и в наших учебниках по тактике и оперативному искусству, боевых уставах говорится только о том, что и как наступать или обороняться, а по решению других новых задач, в т.ч. по боевому охранению, нет никаких рекомендаций.

Воздушно-космическая оборона. При современном характере вооруженной борьбы центр ее тяжести и основные усилия переносятся в воздушно-космическое пространство. Ведущие государства мира главную ставку делают на завоевание господства в воздухе и космосе путем проведения в самом начале войны массированных воздушно-космических операций с нанесением ударов по стратегическим и жизненно важным объектам по всей глубине страны.

Это требует решения задач ВКО не только сугубо оборонительными средствами ПВО, ПРО, а объединенными усилиями всех видов ВС с решительным применением активных способов действий, ударных средств при централизации управления в масштабе Вооруженных Сил под руководством ВГК и Генштаба ВС РФ. Во время Великой Отечественной войны 89% самолетов противника были уничтожены ИА и в результате ударов по аэродромам.

Уважаемые мною генералы Хюпенен и Москвителев в своей статье в «ВПК» приводят пример того, что во Вьетнаме большая часть самолетов противника была уничтожена зенитными ракетами. Но у вьетнамцев не было сопоставимого количества ударной и истребительной авиации. Кроме ЗРВ больше некому было сбивать самолеты. Поэтому две эти войны несопоставимы. Да и под Свердловском мы сбили один самолет Пауэрса, а потеряли два своих самолета.

О СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОБОРОНОЙ СТРАНЫ

В ноябре 2012 г. президент РФ В.В. Путин внес на рассмотрение в Госдуму проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороне» и некоторые законодательные

акты Российской Федерации», в котором предусматривается внести изменения в федеральные законы «Об обороне», «О мобилизационной подготовке и мобилизации в РФ». Закон «Об обороне» дополняется ст.21, согласно которой в целях планирования и осуществления мероприятий в области обороны разрабатывается План обороны страны, включающий в себя комплекс взаимоувязанных документов по планированию оборонных мероприятий. В ст.22 закона об обороне содержится определение понятия «территориальная оборона», где определяются не только мероприятия федерального, но и регионального уровня в период действия военного положения и чрезвычайного положения. Согласно проекту Закона, предусматривается отнести к полномочиям президента РФ утверждение Положения о Генеральном штабе Вооруженных Сил России. Это означает крупный шаг вперед в совершенствовании стратегического планирования оборонных мероприятий.

В 1991 г. в этом же зале проводилась военно-научная конференция, где поднимался вопрос, был ли у нас до войны план обороны страны, в котором бы увязывались основные мероприятия различных наркоматов по обороне страны. Я, как докладчик, отвечал, что такого плана, к сожалению, не было. Важнейшие мероприятия и задачи по обороне страны находили отражение в «Соображениях по стратегическому развертыванию Вооруженных Сил» и некоторых других документах Госплана и правительства. Мне и Маршалу Советского Союза Д.Т. Язову никто из ветеранов не поверил. Они с возмущением говорили: «Не может быть, чтобы у нас не было единого плана обороны страны».

И вот, наконец, необходимость такого документа на высшем уровне признана, и его предстоит разрабатывать. В нем очень важно обеспечить согласованность стратегических действий ВС с задачами и действиями других силовых ведомств, мобилизационным планом и планом перевода народного хозяйства на военное положение.

С учетом вновь возникших современных угроз целесообразно также планировать и осуществлять согласованные действия в области политико-дипломатической, экономической, информационной, технологической, психологической и других сферах по противодействию этим угрозам и задействованию соответствующих средств для воздействия на противостоящую сторону.

Все эти акции и мероприятия, проводимые по линии МИД, внешнеэкономических связей, разведывательных и контрразведывательных органов Минобороны, МВД, ФСБ, погранслужбы, должны осуществляться под руководством Совета безопасности и правительства.

Для повседневной координации решения оборонных вопросов было бы целесообразно, наряду с повышением роли Генштаба в этих вопросах, наделить министра обороны правами заместителя Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами РФ не только на военное, но и мирное время.

При всех обстоятельствах также требуется повышение роли правительства в решении оборонных вопросов, особенно в части касающейся оборонной промышленности.

В составе правительства, в подчинении Минобороны целесообразно иметь соответствующие управления, которые бы координировали деятельность всех оборонных ведомств, занимались подготовкой ТВД, мобилизационной подготовкой страны, подготовкой населения к защите Отечества.

ОБ ОСНАЩЕНИИ АРМИИ И ФЛОТА НОВЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ

Президентом, Правительством РФ приняты решения по ускоренному оснащению Вооруженных Сил новыми видами оружия и военной техникой. До 2020 г. доля современной техники должна быть доведена до 70%. Назначен новый вице-премьер Дмитрий Олегович Рогозин, возглавивший Военно-промышленную комиссию при Правительстве РФ, который энергично взялся за налаживание сотрудничества с Министерством обороны и другими ведомствами, связанными с оборонно-промышленным комплексом. Создан Общественный совет при ВПК, призванный оказывать научно-техническое содействие и общественную поддержку возрождению оборонно-промышленного комплекса России.

Для того, чтобы все эти начинания приносили положительные результаты, надо понять одно: в российских условиях взаимоотношения между Вооруженными Силами и ОПК не могут строиться на упрощенных рыночных отношениях: производитель – потребитель (заказчик). Нужно выработать механизмы и стимулы взаимной заинтересованности в создании для Вооруженных Сил и других силовых ведомств по-настоящему современного оружия и военной техники. Роль министерства обороны в этих делах должна быть ведущей и генерирующей. Вместе с тем, желательно, не только предъявлять требования к вооружениям, но и всячески помогать промышленности, особенно тесно взаимодействуя между собой на этапах выработки оперативно-тактических требований, проведения научно-исследовательских и научно-конструкторских работ. Во времена Д.Ф. Устинова не только аппарат заместителя министра обороны по вооружению, главкомы видов ВС, но нередко и командующие войсками округов, высшие военные ученые месяцами работали в конструкторских лабораториях, на заводах и испытательных полигонах.

Как уже неоднократно предлагалось, необходимо иметь и отдельное министерство оборонной промышленности, но без прежних хозяйственных функций, с главной задачей координировать деятельность оборонных промышленных предприятий, инициировать инновационные технологии, организовать подготовку необходимых для оборонной промышленности инженерно-технических кадров.

Большие надежды возлагаются на Фонд перспективных исследований, департамент, который будучи связанным с РАН и научно-исследовательскими и конструкторскими учреждениями Минобороны и

ОПК, занимался бы перспективными инновационными технологиями.

Для того, чтобы ликвидировать наше давнее отставание в элементной базе, космической связи, средствах разведки, радиоэлектронной борьбы, автоматизированных средствах сетецентрической системы управления и высокоточного оружия и других современных технологиях – для всего этого недостаточно признать или объявить их приоритетными, как это не раз уже делалось. Необходимо на государственном уровне обеспечить примерно такую же решительную концентрацию финансовых. технологических, интеллектуальных сил и средств для решения этих первоочередных задач, как это было сделано после войны при создании ракетно-ядерного оружия и космических технологий.

При сравнительной слабости нашего экономического потенциала главный упор желательно сделать на асимметричные средства и способы действий. Известно, например, что у современных ведущих государств связь, навигация, разведка и все управление стратегическими ядерными силами, ПРО, высокоточным обычным оружием осуществляется через Космос. Обрушение всей этой системы радиоэлектронными и другими асимметричными средствами может во многом снизить это преимущество противостоящей стороны. Во время войны в Ираке даже простейшие обогреватели, осуществляющие электромагнитные излучения, вынуждали ракеты отклоняться от цели.

Надо, конечно, стремиться, но постоянно создавать лучшие в мире образцы по всем видам оружия мы, пожалуй, никогда не сможем. На каком-то этапе по некоторым видам оружия, возможно, придется и уступать. Но дело не только в самом оружии. Не менее важно разрабатывать тактику его эффективного применения, когда боевые свойства различных видов оружия дополняют друг друга и в какой-то мере нейтрализуют его слабые места.

Мы десятилетиями исходили из положения Энгельса о том, что развитие оружия и техники определяет развитие военного искусства. В принципе это положение остается в силе. Но теперь, когда оружие все больше дорожает, ограничиваться только одной стороной этого дела нельзя. В наше время сама военная наука призвана более предметно и целеустремленно определять основные направления развития вооружений, разрабатывать более конкретные оперативно-стратегические и тактические требования (описание оружия и техники будущего). Влияние этой стороны дела должно возрасти.

Вообще в научной работе целесообразно полнее использовать научный потенциал РАН и других научных центров страны. Как уже говорилось, для координации усилий в этой области в масштабе страны желательно в РАН иметь Совет по оборонным вопросам. Целесообразно также уточнить функции и расширить состав секции по оборонным проблемам при РАН.

В нашей стране, как только возникала новая проблема в оборонной сфере, спешили создать свой научный центр для ее исследования, хотя, как показала жизнь, иногда выгоднее было дать задания в РАН, в другие научные центры и оплатить эти исследования соответствующим образом.

Вообще, как показывает опыт, в ведущих странах, у научных центров, у научно-исследовательских институтов, лабораторий, конструкторского бюро, не должно быть раз и навсегда утвержденного штата. Каждый НИУ создается для решения определенной задачи, соответственно под эту задачу подбираются нужные люди, умы. Появилась новая задача, как правило, меняется структура, подбираются новые люди.

Главное для плодотворности их работы – это тесная, постоянная связь с деятельностью командования и штабов, оперативной и боевой подготовкой, постоянное участие на учениях и испытаниях оружия.

В 1956 году, когда Г.К. Жуков стал министром обороны, он ввел должность первого заместителя министра обороны по военной науке, назначив на эту должность маршала А.М. Василевского. Было создано Главное военно-научное управление во главе с генералом армии Курасовым. Начальниками управлений были назначены начштабов фронтов и командармы. Первые 7-8 лет они принесли большую пользу. Систематизировали и описали все важнейшие операции Великой Отечественной войны, подготовили новые боевые уставы. Но поскольку их не допускали к делам оперативно-стратегического планирования, к новейшим конструкторским работам по новому оружию, они постепенно исчерпали себя. Поэтому первоочередную научную работу в интересах обороны страны нельзя отрывать от Генштаба, главкоматов видов ВС, родов войск. Они должны повседневно вариться в этом общем котле. Когда самые лучшие ученые оторваны от живой практической работы, у них не только нет ответов на новые запросы практики, перед ними сами-то вопросы не возникают, они оказываются в стороне от жизненных запросов. Поэтому такие важнейшие ведущие НИЦ, как ЦВСИ, 46, 27 НИИ, 4 НИИ и другие должны работать под непосредственным руководством соответствующих органов управления. Должна вестись активная научная работа и в вузах, но связанная, главным образом, с учебным процессом и подготовкой научных кадров. Одна из важнейших задач в наше время – совершенствование информационной работы с целью отслеживания и более полного использования в научной и практической работе новейших научных и технических новинок за рубежом и в нашей стране.

Сегодня у меня нет времени подробно говорить о военно-исторической работе. Здесь тоже далеко не все благополучно, особенно по подготовке военных историков нового поколения. Мы представим по этому вопросу отдельные предложения.

О СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ

Особо важной задачей становится совершенствование системы Управления войсками (силами) с учетом современных требований. Без этого мы не сможем реализовать в полной мере весь боевой по-

тенциал армии и флота со всем его новым вооружением.

Весь исторический опыт говорит о том, что самым важным требованием является способность всех органов управления от Ставки ВГК, правительства, Генштаба до самых низовых звеньев перейти на работу в условиях военного времени без существенной перестройки и реорганизации органов управления. При этом стремиться сохранить заложенный еще в мирное время программно-целевой метод планирования процессов военного строительства, рациональное сочетание централизма управления с предоставлением максимальной степени инициативы и самостоятельности всем звеньям управления, высокий профессионализм кадров.

С учетом всего этого необходимо продолжать и преобразование (реформирование) Вооруженных Сил.

Прежде всего, какими они должны быть по составу, организационной структуре и вооружению. Уже принято говорить, что они должны быть компактными, мобильными, оснащенными самыми современными видами оружия и военной техники. Пока одна цель полностью достигнута – они действительно стали компактными. Один ветеран даже придумал соответствующую форму доклада командующего парадом: «Товарищ Министр обороны! Вооруженные Силы РФ в полном составе на Красной площади построены».

Мы в Академии военных наук не располагаем всеми необходимыми экономическими, финансовыми выкладками для того, чтобы обоснованно судить о том – посильны ли и достаточны ли для обороны страны в современных условиях Вооруженные Силы в 1 млн. человек. Но судя по опыту ряда войн, армия такой численности на такой огромной территории, как у нас, решать успешно задачи даже в нескольких конфликтах не в состоянии.

На определенный период Вооруженные Силы могут быть и такими, как они переформированы в последнее время. Но надо реально отдавать себе отчет в том, что, например, общевойсковые бригады по своему боевому составу в 2,5-3 раза слабее, чем мотострелковые и танковые дивизии. Поэтому на военное время надо их подкрепить минимально необходимым мобилизационным резервом, примерно в том виде, как это организовано в США в структуре национальной гвардии, организованного резерва и подготовки офицеров в гражданских университетах.

Войска с первых дней боевых действий несут потери, которые в условиях применения высокоточного оружия могут возрасти. Даже во время чеченских событий приходилось спешно собирать людей со всех концов страны, снимая даже с кораблей ТОФ. Для того, чтобы не заниматься такими скоропалительными действиями, нужны заранее подготовленные резервные формирования, которые занимались бы восполнением потерь, усиливали группировки войск на важнейших операционных направлениях. И дело не только в штатном составе соединений и частей. Нужно иметь резервные компоненты ВГК и стратегических командований – авиационные, артиллерийские, ПВО, инженерные и другие.

Известно, например, что во время войны по штату в наших стрелковых, механизированных соединениях артиллерии было меньше, чем в аналогичных немецких дивизиях. У немцев это приводило к тому, что артиллерия на некоторых участках фронта бездействовала, тогда как наличие у нас артиллерии РВГК позволяло оперативно перебрасывать и более массированно использовать ее на решающих направлениях. В целом за войну это выразилось в том, что у нас постоянно в активных боевых действиях участвовало более 60% всей имеющейся артиллерии, а в германской армии только 42-48%.

С точки зрения организационной структуры для ведения боевых действий с регулярными войсками на больших пространствах, конечно, наиболее подходящей и проверенной на опыте являются дивизионная структура, состоящая из полков и других необходимых частей. И на случай возникновения крупномасштабной войны, особенно на Востоке, в резервных компонентах целесообразно предусмотреть формирование мотострелковых и танковых дивизий.

В этом случае имеющиеся более подвижные бригады постоянной боевой готовности будут предназначаться в первую очередь для быстрого выдвижения вперед, прикрытия развертывания главных сил и для самостоятельного выполнения боевых задач в ограниченных военных конфликтах.

Что касается реформирования системы организации военной службы, в том числе некоторых аспектов ее гуманизации, то хотелось, чтобы при этом учитывались некоторые обстоятельства опыта прежних реформ.

Мы внимательно изучили опыт всех реформ в России от Петра до сегодняшних дней и не только по книжкам и статьям, а в основном по официальным документам, отчетам из войск. Этот, взятый в совокупности опыт, являет одну интересную закономерность. Обычно, когда вводятся нововведения в какой-либо отрасли деятельности, реформаторы обычно обращают внимание и стараются показать только ее положительные стороны, но в любом, даже в хорошем начинании или решении, как правило, бывают заложенными пока, может быть, еще незаметные, но все больше дающие о себе знать отрицательные нюансы. И если их заранее не увидеть, не учесть еще в зародыше реформы и не предусмотреть какие-то решения и меры по нейтрализации этих отрицательных моментов, они затем могут превратиться в неразрешимые проблемы, сводя порой на нет и подтачивая то хорошее, что было заложено в реформу с самого начала.

Вот проявили заботу о солдате и избавили его от такой тягости, как несение караульной службы. А ведь во всех армиях всегда несение караульной службы считалось выполнением боевой задачи. Часовой стоит ночью один где-то на отшибе, приучается преодолевать страх, одиночество, закаляет волю и свою психику. Если ему два раза в день читать лекции, проводить беседы о том, чтобы он становился муже-

ственным, смелым, у него можно вызвать желание стать таким, но только при помощи бесед он ни смелым, ни мужественным не станет. Если он периодически будет нести караульную службу, то он постепенно выработает у себя морально-боевые качества, которые потом солдату будут нужны при несении службы в дозоре, боевом охранении, разведке и при выполнении других задач.

Кроме того, вся организация военной службы должна быть подчинена интересам обеспечения высокой боеспособности и готовности войск. Исходя из этого, мы формально стремились создать полностью укомплектованные бригады, готовые через час выступить для выполнения боевых задач. Но тут же был отдан приказ, что все солдаты, сержанты, офицеры в субботу – воскресенье должны увольняться чуть ли не в принудительном порядке. В случае внезапного нападения противника, как это было 22 июня 1941 г. или 8 декабря в Перл-Харборе, от боевой готовности реформированных частей мало что остается. В американской же армии, наряду с правом на увольнение, уставами и дополнительными инструкциями установлено, какой процент этих военнослужащих увольняется, для остающихся на службе сержантов и офицеров предусмотрена дополнительная оплата.

Наша гуманизация военной службы предусматривает также запрет на привлечение военнослужащих на уборку снега и другие работы. В субботу и воскресенье аутсорсинг не работает, вызвать его невозможно. Но если не расчистить территории парков, дороги, полк по тревоге не сможет выйти в назначенный район. Если командир распорядится о расчистке дорог, на него правозащитники, так называемые комитеты матерей, пишут доносы, жалобы и тем самым создается кляузная, нездоровая обстановка.

Вообще, на наш взгляд, систему этих аутсорсингов нужно в корне пересмотреть: издать законы, предусматривающие, в случае войны, перевод их на военное положение и полное подчинение командирам частей. Иначе тыловое и техническое обеспечение будет сорвано, что уже произошло на некоторых учениях.

По вопросам военного образования мы в принципе поддерживаем те уточнения и решения, которые в последнее время приняты министром обороны генералом армии С.К.Шойгу. Хочу только особо подчеркнуть, что главнокомандующие видами, командующие (начальники) родами войск (служб) не могут быть какими-то заказчиками подготовки офицерских кадров. Подготовка офицерских кадров – это их важнейшая обязанность. Никто, кроме главкомата с его высококвалифицированными специалистами не может обеспечить вузы сложнейшей учебно-материальной базой, программами обучения и учебной литературой.

При всех обстоятельствах обучение в основных видовых академиях должно быть не более двух-трех лет.

Бакалавровская система, предусматривающая основную подготовку в училище (институте) и затем только дополнительную подготовку в течение года в академиях видов ВС, для военной службы не годится. Вопросы управления в оперативно-стратегическом звене настолько стали сложными, что курсант училища по своему развитию и жизненному опыту еще просто не готов к восприятию этих знаний и практических навыков. Это равносильно тому, что начать с первого класса преподавать высшую математику.

Надо более внимательно подойти и к функциям военной полиции. Пусть они несут гарнизонную, комендантскую службу, но они не должны вмешиваться во внутренние дела подразделений и частей. Там есть свои командиры и начальники.

Нет также надобности заниматься искусственным делением обязанностей начальников на оперативные и административные. Командир – единоначальник. За все дела в части, соединении, объединении он должен отвечать в полной мере.

Для того, чтобы убедиться в жизненности произведенных преобразований оргструктуры Вооруженных Сил и других силовых ведомств, новой системы военного управления – напрашивается необходимость проведения командно-штабного учения или военной игры под непосредственным руководством Верховного Главнокомандующего и министра обороны со всеми органами стратегического управления Военной организации РФ, которые должны выполнять возложенные на них функции, действовать на учении в роли обучаемых, с «закрытыми» картами. Это позволит на деле проверить и наглядно увидеть все позитивные и негативные моменты в оргструктуре и подготовке органов управления и сделать необходимые выводы. Члены АВН, имея в этих делах большой опыт, могли бы использованы в штабе руководства и в качестве посредников.

Вообще, желательно отказаться от показного характера большинства учений и максимально приблизить к условиям выполнения предстоящих боевых задач.

О МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ВОЙНЫ

На характер вооруженной борьбы будут оказывать существенное влияние также информационная, кибернетическая, радиоэлектронная, психологическая и другие так называемые «невоенные» формы и средства борьбы.

Уже в мирное время, когда война еще не объявлена, идет интенсивное массированное воздействие на людей и особенно военнослужащих.

Недопустимо, когда совершенно незнакомые с существом военного дела так называемые «эксперты», прочно окопавшиеся в наших СМИ, берутся судить о вопросах, о которых они понятия не имеют, и особенно, когда они распространяют самый опасный вирус, внушая молодежи никчемность идей защиты Отечества и необходимости военной службы.

Эти задачи не просто было решать и в прошлом, когда школа, вузы, вся культура, искусство, общественные организации настраивали воинов и молодежь на нужный в этом отношении лад. Не трудно

себе представить, в какое положение попадают командиры и их заместители по воспитательной работе, когда СМИ и некоторые общественные организации работают в негативном направлении. Если так дело пойдет и дальше, мы можем обрушить все духовные основы – главный фундамент военной службы и организации обороны страны.

Совершенно нетерпимо, когда по стране 200 тыс. юношей бегают, избегая призыва на военную службу. Желательно принять более строгие меры за уклонение от военной службы и подстрекательство (публикации всяких инструкций по уклонению от призыва).

Что мы могли бы предложить, чтобы избежать этих отрицательных последствий? В прошлом году мы уже говорили об этом, но, по существу, ничего из предложенного не воспринимается.

Во-первых, эту патриотическую работу должен возглавить властный государственный орган. Эта задача может быть возложена на недавно созданный департамент в Администрации президента РФ, который будет заниматься осуществлением общественных проектов, но при этом расширив и уточнив его функции с учетом изложенных выше обстоятельств.

Если это предложение почему-либо неприемлемо, можно было бы ввести положение, в соответствии с которым ГУВР, оставаясь в составе Минобороны, получило бы возможность работать на правах одного из департаментов (управлений) Администрации президента или Правительства РФ и наделялось бы дополнительными полномочиями по координации деятельности соответствующих государственных и общественных организаций, имеющих отношение к подготовке молодежи к военной службе.

Надо поднять положение и авторитет Главного управления по работе с личным составом и называть его хотя бы Главным управлением воспитательной работы, ибо с личным составом должны работать все командиры, начальники родов войск и служб. В этом управлении должны работать, говоря старым языком, не одни политработники, но и командиры, офицеры штабов, имеющие склонность и способности к воспитательной работе. Надо избавляться от прежней кастовости и корпоративности этого управления, чтобы у нас в Вооруженных Силах была единая офицерская семья и единая ветеранская организация. С учетом всего этого, желательно совершенствовать формы и методы воспитательной работы, решительно избавляясь от казенщины, шаблона и формализма.

Во-вторых, следовало бы поднять качество и действенность занятий по государственно-правовой подготовке личного состава и, прежде всего, с офицерским составом.

Видимо, нельзя эту работу взваливать на плечи только командиров подразделений и их заместителей по воспитательной работе. Учитывая, что много фальсификаций в области военной истории, негативных необоснованных слухов о положении дел в стране, военной реформе, в области организации обороны страны – нужно разъяснять ряд актуальных проблем на более квалифицированном уровне. К этой работе в плановом порядке желательно систематически привлекать командиров старшего звена, в т.ч. из главкоматов и штабов родов войск и служб.

Совсем другое значение, чем раньше, приобретают и Дома офицеров. Они должны быть центрами патриотического воспитания, очагами патриотического кино, спектаклей, библиотек, лекционной работы и не только для офицеров и их семей, но и гражданской молодежи, ветеранов.

Нужно, чтобы более активно помогала в этих делах и наша военная печать. Насколько нам известно, предполагается сформировать для этой цели медиахолдинг, который осуществлял бы выпуск военных газет, журналов, занимался подготовкой фильмов и телепередач. При этом надо учесть печальный опыт «Оборонсервиса». Во главе административной, хозяйственной, технической работы могут стоять опытные менеджеры. Но содержание и направленность журналов и газет должны определять соответствующие органы управления: например, «Военную мысль» и «Военно-исторический журнал» – Генштаб (ГОУ), «Ориентир» – ГУВР, «Морской сборник» – ГК ВМФ и т.д. Положение дел с военной печатью в настоящее время нельзя признать благополучным.

Достаточно сказать, что к 200-летию Бородинского сражения были опубликованы различные статьи, и через 200 лет во всех этих журналах разные данные о численности, потерях и действиях сторон.

В-третьих, целесообразно резко поднять роль и ответственность военкоматов в деле подготовки молодежи к военной службе во взаимодействии с местными органами власти и общественными организациями. Для этого военком обязательно должен быть военным человеком, в военкоматы надо направлять наиболее опытных офицеров, поднимать их положение и авторитет.

Вообще, наряду с совершенствованием воспитательной работы в ВС, совместно с государственными и общественными организациями в центре и на местах поднимать авторитет защитника Отечества, начиная от молодого допризывника и кончая заслуженными ветеранами войны, авторитет участников всех войн и военных конфликтов, ветеранов военной службы. Это невозможно заменить никаким наращиванием в принципе очень нужной контрактной службой. Веками и опытом всех войн уже доказано, что за хорошие деньги контрактник в мирное время будет хорошо служить, но умирать за деньги он не будет.

Возрождение патриотизма, о чем говорил президент РФ, идей защиты Отечества, преданности своей Родине в толще самого народа должна стать важнейшей государственной задачей, первейшей заботой всего общества. Ибо все, это есть одновременно и в своей совокупности – накопление того бесценного человеческого потенциала, без которого ни инновационное развитие страны, ни перевоору-

жение армии и флота, ни их коренное преобразование невозможны.

Некоторые правозащитники настаивают на том, что поскольку не хватает призывников, многие из них не в состоянии служить по здоровью, нужно вообще отказаться от призывной системы. Но это не выход из создавшегося положения. Если так будет продолжаться, то не только служить, но и работать будет некому, не из кого будет брать контрактников. Есть только один реальный путь: надо серьезно заняться здравоохранением молодежи, ввести в школах, хотя бы в сельской местности, бесплатное питание, заняться должным образом допризывной подготовкой молодежи, всем нам всемерно содействовать работе ДОСААФ, спортивных и иных общественных организаций.

НАШИ ЗАДАЧИ НА СЛЕДУЮЩИЙ ГОД

Президиумом АВН подготовлен проект плана работы на следующий год. На основе его необходимо разработать соответствующие планы в отделениях, секциях и личные планы каждого члена академии.

Содержание и направленность научной работы академии диктуются самой жизнью, объективными потребностями обеспечения оборонной безопасности в сложившихся условиях. В соответствии с задачами, поставленными перед Академией Указом президента РФ № 173 – 1995 г., необходимо постоянно отслеживать изменение характера угроз безопасности России, способы противодействия им путем умелого сочетания невоенных и военных средств, формы и способы ведения военных действий с учетом сложного, многослойного характера современных вооруженных конфликтов.

Продолжать углубленное исследование проблем стратегического сдерживания, уделив первостепенное значение развитию СЯС, способам противодействия ПРО и созданию современной ВКО.

Извлечь уроки из того, что происходит на Ближнем Востоке. При решении задач национальной безопасности больше уделить внимания проблемам внутренней безопасности, духовным основам военной мощи государства, морально-психологической подготовке личного состава.

Для достижения всех этих целей необходимо, конечно, активизировать работу всех отделений, всех членов академии, добиваться более эффективной деятельности и востребованности нашей научной работы, более настойчиво добиваться их реализации.

Всем отделениям нужно больше уделить внимания военно-историческим вопросам, в частности, достойному проведению 70-летия Сталинградской и Курской битв.

Продолжать исследования уроков и выводов, вытекающих из опыта начального периода Великой Отечественной войны, локальных войн XX – начала XXI веков и их влияния на развитие современного военного искусства, активно противодействовать фальсификации отечественной военной истории. Продолжать участие в подготовке новой 12 – томной истории Великой Отечественной войны.

С учетом всего этого, желательно, организовать нашу работу на следующий год.

ВЫСТУПЛЕНИЕ
заместителя председателя Правительства Российской Федерации
Д.О. РОГОЗИНА

ПУТИ АКТИВИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Год назад я был на заседании Академии военных наук и тогда приходилось говорить о планах по усилению нашей работы между промышленностью и Вооруженными Силами. Прошел год спустя нашей первой встречи, и сказать о том, что произошел коренной перелом в отношениях между промышленностью и Главным заказчиком, Минобороны, пока еще рано, но если пользоваться терминологией военной истории, то Московское сражение мы уже выиграли. Что удалось сделать за 2012 год, каковы оказались показатели работы российской оборонной промышленности? Какие задачи, поставленные Правительством и Военно-промышленной комиссией, – наладить нормальный, конструктивный, профессиональный диалог между МО и промышленностью – еще полностью не решены?

В декабре прошлого года произошли два важных для реализации политики Российской Федерации события в области обороны и безопасности. Это принятие федерального закона о гособоронзаказе и утверждение правительством Российской Федерации государственного оборонного заказа на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов.

Своевременная и качественная реализация гособоронзаказа важна не только для обеспечения обороны и безопасности страны, но и для стабильного экономического и социального развития регионов России.

Как и всякое масштабное мероприятие, выполнение оборонного заказа не может идти абсолютно гладко. И наша с вами задача – оперативно обнаруживать и решать возникающие в этой сфере проблемы.

Основной целью нашего совещания считаю подготовку предложений по координации усилий федеральных и региональных ветвей исполнительной власти для своевременного и качественного выполнения заданий гособоронзаказа в текущем году на основе уже приобретенного опыта.

Коротко остановлюсь на основных направлениях нашей работы в прошедшем году. К ним относятся:

изменение системы контроля Военно-промышленной комиссией результатов размещения заданий государственного оборонного заказа;

внесение в Государственную Думу и принятие федерального закона о гособоронзаказе;

возложение на Правительство Российской Федерации руководства Федеральной службой по оборонному заказу, осуществляющей функции по контролю (надзору) в сфере ГОЗ и т.п.

Этап работа принесла свои плоды.

Так, окончательные результаты размещения уточненного ГОЗ-2012 в части ВВСТ для нашего основного заказчика – Минобороны России составили 99%, в части правоохранительных органов и органов безопасности – 99,9%, в части госкорпорации «Росатом» – 100% и т.п.

Теперь необходимо творчески развить эти наработки и активно использовать их в текущем году.

Основные задачи, которые предстоит решить в рамках ГОЗ-2013-2015:

Выполнение положений Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 603.

Комплектное переоснащение частей и соединений Вооруженных Сил Российской Федерации, а также органов правоохранения и безопасности современными образцами ВВСТ.

Создание научно-технического задела для модернизации ВВСТ и перевооружения Вооруженных Сил Российской Федерации и правоохранительных органов и органов безопасности.

Сохранение и развитие важнейших научно-технических и производственных мощностей оборонно-промышленного и ядерного оружейного комплекса, а также инфраструктуры военной компоненты государства.

Реализация мероприятий Комплексного плана обеспечения безопасности XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи.

Поддержание мобилизационного потенциала государства.

Обеспечение повседневной деятельности военной компоненты государства, в том числе продовольствием, вещевым имуществом, специальным топливом и горючим.

Обеспечение реализации международных договоров по ликвидации, сокращению и ограничению вооружений, уничтожению запасов химического оружия.

Реализация оборонного заказа в текущем году будет иметь ряд особенностей.

Мы повсеместно будем требовать и от государственных заказчиков, и от исполнителей жесткого соблюдения положений основного руководящего документа в области реализации гособоронзаказа – постановления правительства Российской Федерации о ГОЗ на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов.

Впервые при формировании оборонного заказа были использованы технические и программные средства государственной автоматизированной системы оценки финансово-технологических рисков, возникающих при выполнении гособоронзаказа (ГАС ГОЗ). В дальнейшем, по мере ее развертывания эта система станет одним из основных инструментов разработки, размещения и реализации оборонного заказа.

Расширение практики выполнения заданий оборонного заказа за счет привлечения предприятиями ОПК кредитных средств под государственные гарантии Российской Федерации.

Активное использование выездных региональных совещаний в качестве площадки для решения проблем, возникающих при выполнении ГОЗ.

Формирование нового мобилизационного плана экономики Российской Федерации, соответствующего новому облику Вооруженных Сил и обеспечивающего качественное решение войсками (силами) возложенных на них задач.

Реализация гособоронзаказа будет проводиться уже с опорой на новый федеральный закон по ГОЗ.

И последнее. Хочу всех пригласить, все руководство АВН 20 марта в ВПК в связи с 60-летием создания Военно-промышленной комиссии, которая была образована еще в 1953 году как специальный комитет при Совете Министров СССР, во главе которого стоял Берия. Комитет занимался проблемными вопросами развития ракетной техники и атомного оружия. Нашей ВПК, которая является наследником этого специального комитета, исполняется 60 лет. Мы 20 марта будем проводить военно-научную конференцию для организации и проведения глубокого, серьезного разговора между военной наукой, военной промышленностью и Вооруженными Силами.

Ожидается 240 участников, практически весь промышленный пласт – генеральные конструкторы, представители оборонных ведомств и т.д. Хотелось бы, чтобы и члены АВН также принимали в этой работе самое активное участие.

2 февраля мы с вами отмечаем 70-летие победы советских войск над немецко-фашистскими войсками в Сталинградской битве. Как председатель комитета, назначенного Президентом РФ, хочу вас поздравить с предстоящим юбилеем и сказать, что для нас, для нашей будущей научно-технической революции тоже необходима наша Сталинградская битва и победа. Будем работать над этим. Будем стараться стать достойными тех, кто в далеком 1943 году защитил нашу страну и в 1945-м одержал окончательную победу.

Слава России!

ВЫСТУПЛЕНИЕ
начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации – первого заместителя Министра обороны Российской Федерации генерал-полковника В.В. ГЕРАСИМОВА

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФОРМ И СПОСОБОВ ПРИМЕНЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ, АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ВОЕННОЙ НАУКИ ПО ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ

Уважаемые товарищи!

Благодарю Вас за предоставленную возможность выступить перед участниками военно-научной конференции Академии военных наук.

В XXI веке прослеживается тенденция стирания различий между состоянием войны и мира. Войны уже не объявляются, а начавшись – идут не по шаблону, к которому мы привыкли.

Опыт войн, вооруженных конфликтов, в том числе связанных с так называемыми «цветными революциями» в Северной Африке и на Ближнем Востоке, подтверждает, что вполне благополучное государство за считанные месяцы и даже дни может превратиться в арену ожесточенной вооруженной борьбы, стать жертвой иностранной военной интервенции, погрузиться в пучину хаоса, гуманитарной катастрофы и гражданской войны.

Конечно, легче всего сказать, что события «Арабской весны» – это не война, поэтому нам, военным, там изучать нечего. А может быть наоборот, именно эти события – и есть типичная война XXI века?

По масштабам жертв и разрушений, катастрофическим социальным, экономическим и политическим последствиям такие военные конфликты нового типа сравнимы с последствиями самой настоящей войны.

Вместе с тем и сами «правила войны» существенно изменились.

Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превзошли военные средства.

Акцент используемых методов противоборства смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, реализуемых с задействованием протестного потенциала населения. Все это дополняется военными мерами скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и действиями сил специальных операций. К открытому применению военной силы, зачастую под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования, переходят только на каком-то этапе, в основном для достижения окончательного успеха в конфликте.

Отсюда вытекает закономерный вопрос: что такое – современная война? К чему надо готовить вооруженные силы? Чем они должны быть вооружены?

Только ответив на эти вопросы, мы сможем определить направления строительства и развития Вооруженных Сил на долгосрочную перспективу.

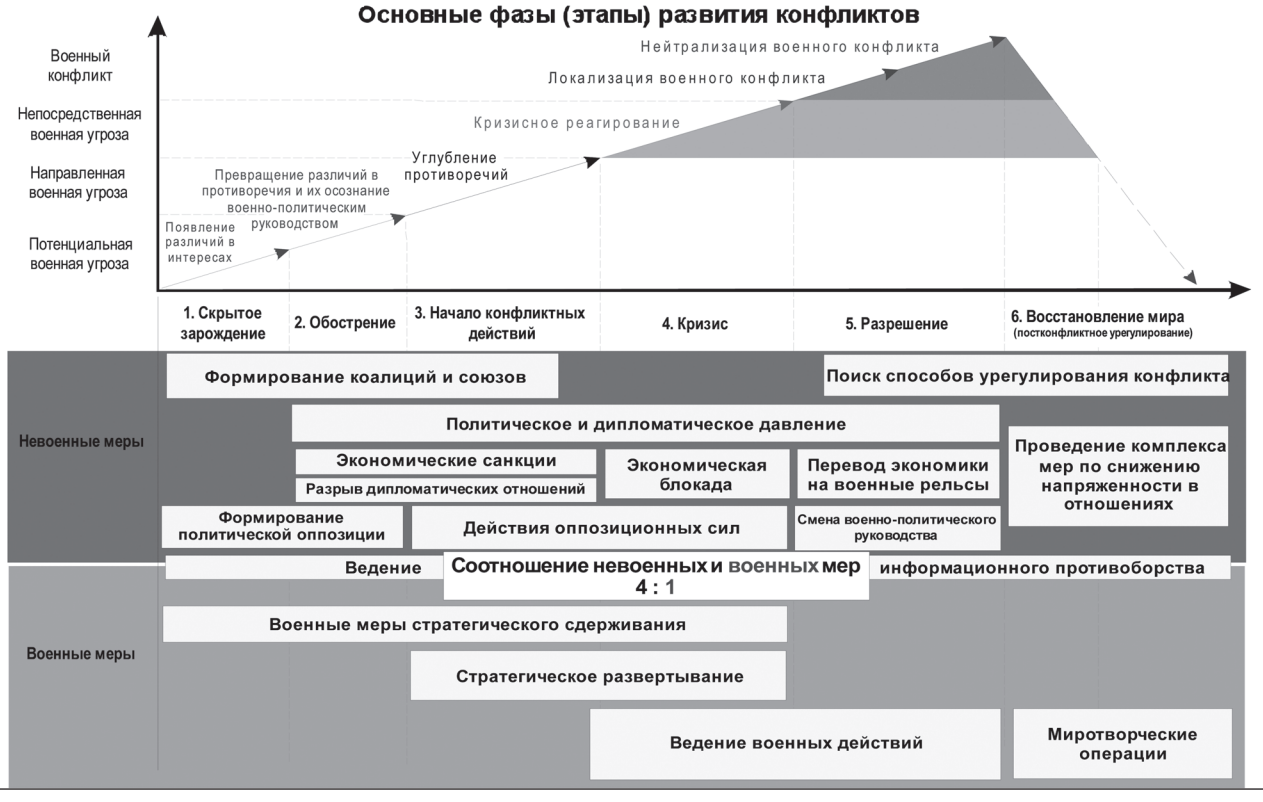
А для этого мы должны четко себе представлять, какие формы и способы их применения мы будем использовать.

В настоящее время, наряду с традиционными, внедряются нестандартные приемы. Повышается роль мобильных межвидовых группировок войск, действующих в едином разведывательно-информационном пространстве за счет использования новых возможностей систем управления и обеспечения. Военные действия становятся более динамичными, активными и результативными. Исчезают тактические и оперативные паузы, которыми противник мог бы воспользоваться.

Новые информационные технологии позволили значительно сократить пространственный, временной и информационный разрыв между войсками и органами управления.

Фронтальные столкновения крупных группировок войск (сил) на стратегическом и оперативном уровнях постепенно уходят в прошлое.

РОЛЬ НЕВОЕННЫХ МЕТОДОВ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Достижение политических целей

Применение военной силы

Традиционные формы и способы

- ❑ начало военных действий **после стратегического развертывания**
- ❑ **фронтальные столкновения крупных группировок войск**, основу которых составляют сухопутные войска
- ❑ поражение живой силы и огневых средств, **последовательное овладение рубежами** и районами с целью захвата территории
- ❑ **разгром противника**, разрушение экономического потенциала и овладение его территорией
- ❑ ведение боевых действий на суше, в воздухе и на море
- ❑ управление группировками войск (сил) **в рамках строго выстроенной иерархической структуры** органов управления

Использование политических, дипломатических, экономических и других невоенных мер в сочетании с применением военной силы

Новые формы и способы

- ❑ **начало военных действий** группировками войск (сил) мирного времени
- ❑ **высокоманевренные бесконтактные** боевые действия межвидовых группировок войск
- ❑ снижение военно-экономического потенциала государства **поражением критически важных объектов** его военной и гражданской инфраструктуры в короткие сроки
- ❑ **массированное применение ВТО**, широкомасштабное использование **сил специальных операций**, а также **роботизированных комплексов** и **оружия на новых физических принципах**, участие в боевых действиях **военно-гражданского компонента**
- ❑ **одновременное воздействие** на войска и объекты противника на всю глубину его территории
- ❑ вооруженная борьба одновременно **во всех физических средах** и **информационном пространстве**
- ❑ применение **асимметричных и непрямых действий**
- ❑ управление силами и средствами **в едином информационном пространстве**

Дистанционное бесконтактное воздействие на противника становится главным способом достижения целей боя и операции. Поражение объектов противника осуществляется на всю глубину его территории. Стираются различия между стратегическим, оперативным и тактическим уровнями, наступательными и оборонительными действиями.

Применение высокоточного оружия приобретает массовый характер. В военное дело активно внедряются оружие на новых физических принципах и роботизированные системы.

Широкое распространение получили асимметричные действия, позволяющие нивелировать превосходство противника в вооруженной борьбе. К ним относятся использование сил специальных операций и внутренней оппозиции для создания постоянно действующего фронта борьбы на всей территории противостоящего государства, а также информационное воздействие, формы и способы которого постоянно совершенствуются.

Происходящие изменения находят отражение в доктринальных взглядах ведущих государств мира и апробируются в военных конфликтах.

Уже в ходе операции ВС США в Ираке «Буря в пустыне» в 1991 году на практике были реализованы концепции «Глобальный размах – глобальная мощь» и «Воздушно-наземная операция». В операции «Свобода Ираку» в 2003 году военные действия велись в соответствии с концепцией «Единая перспектива-2020».

В настоящее время разработаны концепции «Глобального удара» и «Глобальной ПРО», которые предусматривают нанести в течение нескольких часов поражение объектам и войскам противника практически в любой точке Земного шара и при этом гарантированно не допустить неприемлемого ущерба от его ответного удара.

В США воплощаются в жизнь положения концепции «Глобально интегрированных операций», направленной на создание в кратчайшие сроки высокомобильных межвидовых группировок войск (сил).

В последних конфликтах появились новые способы ведения военных действий, которые нельзя рассматривать как исключительно военные. Примером является операция в Ливии, где создавалась бесполетная зона, применялась морская блокада, широко использовались частные военные компании при их тесном взаимодействии с вооруженными формированиями оппозиции.

Надо признать, что если мы понимаем сущность традиционных военных действий, которые ведут регулярные вооруженные силы, то об асимметричных формах и способах действий наши знания поверхностны.

В этих условиях роль военной науки заключается в создании целостной теории асимметричных действий, и в этом могли бы помочь работы и исследования Академии военных наук.

При этом, рассуждая о новых формах и способах вооруженной борьбы, мы не должны «забывать» отечественный опыт. Это – применение партизанских формирований в годы Великой Отечественной войны, борьба с иррегулярными формированиями в Афганистане и в Чеченской Республике.

Хочу подчеркнуть, что в ходе войны в Афганистане зародились и утвердились специфические формы и способы ведения вооруженной борьбы. В их основе лежали внезапность, высокие темпы выдвижения, умелое применение тактических воздушных десантов и обходящих отрядов, что в совокупности позволяло упреждать действия противника, наносить ему ощутимые потери.

Еще одним фактором, влияющим на изменение содержания современных способов военных действий, являются применение современных робототехнических комплексов военного назначения и исследования в области искусственного интеллекта.

В дополнение к летающим сегодня «беспилотникам», завтра поле боя будет наполнено шагающими, ползающими, прыгающими и летающими роботами. В недалеком будущем возможно создание полностью роботизированных формирований, способных вести самостоятельные боевые действия.

Как воевать в таких условиях? Какими должны быть формы и способы действий против роботизированного противника? Какие нам нужны роботы и как их применять? Уже сейчас наша военная мысль должна задуматься над этими вопросами.

Важнейший блок проблем, требующий пристального внимания, связан с совершенствованием форм и способов применения группировок войск (сил).

Формы и способы военных действий по опыту войны в Афганистане

- Воздушно-наземный мобильный характер форм и способов ведения военных действий
- Объемный характер форм применения войск (сил) и усиление зависимости успеха операции от борьбы в воздухе
- Необходимость одновременного воздействия на противника на всю глубину его построения
- Повышение роли разведки, РЭБ и управления войсками (силами)
- Рост значимости маневра для наращивания усилий
- Окружение (охват) крупной группировки противника с последующим ее расчленением и уничтожением по частям или сжатием кольца окружения
- Боевые действия соединений и частей армии по отдельным зонам в общем районе операции
- Охват по воздуху, блокирование группировки противника в изолированном горном районе и разгром его с подходом главных сил

Необходимо переосмыслить содержание системы форм стратегических действий Вооруженных Сил Российской Федерации. Уже сейчас возникают вопросы: есть ли необходимость в таком количестве стратегических операций? Каких и сколько стратегических операций нам потребуется в будущем?

Пока эти вопросы остаются открытыми.

Есть и другие проблемы, с которыми мы сталкиваемся в своей повседневной деятельности.

Сейчас мы находимся на завершающем этапе формирования системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. В этой связи актуальным является вопрос развития форм и способов действий привлекаемых к ней сил и средств.

Генеральный штаб эту работу уже ведет. Предлагается Академии принять в ней самое активное участие.

Информационное противоборство открывает широкие асимметричные возможности по снижению боевого потенциала противника. В Северной Африке мы стали свидетелями действенности технологий воздействия на государственные структуры и население с помощью информационных сетей. Необходимо совершенствовать действия в информационном пространстве, в том числе по защите собственных сетей и объектов.

Операция по принуждению Грузии к миру выявила отсутствие единых подходов к применению формирований Вооруженных Сил за пределами территории Российской Федерации.

Нападение на американское консульство в ливийском городе Бенгази в сентябре 2012 г., активизация пиратских действий, недавний захват заложников в Алжире подтверждают значимость построения системы вооруженной защиты интересов государства за пределами его территории.

Несмотря на то, что дополнения в Федеральный закон «Об обороне», позволяющие оперативно использовать формирования Вооруженных Сил за пределами территории Российской Федерации, внесены еще в 2009 году, формы и способы их действий не определены.

Кроме того, на межведомственном уровне не решены вопросы обеспечения оперативного использования.

К их числу относятся: введение упрощенных процедур пересечения государственной границы, использования воздушного пространства и территориальных вод иностранных государств, порядок взаимодействия с властями страны пребывания и другие.

Необходимо проведение совместной работы с научными организациями заинтересованных министерств и ведомств по данной проблематике.

Одной из форм применения формирований Вооруженных Сил за пределами территории Российской Федерации является миротворческая операция. В ее содержание, кроме традиционных способов действий войск, могут входить и специфические. Это могут быть специальные, гуманитарные, спасательные, эвакуационные, санитарно-кордонные и другие действия. В настоящее время их классификация, сущность и содержание четко не определены.

ОПЕРАТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Федеральный закон «Об обороне»)

Цели оперативного использования:
– защита интересов Российской Федерации и ее граждан;
– поддержание международного мира и безопасности

Решаемые задачи:

1. Отражение вооруженного нападения **на формирования Вооруженных Сил Российской Федерации**, другие войска или органы, дислоцированные за пределами территории Российской Федерации

2. Отражение или предотвращение вооруженного нападения на другое государство, обратившееся к Российской Федерации с соответствующей просьбой

3. Защита граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации от вооруженного нападения на них

4. Борьба с пиратством и обеспечение безопасности судоходства

Кроме того, сложные и многоплановые задачи миротворчества, которые, возможно, придется решать регулярным войскам, требуют создания принципиально иной системы их подготовки. Ведь задача миротворческих сил состоит в том, чтобы развести конфликтующие стороны, защитить, спасти мирное население, содействовать снижению потенциала враждебности и наладить мирную жизнь.

Все это требует научной проработки.

Особую актуальность в современных конфликтах приобретает защита населения, объектов и коммуникаций от действий сил специальных операций противника в условиях возрастания масштабов их применения. Решение этой задачи предусматривается организацией и ведением территориальной обороны.

До 2008 года, когда численность армии на военное время составляла более 4,5 миллионов человек, задачи территориальной обороны решались исключительно Вооруженными Силами. Но условия изменились. Теперь противодействие диверсионно-разведывательным и террористическим силам возможно организовать только комплексным применением всех «силовых» структур государства.

Такая работа Генеральным штабом развернута. Она основывается на уточнении подходов к организации территориальной обороны, которые нашли свое отражение во вносимых изменениях в Федеральный закон «Об обороне».

С принятием законопроекта предстоит уточнить систему управления территориальной обороной, законодательно закрепить роль и место в ее ведении других войск, воинских формирований, органов и иных государственных структур.

Требуются, в том числе и от военной науки, обоснованные рекомендации по порядку использования разноведомственных сил и средств при выполнении ими задач территориальной обороны, способам борьбы с террористическими и диверсионными силами противника в современных условиях.

Опыт ведения военных действий в Афганистане и Ираке показал необходимость проработки совместно с научными структурами других министерств и ведомств Российской Федерации роли и степени участия Вооруженных Сил в постконфликтном урегулировании, выработки перечня задач, способов действий войск, установления пределов применения военной силы.

Важным вопросом является развитие научно-методического аппарата поддержки принятия решений с учетом межвидового характера группировок войск (сил). Необходимо провести исследование их интегральных возможностей, сочетающих потенциал всех входящих в их состав войск и сил.

Проблема здесь заключается в том, что существующие модели операций и боевых действий не позво-

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ВОЕННОЙ НАУКИ

- **Развитие форм применения Вооруженных Сил**
- **Совершенствование форм и способов, применения войск (сил), привлекаемых для решения задач ВКО**
- **Организация и ведение территориальной обороны в современных условиях**
- **Развитие теоретических основ миротворческих операций, применения Вооруженных Сил за пределами территории России и в постконфликтном урегулировании**
- **Информационное противоборство**
- **Совершенствование средств вооруженной борьбы и способов их применения**
- **Моделирование военных действий**
- **Функционирование системы всестороннего обеспечения Вооруженных Сил**
- **Совершенствование понятийного аппарата военной науки**

ляют этого сделать. Нужны новые модели.

Изменения в характере военных конфликтов, развитие средств вооруженной борьбы, форм и способов их применения обусловливают новые требования к системам всестороннего обеспечения. Это еще одно направление научной деятельности, о котором нельзя забывать.

Состояние отечественной военной науки сегодня нельзя сравнить с расцветом военно-теоретической мысли в нашей стране накануне второй мировой войны.

Конечно, на то есть и объективные, и субъективные причины, и нельзя винить за это кого-то конкретно. Не мною сказано, что идеи невозможно генерировать по приказу.

Согласен с этим, но не могу не признать и другого: тогда не было ни докторов, ни кандидатов наук, не было научных школ и направлений. Были неординарные личности с яркими идеями. Я бы назвал их фанатиками от науки в хорошем смысле этого слова.

Может быть, нам сегодня как раз и не хватает таких людей.

Таких людей, как например, комдив Георгий Самойлович Иссерсон, который, несмотря на сложившиеся в предвоенный период взгляды, издал книгу «Новые формы борьбы».

В ней советский военный теоретик предсказал: «Война вообще не объявляется. Она просто начинается заранее развернутыми вооруженными силами. Мобилизация и сосредоточение относятся не к периоду после наступления состояния войны, как это было в 1914 году, а незаметно, постепенно проводятся задолго до этого».

Трагически сложилась судьба «пророка в своем Отечестве». Большой кровью заплатила наша страна за то, что не прислушалась к выводам профессора Академии Генерального штаба.

Отсюда следует вывод. Пренебрежительное отношение к новым идеям, нестандартным подходам, к иной точке зрения в военной науке недопустимы. И тем более недопустимо пренебрежительное отношение к науке со стороны практиков.

В заключение хочу сказать, что каким бы сильным не был противник, как бы не были совершенны его силы и средства вооруженной борьбы, формы и способы их применения, у него всегда найдутся уязвимые места, а значит, существует возможность адекватного противодействия.

При этом мы не должны копировать чужой опыт и «догонять» ведущие страны, а работать «на опережение» и самим быть на лидирующих позициях. И здесь военной науке отводится важная роль.

Выдающийся советский военный ученый А. Свечин писал: «Обстановку войны ... предвидеть необычайно трудно. Для каждой войны надо вырабатывать особую линию стратегического поведения, каждая война представляет частный случай, требующий установления своей особой логики, а не приложения какого-либо шаблона».

Этот подход сохраняет свою актуальность и поныне.

Действительно, каждая война представляет собой частный случай, требующий понимания своей особой логики, своей уникальности. Поэтому характер войны, в которую может оказаться втянутой Россия или наши союзники, сегодня предвидеть очень трудно. Тем не менее, решать эту задачу надо.

Грош-цена любым научным изысканиям в сфере военной науки, если военная теория не обеспечивает функцию предвидения.

В решении многочисленных проблем, стоящих перед военной наукой сегодня, Генеральный штаб рассчитывает на помощь Академии военных наук, собравшей в своих рядах ведущих военных ученых и авторитетных специалистов.

Убежден, что тесные связи Академии военных наук с Генеральным штабом Вооруженных Сил Российской Федерации будут и далее развиваться и совершенствоваться.

ВЫСТУПЛЕНИЕ
начальника Генерального штаба Вооруженных Сил –
первого заместителя министра обороны Республики Беларусь
генерал-майора П.Н.ТИХОНОВСКОГО

РОЛЬ НАУЧНОГО ПОДХОДА К ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

Уважаемые товарищи!

Традиционно в январе месяце Академия военных наук Российской Федерации подводит итоги работы за год в формате научно-практической конференции. Для представителя Республики Беларусь весьма символично, что данное мероприятие проводится буквально накануне Дня белорусской науки, который ежегодно празднуется научной общественностью в последнее воскресенье января.

Впечатляет и состав участников данного мероприятия – такой заслуженный в научных кругах и уважаемый в государственных делах кворум является серьезной площадкой для проверки оптимальности знаковых решений в сфере обеспечения военной безопасности наших государств, сверки позиций военных ведомств Российской Федерации и Республики Беларусь.

Руководство Вооруженных Сил Республики Беларусь всегда относилось к подобным мероприятиям именно в таком уважительном ключе. И наши отношения с российскими коллегами в военной сфере всегда были и остаются неизменными: они стабильны и доверительны. К сожалению этого нельзя сказать о складывающейся в мире военно-политической обстановке, динамичность трансформации которой сегодня подобна смене картинок в калейдоскопе.

Буквально год назад перед этой уважаемой аудиторией были представлены основные узловые моменты, которые во многом предопределяют наше виденье путей обеспечения безопасности как Республики Беларусь, так и Союзного государства в целом.

Это:

«несостоятельность» международных институтов обеспечения безопасности;

продолжающаяся трансформация Североатлантического союза, направленная на расширение географической и функциональной «сфер ответственности» блока;

дальнейшее изменение формата и оптимизация военного присутствия Соединенных Штатов на Европейском континенте;

противоречивые процессы в области контроля над вооружениями, девальвация Договора об обычных вооруженных силах в Европе в качестве краеугольного камня региональной системы безопасности;

военно-политическая интеграция в рамках Европейского союза;

интенсивное оборонное строительство в сопредельных с Союзным государством странах Балтии и в Польше.

Произошедшие за год изменения лишь подтверждают правильность наших оценок годичной давности. При этом, по сравнению с прошлым годом, спектр основных факторов, способных в перспективе оказать неблагоприятное влияние как на развитие общей военно-политической и военно-стратегической обстановки, так и на ситуацию в зоне ответственности региональной группировки войск (сил) Беларуси и России, только лишь расширился.

Симптомами такого расширения стали фактически непримиримые межгосударственные противоречия, позволяющие вести речь о цивилизационном кризисе. События практически режиссируются и развиваются по «писаным» канонам западной геополитической мысли. Достаточно вспомнить парадигму, основанную на различиях между региональными системами, в центре каждой из которых находится государство, оказывающее влияние на развитие событий в регионе -«Великий Иран», «Великий Пакистан» или «Великий Китай» и так далее. Сюда же можно отнести и геополитику Самюэля

Хантингтона[1], основанную на «цивилизационных различиях» Севера с Югом, «развитых» стран с «развивающимися». В конце концов и устоявшаяся идиома «ось зла», к которой с «легкой руки» американцев сегодня отнесены наряду с другими странами Сирия и Иран, тоже отнюдь не нова. Во времена Второй мировой войны к этой «оси» были отнесены фашистская Германия, Италия, Испания, Румыния и Япония – аналогия более чем очевидная.

Для реализации всех этих геополитических доктрин в увязке с американской концепцией «управляемых кризисов» всемерно наращивается конфликтный потенциал в мире. Целые регионы погружаются в острую нестабильность с попустительства международных организаций безопасности, которые погрязли в «процедурных» дрязгах. НАТО принимает решения о проведении военных операций по существу при формальной поддержке ООН, резолюции которой, например, по Ливии, трактуются отдельными странами как право на силовые акции. При этом наметилась очевидная тенденция международного оправдания локального военного конфликта.

Комплексность природы всех политических, экономических, социальных, военных и других корней современных военных конфликтов, в первую очередь, отражается в ключевых событиях, которые кардинально меняют понимание роли и места военной силы в межгосударственных отношениях. Одним из таких знаковых мировых событий с момента последней встречи руководства Вооруженных Сил Республики Беларусь с членами Академии военных наук Российской Федерации стал Чикагский саммит НАТО, состоявшийся на территории США в мае прошлого года.

На этом саммите еще раз подтвердилось, что ключевыми направлениями в деятельности НАТО на сегодняшний день являются: расширение сферы стратегического влияния с выходом на глобальный уровень, а также совершенствование оперативных возможностей и потенциала кризисного реагирования. Не обращать внимания на продолжающуюся трансформацию Североатлантического союза и его дальнейшее укрепление в качестве центрального структурного элемента европейской и мировой архитектуры безопасности было бы весьма недальновидным.

Концепция «разумной обороны», принятая в этом году в НАТО, позволяет ограниченным в финансовых возможностях новым государствам-членам альянса «вскладчину» приобретать высокотехнологичные образцы вооружений для совместного использования. Казалось бы, весьма рациональное решение, но в совокупности с «белыми пятнами» в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе это может означать следующее – территория стран Балтии может стать ничем не ограниченным плацдармом для сосредоточения новейших вооружений НАТО. К чему это ведет в совокупности с продолжающейся модернизацией военной инфраструктуры, аэродромов, портов, дорог на территории Польши, Литвы, Латвии и Эстонии – объяснять не надо.

Названные государства под предлогом «возрастания военной угрозы с Востока» сумели добиться от руководства НАТО пересмотра оперативного планирования применения ОВС альянса в Балтийском регионе (известный «План обороны Польши и стран Балтии»), а миссия Североатлантического союза по охране воздушного пространства прибалтийских государств недавно получила статус постоянной.

В этом же ключе необходимо расценивать и продолжающееся продвижение американских военных баз на восток при общем сокращении численного состава европейской группировки. Под эгидой объединенного командования ВС США в Европе на территории Румынии и Болгарии создана Восточноевропейская тактическая группа, которая представляет собой сеть «передовых оперативных баз», предназначенных как для ротационного базирования войск, так и для их переброски в кризисные регионы. Вопрос лишь один – относительно какого региона эти базы считаются в НАТО «передовыми»?

Еще один острый вопрос международных отношений в сфере обеспечения военной безопасности в Европейском регионе -развертывание европейского сегмента американской системы противоракетной обороны**.** Руководство Вооруженных Сил Республики Беларусь приняло достаточно активное участие в проведенной российским оборонным ведомством в мае прошедшего года международной научно-практической конференции по вопросам ПРО. Следует сказать лишь одно — вопросов, на которые нет ответов, стало еще больше. Не может не настораживать и то, что американская сторона принципиально не идет на уступки, делая упор на повышении мобильности противоракетных комплексов.

Глубоко анализируя все вышесказанное, можно сделать однозначный вывод – складывающаяся вокруг Союзного государства России и Беларуси обстановка имеет весьма сложный и неоднозначный характер, отличается высокой динамикой и очевидной тенденцией к обострению соответствующих процессов. Причем меняются и формы применения средств вооруженного насилия.

Все войны и конфликты последнего десятилетия демонстрируют специфическую особенность современной войны – возможность достижения ее главных целей путем непрямых действий, которые предшествуют собственно силовой акции. Налицо практическое воплощение научных разработок западных стратегов под названием «боевые действия или конфликт низкой интенсивности».

Конфликт низкой интенсивности предполагает:

противопартизанские действия (на ограниченной территории) либо действия в поддержку повстанцев;

операции по принуждению к миру или по поддержанию мира, осуществление локальных (региональных) интервенций;

[1] Хантингтон Сэмюэл Филипс (р. 1927 г.) – американский политолог, исследователь-аналитик, директор Института стратегических исследований при Гарвардском университете.

антитеррористические военные действия и операции по освобождению заложников;

акты возмездия, устрашающие действия, в т.ч. ракетно-авиационные удары (обстрелы территорий);

осуществление блокады и изоляция отельных районов;

конвоирование гуманитарных грузов и обеспечение защиты беженцев.

В современном арсенале форм ведения таких конфликтов: политическая изоляция государства-объекта войны, экономические санкции, воздушная и наземная блокада коммуникаций, путей транспортировки энергоносителей, демонстрация силы и, наконец, направление на территорию страны войск специального назначения, диверсионных групп, а также групп-организаторов массовых беспорядков, проведения провокаций как повода для прямых силовых акций.

Ярким примером подобных действий сегодня является ряд государств арабского мира и, особенно, Ливия и Сирия. Можно с уверенностью утверждать, что события в этих государствах, приведшие к военному перевороту, зародились не на «пустом» месте и задолго до начала военных действий.

Научные разработки наших российских коллег по этим специфическим вопросам как никогда востребованы руководством вооруженных сил России и Беларуси в определении сущности и содержания подобных форм применения военной силы для выработки адекватного «противоядия». И все их исследования показывают, что сущностный элемент современной войны – возрастание роли непрямых действий, реализация внешнеполитических целей войны через внутренние источники, оппозицию, пятую колонну с последующей агрессией.

Такой вывод неизбежно влечет за собой кардинальный пересмотр всех рисков и вызовов в области национальной безопасности наших государств, в том числе и в военном ее аспекте. И работа такого плана в Республике Беларусь уже ведется.

Руководство Республики четко видит все вышеназванные тенденции и ориентирует военную науку в будущее, на обоснованный прогноз путей строительства не только Вооруженных Сил, но и всей военной организации государства.

Важное значение при этом придается реализации принципов «народной обороны», формой выражения которых являются территориальные войска. Эти создаваемые в период нарастания военной угрозы воинские формирования не входят в состав Вооруженных Сил, но координация их действий и руководство ими осуществляется военным ведомством. Не случайно уже сегодня в состав Генерального штаба Вооруженных Сил в качестве структурного подразделения включено управление территориальной обороны.

Кроме того, результаты научного анализа событий последних лет, связанных с применением военной силы в межгосударственных и внутригосударственных конфликтах, способствовали развертыванию в Республике Беларусь работы по существенной переработке и детальному уточнению всех механизмов введения и поддержания особых правовых режимов на территории государства, в первую очередь – военного положения.

Не случайно было упомянуто, что «ведущую скрипку» в решении данных вопросов играет военная наука. Именно под эгидой Научно-исследовательского института Вооруженных Сил Республики Беларусь организована эта работа.

Стоит отметить, что в прошедшем году Министерством обороны Республики Беларусь была проведена научно-практическая конференция по военному положению, результаты которой были апробированы в ходе деловой игры с республиканскими органами государственного управления.

Опыт и наработки белорусских военных ученых, в том числе активно трудящихся в Белорусском региональном отделении Академии военных наук Российской Федерации – это наше общее достояние. Белорусская позиция всегда была незыблемой и основывалась на неукоснительном выполнении принципов осуществления согласованной военной политики, закрепленных Военной доктриной Союзного государства.

Вполне закономерно, что в 2013 году все эти наработки найдут свое практическое воплощение в ходе совместного обучения вооруженных сил Республики Беларусь и Российской Федерации. Основными мероприятиями подготовки, спланированными на этот год, являются совместная штабная тренировка Объединенного командования региональной группировки войск (сил) Республики Беларусь и Российской Федерации и совместное стратегическое учение «Запад – 2013».

Целью проведения данных мероприятий является дальнейшее повышение способности Вооруженных Сил Республики Беларусь совместно с Вооруженными Силами Российской Федерации осуществить комплекс мер по стратегическому сдерживанию агрессии против Союзного государства и ее отражению при необходимости. И решение учебно-боевых задач будет осуществляться как в традиционных сферах ведения боевых действий (в воздушном пространстве и на земле), так и в информационном пространстве, превосходство в котором, как показывают военные конфликты последних лет, является одной из ключевых составляющих противоборства сторон.

Подводя итог своему выступлению, хотел бы подчеркнуть главную мысль – условия, изложенные мною в начале доклада, в которых мы призваны обеспечивать военную безопасность Союзного государства, весьма непростые. И принимаемые в этих условиях военно-политические решения должны быть филигранными и всесторонне выверенными. Единственным инструментом поиска правильного направления в нелегком деле инновационного строительства вооруженных сил, всей военной организации государства является военная наука. Не случайно ее всегда сравнивали с факелом, освещающим путь прогресса.

Результаты исследований военных ученых всегда были и остаются востребованными в деятельности руководства Министерства обороны Республики Беларусь. Не ошибусь, сказав то же самое о своих российских коллегах.

Академия военных наук Российской Федерации и ее региональные отделения являются уникальными площадками для научной проработки всех вопросов, связанных с обеспечением военной безопасности наших союзных государств. Главная ценность такой проработки – в независимости ее результатов. И приоритетное место в деятельности АВН по укреплению национальной, и, в том числе, военной безопасности государства, по-прежнему должна занимать задача обеспечения максимального сплочения всех военных ученых, а также раскрытие сущности и содержания современных технологий, форм, методов применения военной силы нашими оппонентами. Ведь именно опыт членов Академии, пример настоящих патриотов своей Родины, которыми являются все без исключения присутствующие в этом зале, незаменим при формировании у личности, общества и государства иммунитета к деструктивному воздействию противостоящих элементов.

ВЫСТУПЛЕНИЕ
главнокомандующего ВМФ вице-адмирала В.В. ЧИРКОВА

Уважаемые товарищи!

Целью моего выступления является ознакомление вас с построением организации управления силами (войсками) ВМФ в новой организационной структуре.

По ходу выступления хочу довести до вас принимаемые сегодня руководством Министерства обороны и Генеральным штабом меры по ее совершенствованию, а также вынести на обсуждение уважаемых членов сегодняшнего собрания отдельные соображения по возможным путям ее совершенствования.

На ваше суждение будут представлены три вопроса:

1. Организация управления силами (войсками) ВМФ в действующей организационной структуре.

2. Подходы, применяемые к построению организации управления ВМС в ведущих иностранных государствах мира.

3. Предложения по направлениям совершенствования организации управления силами (войсками) ВМФ.

Существующая сейчас организация управления силами и войсками флотов сформирована в 2009 году на основе концепции развития системы управления Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2025 года.

Основополагающий принцип при формировании перспективной системы управления принимался следующий: цели развития системы управления достигаются, в первую очередь, за счет оптимизации состава, структуры, задач и функций органов военного управления.

С момента начала перехода Вооруженных Сил к новому облику в 2009 году одним из базовых принципов оптимизации структуры управления ими был определен – разграничение задач и функций между ЦОВУ и исключение их дублирования в различных звеньях управления.

Именно такие подходы на сегодняшний день реализованы, применяются и продолжают совершенствоваться.

С 2010 года оперативно-стратегические объединения Военно-Морского Флота – Северный, Тихоокеанский, Балтийский, Черноморский флоты, а также Каспийская флотилия вошли в состав военных округов и напрямую по всем вопросам повседневной и боевой деятельности подчинены командующим войсками военных округов.

В мирное время флоты свои силы и войска применяют по замыслу и задачам объединенного стратегического командования в целях стратегического сдерживания. При этом основными формами их применения по-прежнему являются боевая служба и боевое дежурство.

На военное время силы флотов планируется применять в составе разнородных группировок, которые являются элементами оперативного построения меж-

видовой группировки войск и сил на стратегическом направлении и применяются по замыслу, плану и задачам объединенного стратегического командования.

На сегодняшний день сложилась следующая структура организации управления округами, а, следовательно, и флотами:

руководство военным округом осуществляет министр обороны.

Генеральный штаб осуществляет управление военным округом в соответствии с решениями Министра обороны и обеспечивает контроль за их исполнением.

Для военного округа являются также обязательными к исполнению директивы и указания заместителей министра обороны Российской Федерации и главнокомандующих видами Вооруженных Сил по вопросам, отнесенным к их компетенции.

К компетенции Главкомата ВМФ отнесены следующие задачи:

организация и проведение мероприятий подготовки сил (войск);

организация подготовки специалистов по военно-учетным специальностям ВМФ;

обеспечение реализации Министерством обороны полномочий по руководству морской деятельностью Российской Федерации в интересах решения оборонных задач;

организация и руководство специальными видами оперативного обеспечения (поисково-спасательного и навигационно-гидрографического), эксплуатации кораблей, судов обеспечения и летательных аппаратов ВМФ;

строительство и развитие ВМФ.

Приоритетными из них являются руководство и организация проведения мероприятий боевой подготовки, развития и строительства ВМФ.

Таким образом, в современном облике Главное командование ВМФ представляет собой орган административного управления. Функции оперативного управления силами флотов возложены на Генеральный штаб и объединенные стратегические командования.

Для обеспечения управления силами флотов в период построения новой организации управления под общим руководством Генерального штаба произведено уточнение и наращивание возможностей всех составляющих системы управления – пунктов управления, органов управления и систем связи и АСУ.

Существенно видоизменен Центральный командный пункт Генерального штаба как в организационном плане, так и в техническом оснащении.

В структуре ЦКП ГШ ВС РФ созданы и функционируют специализированные структурные подразделения, обеспечивающие деятельность Генерального штаба по управлению военными округами и контролю действий сил и войск в отношении флотов.

Произведено существенное наращивание технических возможностей Центрального командного пункта Генерального штаба. Это позволяет на сегодняшний день в целом обеспечивать реализацию функций управления силами флотов и контроля морской остановки.

Нельзя сказать, что все здесь у нас получилось в совершенном виде, работа по этому направлению продолжается.

В объединенных стратегических командованиях сформированы и функционируют органы управления силами флотов. Головным таким органом является военно-морское управление. В других управлениях, службах также имеются военно-морские специалисты, предназначенные для обеспечения управленческой деятельности командующего военным округом в отношении флотов.

В то же время, опыт мероприятий оперативной подготовки, практика повседневной деятельности показали, что выстроенная на сегодня структура органов управления военно-морской специфики в управлении военных округов не совершенна.

Понимание этого есть на всех уровнях управления. Генеральным штабом с привлечением Главного командования ВМФ, командующих войсками военных округов сейчас ведется работа по корректировке построения управленческих структур в округе в отношении Военно-Морского Флота.

В частности, нами предлагается введение должности заместителя командующего войсками военным округом по флоту с наделением его всеми полномочиями по управлению силами флота.

Спланированы и реализуются мероприятия по наращиванию технических возможностей и способности управления силами флотов командных пунктов объединенных стратегических командований в военных округах.

В отношении Главного командования ВМФ.

Во-первых, сегодня совершенствуется его численность и организационно-штатная структура. Министром обороны необходимые решения приняты и находятся на стадии реализации. Они направлены на повышении способности Главкомата ВМФ реализовать те задачи и функции административного управления, которые сегодня руководство Министерства обороны возложило на нас.

Во-вторых, для реализации задач по руководству и контролю за деятельностью флотов в пределах возложенных полномочий в Главном командовании ВМФ по новому месту дислокации развернут и функционирует пункт управления главнокомандующего ВМФ. Его организационная структура и техническая оснащенность сегодня позволяет обеспечивать деятельность Главного командования ВМФ по поставленным задачам.

Так же как и в Центральном командном пункте Генерального штаба, на командных пунктах военных округов продолжаем работу по наращиванию технической оснащенности нашего пункта управления. Через год рассчитываем выйти на совершенно новый уровень способности реализации функций владения и контроля обстановки.

Наши устремления подкреплены параметрами Гозоборонзаказа и пониманием со стороны Генерального штаба.

В то же время практика боевой деятельности сил флотов мирного времени показала недостаточную эффективность решения задачи контроля подготовки и готовности сил боевой службы.

Поэтому сегодня принято решение о возвращении этой функции Главному командованию ВМФ, предназначение и организационная структура которого предопределяют необходимость и способность решения этой задачи. Нами видится, что такое решение своевременное и правильное.

Это позволит усовершенствовать организацию подготовки и контроля готовности сил боевой службы, координацию действий сил различных флотов. На более качественном уровне организовывать поддержание технической готовности сил боевой службы, их тыловое и поисково-спасательное обеспечение. Восстановить практику системного анализа и обобщения результатов боевых служб, на этой основе разрабатывать новые формы, способы и тактические приемы действий сил флота в различных условиях обстановки, в том числе при решении задач борьбы с пиратством.

Особенно актуально это сейчас, когда интенсивность боевой службы сил флотов существенно возросла.

Сегодня на боевой службе находится 19 кораблей и судов обеспечения ВМФ. Из них в Средиземном море – 15 кораблей и судов обеспечения, которые были развернуты в данном районе по понятным для нас причинам – обострением военно-политической обстановки на Ближнем Востоке.

В настоящее время эти силы проводят тактическое учение с отработкой практических действий по миротворческой и гуманитарной деятельности в регионе.

Проводя аналогию с прошлым, можно увидеть, что сегодня мы видим ситуацию 1967 года, когда стояла реальная угроза разрастания локальной войны между Израилем и Египтом в региональную за счет участия в ней ВМС США. В тот период высшим руководством государства было принято решение о развертывании в качестве сил сдерживания группировки сил ВМФ из состава Северного, Балтийского и Черноморского флотов в кризисный район. Для обеспечения управления действиями этих сил 14 июня 1967 года решением Политбюро ЦК КПСС была создана 5-я Средиземноморская эскадра.

Такое решение явилось своевременным и важным. История подтвердила, что оно стало основным сдерживающим фактором от дальнейшей эскалации конфликта.

Учитывая складывающуюся военно-политическую обстановку в регионе, ее прогноз и исторический опыт прошлых лет, Главным командованием ВМФ предложено создать на постоянной основе оперативное соединение в Средиземном море для обеспечения решения задач в этом районе силами различных флотов.

Предложение поддержано министром обороны Российской Федерации. В настоящее время готовятся предложения по его практической реализации.

Кроме того, обозначилась проблематика в вопросах централизации управления силами и средствами системы связи ВМФ, обеспечивающих управление силами в удаленных районах Мирового океана.

Поэтому в целях наращивания возможностей по управлению силами ВМФ в дальней морской и океанской зонах Главным командованием ВМФ предложено сформировать Центр дальней оперативной связи Военно-Морского Флота. Данное предложение также поддержано Министром обороны Российской Федерации и в настоящее время находится в стадии реализации.

В условиях военного времени управление силами флотов осуществляется по решениям и планам, утверждаемым командующим войсками военного округа.

При этом на стратегическом уровне – управление флотами организуется через объединенные стратегические командования Генеральным штабом с привлечением Главнокомандующего ВМФ для принятия обоснованных управленческих решений и указаний.

Флот (еще раз хочу подчеркнуть) как самостоятельное оперативно-стратегическое объединение входит в состав межвидовой группировки войск (сил) на ТВД. Свои силы применяет в составе разнородных группировок, которые являются элементами ее оперативного построения.

Управление флотом как оперативно-стратегическим объединением осуществляет командующий войсками военного округа через пункт управления силами флота, развертываемый на основе военно-морского управления.

На оперативно-стратегическом уровне непосредственное управление разнородными группировками сил флота осуществляет командующий флотом по своему замыслу и плану.

На оперативном и оперативно-тактическом уровне управление силами осуществляют командующие (командиры) создаваемых группировок. Группировки возглавляют, как правило, командующие тех объединений, на основе которых формируются группировки и силы которых решают задачи в назначенной для этого объединению зоне ответственности (операционной зоне).

В соответствии с созданной организацией структура управления силами (войсками) флота в составе межвидовой группировки войск (сил) на ТВД решает задачи:

Командующий группировкой войск (сил) на ТВД осуществляет руководство флотом, т.е. определяет флоту задачи, утверждает решение командующего флотом на выполнение поставленных задач и контролирует их выполнение.

Командующий флотом управляет силами (войсками) флота, т.е. принимает и реализует решение на применение сил (войск) флота, в том числе определяет состав создаваемых группировок, их оперативное построение и решаемые ими задачи.

Уважаемые товарищи!

Мною до Вас доведена выстроенная на сегодняшний день организация управления силами (войсками) флотов.

В целом она обеспечивает управление повсед-

невной и боевой деятельностью флотов в новом облике Вооруженных Сил и новой структуре подчиненности.

В то же время с учетом опыта ее функционирования в течение трех лет мы продолжаем поиск путей ее совершенствования.

В этой работе мы стремимся использовать не только собственный опыт и взгляды, но и подходы, которые применяются ведущими военно-морскими силами иностранных государств.

Наиболее показательна в этом плане практика построения структуры управления силами флота в США.

В США общее руководство вооруженными силами осуществляет президент (главнокомандующий) через министра обороны.

Управление вооруженными силами США осуществляется по двум структурно взаимосвязанным, но имеющим четкие функциональные разграничения направлениям – административному и оперативному.

Административное управление военно-морскими силами охватывает все вопросы строительства сил флота, включая определение их структуры и боевого состава, формирование и исполнение бюджета ВМС, приобретение вооружения, комплектование личным составом и его подготовку, материально-техническое и тыловое обеспечение, проведение НИОКР.

По административной линии руководство ВМС осуществляют министр и начальник штаба через штаб ВМС.

Оперативное управление военно-морскими силами охватывает область применения флота, авиации и морской пехоты по их прямому предназначению.

Оно включает вопросы стратегического планирования, создания группировок флота, воздушных сил и морской пехоты ВМС в различных регионах мира в мирное и военное время, руководство стратегическим развертыванием и военными действиями.

К оперативному руководству ВМС привлекается начальник штаба ВМС как член комитета начальников штабов (КНШ) – советник президента и министра обороны по вопросам боевого применения своих сил, а также часть органов управления штаба ВМС.

Начальник штаба ВМС США участвует в стратегическом и оперативном планировании (как член КНШ), а также в обеспечении всесторонней подготовки группировок сил (войск) (через Командования Атлантического и Тихоокеанского флотов) к ведению боевых действий на передовых театрах войны по планам командующих объединенными командованиями ВС США в зонах.

Управление Морскими стратегическими ядерными силами в мирное время по административной линии осуществляется начальником штаба ВМС через командования Атлантическим и Тихоокеанским флотами.

Руководство подводными лодками с баллистическими ракетами, находящимися на боевом патрулировании, осуществляет командующий Объединенным стратегическим командованием.

В военное время все морские стратегические ядерные силы переходят в подчинение командующему Объединенным стратегическим командованием.

Таким образом, можно выделить следующие основные тенденции построения организации управления ВС США в части, касающейся ВМС:

1. Управление Вооруженными силами США осуществляется по двум структурно взаимосвязанным, но имеющим четкие функциональные разграничения направлениям – административному и оперативному.

2. Министры СВ, ВВС и ВМС не отвечают за применение войск (сил) своего вида по прямому назначению, однако они ответственны перед президентом и законодателями за все, что касается их видов ВС.

3. В ВМС существует должностное лицо со своим аппаратом (начальник штаба ВМС), принимающее непосредственное участие в оперативном планировании применения ВМС в масштабе вооруженных сил.

4. За подготовку и боевую готовность МСЯС в мирное время отвечает штаб ВМС, осуществляя руководство по этим вопросам командованием Атлантического и Тихоокеанского флотов. Руководство боевым применением пларб возложено на Объединенное стратегическое командование ВС США.

Этот краткий анализ позволяет сделать один главный вывод: в военно-морских силах США реализован принцип разделения административного и оперативного ствола управления. Именно это является основой эффективного построения системы управления.

Нами видится, что мы также должны искать пути к построению такой организации управления.

Вариантов здесь быть может много. Безусловно, наше государство с учетом его геополитического и геостратегического положения имеет свои особенности, которые не могут нами не учитываться в этой работе.

В этой работе крайне важно учитывать следующее. Военно-Морской Флот занимает особое место в обеспечении военной безопасности и защите национальных интересов Российской Федерации.

Обладая высокой мобильностью и универсальностью, силы флота уже в мирное время способны решить стратегические задачи сдерживания потенциального агрессора, защитить национальные интересы России в любой точке земного шара, оказать поддержку внешней политике государства, не нарушая при этом ничьей территориальной целостности.

А в военное время, обладая высоким ядерным и неядерным боевым потенциалом, способны решить стратегические задачи по выводу противника из войны.

Исходя из этого, подготовка сил флотов, их обеспечение и управление ими требует особого внимания и централизованного руководства, прежде всего, на стратегическом уровне. И здесь, по нашему мнению, может и должен быть использован управленческий потенциал Главного командования ВМФ не только для реализации административных, но и оперативных функций.

Такие подходы реализуются во всех ведущих в военном отношении государствах мира.

Завершая доклад об управлении силами (войсками) ВМФ в новой организационной структуре, я хотел бы сделать следующие выводы:

1. Применяемые подходы к построению системы управления флотами представляются в целом целесообразными. Однако созданная система управления требует дальнейшего совершенствования и развития с учетом накопленного положительного отечественного опыта и опыта передовых в военном отношении стран мира.

2. Совершенствование структуры управления силами (войсками) ВМФ целесообразно проводить в направлении дальнейшего разграничения административных и оперативных функций, с учетом видовых особенностей ВМФ.

3. В этой работе представляется целесообразным учитывать особенности и специфику ВМФ, который в силу своих стратегических качеств занимает особое место в обеспечении военной безопасности и защите национальных интересов России.

Мы приглашаем к участию в этой работе ученых, весь научный потенциал Академии военных наук и готовы к конструктивному диалогу по этим вопросам под общим руководством Генерального штаба.

Благодарю за внимание!

ВЫСТУПЛЕНИЕ
врио начальника Главного управления по работе
с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации
генерал-майора М.В. СМЫСЛОВА

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СТИМУЛОВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Уважаемые товарищи!

Я прошу принять слова признательности за то внимание, которое уделяется членами Академии морально-психологической составляющей боевой готовности и боеспособности Вооруженных Сил, развитию системы работы с различными категориями военнослужащих.

Уверен, что в этой аудитории нет необходимости раскрывать важность проблем формирования моральной и психологической готовности личного состава к выполнению боевых задач. Хочу лишь отметить, что в разные годы подходы к решению этих проблем существенно отличались.

По нашему мнению, основными, ведущими мотивами ответственного отношения к выполнению воинского долга для военнослужащих были и остаются мотивы моральные: патриотизм, осознание личной ответственности за Отечество и убежденность в необходимости отстаивать его интересы, верность Военной присяге, уверенность в командирах и сослуживцах, силе вверенного оружия и своем умении его применить, общественная поддержка и уважение.

Формирование, развитие этих мотивов собственно и является основной задачей проводимой в войсках и силах работы с личным составом.

Приоритетом мы считаем воспитание патриотических чувств личного состава. На эту задачу нацелены мероприятия государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы», конкретные мероприятия, посвященные 200-летию Отечественной войны 1812 года, работа по подготовке к 70-летию Сталинградской битвы, Курской битвы, 100-летию начала Первой мировой войны и ряда других юбилейных дат.

Нельзя не отметить вклад в дело государственно-патриотического воспитания личного состава военных ученых, занятых проблематикой противодействия фальсификации военной истории Отечества. Сегодня остро востребованы работы, подготовленные Научно-исследовательским институтом (военной истории) Военной академии Генерального штаба и Академией военных наук. Это:

исторический труд «Великая Отечественная война (1941-1945). Мифы и факты» (том третий «Битвы и сражения, изменившие ход войны»);

военно-библиографический словарь в пяти томах «Командование Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов. Командиры дивизий»: (том второй, том третий);

«Великая Отечественная война 1941-1945 годов: энциклопедия для суворовских военных, Нахимовского военно-морского училищ и кадетских корпусов»;

«Противодействие фальсификациям отечественной военной истории» за 2012 год.

В декабре 2012 года издан Указ Президента Российской Федерации о создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество». Учредительный съезд этой организации намечено провести в марте текущего года. Уверен, что работа по изуче-

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ «ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА 2011–2015 ГОДЫ»

Основные мероприятия на 2013-2014 годы

- 70-летие Сталинградской битвы
- 70-летие Курской битвы
- 70-летие снятия блокады г. Ленинграда
- 25-летие вывода советских войск из Афганистана
- 200-летие заграничных походов русской армии 1813-1814 годов
- 100-летие начала Первой мировой войны

Взаимодействие

Минобрнауки России;
Минкультуры России;
Минспорттуризма России;
Росвоенцентр;
органы исполнительной власти субъектов РФ

Ресурсное обеспечение

2012 год – 8,0 млн. рублей;
2013 год – 9,05 млн. рублей;
2014 год – 11,1 млн. рублей;
2015 год – 9,6 млн. рублей

нию и пропаганде отечественной военной истории, противодействию ее искажению, воспитанию патриотизма граждан выйдет на принципиально новый уровень.

Продолжает развиваться система проведения в войсках информационно-пропагандистских и военно-патриотических акций. В их числе – комплекс мероприятий с участниками военных парадов в Москве и других городах России, международные конкурсы профессионального мастерства среди военнослужащих стран СНГ «Воин Содружества», ежегодные акции «Первый в армии».

Перечень наиболее значимых информационно-пропагандистских и военно-патриотических акций отражен на официальном сайте Министерства обороны, опубликован в газете «Красная Звезда». Подключение к их проведению всех заинтересованных общественных структур и научного сообщества, на наш взгляд, придаст таким мероприятиям большую привлекательность и эффективность.

Основной формой информационно-пропагандистской работы остается общественно-государственная подготовка личного состава. Это проверенный временем инструмент разъяснения личному

НОВЫЕ ОБУЧАЮЩИЕ ПРОГРАММЫ И ВИДЕОФИЛЬМЫ ДЛЯ ЗАНЯТИЙ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДГОТОВКИ

- Государственное устройство и система государственной власти Российской Федерации
- Президент Российской Федерации – «Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации
- Россия в современном мире и основные приоритеты ее военной политики
- Вооруженные Силы России в начале третьего тысячелетия
- Города – символы мужества, стойкости народа и армии в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов
- Ответственность военнослужащих
- Воинский коллектив
- Гарантии правовой и социальной защиты военнослужащих

- Вторая Мировая война. Битва за Ленинград
- Вторая Мировая война. Курская дуга. Рельсовая война
- Вторая Мировая война. Освобождение Украины. Освобождение Крыма
- Вторая Мировая война. Висло-Одерская операция
- Вторая Мировая война. Битва за Берлин
- Вторая Мировая война. Транспорт
- Бородино и его герои
- Алкоголь. Признать виновным
- Право на жизнь (Профилактика наркомании)
- История российской авиации. Русские летят
- История российской авиации. «Соколы» против «Коршунов»

составу государственной политики в области обороны и одновременно формирования необходимых моральных качеств военнослужащих.

Общественно-государственная подготовка адаптирована к новым программам боевой подготовки войск (сил). Материалы по изучаемым темам размещены на страницах официального сайта Министерства обороны в сети Интернет. Доступны размещенные в Интернет электронные версии газеты «Красная Звезда», материалы телеканала «Звезда», информация о центральных военных учреждениях культуры и военных музеях.

Чтобы сделать усвоение военнослужащими изучаемых тем более эффективным, а сами занятия более интересными, в 2012 году подготовлено и поставлено в войска 2779 комплектов обучающих видеофильмов (из 6 фильмов каждый), а также 15 тыс. учебных пособий для солдат и сержантов, проходящих военную службу по контракту. Конечно же, эти материалы помогут и руководителям занятий в обучении подчиненных.

Сегодня остро стоит вопрос соответствия системы ОГП реалиям жизни: уровню развития обучаемых и обучающих, срокам обучения (1 год службы), техническим возможностям и содержанию учебных материалов. Мы бы были признательны, если бы ученые Академии оказали содействие в разработке обновленной системы гуманитарной подготовки и воспитания военнослужащих с использованием современных технологий.

Предполагается более активное использование в интересах воспитания личного состава современных интернет-технологий.

С этого года мы приступаем к созданию единой в масштабе Вооруженных Сил системы электронных библиотек. Начали вырабатывать техническое задание на разработку соответствующей концепции. В дальнейшем планируется развитие интернет-ресурсов центральных военных учреждений культуры.

И если говорить об учреждениях культуры, то вы знаете, что процесс ликвидации рядя военных учреждений культуры решением Министра обороны Российской Федерации приостановлен. Реализуется развитие:

Интернет-ресурсов центральных военных учреждений культуры:

Центрального академического театра российской Армии (возможность просмотра репертуара театра в сети интернет);

Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации (создание виртуальных экскурсий по залам музея, организация удаленного доступа к фондам в интересах научной работы);

Студии военных художников им. М.Б.Грекова (создание цифровых копий картин и возможности ознакомиться через глобальную сеть любому военнослужащему с работами военных художников студии).

Мы стремимся в интересах поддержания морального духа и высокой мотивации личного состава максимально задействовать доступные сегодня новые технологии и методики, разработки военных и гражданских ученых. В 2011-2012 годах по заказу Главного управления проведен ряд научных исследований, которые имеют прикладной характер.

Активно используется в войсках новая социологическая методика оценки морально-психологического состояния различных категорий личного состава. Она разработана Научно-исследовательским центром (социологическим) Вооруженных Сил и прошла апробацию в ходе социологических исследований, а также на СКШУ «Кавказ-2012».

В результате проведения ряда научных исследований получены оригинальные социологические методики. Их внедрение в войсках является одной из задач Главного управления по работе с личным составом в 2013 году. Научные исследования в ин-

ПЛАНИРУЕМОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ИНТЕРЕСАХ РАБОТЫ С ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ

Интернет-ресурс единой системы электронных библиотек Вооруженных Сил

Интернет-ресурс Центрального академического театра Российской Армии (возможность просмотра репертуара театра в сети интернет)

Интернет-ресурс Центрального музея Вооруженных Сил (создание виртуальных экскурсий по залам музея, организация удаленного доступа к фондам в интересах научной работы)

Интернет-ресурс Студии военных художников им. М.Б.Грекова (создание цифровых копий картин и возможности ознакомится через глобальную сеть любому военнослужащему с работами военных художников студии)

тересах совершенствования работы с личным составом и морально-психологического обеспечения включают:

«Мониторинг результатов реализации мероприятий Стратегии социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2020 года» (шифр «Консультация-М»);

«Разработка методики диагностики посттравматических стрессовых нарушений у военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации в процессе боевой подготовки и выполнения учебно-боевых задач» (шифр «Стресс»);

«Адаптация молодого пополнения Вооруженных Сил Российской Федерации, призванного на военную службу сроком на один год» (шифр «Корсет»);

«Разработка программ определения надежности личного состава по показателям психофизического здоровья и мониторинга психологического состояния военнослужащих на протяжении всего периода военной службы» (шифр «Терпентин»).

Благодаря использованию современных программно-аппаратных средств – автоматизированных рабочих мест военного психолога (АРМ ВП) – налажена система психодиагностических исследований различных категорий военнослужащих. Сегодня в войсках насчитывается свыше 700 таких комплектов. Результаты их применения ощутимы.

Ежегодно в апреле-июле и октябре-декабре проводится социально-психологическое изучение и психологическое обследование поступивших на комплектование войск военнослужащих по призыву. Это позволяет предупредить немалое количество возможных происшествий, в том числе гибель военнослужащих. Начата такая же работа с военнослужащими по контракту.

В 2012 году проведено психологическое обследование офицеров органов военного управления, соединений и воинских частей. Цель обследования – выявление среди них лиц, склонных к суицидальному и противоправному поведению, наркотической, алкогольной и игровой зависимости.

Особое внимание при этом уделялось офицерам, занимающим должности, связанные с хранением вооружения, боеприпасов, материальных ценностей. По результатам на каждого офицера составлено психологическое заключение и подготовлены соответствующие рекомендации командованию.

Важнейшим направлением нашей деятельности является морально-психологическое обеспечение (МПО) боевой и оперативной подготовки. С 2009 года мы постоянно наращивали эту составляющую, подключали все имеющиеся силы и походные технические средства, военные учреждения культуры и СМИ. Наиболее масштабно эта работа проводилась на учениях «Запад – 2009», «Восток – 2010», «Центр – 2011», «Кавказ-2012».

В информационно-пропагандистских акциях на основных полигонах неизменно участвовали представителей ветеранских организаций и ветераны-военачальники. Хочу выразить им глубокую признательность.

В течение 2012 года совместно с Генеральным штабом, Военной академией Генерального штаба разработаны либо уточнены важнейшие нормативные документы, наставления, определяющие организацию морально-психологического обеспечения в Вооруженных Силах.

Начата разработка математических моделей для системы управления морально-психологическим обеспечением. Определены расчетные задачи, решаемые на пунктах управления МПО военного округа, флота, объединения и предназначенное для автоматизации процессов управления силами и средствами МПО. В настоящее время совместно со специалистами Военно-космической академии им. Можайского и представителями разработчика проводится работа по практической реализации расчетных задач в АСУВ(с).

Уважаемые товарищи!

В войска приходит новое поколение молодых людей со своей системой ценностей, своими информационными и культурными предпочтениями. Не учитывать этих изменений, не корректировать сложившуюся систему работы с военнослужащими и гражданским персоналом – означает серьезно потерять в эффективности влияния на подчиненных.

На сегодняшний день мы испытываем острую потребность в научных исследованиях, которые позволили бы выйти на новый, современный уровень организации и проведения работы с личным составом. Нужны новые подходы к поддержанию морально-психологического состояния и мотивации личного состава Вооруженных Сил, информационно-пропагандистской и культурно-досуговой работе.

Прежде всего, необходима новая концепция работы с личным составом, учитывающая реалии сегодняшнего дня, перспективы строительства и развития Вооруженных Сил, качественные характеристики личного состава, порядок прохождения военной службы и ее продолжительность, состав и уровень подготовки должностных лиц, которые непосредственно работают с людьми.

Научно-исследовательскую работу по этой теме планируется завершить в 2013 году. Ее головной исполнитель – Военный университет совместно с другими военно-учебными заведениями Министерства обороны.

В 2013-2014 годах планируется разработка методики оценки психического здоровья личного состава, позволяющей в автоматизированном режиме готовить рекомендации должностным лицам соединений и воинских частей по профилактике психогенных потерь (разработчики – Военный университет, Военная академия Генерального штаба).

Всего мы ожидаем завершения в 2013 году семи научно-исследовательских работ, выполняемых по заказу Главного управления.

Для эффективного решения задач по работе с личным составом, морально-психологического обеспечения действий войск необходима модернизация комплекса сил и средств, имеющихся в распоряжении органов военного управления.

Сегодня разработаны комплекты современных технических средств для оснащения подразделений видов и родов войск Вооруженных Сил: ротные и батальонные комплекты; комплекты солдатских клубов; комплекты редакций и типографий бригадных газет; комплекты пунктов психологической работы.

Для качественной работы в полевых условиях разработан походный многофункциональный информационный комплекс.

Уважаемые товарищи!

В заключение позвольте выразить уверенность в том, что в сотрудничестве с Академией военных наук, военно-учебными заведениям и научно-исследовательскими организациями Министерства обороны в предстоящем году мы сделаем серьезный шаг к выстраиванию оптимальной системы работы с личным составом на основе достижений отечественной военной науки.

ВЫСТУПЛЕНИЕ
генерал-майора С.В. ЯГОЛЬНИКОВА

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Воздушное и космическое пространство превращается в единую сферу вооруженной борьбы, успешные действия в которой будут в значительной степени определять ход и исход войны в целом. Основные тенденции, определяющие характер вооруженного противоборства в воздушно-космическом пространстве, заключаются в непрерывном приоритетном развитии наступательных и оборонительных средств воздушно-космического нападения и обеспечивающих систем.

США провели комплекс взаимоувязанных политических, экономических, военных, технических и технологических мер по созданию новой стратегической триады. Стратегическая триада включает в себя стратегические наступательные силы (как ядерные, так и неядерные), стратегические оборонительные силы, а также научно-исследовательскую и промышленную инфраструктуру, обеспечивающую разработку и производство вооружений для указанных сил. Созданное Объединенное стратегическое командование обеспечивает согласованное применение стратегических наступательных и оборонительных сил в едином контуре управления.

Наиболее вероятной формой боевого применения стратегических сил вероятного противника, привлекаемых для нанесения «разоружающего» удара по ядерным силам РФ, будет массированный ракетно-ядерный удар. При этом входящая в состав новой триады США система ПРО, возможности которой активно наращиваются, должна будет обеспечить перехват и поражение уцелевших российских ракет.

В развитии стратегических сил США сосредоточивают усилия на развитии многоэшелонированной системы ПРО, а также совершенствовании и производстве крылатых ракет. К 2020 году их количество составит около 8000, из которых 2000 – в ядерном оснащении.

Это повышает угрозу нанесения США внезапного «разоружающего» удара с применением крылатых ракет в ядерном оснащении, преимуществами которых являются гибкость и скрытность применения, возможность использования ядерных боевых частей с регулированием мощности (снижение побочного эффекта), высокая точность. Данная угроза приобретает особое значение в условиях низких возможностей информационных средств по их обнаружению.

В данных обстоятельствах проблема обеспечения безопасности РФ в воздушно-космической сфере может быть успешно решена только объединенными усилиями всех видов ВС на основе сбалансированного сочетания оборонительных и наступательных мер при централизации управления в масштабе Вооруженных Сил под руководством ВГК и Генштаба ВС РФ. Важной составной частью таких мер является создание системы воздушно-космической обороны.

По нашему мнению, под системой ВКО следует понимать развернутые на земле и на море, в воздушном и околоземном космическом пространстве объединенные функциональными связями силы и средства, обеспечивающие защиту Российской Фе-

дерации и ее союзников от нападения с воздуха, из космоса и через космос.

В настоящее время мы имеем два опыта (подхода) создания системы ВКО:

первый – строительство Войск ПВО, которые по своей сути были четырехродовыми войсками ВКО;

второй – создание объединенного вида ВВС и ПВО.

Анализируя второй подход можно отметить, что межвидовой характер военных действий на стратегическом уровне не вызывает сомнения. Стратегические операции планируются и проводятся под руководством начальника Генерального штаба или командующего фронта. Однако, это совсем не означает целесообразность объединения всех участвующих в операциях войск (сил) в единый универсальный вид Вооруженных Сил.

Руководствуясь данным подходом, можно обосновать необходимость объединения РВСН, дальней авиации ВВС, морской компоненты СЯС, включив еще и Войска ВКО, в один вид, действующий в единой системе управления. Или на основании совместных действий по поражению объектов противника включить в состав ВВС ракетные войска и артиллерию.

На наш взгляд, отмена принятых решений по созданию Войск ВКО, реализующих опыт создания Войск ПВО страны, не целесообразна. При этом главным аргументом, основанием для принятия решения по вопросам строительства необходимо считать решаемые задачи и эффективность их решения.

К таким задачам относятся.

Первое — участие в ядерном сдерживании путем своевременного предупреждения об «обезглавливающих» и «разоружающих» ядерных ударах и защите системы стратегического управления и объектов СЯС от них. Данную задачу должна решать СРПВКН вместе с системой поражения и подавления СВКН.

Второе – контроль воздушного пространства РФ, пресечение нарушений его использования. Решается оборонительным компонентом -системой ВКО.

Третье – воздушно-космическая оборона войск и объектов в регионах конфликтов. Данная задача решается в рамках единого планирования и управления разновидовыми (разнородными) войсками (силами) на стратегическом направлении. При этом военные действия ведутся соответствующими наступательными и оборонительными компонентами группировки.

Такое рассмотрение проблемы демонстрирует предпочтительность ВКО в решении этих задач. Его реализация может заключаться в административном подчинении сил ПВО-ПРО на территории России командующему Войсками ВКО, то есть в создании организационной структуры, подобной Войскам ПВО страны. Для этого потребуется преобразовать командования ВВС и ПВО в командования ПВО-ПРО с подчинением их Командующему Войсками ВКО. В состав этих командований ввести бригады ВКО с включением в них, в свою очередь, части истребительной авиации, с последующим приданием бригадам ВКО статуса корпусов и дивизий ВКО.

Хочу отметить, что в любом случае решение проблемы оптимизации структуры ВС РФ в интересах эффективной воздушно-космической обороны требует соответствующей научной проработки вариантов с возможной их апробацией на соответствующих КШУ и КШТ.

Помимо проблемы организационного строительства я в своем выступлении хочу также остановиться на проблемах эффективного решения перечисленных задач ВКО.

Рассматривая участие системы ВКО в стратегическом сдерживании, необходимо отметить, что первоочередной и относительно малозатратной реакцией на обострение угрозы «разоружающего» удара, вследствие развития стратегического потенциала США, может быть повышение роли ответно-встречного удара СЯС РФ. Задача ВКО в этих условиях состоит в совершенствовании возможностей по предупреждению.

В Войсках ВКО осуществляются планы по наращиванию возможностей космического и наземного эшелонов СПРН по предупреждению об ударах БР. Их реализация создает условия для успешного осуществления ответно-встречного удара. Но одновременно с баллистическими ракетами США располагают и ядерными крылатыми ракетами, по которым всегда имели над нами преимущество. Оно усугубляется фактическим отсутствием учета этих ракет в новом Договоре о стратегических наступательных вооружениях, а также непрерывным совершенствованием возможностей обычных высокоточных крылатых ракет по поражению объектов СЯС. Маловысотные малозаметные крылатые ракеты при современном состоянии радиолокационного поля ВВС и Войск ВКО позволяют исключить возможность предупреждения, нанести «разоружающий» удар «в обход» СПРН.

Наиболее вероятным мы считаем сценарий комплексного «разоружающего» удара, включающего не только крылатые, но и баллистические ракеты, которые будут обнаружены СПРН. В данном случае применение крылатых ракет позволит скрыть истинные масштабы и направленность удара.

Поэтому задача предупреждения об ударах всеми типами СВКН – БР, КР, ГЗКР органически вписывается в систему мероприятий по решению силами и средствами ВКО информационных задач в интересах своевременного принятия военно-политическим руководством решений на ответные действия СЯС.

Исследования показывают целесообразность создания вокруг некоторых позиционных районов ракетных дивизий локальных маловысотных полос предупреждения на основе радиолокационных комплексов. Эти полосы должны обеспечить предупреждение об ударах крылатыми ракетами за время, сопоставимое с возможностями СПРН по предупреждению об ударах БР. При этом требования к качеству информации полос предупреждения должны быть согласованы с аналогичными требовани-

ями к информации СПРН. Объединение этих видов информации будет важным этапом на пути создания системы разведки и предупреждения о воздушно-космическом нападении при дальнейшем наращивании ее возможностей за счет развертывания перспективных космических систем разведки.

Дальнейшее расширение возможностей по ведению разведки в интересах решения всех трех указанных выше задач предполагает совершенствование средств ВКО по противодействию гиперзвуковым летательным аппаратам, поступление на вооружение которых уже стоит на повестке дня.

При всей важности повышения эффективности ответно-встречного удара необходимо учитывать, что стратегическая стабильность будет максимально надежной при способности нанести агрессору неприемлемый ущерб в ответном ударе, то есть в наиболее тяжелых для СЯС РФ обстоятельствах. Эта способность обеспечивается высокой живучестью СЯС. Участие ВКО в реализации такой живучести сводится к огневому прикрытию объектов СЯС.

Основные усилия ВКО, обеспечивающие эффективное использование ограниченных ресурсов, предлагается сосредоточить на объектах РВСН. Первоочередной характер их прикрытия обусловлен тем, что в этих войсках находится основной ядерный потенциал СЯС и весь потенциал ответно-встречного удара. Кроме того, особенности этих объектов позволяют получить существенный эффект от их прикрытия силами ВКО. Учитывая потенциал каждого ядерного заряда, размещенного на отечественных МБР, агрессор должен стремиться поразить в разоружающем ударе с высокой надежностью обязательно все МБР, в том числе и прикрытые обороной. То есть он должен довести полигонный наряд – два ядерных заряда до каждой пусковой установки. При этом он столкнется с «эффектом обороны группового объекта».

Данный эффект приводит к резкому росту дополнительных затрат СВКН противника на преодоление обороны. Он обусловлен необходимостью преодоления нападающей стороной неопределенности в распределении огневых воздействий обороны при прикрытии одним огневым средством сразу нескольких МБР.

При этом мы разделяем мнение, что, независимо от состояния отношений в области ПРО, сокращение СЯС РФ, пусть взаимное с США, ниже определенной планки, может стать дестабилизирующим, с утратой самой идеи сдерживания, фактором и не соответствует интересам РФ.

Задача охраны Государственной границы в воздушном пространстве выполняется постоянно. В ее решении в мирное время реализуется обеспечение суверенитета государства, его права на осуществление юрисдикции над своей территорией. Трудности выполнения этой задачи обусловлены уникальными размерами территории России при ограниченных объемах поставок новых радиолокационных средств. В настоящее время протяженность радиолокационно-контролируемых участков госграницы России не позволяет говорить об эффективном решении данной задачи. Преодоление этих трудностей предполагается осуществлять за счет разработки новой радиолокационной техники, в том числе на воздушных носителях и, в перспективе, с использованием космических аппаратов. Кроме того, необходимо совершенствовать тесное взаимодействие сил и средств различной административной принадлежности между собой.

Относительно применения сил и средств ВКО для сдерживания военных конфликтов с применением обычного оружия и успешного ведения боевых действий в них рациональным представляется применение немногих оставшихся от сокращений сил и средств для обороны объектов в регионах возможных конфликтов применительно к условиям обычной войны. В настоящее время эти силы и средства находятся в оперативном подчинении командующих войсками военных округов – оперативно-стратегических командований.

Реализация территориального принципа в системе управления силами общего назначения для нас не подлежит сомнению. Вместе с тем для обеспечения равнопрочного, эффективного управления всеми разнородными группировками войск (сил), решающих задачи вооруженной борьбы в воздушно-космическом пространстве в границах ОСК, предстоит решить ряд сложных проблем на всех уровнях – с тактического до стратегического. Основными проблемами при этом, на наш взгляд, являются следующие:

обеспечение необходимого уровня стратегической мобильности в интересах своевременного наращивания группировок ВКО;

сопряжение систем управления силами ВКО различной подчиненности и осуществление мероприятий организационного характера, создание стройной системы органов управления в интересах обеспечения единства управления;

развитие противоракетной обороны от нестратегических баллистических ракет, требующее технического сопряжения сил и средств РКО и ПВО в единую информационно-управляющую и огневую систему;

создание эффективных систем противоспутниковой борьбы, определение форм и способов их применения в различных условиях обстановки.

В коротком выступлении, разумеется, невозможно достаточно подробно осветить все проблемы обеспечения безопасности Российской Федерации в воздушно-космическом пространстве. Я остановился лишь на тех из них, которые, на наш взгляд, представляются основными.

ВЫСТУПЛЕНИЕ
руководителя Удмуртского регионального отделения АВН
Б.А. ЯКИМОВИЧА[1]

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ ДЛЯ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

Удмуртское отделение Академии военных наук организовано в 2003 году, и его количественный состав приближается к полусотне. В составе отделения создатели военной техники, известные ученые вузов республики, причастные к оборонно-промышленному комплексу (ОПК) и к силовым структурам. В составе отделения выдающийся Генеральный конструктор стрелкового оружия генерал-лейтенант Калашников Михаил Тимофеевич.

Основные направления работы отделения связаны с Уставной деятельностью Академии военных наук. Для Удмуртского отделения, учитывая его специфику (основу отделения составляют, в основном, ученые ФГБОУ ВПО «Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова»), это подготовка кадров высшей квалификации для предприятий ОПК, участие в НИР, НИОКР, в испытаниях и производстве новых образцов военной техники, выполнение работ по критическим и двойным технологиям, информационная работа и работа по патриотическому воспитанию молодежи.

Социологические исследования последних лет убедительно свидетельствуют о том, что потребность предприятий ОПК в высококвалифицированных специалистах неуклонно возрастает, однако престиж этих предприятий у молодежи остается невысоким. Прежде всего, это связано с напряженностью учебного процесса по направлениям технической подготовки, а также относительно невысоким уровнем заработной платы и социальных благ, предлагаемых молодым специалистам предприятиями ОПК. В этих условиях становится важной работа высших учебных заведений по привлечению молодежи на обучение по профилю оборонных специальностей уже со школьной скамьи. Хорошим мероприятием, организованным с участием Удмуртского отделения АВН, является проведение ежемесячного академического лектория для школьников Удмуртской республики. Тематика проводимых лекций учитывает интересы школьников и интересы предприятий и организаций республики. К чтению лекций привлекаются известные ученые и промышленники. Так, в 2012 году в работе лектория принимали участие академик Российской академии наук Липанов Алексей Матвеевич, генеральный директор ОАО «Ижавто» Алексей Алексеев, ведущий инженер-конструктор отдела Главного конструктора «ФГУП «Ижевский механический завод» Михаил Евгеньевич Драгунов и др.

Избежать кадрового голода можно обоснованным планированием ежегодного набора студентов по группам оборонных специальностей. Эта работа выполняется с учетом заявок предприятий Удмуртской республики, Уральского и Приволжского регионов. С учетом интересов предприятий активно пересматриваются учебные планы по всем направлениям подготовки. Большое внимание уделяется организации и содержанию производственных практик. Несомненно, что получение знаний, навыков и умений студентами через практики и практические исследования, должно стать основным принципом подготовки современных инженерных кадров.

Следует отметить, что в настоящее время выпускники ИжГТУ успешно работают не только на предприятиях республики, но и в организациях Российских федеральных центров г. Саров и г. Снежинска, ОКБ «Новатор» и ФГУП «Уралвагонзавод» (г. Екатеринбург), ОАО «Чепецкий механический завод» и ОАО «Вятско-Полянский машиностроительный завод «Молот». В рамках гособоронзаказа ежегодный выпуск составляет более 600 бакалавров, специалистов и магистров. В том числе осуществляется выпуск специалистов для нужд организаций силовых структур.

В последние годы значительно увеличился набор работников и служащих предприятий ОПК, силовых ведомств и военных учебных заведений в аспирантуру и докторантуру ИжГТУ. По программам ОПК в аспирантуре ИжГТУ в настоящее время обучается более 25 аспирантов. В диссертационных советах ИжГТУ защитили кандидатские и докторские диссертации генералы Третьяков Петр Андреевич, Безруков Геннадий Николаевич, Габричидзе Томазий Георгиевич и др.

Ученые Удмуртского отделения АВН активно участвуют в работах, связанных с созданием новых образцов военной техники. Эта работа выполняется в рамках грантов и программ Министерства образования и науки по приоритетным направлениям развития науки, технологии и техники РФ, в рамках хоздоговорных отношений с предприятиями оборонного комплекса, по прямым договорам с организациями силовых министерств. Из большого количества работ, выполняемых учеными Удмуртского отделения АВН, можно выделить, например, следующие:

создание информационно-телекоммуникационных систем (действительные члены академии доктора наук Хворенков В.В., Климов И.З.), обеспечивающих мобильную широкополосную систему связи, выполненную по технологии MEA (Mesh Enabled Architecture); система прошла серию испытаний, в том числе и войсковых;

[1] В подготовке материала участвовал доктор технических наук профессор А.В. Алиев.

создание дистанционно-управляемых транспортных платформ и, в частности, гранатометного комплекса, установленного на платформе «Тропа-2» (действительные члены академии доктора наук Михайлов Ю.О., Умняшкин В.А., Филькин Н.М.);

разработка прогрессивных технологий и освоение производства корпусов ракетных систем (действительные члены академии доктора наук Якимович Б.А., Михайлов Ю.О.);

создание расчетных и экспериментальных средств отработки ракетных двигателей твердого топлива (действительные члены академии доктора наук Алиев А.В., Бендерский Б.Я., Мокрушин Б.С. и др.).

Перспективным является создание в ИжГТУ имени М.Т. Калашникова информационно-аналитического центра для мониторинга и прогнозирования деятельности ОПК (действительные члены академии доктора наук Якимович Б.А., Тененев В.А.). Основные задачи, стоящие перед центром, это принятие эффективных стратегических решений на высшем управляющем уровне, в частности, для осуществления непрерывного слежения за состоянием и развитием процессов в области ОПК и информационно-аналитической поддержки принятия управляющих решений. Методологические наработки, имеющиеся в центре, основаны на применении моделей теории нечеткой логики и приближают формализм машинной логики к человеческому мышлению. Созданное программное обеспечение позволяет решать следующие задачи:

классификация событий, объектов;

кластеризация (группировка объектов на основе их свойств);

регрессия (установление связей выходных переменных от входных);

ассоциация (выявление закономерностей между связанными событиями) и др.

Экспертно-аналитическая система, разработанная в Информационно-аналитическом центре, позволяет выполнить оценку состояния процесса или объекта по индикаторным показателям, оценить динамику процесса и прогнозировать его будущее развитие, обеспечить оптимальное управление процессами по нескольким показателям на основе управляющих воздействий и др. По своим показателям и идеологии разработанная система близка к системе, созданной Агентством передовых оборонных исследовательских проектов США (DARPA – Defense Advanced Research Projects Agency). Следует заметить, что в разработанной Удмуртским отделением АВН системе используется мощный математический аппарат, основанный на генетических алгоритмах.

Удмуртское отделение АВН традиционно занимается организацией и проведением значимых конференций и совещаний, направленных на решение важных государственных задач. Так, в октябре 2012 года на базе ИжГТУ имени М.Т. Калашникова проведено уже пятое по счету Всероссийское совещание «Проблемы реализации государственного плана подготовки кадров для предприятий оборонно-промышленного комплекса» (организаторы действительные члены академии доктора наук Якимович Б.А., Алексеев В.А., Михайлов Ю.О., Алиев А.В., Брызгалов Ю.Б.). Важным итогом совещания явилось решение о создании пилотного инновационного Центра подготовки кадров для предприятий оружейного, радиоэлектронного и ракетно-космического кластеров Приволжского федерального округа. В рамках Всероссийского совещания проведена выставка «Сотрудничество с предприятиями оборонно-промышленного комплекса», на которой были представлены многочисленные экспонаты выпускаемой в регионе оборонной продукции.

Из других мероприятий 2012 года с участием ученых Удмуртского отделения АВН следует отметить, например, следующие:

международная выставка «HANNOVER MESSE 2012, Global Business and Markets», г. Ганновер, Германия, 23-27 апреля 2012 г. (действительные члены академии доктора Михайлов Ю.О., Брызгалов Ю.Б.);

организация и проведение встречи с вице-премьером РФ Дмитрием Олеговичем Рогозиным, выставка «Инновационные проекты ИжГТУ», 24 января 2012 г. (действительный член академии доктор Якимович Б.А.);

серия научно-практических Всероссийских конференций «Обеспечение национальной безопасности» (действительные члены академии доктора Якимович Б.А. и Галиахметов Р.А.).

Помимо научных статей учеными Удмуртского отделения АВН в прошлом году подготовлены и изданы монографии, учебники и учебные пособия. В частности, можно отметить следующие издания:

«Оружие и его создатели – связь времен» (Ижевск, издательство ИжГТУ имени М.Т. Калашникова, авторы действительные члены АВН Б.А. Якимович, С.А. Писарев);

«Твердотопливные регулируемые двигательные установки. Справочная библиотека разработчика-исследователя» (Москва, издательство «Машиностроение», авторы действительный член АВН А.В. Алиев и др.);

«Учебные центры для развития кадрового потенциала высокотехнологичных отраслей промышленности. Учебное пособие» (Ижевск, издательство ИжГТУ, автор действительный член АВН Б.А. Якимович).

Удмуртское отделение АВН постоянное внимание уделяет патриотическому воспитанию молодежи. Из недавних событий наиболее успешной и значимой представляется продолжительная работа, завершившаяся присвоением Ижевскому государственному техническому университету имени Михаила Тимофеевича Калашникова. Это событие существенно возвышает ИжГТУ в самых различных мировых рейтингах и делает престижным обучение молодежи в этом вузе.

Другое важное мероприятие, восстановленное в Ижевске, – это организация и проведение ежегодных пробегов студенческой молодежи к местам боевой славы и городов-героев. Эти пробеги происходят в мае каждого года и приурочиваются к годовщине

Дня победы СССР в Великой Отечественной войне. В 2012 году состоялся пробег по маршруту Ижевск-Минск-Ижевск, в котором принимали участие студенты Удмуртии и Белоруссии. В 2013 году состоится уже десятый пробег, который посвящается 70-летию победы Советской армии в боях под Сталинградом и пройдет по маршруту Ижевск-Минск-Волгоград-Минск-Ижевск. Многие российские вузы выразили желание присоединиться к студентам Удмуртии и Белоруссии в этом пробеге.

Хочется отметить большую помощь в воссоздании в Удмуртии первичных организаций ДОСААФ, оказываемую лично генерал-полковником Маевым Сергеем Александровичем. Уже сегодня в стенах ИжГТУ функционируют автошкола, секция дельтапланеризма. С 2013 года планируется возобновить сдачу студентами норм ГТО. Усилиями Главного Управления МЧС и при личном участии начальника ГУ генерал-майора Фомина Петра Матвеевича (действительный член АВН) в Ижевском государственном техническом университете имени М.Т. Калашникова созданы студенческие добровольные пожарные дружины, оснащенные техническими средствами.

В заключение необходимо отметить следующее:

Удмуртское отделение АВН успешно взаимодействует с основными образовательными учреждениями Удмуртии и в первую очередь с ИжГТУ имени М.Т. Калашникова, организуя учебный процесс в интересах военной организации государства, обеспечивая тесную связь учебного процесса с нуждами предприятий ОПК региона, организуя подготовку специалистов для нужд силовых структур (МЧС, МВД, Минюста и др.);

отделением успешно воссоздаются первичные структуры ДОСААФ, в частности, развиваются военно-прикладные виды спорта, проводится начальное военное обучение студентов. В настоящее время финансирование этих мероприятий осуществляется Ижевским техническим университетом из своих внебюджетных средств. Однако эта работа может быть многократно увеличена при получении дополнительного финансирования из федерального бюджета;

богатый и продолжительный опыт работы ученых Удмуртского отделения с предприятиями ОПК может быть использован Академией военных наук. В частности, ученые Удмуртского отделения могут привлекаться как эксперты при оценке перспективности НИР и НИОКР, выполняемых в интересах Министерств, связанных с силовыми структурами;

эксплуатация разработанной учеными Удмуртского отделения АВН экспертно-аналитической системы типа DARPA на промышленных предприятиях Удмуртии показала возможность ее применения при решении различных задач военного назначения;

Удмуртское отделение предлагает организовать в рамках Академии военных наук выпуск серии справочных изданий, монографий, учебников, связанных с Уставной деятельностью Академии.

ВЫСТУПЛЕНИЕ
председателя Совета ветеранов военной финансово-экономической службы генерал-полковника в отставке В.В. ВОРОБЬЕВА*

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Для понимания и правильной оценки предпринимаемых решений по реформированию Вооруженных Сил необходимо учитывать особенности данной сферы деятельности и особенности финансов как важнейшего элемента и инструмента управления этой деятельностью. Они состоят в следующем.

Первое. История далекая и сегодняшняя практика просто кричат о том, что судьба военных реформ зависит от человека, принимающего решения, от его военной и экономической компетентности, способности мыслить военно-экономически, то есть исходить из того, чтобы необходимый военный результат достигался непременно, а затраты на его достижение были бы как можно меньшими. Иные подходы: чисто военный, не считающийся с затратами, или чисто экономический, рассчитанный на экономию и прибыль, неприемлемы, даже опасны. Еще И.Т. Посошков в представленной Петру I книге «О скудости и богатстве» обосновывал такой способ военного реформирования, который позволял при тех же затратах, при которых содержалась существовавшая тогда армия, иметь вооруженное новейшим оружием высоко профессиональное, руководимое искусными полководцами войско, с которым государь «мог бы многие государства под руку свою подклонить»[1]. При этом были предложены конкретные решения многих вопросов: развития экономики, производства оружия, подготовки умелых воинов для комплектования военной организации, осуществления того, что ныне называют военно-экономическим анализом, и других. К сожалению, родная история зачастую игнорируется и полна примерами двух выше названных крайностей. Они ярко проявляются в военно-фи-

* В подготовке материалов выступления участвовал доктор экономических наук, профессор А.И. Пожаров

нансовой политике. На современном этапе военного строительства в России требуется именно военно-экономический подход, а названные крайности просто гибельны, имея ввиду характер существующих угроз национальной безопасности и произошедшие изменения социально-экономических отношений в стране после развала СССР.

Второе. Финансы, выступая как одно из самых мощных средств управления процессами экономического обеспечения безопасности, в руках разных субъектов военно-экономических отношений используются для достижения разных интересов и целей общества, государства и частных собственников. Объективно существует возможность отрыва финансов от экономики, от функционального предназначения ее подсистем ради достижения чисто финансового результата. На эту их особенность обращал внимание еще Аристотель в своем учении об экономии и хрематистике.

Анализ той части экономики, которая непосредственно обеспечивает национальную безопасность, позволяет заключить, что в ней (и в каждой ее функциональной подсистеме) приходится иметь дело с финансовыми проблемами разного плана, такими, например, как проблемы эффективности и безопасности экономики в целом, а также эффективности и безопасности конкретных функциональных экономических подсистем, обеспечивающих различные системы безопасности: экономическую безопасность, военную безопасность и другие. При этом возникают очень сложные и противоречивые вопросы. С ними надо разобраться.

Противоречия в понимании смысла финансовой деятельности особенно ярко проявляются в вопросе о повышении ее эффективности. В принципе, в научном плане финансы – составной элемент экономических отношений, значит, критерии финансовой эффективности должны вписываться в рамки эффективности экономики, а критерии военно-финансовой эффективности должны формироваться в рамках критериев эффективности также и военной экономики, поскольку ее эффект – не прибыль, а военный результат, например, определенный уровень боеспособности и боеготовности воинской части, соединения, Вооруженных Сил или искомое количество и качество ВВСТ при возможно меньших затратах на их разработку, производство, применение.

Однако в реальной действительности зачастую наблюдается иное: финансы отрывают от функциональных результатов экономики и Вооруженных Сил, финансисты (и не только они) склонны понимать эффективность своей деятельности очень узко – в смысле увеличения чисто финансовых результатов, игнорируя функциональное предназначение обслуживаемой экономической системы (подсистемы), порой даже в ущерб ей, ее целевому предназначению. В связи с этим складываются условия для развития воровства и коррупции. В различных социально-экономических системах условия для коррупции различны, но они всегда есть, степень их реализации во многом зависит от человеческого фактора. Как и почему это так масштабно развилось в условиях современной России? Попытаемся разобраться в этом.

С переходом к плюрализму форм собственности некоторые деятели, особенно неолиберального толка, стали утверждать, что экономика развивается под воздействием невидимой руки рынка, поэтому государству, человеку не следует вмешиваться в ее ход. Что же касается искусства делать при этом деньги, то оно зависит от знаний, опыта, изворотливости предпринимателей. При таком подходе финансы, оторванные от функционального предназначения конкретной подсистемы (в данном случае – военной экономики), могут становиться в руках ростовщиков, банкиров, олигархов, чиновников не средством достижения функционального предназначения данной подсистемы, а средством обогащения причастных к ней лиц с помощью разных финансовых технологий, в том числе путем финансовых спекуляций и прямого воровства.

Так, одним из широко применявшихся методов обогащения в период конверсии военного производства было недофинансирование ОПК, специально создаваемое коррупционерами, чтобы под видом оборонных расходов обогащать олигархов баснословными процентами за предоставляемый ими кредит и получать свое солидное вознаграждение от этих грабительских доходов. Это практиковалось особенно широко в России в 90-е годы прошлого века[2]. А в начале XXI века доходы от экспорта нефти и газа под надуманным предлогом их якобы неполноценности стали использовать лишь в роли «подушки безопасности», хранимой в зарубежных банках под ничтожный процент. Кому это надо и зачем? Зарубежным банкирам – это приток капитала в виде дешевых вложений, а отечественным – для создания видимости безопасности на случай кризиса. На деле же это ослабление возможностей для инвестирования капитала в реальную экономику, для ее модернизации и роста. Фактически это стерилизация капитала, который к тому же может быть в случае финансовых потрясений фактически арестован международными финансовыми монополиями.

Особенно широки возможности для финансовых махинаций в тех сферах, где существует различие между экономическим и функционально-экономическим результатами деятельности, прежде всего, в сферах обеспечения национальной обороны и безопасности, чем и воспользовались, например, многие структуры «Оборонсервиса», созданного гражданским министром обороны для замены соответствующих структур тыла Вооруженных Сил.

Расходы на национальную оборону и национальную безопасность быстро растут во всем мире. Так, во второй мировой войне военные потребности поглощали уже половину от всей экономической мощи Германии и Советского Союза. Велика их доля в послевоенной гонке вооружений. В немалой степени это обусловлено использованием зарубежными странами кейнсианских рецептов, а также масштабным воровством, коррупцией, борьба с которыми стала проблемой глобального значения[3]. В таких условиях

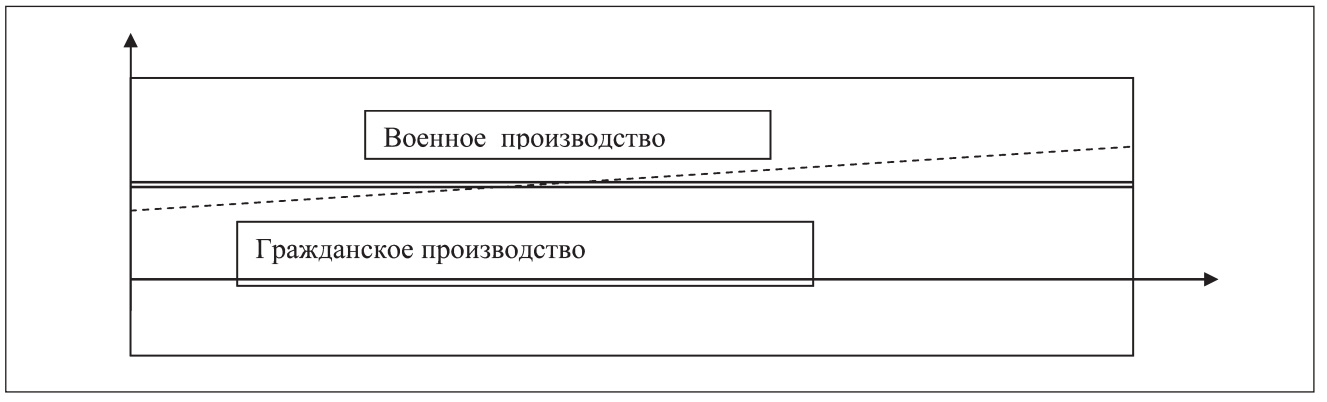

Рис. 1. Конверсия ОПК без сокращения объема его ВВП

вполне понятно стремление противопоставить этому повышение военно-экономической эффективности. Так, всемирно историческая победа Советского Союза в Великой отечественной войне достигнута в немалой степени благодаря высокой эффективности его военной экономики, работавшей по принципу – «Все для фронта!» и тщательно сберегавшей каждый рубль, доводя его строго по назначению и в срок до потребителя. В период холодной войны, опираясь на значительно меньшую, чем у США экономическую мощь, СССР несколько десятилетий поддерживал военный паритет.

А вот со времен конверсии ОПК и развала СССР уже двадцать лет в обеспечении национальной обороны и безопасности России имеют место сначала недофинансирование, затем неспособность эффективно реализовать выделяемые на оборону финансы, разворовывание их, чудовищная коррупция. Подробнее остановимся на этом периоде оборонного строительства в условиях, когда к военным угрозам добавились сопоставимые по масштабам невоенные угрозы национальной безопасности: экономические, экологические, информационные и многие другие, а извечная проблема ограниченности ресурсов становится все более острой, требуя и более эффективного использования ресурсов и компетентного определения приоритетов в их распределении.

Важнейшими экзаменами для военно-экономической политики стали конверсия военного производства и модернизация военной системы.

Конверсия военного производства.

С крушением биполярного мира в корне меняется геополитика государств. Естественно должны измениться экономическая, военная и военно-экономическая политики и их финансовая составляющая. Были достигнуты некоторые международные договоренности, в том числе о сокращении вооружений и конверсии военного производства. Но в России не сразу и не во всем удавалось найти и реализовать необходимые стратегические и тактические решения.

Конверсия военного производства – явление новое, и смысл ее понимался по-разному в разных странах и представителями разных социальных слоев внутри стран. Очевидно, что в СССР смысл конверсии военного производства состоял в том, чтобы перераспределить ресурсы между военным и гражданским производством в пользу гражданского. Но не ради недофинансирования военного производства, а так, чтобы шло сокращение производства тех вооружений, которые избыточны, морально устарели и чтобы номенклатура, объем и сроки сокращения определялись с учетом возможностей освоения гражданским сектором высвобождающихся материальных и людских ресурсов в производстве невоенной продукции высокого качества и пользующейся спросом. Производство в обоих секторах должно совершенствоваться в технико-технологическом, кадровом, организационном отношениях. Упрощенно это можно представить в следующем виде (рис. 1).

При таком перераспределении финансов объем ВВП в ОПК останется неизменным. А каков будет результат? Гражданское производство в нем возрастет на величину перетока средств из военного производства, увеличится экономическая мощь. Что же касается военного результата, то он, в конечном итоге, тоже возрастет за счет качественных преобразований военной экономики и перевооружения вооруженных сил, как это и произошло в США и ряде других стран. Реализация такой программы конверсии позволила бы за пять лет более чем в два раза увеличить производство товаров для населения и удовлетворить спрос перерабатывающих отраслей промышленности и агропромышленного комплекса в современном технологическом оборудовании.

Против научно обоснованной программы конверсии выступили С.А. Шаталин, А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварнадзе. Последний утверждал, будто масштабное сокращение производства вооружений даст за пять лет пять триллионов долларов экономии. Эта ни на чем не основанная цифра не обманула участников Президентского совета, за основу был принят проект, представленный оборонным комплексом. А 12 января 1991 г., после доработки, он был утвержден Верховным Советом СССР.

Почему же в реальной жизни возобладали сторонники обвальной конверсии? Ответ состоит в том, что за ней стояли интересы определенных социальных сил, суть которых довольно ярко освещена в трудах

таких деятелей, занимавшихся конверсией по долгу службы, как Н.И Рыжков, Ю.Д. Маслюков, Е.С. Голубков[4] и другие.

В это время СССР прекратил свое существование, распалось единое экономическое пространство, нарушились экономические, технологические, организационные связи предприятий. Каждое из новоявленных независимых государств избрало свой путь дальнейшего развития, в том числе и для оказавшихся на их территориях оборонных предприятий. В такой ситуации возобладали терапевты шока, нанесшего экономике и обороне тяжелейший урон.

Таблица 1

Военные расходы (млн долл. США) в постоянных ценах и по курсам 1998 г./ их доля в ВВП, %

	1991 г.	1998 г.	1998 г. в % к 1991 г.
США	335436 /4,7	274278/ 3,1	81,7
Россия	80400 /5,5 (в 1992 г.)	30600/ 3,2	38,1
Англия	49270 / 4,2	37232/ 2,7	75,6
Франция	45906/ 3,6	40042/ 2,8	87,2
Германия	44646/ 2,3	33146/ 1,5	74,2
Япония	35024/ 0,9	37739/ 1,0	107,7
КНР	12700/ 2,5	19000/ 2,0	149,6

Составлено и рассчитано по данным:
Ежегодник СИПРИ 2001. С. 334 – 343.

Если принять военные расходы 1991 г. за 100%, то в 1998 г. они сократились в США и странах НАТО на 13-24%, несколько увеличились в Японии, в Китае возросли в полтора раза, а в России сократились в 2,6 раза. Резкое сокращение военных расходов в России вызвало уменьшение и разбалансирование военной мощи; что касается экономики, то произошло ее крутое обрушение, поскольку изъятый из военного сектора потенциал не перетек в гражданский сектор, и были разорваны межотраслевые связи.

В отличие от этого в США и других странах НАТО происходили технико-технологические, институциональные и организационные изменения в оборонно-промышленном комплексе в целях повышения его эффективности, адекватности современным военно-экономическим потребностям: шло слияние компаний, их возможности существенно возрастали. Так, объем военных продаж крупной американской фирмы в полтора раза превосходил всю сумму военных ассигнований России. В России же производство дробилось в интересах приватизации, вместо передачи в гражданский сектор высоких технологий и квалифицированных кадров – распад научных школ, утрата части интеллектуального потенциала. Объем всего производства в ОПК в 1998 г. по отношению к 1991 г., взятому за 100%, упал до 10-16 %, в том числе военной продукции – до 10-12%, а гражданской – до 17,3%.

Судя по мировому рейтингу военно-промышленных компаний, в первой их двадцатке числятся 11 американских, 3 английских, 3 французских, по одной фирме ФРГ, Италии и Японии, но ни одной российской компании. Российские предприятия в оборонно-промышленном комплексе по мировым масштабам стали карликами.

Напрашивается вопрос: можно ли считать, что российская конверсия – плод некомпетентности, обусловленной тем, что проблемы конверсии якобы не были разработаны в военно-экономической теории. Нет, нельзя. И теория, и практика свидетельствуют о несостоятельности такого мнения. Правительство предлагало достаточно обоснованную в научном отношении программу конверсии военного производства. Но была борьба в руководстве за выбор пути, что убедительно показано в книге Н. Рыжкова[5]. На какое-то время верх взяли те, в чьи руки переходили получаемые за бесценок раздробленные приватизацией предприятия ОПК. Число олигархов быстро росло. Они выжимали из ОПК прибыли, не заботясь об амортизации и развитии производства. Оно хирело.

В новом веке с выздоровлением экономики и политики ситуация с ассигнованиями оборонно-промышленного комплекса стала улучшаться, но еще долго сохранялось его недофинансирование. Во втором десятилетии были, наконец, произнесены Президентом России В.В. Путиным слова, выражающие суть бывшей и новой военно-экономической и финансовой политики России: «из-за хронического недофинансирования ОПК пропустил несколько циклов модернизации и нужно наверстать упущенное».

Возрождение и модернизация[6] ОПК.

Одно из главных условий – возрождение крупных интегрированных структур ОПК. Такой курс был взят с принятием в 2001 г. «Основ политики Российской Федерации в области развития оборонно-промышленного комплекса на период до 2010 года и дальнейшую перспективу». В них правильно понята и подчеркнута необходимость глубоких структурных преобразований оборонно-промышленного комплекса, который мог бы конкурировать с транснациональными корпорациями и обеспечивать Вооруженные Силы всем, что нужно для противодействия современным военным угрозам.

Однако принимаемые меры долгое время не приводили к значительному улучшению состояния ОПК и Вооруженных Сил– так глубоко повлияли на них деструктивные процессы приватизации и превращение ОПК в чисто рыночную сферу. «Роль государства стала, – говорят некоторые авторы, – значительно ниже роли менеджмента предприятий, работающего на собственников этих предприятий (чаще всего иностранных), что делает достижение декларируемых государством целей процесса интеграции нереальным, поскольку они зачастую входят в противоречие с истинными целями собственников и менеджмента»[7]. Жизнь настоятельно требует не уводить государство из экономики, к чему призывают порой и высоко поставленные деятели, а изгонять из нее неучей и коррупционеров и допускать к ней только компетентных специалистов. В этом случае возможна эффективная и «умная экономика», нацеленная на функциональ-

ный эффект. Но рыночная эйфория продолжалась и дала свой негативный результат. Первые три ГПВ, разработанные каждая на 10 лет, но провалившиеся на протяжении 1996-2010 годов, доказали это. Четвертая ГПВ рассчитана на 2011-2020 гг.

Главные причины, обусловившие провал, связаны, во-первых, с утратой под видом конверсии ОПК главного его достоинства – системной целостности на базе государственной собственности, во-вторых, с тем, что в условиях изменения социально-экономических отношений требовались, но не сразу и не всегда находились новые подходы, соответствующие формы и методы военно-экономической организации деятельности. Их поиску и внедрению не уделялось должного внимания, как и профилированной подготовке кадров. Значит, суть дела состоит в том, чтобы восстановить ОПК как систему на основе оптимального сочетания различных форм собственности, применения планово-государственных и стихийно-рыночных отношений и технологий. Сначала в этом деле виделось самое простое и очевидное – возрождение количественных параметров ОПК на основе достаточного государственного финансирования и частного предпринимательства. Но нужны были и существенные качественные преобразования экономических отношений в стране в целом и в ОПК особенно.

Речь идет о роли и месте военно-экономической политики, о ее финансовой составляющей в системе определяющих факторов, о том, как предотвратить ее отрыв от реально осуществляемой военной, экономической и военно-экономической деятельности и обеспечить реализацию ее функционального предназначения. Необходимо согласовать военно-финансовые и военно-экономические интересы, исключить преувеличенное влияние узковедомственных и частных интересов. Надо юридически оформить военно-экономические отношения, разработав правила игры, приемлемые для субъектов этих отношений, и создав соответствующие механизмы стимулирования и принуждения в виде экономических санкций, норм юридической ответственности, исключая коррупцию и воровство финансовых ресурсов. Но, как показала сердюковская фаза реформирования, этого реформаторами не было сделано, а то, что сделано, проводилось без изначально ясных, доведенных до исполнителей и понятых ими целей.

В условиях стабильного и достаточного по объемам бюджетного финансирования, о котором еще 10 лет назад можно было только мечтать, сердюковская команда развернула деятельность, прямо противоположную требованиям военно-экономического подхода к реформированию, все, что было наработано военно-экономической наукой, оказалось полностью забытым или проигнорированным. Все, что было хорошее, сразу стало плохим. В процессе реформ 2008-2012 годов во всех органах военного управления, объединениях, соединениях и воинских частях ликвидированы экономические подразделения и финансовые органы, упразднены офицерские должности, сокращены оба военно-финансовых образовательных учреждения (в Ярославле и Москве), осуществлявшие подготовку офицеров-специалистов финансово-экономического профиля. Под видом благого дела экономии средств ликвидировались специалисты, долг которых осуществлять режим экономии в сфере обороны и безопасности. Говорят об опыте США, но в министерстве обороны и в центральных органах американской армии штатные должности генералов и офицеров в финансовых структурах составляют 17%, а в войсках – до 40%.

Конечно, наблюдая этот разгром, военные финансисты понимали, а теперь, слава богу, поняли и многие другие, что специалисты-финансисты в погонах реформаторам были не нужны, в силу их честности, порядочности, неподкупности, высокой профессиональной подготовки и преданности задачам обеспечения законного и целесообразного расходования государственных средств, а не их разбазаривания и системного разворовывания.

Созданные в процессе реформ и выведенные из подчинения командующих, командиров и начальников всех уровней территориальные финансовые органы (ТФО), как бы обидно для них это ни звучало, были наделены лишь функциями счетоводов, учетчиков денежных знаков и имущества, расчетчиков по денежному довольствию и заработной плате. Аналитическая и военно-экономическая деятельность там полностью отсутствовала. Перестали заниматься вопросами сбережения и экономии, обеспечения эффективности расходования материальных, топливно-энергетических, трудовых и финансовых ресурсов руководители воинских структур, с которых были сняты эти функции, как якобы не связанные с оперативной и боевой подготовкой, что на деле превратило их в бесправных, не влияющих на происходящие процессы в воинских гарнизонах, просителей. Особенно ярко и вредно это проявилось в замене органов Тыла Вооруженных Сил. В том, как «экономят» бюджетные ассигнования ОАО «Оборонсервис», входящие в него субхолдинги, другие коммерческие структуры, работающие с Минобороны, теперь всем хорошо известно.

В 2008 году, то есть в начале реформ, было заявлено пять основных программных задач по созданию нового облика Вооруженных Сил. В итоге оказалось, что ни одна из них по существу не выполнена. А поскольку они проводились, зачастую, экспромтом, нередко без учета здравого смысла, по принципу проб и ошибок, огульно руководствуясь тезисом – все, что было раньше – это плохо, и его надо сломать, а, главное, без функциональных финансово-экономических обоснований, они оказались исключительно затратными и нанесли серьезный ущерб обороноспособности страны. Затраты бюджетных средств на реформы были огромными, а результаты «плачевными». На исправление серьезных ошибок еще потребуются большие деньги.

Финансовые и экономические издержки были при решении каждой из заявленных программных задач. Но как они оценивались, с чем сравнивались, как определялась их эффективность? Вот несколько примеров.

Так, строительство жилья на землях Минобороны, инициированное его руководством под видом выгоды, реально обернулось огромными необоснованными расходами. В 2009 году таким способом построено 25,7 тыс. квартир, а путем приобретения их на рынке жилья в то время можно было закупить 43 тыс. квартир. При собственном строительстве стоимость 1 кв. метра общей площади жилья, по сравнению со среднерыночной стоимостью, в ряде случаев завышалась практически в 2,4 раза. Только в Дальневосточном военном округе по 15 построенным домам указанные расходы составили 737,5 млн. рублей. Министерство обороны даже не всегда имело достоверные данные о стоимости 1 кв. м построенного жилья. Доходило до абсурда, когда ЗАО «Кубаньстройпроект», не сдавшее 765 квартир в установленный срок, продолжало после этого через полгода и год получать деньги от Минобороны авансом до полной стоимости контракта в 1,7 млрд. рублей. Квартир нет, контракт не выполнен, а деньги перевели. Как это вообще возможно?

А вот еще пример из другой области. Явно избыточная посредническая структура ОАО «Военторг», абсолютно ничего не делая и в договорах с соисполнителями занижая только на 1 % стоимость сутодач по основным пайкам, оплаченным Минобороны (соисполнители у них составляли 98 %), получало под видом комиссии ежегодно огромные суммы. Например, в 2011 году они составили 230 млн. рублей. К слову, порядок использования такой прибыли никем не определялся и о направлении ее для улучшения какой-либо деятельности ОАО «Военторг» речи быть не могло. Что хотим, то и делаем! Соисполнители, следуя примеру «Военторга», наживались на договорах с другими соисполнителями (аутсорсерами). Цена пайка уменьшалась, что отрицательно сказывалось на качестве питания, росло количество отравлений. И все это происходило при наличии в составе Минобороны продовольственной службы, тыла Вооруженных Сил.

Факты разбазаривания, незаконного и неэкономного расходования средств можно продолжать бесконечно на примерах любой из пяти задач реформы. Все это выливается в десятки миллиардов рублей. А если посчитать, какой материальный ущерб был допущен стремительным переформированием дивизий в бригады, разгоном квартирно-эксплуатационных органов, сокращением различных складов, баз, полной ликвидацией других структур (без какой-либо надлежащей организации передачи материальных ценностей, военного имущества и контроля за этим), – становится просто жутко. Об этом, между прочим, указывалось в соответствующих актах ревизий, которые руководство Минобороны не интересовали. Даже хрущевские реформы пятидесятых и начала шестидесятых годов прошлого века, по части экономического урона, причиненного государству, как сегодня принято модно говорить, просто отдыхают.

Решая задачу существенного повышения денежного довольствия военнослужащим, в реально заявленных в начале реформ размерах, оно было повышено только для военнослужащих, чья воинская служба связана с риском для жизни, и проходящим службу в отдаленных местностях. Это, безусловно, хорошо, но для всех других военнослужащих повышение денежного довольствия, в связи с отменой натуральных льгот и так называемых стимулирующих и устаревших надбавок, оказалось значительно скромнее заявленного. При этом введены «странные» выплаты для отдельных категорий военнослужащих, вроде такой, как надбавка за физическую подготовку, хотя статус офицера уже предполагает хорошую физическую подготовку. Труд преподавателя физподготовки в вузе был оценен существенно выше труда доктора наук, профессора по любой другой дисциплине. Имеются и другие, не совсем продуманные решения.

Отмена льгот по проезду в отпуск и санаторно-курортному лечению военнослужащих и членов их семей серьезно подорвала исторически сложившуюся систему ежегодного оздоровления офицерского состава. Учитывая необоснованный рост стоимости путевок в военные санатории и дома отдыха (по сравнению с 2008 годом в 2 и более раза), наряду с реальным ухудшением услуг и качеством лечения, одни военнослужащие устремились на отдых за границу, где он, зачастую, обходится дешевле, чем в России, да еще, если «все включено», другие – из-за нехватки средств вообще отказались от таких видов отдыха и лечения.

Вызывает удивление, что такое положение не интересовало новых реформаторов, а ведь надо же было учесть, что ухудшение здоровья офицерского корпуса резко подрывает боевую готовность армии и флота. Болезнь же членов семей не улучшает морально-психологического состояния защитников Отечества и неблагоприятно отражается на исполнении ими стоящих задач. Вот почему новому руководству Минобороны нужно срочно восстанавливать льготы и прежде всего те, о которых выше говорилось.

Можно продолжать примеры, но суть дела ясна. Зачастую выдвигается вопрос, чего больше в военной реформе – положительных приобретений или утрат, во что теперь обойдется восстановление того, что было порушено напрасно и необходимо вернуть. Прозвучала мысль: «впечатляющий результат при изначально неясных целях» и дано очень меткое определение, что экс-министр относился к ВС как к коммерческой структуре, которую надо оптимизировать[8]. На наш взгляд тут нужен функционально-экономический подход. В соответствии с ним в деле обеспечения безопасности результатом, приобретением является не прибыль, а военный эффект, что касается издержек, связанных с достижением результата, то их оценивать следует не с точки зрения военного ведомства, а с общегосударственной точки зрения – учета затрат всего общества на содержание Вооруженных Сил и всех организаций, обеспечивающих их функционирование. К примеру, с помощью аутсорсинга можно создать впечатление о росте эффективности, но эффективности чего? Ремонт, материально-техническое снабжение, питание и многие другие очень затратные вещи становятся делом не Вооруженных Сил, а сторонних организаций и как бы снижают за-

траты Министерства обороны. Но ведь эти «сторонние организации», получающие свои прибыли, стране обходятся во много раз дороже, чем прежние тыловые органы Вооруженных Сил, так что для страны затраты на обеспечение военной безопасности не уменьшились от такой реформы, страна ничего не выиграла в смысле затрат, а даже проиграла, как это убедительно доказано во многих публикациях.[9] А вот Вооруженные Силы теперь лишились части своего тыла, лишены мобильности, привязаны к гражданским структурам тылового обеспечения, которые не смогут пойти на фронт и даже на простые учения. Даже средневековая пяти-переходная система тылового обеспечения войск была более адекватной, чем новомодный рыночный аутсорсинг для войск и военной системы в целом. Значит, военный результат реформы и в военном, и в экономическом отношениях отрицателен. Не узко-экономический рыночный поход к оценке эффективности военной реформы, а функционально-экономический, в данном случае военно-экономический, подход дает единственно правильную однозначную общую оценку многих аспектов реформы. Реформа требует существенной коррекции.

Заметим в связи с этим, что следует напомнить и учесть уже имевшийся в военной истории России прецедент расследований и суда над интендантством, богатый ценным опытом во многих смыслах.

Пора сосредоточиться на актуальных вопросах качественного преобразования всей системы отношений в ОПК и во всем обществе в условиях перехода страны к социально ориентированной рыночной экономике с плюрализмом форм собственности и различием интересов разных социальных слоев общества.

Целые десятилетия существования ОПК в условиях произошедшего дробления его предприятий ради приватизации и недофинансирования обусловили трудное похмелье в виде провала многих программ. Чтобы добиться положительных результатов, надо переосмыслить сложившиеся военно-экономические отношения, овладеть искусством применения финансово-экономических технологий для созидания и укрепления национальной безопасности. Качественные аспекты этой проблемы нашли отражение в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 года[10], но в реальную действительность они входят медленно.

Финансирование ОПК начинает приближаться к норме, хотя четкого определения ее пока еще не существует. В 2011 году объем ГОЗ вырос по сравнению с 2000 годом с 71, 92 млрд рублей до 751,0 млрд рублей, а его доля в расходах на оборону с 29,6% до 50 %.[11] Четвертая ГПВ утверждена в декабре 2010 г. Синхронно с нею принята ФЦП «Развитие оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации на 2011-2020 годы», – всего запланировано на оборону 23 трлн рублей. В итоге их реализации доля новых образцов вооружения в войсках должна возрасти с 10% до 70%. Уже имеют место положительные сдвиги не только в количестве, но и в качестве: больше ассигнуется финансов и они воплощаются не во вчерашних средствах вооружения, а в новейших ВВСТ. Видна ориентация на военно-экономический результат.

Но если в реализации четвертой программы не удастся избавиться от пороков первых трех программ, то ей суждена будет та же самая судьба, что и предыдущим программам. Расходы на национальную оборону в последнем десятилетии прошлого века не поднимались выше 2,84% в ВВП и 18,64% в расходах госбюджета и имели тенденцию к уменьшению, а расходы на национальную безопасность соответственно 2,41% и 11,1%. Показатели первого десятилетия текущего века не свидетельствуют об их росте. Не очень вдохновляют и последующие годы. Настораживает тот факт, что первый год новой ГПВ не оправдал надежд. Президент и премьер-министр вынуждены были лично вмешиваться в обеспечение реализации госзаказа. Но нужно не точечное их вмешательство, а принципиальные системные решения, в том числе, об общих критериях (о доле расходов на национальную оборону и безопасность в ВВП), о частных критериях распределения этой доли, о функциональной эффективности подсистем, надо создать достаточный военно-экономический инструментарий современной экономики национальной безопасности, в частности, ее военной составляющей. Кое-что делается для решения этих задач, но рядом появляются предложения иного рода, например, о «бюджетном маневре», по которому надо сократить на 0,9% ВВП

Таблица 2

Закупки вооружений: планы и реальность

ВВТ	По ГВП 2007–2015 план	Получено в 2007–2011	По ГВП 2011–2020
Комплексы «Искандер»	5 бригад	1 бригада	10 бригад
Новые самолеты	116	22	600
Новые вертолеты	156	60	1000
ЗРС С-400	18 дивизионов	4 дивизиона	56 дивизионов
Корветы и фрегаты	12	2	50
РПКСН пр. 955 «Борей»	7	1	8
Подводные лодки	6	0	20

Составлено по данным: «Арсенал. Военно-промышленное обозрение» №6 2011, с. 12

расходы на национальную оборону и национальную безопасность.

Поскольку долгое время бюджетные расходы были недостаточны для парирования угроз национальной безопасности, создался большой отрицательный кумулятивный эффект, для компенсации которого, по мнению специалистов, требуются повышенные доли расходов на национальную оборону до 4-5% от ВВП[12]. Тем более что сегодня наш ВВП меньше американского в 20 раз, крупных стран Европы и Китая – в 3-5 раз. Понятной была поставленная В.В. Путиным в свое время задача его удвоения за 10 лет. Аналогичную задачу и более настойчиво необходимо решать и в новом десятилетии. Дело не только в увеличении доли обороны в ВВП, но и в том, чтобы ВВП возрастал более существенно, чем планируется: в 2013 г. 3,7%, в 2014 г. 4,3% и в 2015 г. 4,5%, то есть даже менее уровня инфляции в эти годы, которая предполагается около 5%[13]. Прогнозы неолибералов о развитии российской экономики на обозримую перспективу очень пессимистичны. Сорос говорит о разваливающейся экономике, которую В.Путин ведет якобы в ошибочном направлении, Чубайс добавляет, что корень экономических проблем лежит не в экономической, а в политической сфере, Греф говорит о неэффективных правительствах.

Где же и каким образом взять нужные проценты доли оборонных расходов в ВВП и достаточные миллиарды рублей?

Конечно, меняются прежние суждения о паритете и оборонной достаточности, а рост ВВП вариантен. Тем не менее, для обеспечения надежной обороноспособности и национальной безопасности возможно и необходимо вместо стерилизации капитала в чрезмерно раздутой подушке безопасности, а она достигает 8-10% ВВП, направлять его в инвестиции. В своем послании Федеральному Собранию РФ В.Путин, наконец, прямо заявил, что «наши национальные накопления должны работать в стране и на страну, однако пока средства Фонда национального благосостояния практически не вкладываются в развитие[14]». Это будет солидным источником. Есть и другие.

Как минимум вдвое надо снизить раздувшийся до неприличия децильный коэффициент, ввести прогрессивное налогообложение и осуществить другие меры, которые позволят решить не только проблему источников, но и проблему достижения социального единства нашего общества, имеющую судьбоносное значение. Ведь это чудовищно и взрывоопасно, если на долю 1 % богатейших россиян приходится 71% всех личных активов, а всего 96 миллиардеров владеют 30% всех личных активов российских граждан. Это в 15 раз выше общемирового уровня[15]. Есть еще мощные источники – эффективность и контроль.

Анализ плюсов и минусов, имевших место в военно-экономической истории послевоенного периода, приводит к выводу, что средства, выделяемые на оборону, недостаточно эффективно используются по назначению. Воровство и коррупция достигли умопомрачительных масштабов. «Ущерб от коррупционных преступлений в Вооруженных Силах РФ составил три триллиона рублей», заявлял главный военный прокурор С. Фридинский. Счетная палата в 2011 году насчитала 718,5 млрд рублей незаконных бюджетных трат (только выявленных). По словам Збигнева Бжезинского российские чиновники держат в иностранных банках свыше 500 млрд долл США[16], что сопоставимо с золотым запасом страны.

Высокая эффективность военных расходов не чужда России, нередко она становилась образцом и для американцев. Кстати, американцы пришли во второй половине прошлого века к своей системе ППБ, позаимствовав от нас плановость. В Советском Союзе применялась в оборонке аналогичная система. Сейчас приходит понимание того, что нам надо теперь возродить ее, соединив преимущества планомерного развития с рыночными технологиями, позаимствовав кое-что у американцев. Видимо, в этом смысл упоминания В.В. Путиным американской системы DARPA, создания Фонда перспективных исследований (ФПИ)[17]. На существующей технологической и организационной базе реализовать программу вооружения невозможно, нужно модернизировать ОПК, имея в виду и обновление производства, и солидные инвестиции в НИОКР, и омоложение высококвалифицированных кадров. Возрождение ОПК пойдет при активной инновационной и управленческой деятельности. Новые процедуры государственных и муниципальных закупок, деловые и моральные качества, а также контроль за расходами лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации, должны обеспечить высокое качество исполнения государственного заказа и препятствовать коррупции, формированию монопольно высоких цен.

Говоря о военно-экономической и военно-финансовой политике, мы обычно сосредоточиваем внимание в основном на государственной политике и государственных предприятиях. Однако, социально-экономические преобразования уже существенно повысили долю АО – частных и смешанных – в обеспечении обороны и безопасности, поэтому эффективность экономического обеспечения обороны и безопасности зависит во многом от их деятельности. Но, как отмечала в свое время глава Минэкономразвития Э.С. Набиуллина на заседании Общественной палаты РФ, только 9,7% этих предприятий участвуют в инновациях. Пора уже погромче сказать, что частник тоже должен думать об эффективности в смысле приращения национальной мощи, а не только о своей мошне.

АО видят свою задачу в извлечении прибыли и стремятся дать армии и флоту то, что у них хорошо освоено, не требует новых капиталовложений, а армия, флот и другие структуры обеспечения безопасности хотят получить ВВСТ, соответствующие мировому уровню технических параметров. Это противоречие порой приобретает неприемлемые формы, например, приводятся данные, что стоимость проекта АПЛ «Ясень» 47 млрд рублей, вторая такая ПЛ обойдется уже в 112 млрд рублей[18]. Очевидно, вза-

имоприемлемым разрешением данного противоречия может быть такое положение, когда Минобороны правомерно требует от производителей ВВСТ то, что соответствует мировому уровню параметров, но при этом гарантирует цены, обеспечивающие предприятию приемлемую рентабельность. Например, как (слишком щедро, на наш взгляд) высказывался гражданский министр обороны, рентабельность 20-25%, а в особых случаях – 30-35% с условием: разницу (10%) направлять на техническое перевооружение предприятия. Естественно, что взаимоприемлемая договоренность должна воплотиться в юридически оформленную систему.

К сожалению, в России в сфере контрактных отношений по госзакупкам еще нет особого раздела контрактного права[19]. Его основу составит федеральный закон о федеральной контрактной системе, предусматривающий ответственность поставщика (подрядчика, исполнителя) и заказчика за ненадлежащее исполнение обязательства, предусмотренного контрактом, что позволит предотвратить провалы государственных программ вооружения. Надо создать условия для самого активного участия АО и государственных органов в финансово-экономическом обеспечении обороны и безопасности, для государственно-частного партнерства, для добросовестной конкуренции (а точнее сказать, о соревновании) для повышения эффективности экономического обеспечения обороны и безопасности.

Сейчас много говорится о продолжении реформ. Вносятся предложения вернуть все прежнее, надежное, проверенное временем. Вынашиваются идеи вернуться к пятивидовой структуре Вооруженных Сил (возродить как вид ПВО), к шести военным округам вместо созданных четырех и многие другие.

С военно-экономической точки зрения, для достижения заявляемых целей реформ во всех вопросах надо проявлять исключительную осторожность, поскольку новые реформы потребуют и новых затрат. Нельзя забывать и то, что возрождающаяся Россия и бывший СССР – это далеко не одно и то же, с точки зрения экономических возможностей, людских и других ресурсов. К военному строительству надо подходить взвешенно, с учетом современных вызовов и угроз.

От должностных лиц, которые будут принимать решения на дальнейшие преобразования в Вооруженных Силах, как неоднократно обращал внимание Президент Российской Федерации, потребуются выверенные, продуманные, четкие и исключительно профессиональные шаги, разумное использование всего того, что сделано раньше. Только при таком подходе будет успех и не будет бесцельных трат бюджетных средств. Принятию наиболее важных и затратных решений должно предшествовать обсуждение их проектов в различных управленческих структурах и общественных организациях.

Постепенно приходит понимание того, что продвижение по пути реформ невозможно без изменения финансово-экономической политики в Вооруженных Силах, всей финансово-экономической деятельности. Ускоренно и кардинально решить эти задачи возможно, если будет организована подготовка специалистов финансово-экономического профиля, а экономическая деятельность и учеба будет обязательной для всех руководителей органов военного управления, командиров и начальников. Важно также воссоздать систему ведомственного финансового контроля.

В решении многих задач существенный вклад могут внести ветераны. Например, Межрегиональная общественная организация «Совет ветеранов военной финансово-экономической службы» в целях улучшения финансово-экономической деятельности, без успехов которой обречены на неудачу все другие реформы, подготовила ряд предложений, которые представлены Правительству РФ. В частности, предлагается:

1. Восстановить в составе Центрального аппарата МО единую, подчиненную министру обороны, финансово-экономическую структуру (сейчас их несколько).

2. Создать в военных округах финансово-экономические управления, подчиненные командующим, с наделением их функциями распорядителей бюджетными средствами. Указанным структурам подчинить территориальные финансовые органы.

3. В связи с провалами в работе единого расчетного центра по качественному выполнению своих функций, снять с этой структуры часть задач, передав их решение в ТФО. Центру поручить отработать вопросы обеспечения расчетов с личным составом. По мере его готовности к качественному выполнению функций – расширить круг деятельности этой структуры.

4. В удаленных от основных баз воинских частях, а также в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях создать самостоятельные финансово-экономические органы.

5. Оптимизировать систему заказов и расчетов за поставки вооружения и военной техники по государственному оборонному заказу. Координирующую функцию по заказываемым образцам вооружения и техники для всех силовых структур, в целях исключения разных подходов к ценам, возложить на Генеральный штаб ВС.

6. Наиболее важные должности в финансово-экономических органах в центре и войсках комплектовать офицерами (до 20-30 %). Мировой и отечественный опыт наглядно свидетельствует об этом.

7. Начиная с 2013 года, возобновить набор абитуриентов в Военном университете МО по финансово-экономической специальности.

8. Восстановить в Минобороны систему ведомственного финансового контроля, которая являлась в прежние годы одной их лучших среди федеральных органов исполнительной власти. Ныне контролирующие финансовые структуры сведены до «карманных», не способных решать задачи государственного уровня. Наиболее ответственные должности и в центре, и на местах укомплектовать офицерами.

***

Анализ перипетий военно-экономической политики и ее финансовой составляющей приводит к

определенным выводам об их взаимосвязях, влиянии и зависимости от общей парадигмы безопасности – глобальной, региональной, национальной и функциональной. Но, с другой стороны, финансы как подсистема экономических отношений могут отрываться, обособляться, в какой-то степени даже подниматься над всей системой экономических отношений, если узко-финансовый интерес достижения высокой финансовой прибыли осуществляется в ущерб экономике. Это своеобразная форма проявления противоречия частной и общественной собственности, над разрешением которого наука бьется со времен аристотелевской трактовки экономики и хрематистики. Это очень интересная проблема, но она выходит за пределы данного выступления. Заметим только, что ни одна из известных истории социально-экономических форм не свободна от воровства, коррупции и непрофессионализма. Эти угрозы национальной и глобальной безопасности универсальны, борьба с ними должна стать соответствующей. Многое зависит от зрелости и компетентности лиц, принимающих решения, и от тех, кто реализует все стадии жизненного цикла ВВСТ, их финансово-экономическое обеспечение. В данном случае следует сделать вывод о незамедлительном восстановлении учебных заведений, подготавливающих профилированные кадры, в том числе военных финансистов, возрождении Военной финансово-экономической службы России и других ликвидированных служб, соответствующих штатов, особенно в управленческих звеньях Вооруженных Сил и всей системы органов обеспечения национальной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. И.Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения..С-Пб: «Наука», 2004, с. 258.
2. Воробьев В.В. Финансово-экономическое обеспечение оборонной безопасности России: проблемы и пути решения. Санкт-Петербург, 2003.
3. Заметим, что Россия не ратифицировала статью 20 Международной конвенции ООН против коррупции, но вынуждена была под напором разгула коррупции принять Федеральный закон №230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», подписан Президентом РФ В. Путиным 3 декабря 2012 г. Заметим также, что китайские коммунисты увидели в коррупции смертельную угрозу существованию партии, и борьба с коррупцией объявлена на съезде КПК первейшей задачей.
4. См. Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. – М.: Изд. «Военный парад», 1999; Рыжков Н.И. Премьер. Проект 2017 – миф или реальность? – М.: Эксмо, 2011.- 368 с.
5. Рыжков Н.И. Проект 2017 – миф или реальность – МП.: Эксмо, 2011.-(Политические тайны XXI века).
6. Российская газета от 03.09.2012 № 201
7. Свечников С.И. Развитие интеграционных процессов в ОПК в интересах создания вооружения и военной техники с конкурентными свойствами// Вестник Академии военных наук №3 2011, с. 145
8. ВПК №45 14-20 ноября 2012 г.
9. См., например, серию статей в еженедельнике ВПК №№ 41-51 в ноябре и декабре 2012 г., №№1,2 и другие в январе 2013 г.
10. Указ Президента РФ № 603 от 7 мая 2012 г. «О реализации планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и модернизации оборонно-промышленного комплекса».
11. См.: Регулирование государственного оборонного заказа. Информационное агентство ТС ВПК: http//www.vpk.ru/cgi-bin/uis/w3.cgi/CMS/Item/2540031
12. Баскаков В.В. К вопросу о методах обоснования объема расходов на национальную оборону// Вестник академии военных наук 2011 №4, с.159
13. Основные направления бюджетной политики на 2013 год и плановый период 2014 и 2015 годов; Российская газета 26 ноября 2012 г. №272
14. Российская газета 18 апреля 2012 № 85; за 13 декабря 2012 № 287.
15. Российская газета 17 декабря 2012 №290
16. Завтра декабрь 2012 г. №49;Вечерняя Москва от 10 февраля 2012 года. Напомним здесь о Законе №230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», подписанном Президентом 3 декабря с.г. и о статье 20 Международной конвенции по борьбе с коррупцией, которую так долго не удавалось ратифицировать.
17. Российская газета от 15 ноября 2011 №256 DARPA (Defense Advanced Research Progects Agency) – агентство по перспективным проектам в области обороны Минобороны США. Оно появилось после запуска первого советского искусственного спутника Земли, чтобы догнать и перегнать СССР в области космонавтики. В основе его организации – максимальная защищенность от излишеств бюрократизма.
18. ВПК 15-21 января 2012 №6, с. 6
19. Кандыбко Н.В. Система размещения государственного оборонного заказа: современное состояние и перспективы развития. – М.: ВУ МО 2011,с.56. 60

ВЫСТУПЛЕНИЕ
президента Коллегии военных экспертов России
генерал-майора А.И. ВЛАДИМИРОВА

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ МЫСЛИ И ВОЕННОЙ НАУКЕ

Мы считаем аксиомой утверждение, что армии без военной мысли и военной науки не бывает, а если бывает, то и армия и государство всегда платят за это кровью и поражением.

Наука вообще, в том числе и военная наука как мысль должна опережать практику, подсказывая ей разумные пути, иначе практика, а в нашем случае – власть, будет неизбежно натыкаться на собственные «грабли», что мы часто и наблюдаем в своей собственной истории.

К сожалению, исторически судьба военной науки в России всегда была печальной, поэтому ее боевая практика оплачивалась лишней кровью, но даже и в тех случаях, когда она была успешной, потом не всегда превращалась в теорию и была востребована армейским и государственным руководством.

Вся военная наука построена на знании реальных боевых событий и способности обобщить этот опыт до уровня выводов, носящих характер неких базовых принципов военного искусства. Только такой путь дает реальные военные знания и рождает собственно военную науку.

К сожалению, мы изучаем боевой опыт не по боевым документам, а по учебникам, которые дают лишь общее представление «о мнении начальников по поводу событий». Поэтому мы практически не знаем ни отечественного боевого опыта, ни, тем более, зарубежного и каждый раз пытаемся «изобрести велосипед».

Самое печальное то, что Россия обладает уникальным военным научным наследием, которое до сих пор остается абсолютно неизвестным и поэтому не введенным в военно-научный оборот, а, значит, и в практику военного образования, и действий войск.

Это касается нашего военного наследия всех эпох от до сих пор не разобранной стратегической переписки Александра Суворова до трудов российской военной мысли в изгнании после революции, документов, анализирующих причины наших военных неудач в Великой Отечественной войне и даже Афганской и Первой Чеченской кампаний.

Более того, полное пренебрежение военной наукой, а также полное пренебрежение законами и принципами военного дела, историческим и даже ближайшим боевым опытом, идущее от несомненного недостатка образования, культуры и личного опыта вождения войск нашим высшим командным составом, приводило на практике к нашим неудачам в войнах и исторически всегда не давало России возможности качественно провести военные реформы, и Россия год за годом и век за веком отставала в своем военном развитии.

Психология расхождения теории и практики понятна, но раз мы не знаем «того», то не можем осмыслить и «другое».

Мы считаем возможным констатировать, что наша отечественная военная мысль, после определенного рывка, вызванного необходимостью осмыслить боевой опыт Второй мировой войны и новые тенденции, связанные с появлением оружия массового поражения, в настоящее время несколько отошла от изучения и развития фундаментальных основ военного дела и сделала несомненный крен в направлении развития прикладных и видовых его разделов.

У нас сегодня практически нет военно-научных трудов стратегического уровня, в том числе и прогностического характера, поэтому, если считать принятую Военную доктрину последним достижением российской военной мысли, то нам жалко и эту мысль, и Россию.

В целом, как это ни прискорбно, приходится констатировать, что сегодня в России национальная военная мысль – мертва: советская военная мысль закончилась, а российская военная мысль – не создается.

Общее состояние национальной военной мысли таково, что система профессионального военного образования сегодня не имеет современной системной научной базы, так как в настоящее время не создана общая теория войны.

Практически оказывается, что нашей высшей военной школе нечему учить своих слушателей, и она вынуждена продолжать их готовить к прошедшим войнам.

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ МЫСЛИ И ВОЕННОЙ НАУКИ

Наши представления о существе военной науки состоят в системе следующих утверждений.

Военная наука – как составная часть науки вообще и самостоятельная политическая наука – является одной из форм общественного сознания, системой знаний о войне как социальном явлении, закономерностях, способах и особенностях ее подготовки и ведения в конкретной исторической обстановке.

По нашему мнению, все и любые науки, как фундаментальные, так и прикладные всех сфер науки как таковой, имеют и должны иметь явно выраженный военный аспект.

При этом одни науки могут иметь опосредованно-военную составляющую, как, например, физика и математика, а другие – непосредственный собственно военный аспект, скажем, военная география.

Это значит, что прикладные военные науки, например, военная психология, военная медицина, военная химия, даже военная история и так далее, могут быть только частью своих фундаментальных научных основ.

В этом плане военная наука должна определять направления исследований для других своих фундаментальных сестер, оценивать их результаты, определять порядок и масштабы применения достигнутых результатов в государственных практиках государственного и военного строительства и непосредственно в интересах нужд войны и вооруженной борьбы.

Военная наука основывается на теории войны, на основных достижениях практически всех отраслей науки и охватывает основные вопросы организации национального бытия, играющие важную роль в формировании успешного настоящего и будущего нации как самостоятельного и независимого субъекта человеческого социума, находящегося в состоянии перманентной войны за свое историческое будущее, что является предметом и объектом ее исследования.

Она также охватывает: учение о стратегии; военное искусство как искусство вооруженной борьбы; теории своих отраслевых и видовых частей; вопросы организации и подготовки государств и их вооруженных сил к войне; вопросы экономических и моральных возможностей нации (страны) и государств (стран) противников для ведения войны, что также является предметом и объектом ее исследования.

Необходимо отметить, что сегодня есть только один и единственный военный ученый, серьезно и методологически безупречно разрабатывающий проблематику объекта и предмета исследований военной науки, это президент Академии военных наук, доктор исторических и доктор военных наук, генерал армии Махмут Ахметович Гареев.[1]

В целях обеспечения относительно безопасного и эффективного развития нации военная наука:

выявляет основные и новые тенденции в развитии человечества и страны, а также их содержание и степень влияния на развитие нации;

вырабатывает рекомендации для высшего политического руководства страны по вопросам жизнедеятельности страны как субъекта планетарных взаимодействий;

выявляет необходимость внесения в текущую политику и государственную практику своевременных корректив;

предлагает политическому (и военному) руководству страны варианты национальной стратегии, планов войны и варианты необходимых структурных изменений в основных сферах функционирования государства и так далее;

определяет направленность развития структур всех сфер национальной обороны;

принимает участие в формировании национальной стратегии, разработке всех важнейших национальных документов доктринального уровня и повестки дня развития государства;

определяет необходимый уровень и качество военного образования политического руководства и высшего командного состава государства, его офицерского корпуса и профессионального военного образования как такового;

руководит развитием своих отраслевых и видовых частей;

информирует государство и общественность об основных научных результатах, достигнутых в своей сфере.

Известно, что одними из основных требований к науке являются доказательность ее положений и возможность повторения опыта.

Применительно к нашей трактовке военной науки и теории войны, можно утвердительно сказать, что наше время ежедневно, если не ежечасно подтверждает, что война – это не «когда стреляют пушки», а когда на наших глазах из истории исчезают целые народы, возникают и исчезают государства.

Мы убеждены, что если дальше не называть этот процесс войной, то становится совершенно непонятно – что это за процесс и почему он существует вообще, зачем и кто его ведет, а самое главное – что будет дальше и что делать?

Наверное, сегодня, когда постоянно появляются новые «виды войн», и мировая общественность об этом явлении говорит горячо и открыто – продолжать считать аксиомой, что «война это вооруженное насилие», по меньшей мере, недальновидно, так как мир реально уже воюет, воюет жестоко, масштабно и отнюдь не только «танками».

***

Нам представляется, что поле для развития нашей военной науки как единственной синтетической общественной науки, способной обнять совокупность проблем бытия держав, сегодня колоссально, поэтому попробуем сформулировать хотя бы только часть ее направлений.

Главным направлением развития национальной военной мысли должно стать создание основ общей теории войны.

Необходимость создания современной теории войн вызвана:

отсутствием разработанной, стройной, относительно полной и законченной теории войны (теория войны отсутствует в перечне военных теорий как таковая и не преподается как предмет обучения даже в системе профессионально военного образования);

новыми тенденциями в развитии человечества и существенными новыми факторами его современного бытия;

текущими военными событиями современности, требующими нового осмысления;

необходимостью введения нового научного аппарата теории войн в политическую и военную практику государств;

необходимостью выявления новых тенденций в политической жизни и развитии военного дела и их прояснения в трактовках понятий новой теории войны;

[1] Гареев М. А. Сражения на военно-историческом фронте. Сборник статей/ М.А. Гареев. - М. «Инсан», 2010.

необходимостью создания цельной теории войн как неконъюнктурной теории, построенной на новом здравом смысле, и в этом плане интересной и полезной всем объектам социума, а также теории, которая являлась бы добротной основой дальнейшего развития военного дела в рамках позитивного развития человечества и введения ее в современную научную жизнь и государственную практику;

определенным тупиком военной мысли, связанным с недостаточностью имеющегося научного аппарата этой важнейшей сферы деятельности человечества, а также с устареванием или выявившейся неверностью его важных постулатов и частей;

крайне высокой активностью большой массы современных военных экспертов и писателей, произвольно трактующих плохо понимаемую ими военную сферу человеческой деятельности, творчество которых вносит дополнительную дезорганизацию (вульгаризацию и упрощение) в осмысление (переосмысление) военного дела в целом;

необходимостью введения новой теории войны в научный оборот, учебный процесс учреждений высшей школы, а также в политическую и военную практику современной России.

Представляется, что решение именно этих задач может составить основные направления исследования и разработки современной теории войны.

Кроме того, нам представляется, что направления развития фундаментальной военной мысли могут быть следующими:

расширение военной науки как науки только о подготовке и ведении войны (вооруженной борьбы), изучением войны как феномена и одной из форм цивилизационного бытия и явления в целом, ее философии и социологии;

пересмотр и уточнение военно-научного понятийного аппарата;

осмысление современного национального и зарубежного боевого и военно- политического опыта;

разработка проблем глобализации мира, осмысление систем новейших глобальных взаимодействий и роли вооруженных сил в них;

разработка проблем формирования новой мировой архитектуры и систем безопасности в XXI веке, теории национальной стратегии как теории, практики и искусства управления государством;

законы, принципы и обычаи войны;

взаимосвязи национальной стратегии, политики, экономики и военной стратегии;

проблемы современной мобилизации, то есть мобилизации в условиях реальной экономической и демографической ситуации, демократии и рынка;

разработка геоэкономического, геоинформационного и геостратегического атласов мира;

разработка проблем освоения космоса как новой сферы обитания человечества и новой сферы применения сил и средств ВС, обеспечивающих контроль планеты;

разработка проблем информационной составляющей военно-политических взаимодействий, а также проблем информационных и геоэкономических войн;

вопросы геополитических технологий как новых операционных средств войны;

вопросы облика и характера войн Третьего тысячелетия, развития цивилизационных напряжений в национальные, а затем в локальные и региональные конфликты;

цивилизационные аспекты войн;

«малые», гражданские и «иррегулярные» (партизанские действия и «мятежевойна») войны как локальные конфликты и как часть стратегического воздействия на противника и их взаимосвязи;

роль и проблемы миротворчества, и так далее...

Этот абсолютно не исчерпывающий перечень некоторых военно-научных проблем, относящихся к войне, понимаемой, в первую очередь, как естественная часть бытия человечества, и только потом как наука – о собственно вооруженной борьбе.

***

Существует еще целый пласт фундаментальных военно-научных проблем, непосредственно относящихся к сфере вооруженной борьбы, решение которых позволит резко улучшить общее состояние национальной военной мысли и которые имеют сущностное значение для национальной безопасности России. На наш взгляд, важнейшими из них являются:

собственно военная составляющая национальной стратегии России и ее Военная доктрина;

проблемы определения существа современных войн, их признаков, показателей и критериев начала, а также понятийного аппарата теории войн (например, что есть «война», «агрессия», «агрессор», каковы и что представляют собою «новые операционные средства войны», «мирное и военное время» и так далее)

проблемы начального периода войны (к примеру, когда давать команду на отмобилизование и переход к военному времени, и кто будет охранять гарнизоны и объекты инфраструктуры, когда войска уйдут в М-1);

проблема разработки Плана обороны страны, что, очевидно, шире, чем планы применения видов ВС;

порядок приведения страны в высшие степени готовности к войне;

комплекс мобилизационных проблем в эпоху «рынка»;

проблемы системы управления государством в мирное и военное время и порядок перехода от одного состояния страны и системы управления страной к другой;

проблемы военного образования как системы подготовки профессиональных кадров государственного и военного управления, военные профессиональные образовательные стандарты;

проблема кодификации военного права России и выпуска соответствующих кодексов;

проблема разработки государственной идеологии воинской службы и корпоративной этики офицерского корпуса;

проблема информационной устойчивости стратегического управления страной и войсками, и так далее;

информационная модель и информационная картина боя;

сетевые войны и войны в условиях применения оружия, работающего на новых физических принципах (например, нанотехнологии);

что такое совместные военные системы и совместные стратегические действия (партнерство, союзничество);

перспективы развития видов ВС и родов войск, их соотнесенность, обеспечение и взаимодействие;

проблемы военно-гражданских отношений;

роль морального фактора в войнах будущего, психологии населения и общества в формировании духа победы и так далее.

***

В целом без ответов на все эти вопросы мы просто никогда не будем готовы к войне и заранее отдаем инициативу своим геополитическим противникам.

Очевидно, что без официальной постановки и серьезной научной разработки этих проблем будет невозможна их формализация в национальном государственном и военном праве, а, значит, и в практике государственного и военного строительства.

Нам представляется, что одними из, может быть, главных причин такого катастрофического положения дел с национальной военной мыслью, являются: отсутствие четко сформулированного заказа высшей государственной власти России и высшего командования ее Вооруженных Сил на теоретические разработки стратегического плана; отсутствие независимого экспертного органа (института, центра и т.д.), который был бы уполномочен: получать заказы на разработку научных проблем стратегического характера; имел достаточные финансовые ресурсы для того, чтобы формулировать проблемы, заказывать их разработку, вести самостоятельную научную деятельность и так далее, и при всем этом – состоять на содержании Министерства обороны или Совета Безопасности Российской Федерации и отчитываться исключительно перед ними:

отсутствие надлежащего финансирования и привычка к «интеллектуальной халяве»;

практическое исчерпание специалистов, способных осознать проблему, четко сформулировать ее и предложить собственный путь ее решения, способных отстоять свой путь в дискуссиях и при давлении авторитетов, «звезд и погон», мнений и политической целесообразности;

отсутствие национальных механизмов оценки и реализации теорий общестратегического уровня;

сотсутствие интереса к военной науке у значительного числа представителей высшего командного состава Вооруженных сил, их личная культурная и профессиональная деградация.

Нам представляется, что это, во многом, определяется и тем, что высшее руководство нашего государства и значительная часть высшего командного состава Вооруженных Сил РФ не осознает состояния, в котором сегодня протекает бытие России, ее Армии и Флота.

Мы убеждены, что самый важный вывод, который мы должны сделать из оценки современной стратегической обстановки, таков – наше национальное бытие протекает в состоянии войны, и победа в ней будет на стороне не только более технически совершенной, но и более культурной и образованной нации, а также ее профессионально подготовленной и защищающей безусловно правое дело, армии, ведомой прекрасно образованным офицерским корпусом.

ПРЕДМЕТНЫЙ ПЛАН ПРОБЛЕМЫ

За пределами исследований современной военной науки остались важнейшие и абсолютно конкретные вопросы государственного и военного строительства.

Так, например, наша военная мысль не предложила государству четкой модели единой системы управления государством, способной эффективно управлять страной в мирное и военное время, и алгоритмы перехода из одного ее состояния в другое.

Кроме того, очевидно, что все так называемые «структурные изменения» в наших Вооруженных Силах рождаются исключительно в высших кабинетах Минобороны и Генштаба и без всякого научного их обоснования и независимой военной научной экспертизы, что недопустимо в принципе.

Наша военная мысль не внесла сколько-нибудь важных и научно обоснованных предложений и по структуре самого Министерства обороны, реальное разделение прав и обязанностей Аппарата Минобороны и Генштаба носит поверхностный характер[2].

Структурная чехарда в высших эшелонах армии как «перманентная военная реформа», сопровождаемая снижением престижа воинской службы, сужением прав и реальной нищетой офицерского корпуса, не может не привести к росту самого страшного социального явления в армии – ее поголовного оторговления, негативному кадровому отбору и распаду ее профессиональной ткани.

Армия как совокупность войск должна быть однозначно выведена из системы рыночных отношений и, одновременно, обязана получать все выгоды, связанные с «рынком», не являясь его субъектом.

При этом военная наука не разрабатывает крайне важную проблему объективного обоснования системы и конкретного финансового наполнения денежного содержания военнослужащих, исходя из критериев их трудозатрат, времени и условий несения воинской службы, ее качества и состояния. Именно поэтому как назначение должностных окладов, так и вообще все денежное содержание военнослужащих является преступно и унизительно низким, так как определяются государством волюнтаристически, (по формуле «три П», то есть «палец-пол-потолок»), а ар-

[2] Например, создается устойчивое впечатление, что безумное расширение прав Канцелярии министра обороны, одновременно с созданием системы единого заказчика, сокращением прав главкомов видов ВС и Генштаба, сопровождаемое слухами о ликвидации системы военных округов, проводится исключительно в целях установления контроля над финансовыми потоками чиновниками, желающими стать субъектами национального рынка в личном качестве, и не обосновано никак иначе.

мия не имеет своих неоспоримых аргументов и только «ждет милостыни» у власти.

Необходимо отметить, что существуют темы, не представляющие собою серьезной и сложной научной проблемы, но крайне важные, и прояснение которых просто облегчит решение многих методологических, статусных, идеологических и воспитательных вопросов.

К таким темам мы относим, например, в области воспитания личного состава армии – разработку и введение в практику обучения и воспитания войск государственной идеологии воинской службы и корпоративной профессиональной военной этики в качестве предмета обучения и основы воспитания воинских коллективов.

В военной истории – определение события и даты основания Российской армии так очевидно, что тысячелетняя история России – это есть история ее армии, в то же время этот неоспоримый факт никаким научным образом не подтвержден и в политическую практику государства и армии не вводится.

Вот и приходится все время оправдываться по поводу «победы Красной армии над немцами под Псковом и Нарвой в 23 февраля 1918 года», как будто до того в блестящей военной истории России не было ни Александра Суворова, ни Петра I, ни победы на Поле Куликовом.

В области тактики – в войсках и военных учебных заведениях практически отсутствуют современные учебные пособия (типа «Тактика в боевых примерах», на которых училось послевоенное поколение офицеров и генералов Советской армии), в которых бы был профессионально описан опыт боевых действий взвода, роты, батальона в Афганистане и Чечне, а это означает только одно – реальный опыт боевых действий войск не изучается, а, значит, бессмысленно и преступно теряется.

А в связи с тем, что в военных училищах (институтах), как правило, командуют ротами и батальонами курсантов и преподают им тактику нигде не воевавшие и не служившие в войсках бывшие курсанты этих же училищ, то именно по этим причинам (к нашему ужасу), никто из опрошенных нами курсантов, то есть будущих офицеров, одного знаменитого командного училища не обнаружил элементарных и необходимых командиру профессиональных знаний, например, таких, как: как «взять» (или оборонять) дом, мост, опушку леса, этаж здания, высоту, деревню; как правильно построить лагерь (расположить войска) в лесу, в поле и так далее. Чего же ждать от таких офицеров в войсках?

Реальное состояние армии таково, что подавляющее большинство офицеров тактического и оперативного звеньев не имеют собственного боевого опыта и личного опыта организации и проведения учений с боевой стрельбой (начиная с ротных и батальонных и кончая тактическими учениями с боевой стрельбой полков, бригад и дивизий), а высший командный состав (в том числе и Генеральный штаб) все более теряет навыки в организации и проведении больших учений, маневров и военных стратегических игр.

Другими словами, сегодня теряются знания и опыт управления боем, сражением и войной в целом, что является для армии и государства однозначно гибельным. Очень скоро может оказаться, что в армии вообще никто и ничего уметь, кроме докладов, организации показов, парадов и «мелких стычек, зачисток и контртеррористически операций» (куда нас настойчиво толкают наши западные НАТОвские «друзья»), не будет.

Это значит, что в армии и государстве возникла жизненная необходимость обучения всего офицерского корпуса (включая и высший командный состав Вооруженных Сил России, и высшее руководство государства) тем методам, приемам, навыкам и умениям организации масштабных и сложных общевойсковых и государственных военных мероприятий, которыми так блестяще владело поколение современных ветеранов, то есть старшие офицеры и генералы запаса, уволенные в ходе последней десятилетней «демократической» волны.

У нас еще есть возможность не допустить трагического разрыва опыта и знаний военных поколений и утраты этой, собственно военной, части нашего национального достояния.

Мы считаем крайне важным официальное создание при дивизиях, корпусах, армиях, военных округах, военно-учебных заведениях штатных Советов (Методических советов) по боевой (оперативной) подготовке, а при Президенте (Правительстве) России – Совета по стратегической подготовке государства.

К работе в этих советах в штатном качестве должны быть привлечены все дееспособные и имеющие соответствующий опыт работы ветераны, проживающие в данных местностях.

При этом нам представляется крайне важным, чтобы на время этой работы они могли бы быть призваны из запаса и получали бы соответствующее званию, должности и штатному расписанию денежное довольствие. Этой работой также должны заниматься Академия военных наук в ее новом статусе, помощник министра обороны России по науке и, конечно, Генеральный штаб.

ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Вызывает тревогу как само состояние национальной военной мысли, так и тот факт, что офицерский корпус практически прекратил читать профессиональную литературу и литературу общекультурного плана и в существующих условиях отсутствия источников культуры в гарнизонах – «дичает».

Это вызвано не только нищенским содержанием офицеров и военных вузов, которые не имеют денег, чтобы выписывать профессиональные российские и тем более зарубежные журналы, но и тем, что основные военные библиотеки для них недоступны, а также тем обстоятельством, что от них уже никто этого и не требует.

В свою очередь, сами библиотеки в гарнизонах и частях находятся в жалком состоянии, а военные библиотеки ведущих академий не оцифровываются, то

есть находятся в первобытном состоянии, не говоря уже о библиотеке Генерального штаба, которая не имеет своего собственного помещения.

У нас не оцифрованы Военный энциклопедический словарь и Военная энциклопедия, что резко снижает качество научных изысканий и учебного процесса в ввузах.

Нам представляется, что работа по формированию национальной Публичной военной библиотеки, основанной на современных цифровых носителях и Интернете, то есть доступной в каждом ввузе, гарнизоне и части, должно составить важную часть военно-научной и воспитательной работы.

Раньше для офицеров издавались специальные серии книг. До Великой Отечественной войны – «Библиотека командира» – тридцать книг западных военных классиков (Мольтке, Шлиффен, Клаузевиц и так далее), и занимался этой работой сам Александр Свечин, а государство находило для этого деньги и возможности.

В СССР издавалась «Библиотека офицера», переводились и выпускались труды зарубежных классиков военной мысли (например, труды Лиддела Брет Гарта и Дж. Кингстон-Макклори).

Сегодня ничего подобного нет – никто ничего серьезного не выписывает, не читает, не смотрит и не слушает, поэтому крайне необходима разработка самостоятельного проекта «Библиотека российского офицера» с началом его реализации уже в 2013 году.

Кроме того, все наши лучшие военные библиотеки имеют, в основном, историко-архивную ценность, так как в течение последних десяти лет были лишены возможности собирать, переводить и обрабатывать современную зарубежную военную литературу и даже наши национальные источники, в том числе и опыт Афганской и Чеченской войн.

Мы считаем, что необходимо восстановить систему публикаций военно-научных трудов по широкому кругу проблем и иметь для этого особый печатный орган (например: «Вестник Общественного военного экспертного совета», а также создать Центр военного отечествоведения) и вывести его с уровня работы одиночек-энтузиастов, которые сегодня в инициативном порядке и без поддержки государства и армии пытаются своим подвижничеством воссоздавать российское военное наследие[2] на уровень государства.

Это значит, что офицерский корпус России должен иметь свою Публичную (открытую) Военную Библиотеку, а Российская военная мысль должна перейти на новую современную систему информационного обеспечения.

Эта информационная система должна базироваться на единой информационной научной сети всех библиотек, учреждений военного образования, науки и архивов, с доступом к банку информации (об истории войн и военном искусстве, а также о зарубежном и национальном опыте подготовки и ведении боевых действий во второй половине двадцатого века), созданному при Генеральном штабе ВС РФ или специальном фонде, и с возможностями выхода в подобные национальные информационные сети ведущих государств мира.

Это означает, что сейчас, как минимум, необходимо в приоритетном порядке оснастить все учреждения военного образования и библиотеки Интернетом, что уже сделано даже в каждой сельской школе.

В перспективе эта информационная система должна опираться на наш национальный (военный) Интернет и стать приоритетной в нашем военном строительстве.

Кроме того, мы считаем, что необходимо вернуть в части и гарнизоны обязательную подписку на печатные издания Минобороны и рекомендованную литературу.

О САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ И САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ УЧЕБЕ И ВОЕННО-НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА

Самостоятельная подготовка офицеров должна стать неотъемлемой частью его боевой и оперативной подготовки и частью повседневной жизни офицерских собраний в частях и гарнизонах.

Она должна иметь вид обязательной и плановой работы, контролируемой, планируемой, оцениваемой и поощряемой вышестоящими штабами и высшими военными учебными заведениями.

Эти инстанции должны формировать для этого соответствующие творческие планы, которые могут включать в себя как рефераты по гуманитарным дисциплинам, публицистическим и военно-историческим источникам, тематические обзоры отечественных и зарубежных СМИ и интернета, так и описания реального боевого опыта, опыта проведения учений, воспитательной работы и так далее.

Кроме того, сам институт офицерских собраний частей должен быть использован в качестве школы обязательного профессионального самообразования офицеров, а успехи самообразования должны отмечаться в их аттестациях.

Важной частью самостоятельной подготовки офицера должна стать его научная работа в соответствующих аспирантурах и докторантурах.

Чтобы офицер мог эффективно заниматься собственным профессиональным совершенствованием, необходимо создать и иметь в любом гарнизоне Армии и Флота соответствующие библиотеки и терминалы для доступа в единую, в том числе и компьютерную, национальную сеть военных (общегражданских) библиотек.

Примером серьезного отношения к своей самостоятельной подготовке должен стать высший командный состав Вооруженных Сил России, каждый член которого должен быть обязан лично разрабатывать определенный круг военно-научных тем и курировать определенные области военных наук.

[2] Я имею в виду огромную работу, которую проводит внештатный коллектив Российского военного сборника при Военном университете МО РФ, руководители полковники А.Е. Савинкин и И.В. Домнин, который только за последние годы выпустил двадцать два выпуска хрестоматии ТТГ отечественной военной классики.)

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

После агрессии НАТО в Косово мы наблюдаем «пепелище» мирового права, которое также необходимо не только восстанавливать и совершенствовать, но и создавать заново.

Нельзя не отметить, что подобное «пепелище» (правда, более похожее на «свалку») мы имеем и в сфере нашего национального военного права. Ведь сегодня мы имеем только сам термин «военное право», за которым следует наш обычный российский правовой беспредел.

Этот военно-правовой беспредел существует не только потому, что никто не выполняет уже принятые законы, и не потому, что, как говорят, «на них нет денег», но еще и потому, что в России до сих пор нет ни одной структуры, которая была бы полномочна (то есть, имела бы такое государственное служебное предназначение) и отвечала бы:

за кодификацию национального военного права;

за разработку концепций законов военного права;

курировала бы работу над ними;

собирала и издавало бы их отдельным изданием;

отвечала бы за их изучение в ходе учебного процесса в учреждениях профессионального военного образования;

следила бы за текущими изменениями в военном праве, своевременно вносило бы необходимые изменения в него и доводило бы их до войск и так далее.

Сегодня у нас военно-правовым законотворчеством занимается Государственная Дума Федерального Собрания России (военный бюджет и законы федерального уровня), договорно-правовые управления и отделы структур Минобороны, структур СНГ, практически всех силовых структур государства (которые все занимаются только «правовой текучкой») и так далее.

Все эти структуры часто даже не догадываются о том, что делают их соседи, поэтому, во многом, наше современное военное правотворчество есть сплошная самодеятельность и «изобретение велосипеда». Всю эту огромную работу в области национального военного права никто не координирует, а наш Минюст даже не имеет соответствующего военного правового управления, как нет ничего похожего ни в Минобороны, ни в Совете Безопасности России.

Мы сегодня не знаем не только важных аспектов международного военного права и последних достижений военно-правовой мысли ведущих государств мира, но и своих собственных разработок в этой сфере.

В России до сих пор нет ни национального кодекса военного права, ни даже хрестоматии военного права, хотя это дело, безусловно, не терпит отлагательства.

Армия обязана жить по законам, а значит, должна их знать, тем более, что через историю нашего национального военного права можно изучать и всю историю Государства российского.

Нам представляется, что эта работа огромной трудности и высшего государственного уровня (двести лет назад аналогичной работой по кодификации Права Российской Империи занималась специальная Коллегия, руководимая М. Сперанским) должна быть санкционирована Президентом России, проводиться специальным государственным органом и общественным Центром российского военного права.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Нам представляется необходимым подчеркнуть следующее – военно-научная работа должна активно вестись не только в штатных структурах Генерального штаба и военных учебных заведениях, но и в общественных организациях, независимых экспертных структурах и учреждениях и подкрепляться деятельностью (еще не созданного) независимого Общественного военного экспертного совета, курируемого Советом Безопасности или даже Президентом России.

На наш взгляд, серьезная научная работа может быть успешной только в том случае, если будет существовать централизованное управление военной наукой.

Это предполагает наличие государственного заказа на разработку научных проблем, а, значит, своеобразный «Госплан» и «Госзаказ», а также профессиональную Госприемку исследований, что, в свою очередь, предполагает свой Госснаб, то есть гарантированную оплату научного труда и целую систему его стимулирования.

Кроме того, мы убеждены, что одним из самых опасных негативных факторов современного военного и государственного строительства является отсутствие реальных и эффективных механизмов оценки предлагаемых теоретических исканий и претворения их в жизнь.

На этом пути существует несколько основных препятствий:

- во-первых, в Министерстве обороны и даже в Генеральном штабе почти не осталось специалистов, способных профессионально и стратегически верно оценить и анализировать предлагаемые им экспертные исследования общестратегического характера, а также вынести по ним свое профессиональное корректное суждение, при этом все они смотрят на своих прямых начальников, которые, по разного рода причинам, знают тему еще хуже;

во-вторых, лица, принимающие основные решения, с носителями идей и авторами теорий лично не встречаются, а, значит, зависят от мнения своих некомпетентных исполнителей;

в-третьих, практика принятия сущностных решений путем бессмысленных и бесконечных согласований, которая порочна сама по себе, так как приводит любое решение или теорию к своей полной противоположности и снимает всякую персональную ответственность со всех участников этих решений;

в-четвертых, никто не отвечает за реализацию решения целиком и не отслеживает ход их исполнения в плановом и ежедневном режиме.

Есть еще один важный аспект – поиск и нахождение новых идей и их талантливых авторов в сфере военной науки, а также предоставление им возможностей для работы, творчества и практической реализации их идей в интересах России и ее Вооруженных Сил.

В этом плане, позволю себе привести ряд важных утверждений, содержащихся в статье нашего современника, выдающегося российского ученого, создавшего теорию «матрицы смыслов», Владимира Арсентьевича Рубанова.

«Поиском талантливых людей нужно заниматься активно, а не ожидать заявок на коммерчески выгодный и при этом нерискованный проект. Глобальные охотники за головами отбирают таланты по оригинальным публикациям, ярким выступлениям на семинарах и т.п. Так что интеллектуальные сливки снимаются еще до стадии их готовности к созданию проектных команд.

И еще о технологиях формирования инновационных прорывов. Она – в системе приоритетов. Так в знаменитом американском агентстве DARPA существует ряд принципов.

Первый гласит: риск потерять талантливого человека и перспективную идею выше, чем риск потерять деньги.

Принцип второй – приоритетной поддержкой пользуется идея, которая оппонирует традиционным подходам.

Принцип третий – под новые идеи и проекты формируются новые команды и структуры.

У нас, к сожалению, все наоборот. При финансовых рисках проекты обречены.

При оппонировании сложившимся научным направлениям шансы пройти экспертизу близки к нулю. А вес вывесок научных учреждений и регалий у нас превышает признаки таланта и перспективности научной идеи»[3].

Должен заметить, что в области военной науки все хуже во сто раз, так как для любой идеи, кроме прямых запретов на «инакомыслие», существует система должностных фильтров, что приводит к практическому уничтожению новых идей и их талантливых авторов.

***

Для того, чтобы российская военная мысль не зачахла на корню, то есть вышла бы из сегодняшнего состояния «комы», необходимы, на наш взгляд, серьезные институциональные изменения в системе национальной военной науки.

Нам представляется целесообразным, чтобы в этих целях:

состоялось решение о создании в рамках Президиума РАН Совета по проблемам войны и мира и отдельного направления академических (фундаментальных) исследований по направлению «Военное дело»;

министр обороны принял решение о введении должности помощника МО РФ по науке и о создании независимого Центра военной науки с приданием ему статуса головной научной структуры Минобороны, а также введение должности заместителя начальника Генштаба ВС РФ по науке;

возможно аналогичное решение Верховного Главнокомандующего ВС РФ – Президента России о создании подобной структуры в рамках Совета Безопасности Российской Федерации.

Так как у нас любая общественная наука всегда носит конъюнктурный характер, то есть обслуживает взгляды и идеи сегодняшнего руководства, что является совершенно недопустимым, то, в этом плане ключевым словом является слово «независимый», что подразумевает возможность и право руководства Центра вести самостоятельную кадровую, научную и экономическую политику, опираясь на соответствующее право и щедрость Минобороны и государства.

Считаем, что в Российской академии наук необходимо образовать самостоятельный Центр (Комитет, направление) военных наук.

Здесь представляется уместным провести аналогию с отношением государства к национальной фундаментальной науке.

Напомним друг другу тот факт, что заказ государства нашей национальной науке на разработку ядерного оружия, в конечном счете, сказался тем, что всего за полтора десятка лет СССР стал великой мировой державой по собственно ядерной компоненте Вооруженных Сил, а также в ракетостроении, самолетостроении и космосе и, безусловно, в науке – физике, математике, химии, приборостроении и так далее.

Сегодня можно с удовлетворением отметить, что государство, наконец, осознало, что в фундаментальную науку (несмотря на то, что она не дает немедленного эффекта и мгновенно не окупается) оно должно вкладывать огромные деньги и всячески поощрять ее творцов, так как в ином случае неминуемо отставание от мира развитых держав, зависимость от них и, в конечном счете, утрата национального суверенитета и национальной безопасности.

Мы убеждены в том, что:

во-первых, нет ничего более полезного, выгодного и эффективного, чем хорошая теория;

во-вторых, военная наука относится к категории фундаментальных наук, что означает только одно государство обязано вкладывать в нее серьезные средства и поддерживать ее институты и творцов в той же мере, что и естественные науки.

Знания – всегда сила, поэтому военные знания должны стать нашим профессиональным культом.

Россия должна собирать своих творцов, пророков и мыслителей, оберегать их и предоставлять им возможность свободно творить, а также создать им все мыслимые благоприятные условия для их творческой работы и личной жизни.

[3] В. Рубанов. «Проекты во сне и наяву: На стройках будущего вот-вот могут закончиться инженеры». Независимая газета 25.12.2012

ВЫСТУПЛЕНИЕ
председателя Белорусского регионального отделения
генерал-майора В.Г. ШУМИЛОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПО НАУЧНОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

На итоговом общем собрании Белорусского регионального отделения (БРО) Академии военных наук в декабре прошлого года были подведены итоги работы военных ученых, выявлены проблемные вопросы и определены пути их решения, а также направления, цели и задачи дальнейшего развития военной науки в Республике Беларусь. Разрешите доложить некоторые итоги проведенных исследований.

Анализ показывает, что основными отличительными особенностями нашего регионального отделения АВН являются:

межгосударственный уровень взаимоотношений, складывающийся между учеными БРО и других региональных отделений АВН;

повышенный интерес органов государственного и военного управления к работе нашего отделения, ожидание от ученых, входящих в его состав, конкретных предложений по основным проблемам обеспечения безопасности Союзного государства;

широкий спектр направлений исследований, определяемый принадлежностью ученых БРО АВН не только к Вооруженным Силам, но и к другим силовым ведомствам, отвечающим за военную безопасность государства;

отсутствие у БРО АВН статуса юридического лица в Республике Беларусь, что значительно ограничивает возможности для формирования и развития его как научной организации, имеющей свой собственный голос в белорусской военной науке.

Эти особенности оказывают определенное влияние на всю нашу работу, причем это влияние имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Так, например, межгосударственный уровень взаимоотношений, складывающихся между учеными БРО и других региональных отделений АВН, с одной стороны, частично позволяет обходить некоторые бюрократические барьеры, которые существуют при обмене результатами научной работы между научными структурами двух государств. Однако, по сравнению с другими региональными отделениями АВН, мы ограничены в возможностях по обмену результатами исследований и, тем более – по участию в совместных научных проектах (работах), рамками действующих правовых актов Российской Федерации и Республики Беларусь по защите государственных секретов и сохранению государственной тайны.

Следует отметить, что повышенный интерес органов государственного военного управления к работе нашего отделения обеспечивает поддержку наших начинаний со стороны самых влиятельных государственных структур.

Примером того является участие в работе БРО АВН государственного секретаря Совета безопасности Республики Беларусь генерал-полковника Мальцева Леонида Семеновича и его заместителя – генерал-майора Зася Станислава Васильевича, которые не только лично участвуют в проведении научных исследований, но и практически направляют деятельность общественной организации на решение наиболее важных государственных задач по обеспечению военной безопасности государств.

Широкий спектр направлений исследований, определяемый принадлежностью ученых БРО АВН не только к Вооруженным Силам, но и к другим силовым ведомствам, с одной стороны, позволяет обеспечить многовекторность подходов к исследованию проблемы обеспечения военной безопасности государства, исследовать не только проблемы Вооруженных Сил, но и координацию усилий в этом вопросе всех силовых структур военной организации государства. С другой стороны, такое положение создает немало трудностей в вопросах общей организации работы БРО АВН, поскольку приходится преодолевать ведомственную разобщенность ученых, вникать в специфику направленности их научной работы, формировать рациональные проекты по объединению усилий.

Таким образом, создание Белорусского отделения АВН было оправданным. Его существование позволяет расширить и углубить фронт научных исследований в интересах Вооруженных Сил, дополнительно привлечь к военно-научной работе наиболее опытных военных ученых, ветеранов военной науки и решать научные задачи на уровне, отвечающем требованиям времени, а также выражать объективные, независимые суждения по актуальным военным проблемам научных исследований, в ходе конференций и научных семинаров и на страницах печатных СМИ.

Кроме того, деятельность отделения создает возможность выражать объективные, независимые суждения, вырабатывать альтернативные предложения по актуальным проблемам, решаемым военной наукой. Объединение нашим региональным отделением усилий военных ученых в рамках военной организации государства способствует лучшей координации научных исследований и повышению военного научного потенциала Республики Беларусь.

Кроме того, это позволило упорядочить нашу деятельность, дополнительно привлечь к военно-научной работе наиболее опытных военных ученых,

специалистов, ветеранов военной науки и решать научные задачи на современном уровне.

Задачи, на решение которых были сосредоточены основные усилия в научной работе отделения, выполнены, а были они сосредоточены на проведении исследований:

возможных угроз безопасности Республики Беларусь и Союзного государства, способов их нейтрализации;

целесообразных форм и способов применения Вооруженных Сил в современных вооруженных конфликтах;

направлений совершенствования территориальной обороны государства и применения территориальных войск с учетом опыта партизанской войны на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны;

путей совершенствования медицинского обеспечения Вооруженных Сил;

направлений совершенствования системы государственной безопасности Государственной границы Республики Беларусь.

По первому из них – участие в фундаментальных и прикладных исследованиях – выполнено более 59 НИР и НИОКР, проводятся и фундаментальные исследования в интересах строительства и развития Вооруженных Сил, например, КНИР «Паук», а в рамках ее – две НИР, «Сеть» и «Система», которые входят в государственную программу Национальной академии наук (НАН) РБ и позволят подготовить научное обоснование следующих ЕОСИД для инновационного развития Вооруженных Сил.

По второму направлению – проведение независимых военно-научных экспертиз проектов в области обеспечения обороны и национальной безопасности, а также апробации результатов научных исследований – наши ученые приняли участие в экспертизе семи нормативно-правовых актов.

По третьему направлению – создание условий для свободного и плодотворного научного творчества при проведении исследований по широкому спектру вопросов военной, военно-технической и военно-исторической тематики, а также оказание содействия а подготовке военно-научных кадров – проведена большая работа практически всеми секциями.

Изданы пять учебников, семь монографий и 15 учебных пособий, получены 21 патент на изобретения и 15 уведомлений о положительной экспертизе, два свидетельства на изобретения, 17 удостоверений на рационализаторские предложения, 21 акт внедрения научных результатов в практику войск и военно-образовательный процесс, опубликовано более 330 статей и тезисов выступлений в различных изданиях. Мы приняли участие в более чем 140 научных конференциях и семинарах, 35 из которых – международные и республиканские.

Большую работу проводят наши ученые по подготовке научно-педагогических кадров. Это заключается в научном консультировании по четырем докторским диссертациям и руководстве работой над 23 кандидатскими и 14 магистерскими диссертациями. Кроме того, сюда же можно отнести участие наших ученых в работе общих собраний Национальной академии наук, в экспертном Совете Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, Военно-научного и Научно-технического советов Военной академии, а также в Совете по защите диссертаций.

Наряду с проведением научных исследований ученые отделения принимают активное участие в мероприятиях Вооруженных Сил по планам оперативной и боевой подготовке войск, что обеспечивает устойчивую связь теории и практики войск. Эту связь мы будем поддерживать и впредь, чтобы проводимые исследования имели под собой твердую научную основу для выработки практических рекомендаций командирам, штабам по способам применения войск и управлению ими как в мирное, так и в военное время.

При этом ученые отделения успешно взаимодействуют с российскими коллегами в области совместных научных исследований и участвуют в различных мероприятиях, осуществляемых как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации. Например, представители Сибирского, Тверского, Санкт-Петербургского и других региональных отделений сотрудничают с нами на уровне отделений, мы постоянно поддерживаем с ними связь.

Большое внимание уделяется проведению исследований, связанных с вопросами обеспечения военной безопасности Республики Беларусь и Союзного государства в условиях ведения современных войн, основанных на применении сетевых технологий. Эти вопросы наши ученые решают совместно с коллегами из Военной академии Республики Беларусь и в первую очередь – факультета Генерального штаба, Научно-исследовательского института Вооруженных Сил РБ.

При этом факультет Генерального штаба Вооруженных Сил (ФГШ) является в настоящее время основной платформой работы отделения и, соответственно, практически всех секций, что, на наш взгляд, позволяет мобилизовать все имеющиеся возможности для решения научных вопросов.

В условиях динамично меняющейся международной обстановки постоянного внимания требует вопрос обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь, который ввиду его специфичности вполне реально отрабатывать именно на ФГШ. С учетом новых требований военно-политического руководства государства по вопросам государственного и военного управления, а также в области информационной безопасности и территориальной обороны происходит осмысление своей роли и места в общей системе национальной безопасности руководителями областей, начальниками региональных управлений силового блока.

Думаю, основные усилия военных ученых БРО должны быть направлены на исследования в области военной стратегии и оперативного искусства, в том числе с учетом форм и способов применения войск в ходе локальных войн и военных конфликтов. Я ни в коей мере не умаляю значение прикладных исследований по другим направлениям научной деятель-

ности нашего отделения. Но поскольку проблем развития теории военной стратегии и оперативного искусства стоит достаточно остро, ее решение является важнейшей задачей. Для этого у нас есть значительный потенциал, основу которого составляют ученые Военной академии и НИИ Вооруженных Сил Республики Беларусь, а также представители республиканских органов государственного управления, и созданы условия на перспективу по созданию филиала Академии ОДКБ на базе факультета ГШ ВС. И логика подсказывает, что головной статус Академии ОДКБ должен принадлежать ВА ГШ ВС РФ.

Мы должны уделять более серьезное внимание проведению военно-научных исследований именно в рамках Белорусского регионального отделения, нацеленных на получение практически реализуемых результатов по самым насущным темам, в первую очередь, связанным с вопросами обеспечения безопасности Союзного государства в условиях возникновения и развития новых угроз.

Этому вопросу уделяется серьезное внимание на уровне президентов и правительств Российской Федерации и Республики Беларусь. Не должны оставаться в стороне от этой работы и мы. Особенно актуальной она видится в связи с острой необходимостью научного обоснования рациональных, всесторонне выверенных позиций по асимметричному реагированию на реальные угрозы со стороны западных государств – нарушить баланс сил в Европе формированием системы противоракетной обороны.

Важное значение в современных условиях играет развитие теории и практики военного управления, особенно его организационно-технической основы – системы управления. На наш взгляд, целесообразно усилия отдельных ученых в этой области для начала работы сосредоточить в рамках работы секции нашего отделения. Провести несколько научных семинаров, а в последующем, и научную конференцию по проблемам военного управления с выработкой основных направлений развития системы управления ВС в современных условиях и на перспективу.

Исходя из вышесказанного, считаю, что наши ученые вполне способны проводить в новом отчетном периоде инициативные НИР на эту тему, в ходе которых могли бы выработать собственные выводы и предложения, может быть, даже альтернативные взглядам, официально признанным в органах военного управления и государственных военно-научных организациях.

Эти выводы и предложения, в конечном итоге, должны быть всесторонне обсуждены не только на страницах печати, но и на расширенных конференциях, семинарах, с привлечением представителей региональных отделений, Президиума АВН, структурных подразделений МО (ГШ) и других структурных подразделений военной организации государств.

Важным, крайне необходимым и полезным в работе отделения видится продолжение участия наших ученых в учениях и ряде других важных мероприятий, которые осуществляются по планам Генерального штаба. Нельзя терять тесной связи наших теоретических изысканий с практикой войск, особенно по вопросам территориальной обороны.

В этом направлении нами сделано немало. Так, в сентябре прошлого года нами совместно с государственным музеем истории Великой Отечественной войны была проведена международная военно-историческая конференция на тему «Опыт партизанского движения накануне и в ходе Великой Отечественной войны в контексте подготовки территориальной обороны государства», в которой приняли участие представители практически всех структурных подразделений МО (ГШ) и учебных заведений, представитель Президиума АВН.

По нашему мнению, в современных условиях необходимо значительное повышение удельного веса научной работы не только в научно-исследовательских структурах, но и непосредственно в штабах объединений и других органах военного управления, на кафедрах военных факультетов ВУЗов Республики Беларусь.

Основными задачами, определенными БРО АВН в 2013 г., являются:

научные обоснования направлений развития двусторонних международных отношений между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в военной сфере;

широкое и разностороннее освещение, в первую очередь, через публикации в научных изданиях и СМИ положительных моментов в развитии отношений между РБ и РФ в военной сфере, пропаганда идеи о необходимости объединения усилий по защите Союзного государства;

научное обоснование облика системы РГВ(с), целесообразных путей совершенствования ее состава и способов применения в целях недопущения агрессии против РБ и РФ;

создание военно-научной школы исследования проблем теории военной стратегии и оперативного искусства;

эффективное использование военно-научного потенциала, знаний и опыта военно-научных школ АВН в целях обеспечения военной безопасности Союзного государства;

постоянный мониторинг и анализ событий, происходящих в мире в области эскалации и развития военных конфликтов в целях выявления закономерностей и законов современного военного искусства и научного обоснования направлений строительства и развития Вооруженных Сил (обеспечить условия, чтобы теория «освещала» путь практике);

активное участие в реализации Концепции строительства и развития Вооруженных Сил РБ до 2020 г.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

президента Академии военных наук генерала армии М.А. ГАРЕЕВА

Уважаемые товарищи!

Думаю, что все вы согласитесь с тем, что наше общее собрание прошло активно и плодотворно. Вы имели возможность услышать квалифицированные суждения по актуальным проблемам оборонной безопасности и военной науки в выступлениях заместителя Председателя правительства РФ Д.О. Рогозина, Министра обороны РФ генерала армии С.К. Шойгу, начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковника В.В. Герасимова, начальника Генерального штаба ВС Беларуси генерал-майора П.Н. Тихоновского, главнокомандующего ВМФ вице-адмирала В.В. Чиркова и других лиц руководящего состава министерства обороны.

Весьма интересными и содержательными были выступления генерал-майора С.В. Ягольникова, генерал-полковника В.В. Воробьева и других членов АВН. Тех членов академии, кто не имел возможности выступить, мы просим сдать тексты выступлений в секретариат. Мы их опубликуем в очередном журнале АВН.

Президиуму АВН, руководителям отделений, ученому секретарю организовать реализацию всех доложенных предложений для развертывания научной работы академии.

На основе обобщения материалов мы подадим доклады со своими предложениями Президенту РФ, в Совет Безопасности и Секретариат Министерства обороны.

Главное, что от нас требуется, повысить требовательность к членам академии, их активность и ответственность. К сожалению, некоторые представленные отче ты научными отделениями не содержат каких-либо новых мыслей и предложений. Мы уже не раз об этом говорили, и, видимо, так продолжаться не может. Кого это касается, должны сделать все необходимые выводы.

План работы АВН общим собранием утвержден. Теперь в масштабе АВН, научных отделений и актива нужно организовать его выполнение. Одной из приоритетных наших задач становится исследование вопросов организации обороны страны при многовекторном характере угроз невоенными и военными средствами. Надо более основательно разобраться с этими новыми явлениями, в том числе с такими фундаментальными вопросами, как сущность войны на современном этапе, объект и предмет исследования военной мощи и оборонных проблем других наук. По этим вопросам нужно установить более тесные связи с РАН и другими научными центрами.

Первому отделению во главе с Ю.Я. Киршиным подготовить заседание круглого стола по этим вопросам.

Желаю всем вам научной активности и новых творческих успехов!

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ АВН

от 26 января 2013 года

Заслушав и обсудив доклады президента АВН и председателя ревизионной комиссии, общее собрание ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Согласиться с основными выводами и предложениями, изложенными в докладе президента АВН, системными оценками, высказанными в ходе научной дискуссии.

2. Утвердить решения Президиума АВН:

2.1. О принятии в члены АВН профессоров АВН, избранных на общих собраниях научных и региональных отделений АВН;

2.2. О создании научного отделения (научно-исследовательского центра) стратегического и технологического прогнозирования (форсайта);

2.3. О создании Волгоградского регионального отделения АВН;

2.4. О признании полномочий вновь избранных руководителей структурных подразделений АВН:

а) научного отделения (научно-исследовательского центра) военно-технологического и стратегического прогнозирования (форсайта) – вице-президента АВН генерал-майора Шеремета Игоря Анатольевича;

б) Волгоградского регионального отделения – доктора экономических наук, профессора Мосейко Виктора Олеговича, директора института управления и региональной экономики Волгоградского государственного университета;

в) Поволжского регионального отделения (г. Саратов) – действительного члена АВН, доктора технических наук, профессора Садовникова Романа Николаевича;

г) Сибирского регионального отделения – Федорова Андрея Эдуардовича.

2.5. О введение в состав Президиума АВН:

а) заместителя руководителя научного Отделения военного (оборонного) строительства воору-

женных сил генерал-лейтенанта Лату Василия Федоровича;

б) ученого секретаря комиссии по премиям АВН действительного члена АВН генерал-майора Копытко Василия Кирилловича.

3. Утвердить результаты финансово-хозяйственной деятельности АВН за 2012 год.

4. Согласиться с Планом научной работы Академии военных наук на 2013 год.

Главные усилия в научной работе АВН сосредоточить на исследованиях:

по совершенствованию и развитию методологической базы планирования строительства и развития военной организации Российской Федерации на долгосрочный период (до 2040 года), включая разработку методического аппарата прогнозирования сценариев развития геополитической и стратегической обстановки и возможного характера войн и вооруженных конфликтов с участием России;

эффективных методов управления созданием и применением стратегических наступательных и оборонительных систем вооружений, обоснования приоритетных направлений их развития в сверхдолгосрочном периоде;

приоритетных направлений дальнейшего строительства воздушно-космической обороны Российской Федерации, адекватных прогнозируемым на отдаленную перспективу угрозам в воздушно-космической сфере и научно-техническим и экономическим возможностям государства;

приоритетных направлений обеспечения информационной безопасности, нейтрализации угроз в информационном и кибернетическом пространствах;

по обоснованию перспективной системы вооружения, военной и специальной техники, способной противостоять системе вооружения вероятного противника во всех сферах вооруженной борьбы, добиваясь в максимальной степени реализуемости интегрированного гособоронзаказа;

проблем внутренней безопасности, духовных основ военной мощи государства, морально-психологической подготовки личного состава, обеспечивая опережающее развитие науки по отношению ко всей совокупности практических действий.

5. Президиуму АВН выйти с предложением в Совет Безопасности РФ, Министерство обороны РФ, Генеральный штаб ВС РФ, Минобрнауки России с предложением в полной мере использовать научный потенциал ученых АВН при формировании новых образовательных программ высшего профессионального образования и организации учебного процесса в ввузах Минобороны России.

A.A. BARTOSH

А.А. БАРТОШ

МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

A MODEL OF NATIONAL INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE GLOBALIZING WORLD

Рассматриваются основные тенденции развития глобализации и их проявление в сфере международных отношений, а также стратегия России по защите национальных интересов в современных условиях. Предлагается модель национальных интересов Российской Федерации как действенное средство научно-методологической поддержки при разработке современных механизмов осмысления и определения национальных интересов в их взаимосвязи с задачами обеспечения национальной безопасности.

The article deals with the basic tendencies of development of globalization and their manifestation in the sphere of international relations, and also the strategy of Russia for protection of national interests in the modern conditions. The model of national interests of the Russian Federation is proposed as an effective means of scientific-methodological support for the modern mechanisms of understanding and determination of national interests in their connection with the tasks of national security safeguarding.

Ключевые слова: глобализация, международные отношения, модель национальных интересов, обеспечение национальной безопасности.

Key words: globalization, international relations, model of national interests, national security safeguarding.

В первом десятилетии XXI века получили дальнейшее развитие тенденции, определяющие движение мира по пути глобализации всех сфер международной жизни. Особую значимость приобрели процессы в сфере обеспечения международной безопасности, которая отличается высоким динамизмом и взаимозависимостью событий.

Между государствами обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран. Ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции. Возросла уязвимость всех членов международного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз.

В результате укрепления новых центров экономического роста и политического влияния складывается качественно новая геополитическая ситуация. Формируется тенденция к поиску решения имеющихся проблем и урегулированию кризисных ситуаций на региональной основе без участия нерегиональных сил.

Несостоятельность существующей глобальной и региональной архитектуры, ориентированной, особенно в евроатлантическом регионе, только на Организацию Североатлантического договора, а также несовершенство правовых инструментов и механизмов все больше создают угрозу обеспечению международной безопасности. Сохраняется тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США. При решении принципиальных вопросов международной безопасности ставка делается на западные институты и форумы ограниченного состава, на ослабление роли Совета Безопасности ООН.

В этих условиях Россия намерена добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов. Определяющее значение в этом плане имеют дальнейшее укрепление российской государственности, консолидация гражданского общества и скорейший переход к устойчивому экономическому росту. С этой целью необходимо целенаправленное развитие возможностей, позволяющих создание в среднесрочной перспективе условий для закрепления России в числе государств – лидеров в мировой экономике на основе эффективного участия в мировом разделении труда, повышения глобальной конкурентоспособности национального хозяйства, оборонного потенциала, уровня государственной и общественной безопасности.

С учетом динамики и глубины происходящих процессов в Российской Федерации в течение последних лет был разработан комплекс документов, регламентирующих содержание деятельности по обеспечению национальной безопасности и определяющих направления участия России в формировании современной архитектуры обеспечения национальной и международной безопасности: Стратегия на-

циональной безопасности Российской Федерации до 2020 года (далее-Стратегия-2020); «О безопасности» Федеральный закон Российской Федерации; Военная доктрина Российской Федерации; Концепция внешней политики Российской Федерации; Основы стратегического планирования в Российской Федерации; Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации; Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации.

Комплекс этих документов при всей важности и своевременности разработки каждого их них обладает, по мнению автора, существенным системным недостатком – отсутствием единой рамочной архитектуры, что приводит к несогласованности некоторых принципиальных разделов, а нередко и к очевидным противоречиям. В итоге в ходе реализации доктринальных положений складывается практика проведения перманентных локальных реформ, не объединенных общей целью, замыслом и планом. Нередко сомнительные результаты подобных реформ требуют решительной ревизии сделанного в сферах образования и науки, технологии и управления, обороны, кадровой политики. В этом контексте императивный характер приобретает необходимость концентрации научно-интеллектуального потенциала на разработке стратегии развития Российской Федерации, основанной на четком понимании национальных интересов страны.

Сформировавшийся в России на государственном уровне подход к осознанию, формулированию и реализации национальных интересов является далеко не безупречным. В базовых официальных документах (прежде всего, в Стратегии 2020, Военной доктрине и Концепции внешней политики Российской Федерации) весьма обще обозначены векторы поступательного движения, отсутствует четкость формулировок ценностных ориентиров. Не удалось в полной мере избежать терминологической путаницы и излишней абстрактности используемых в них понятий.

Возрастание роли международных организаций – одна из особенностей формирующейся новой системы международных отношений. В этом контексте весьма противоречивы, в частности, и содержащиеся в документах оценки значимости отдельных международных организаций в общей архитектуре обеспечения национальной безопасности Российской Федерации (прежде всего, ООН, ОБСЕ, НАТО и ЕС). Не получила должного освещения и роль других международных организаций и взаимодействия с ними России – Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Международного валютного фонда (МВФ), Всемирной торговой организации (ВТО), которые превращаются в реальные инструменты управления миром и, соответственно, в субъекты международных отношений.

Увеличение числа игроков на международной арене объективно способствуют усилению уровня неопределенности при решении задач формулировки национальных интересов, прогнозирования и планирования развития страны, оптимального выбора партнеров и союзников, надежного их закрепления на долгосрочную историческую перспективу.

Как представляется, преодолеть эти недостатки и обеспечить координированное развитие политических процессов, связанных с формулировкой национальных интересов, может способствовать применение разномасштабных (субрегиональных, региональных и глобальных) моделей политических, военно-политических, экономических, социальных и других процессов и исследование с их помощью возможных сценариев и вариантов выработки национальных интересов и стратегий обеспечения безопасности. Структурную оболочку таких моделей формирует совокупность математических, социально-экономических и других методов, основанных на современных информационных технологиях, адаптированных для исследования субрегиональных, региональных и глобальных процессов. Подобные модели могут рассматриваться как действенные средства научно-методологической поддержки при разработке современных механизмов осмысления и определения национальных интересов в их взаимосвязи с задачами обеспечения национальной безопасности.

С этой целью, прежде всего, отметим, что формирование национальных интересов в ходе политического процесса обеспечивает определенное отношение личности, социальных групп к деятельности государства, его представительных и исполнительных органов власти в различных сферах жизнедеятельности, в том числе и в сфере безопасности. Категории «национальный интерес» и «национальная безопасность» отражают разные функции политического процесса, который можно разделить на две стадии: стадию формирования и формулирования политики и стадию ее реализации внутри страны и в системе международных отношений. Категория национального интереса относится к первой стадии, категория безопасности – ко второй[1].

В конечном итоге полученная модель может представлять собой количественно-качественное описание нескольких альтернативных вариантов системы национальных интересов. Каждый из вариантов включает в себя формулировку целей и задач такой системы, прогноз и оценку возможных угроз национальным интересам и предложения и планы по противодействию угрозам. В итоге может быть создан концептуальный инструмент, ориентированный в первую очередь на управление процессом осмысления и определения национальных интересов. Такая модель рассматривается как особый вид социального взаимодействия, участники которого поддерживают предписанные данной политической культурой стандарты организованного поведения.

При разработке структуры количественно-качественного описания нескольких альтернативных вариантов системы национальных интересов ключевое значение имеет учет характера отношений внутри государства, между государствами и их объединениями, уровня их военной и экономической мощи и ди-

намики ее развития. Эти проблемы рассматриваются в работах многих современных исследователей[2].

Задача создания подобной модели применительно к процессу формулирования и защиты национальных интересов и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации требует уточнения некоторых системообразующих понятий, их содержания и взаимосвязей.

С целью обеспечить готовность России предпринимать действия по предупреждению и урегулированию различных по масштабу и степени угрозы кризисов, в военной сфере акцент на обеспечение национальных интересов необходимо сделать на следующие ключевые задачи:

поддержание статуса великой державы, сохранение и развитие стратегических ядерных сил;

формулирование адекватных сложившейся обстановке политических установок по подготовке и применению Вооруженных Сил;

поддержание соответствующего обстановке уровня боеготовности и боеспособности Вооруженных Сил;

нормативно-правовой регламентации применения Вооруженных Сил в различных условиях военно-политической обстановки и своевременного внесения необходимых изменений в действующие правовые акты;

определение форм и объема военных усилий, связанных с международными обязательствами и членством страны в международных институтах обеспечения безопасности (ООН, СНГ, ОДКБ, ШОС, ОБСЕ и др.)

С учетом анализа всего комплекса вызовов и угроз современности, по-видимому, приоритетное значение имеет, во-первых, подготовка к внешним (международным) военным конфликтам с участием нескольких государств (их коалиции) на стороне вероятного противника.

Во-вторых, необходима готовность к военным конфликтам самых различных типов, спектр многообразия которых постоянно возрастает. Весьма широким, например, является диапазон требований к системам оружия. Так, с учетом особенностей потенциальных конфликтов Вооруженные Силы должны быть оснащены системами оружия, способными противостоять технологически высоко оснащенному противнику, делающим ставку на минимизацию людских потерь за счет нанесения массированных ударов на большую глубину высокоточными системами оружия. Наряду с этим необходимо также и оружие, способное эффективно противостоять проникновению на национальную территорию сил противника, обладающего подавляющим превосходством в численности и готового примириться с перспективой существенных потерь. Отдельного рассмотрения требует стратегия действий государства и международного сообщества в случае попыток проникновения на территорию страны больших масс беженцев с территории сопредельных государств, связанных , например, с климатическими изменениями.

В-третьих, требуется готовность к участию одновременно в нескольких конфликтах, отличающихся между собой по целому ряду социально-политических, этноконфессиональных, собственно военных показателей (размах, интенсивность, применяемые силы и средства и т.д.).

И, наконец, Россия должна быть готова оказать действенную и оперативную помощь в рамках своих союзнических обязательств.

С учетом значимости международного измерения в обеспечении задач национальной безопасности России, более полно следует отразить цели, задачи и приоритеты военно-политического сотрудничества России с дружественными государствами, прежде всего с Белоруссией, с государствами-членами ОДКБ, а также большинством стран СНГ и ШОС. В контексте миротворческих и антитеррористических операций (по типу операции в Мали) ценить потенциал взаимодействия с ЕС, НАТО и другими коалициями и отдельными странами на евразийском пространстве и вокруг него.

Особого внимания заслуживает проблема комплексного использования как военных, так и невоенных мер урегулирования конфликтов. Требуют жесткого закрепления в доктринальных документах безусловная необходимость соблюдения паритета в Стратегических ядерных силах (СЯС), которые являются основой стратегического сдерживания. Их дальнейшее сокращение углубит имеющийся дисбаланс с США и их союзниками в этой сфере и, соответственно, приведет к возрастанию угрозы военной безопасности России. В дополнение к этому, необходим тщательный учет ядерного потенциала других государств. Не менее важным требованием к стратегическому планированию является преодоление возрастающего отставания некоторых видов российского оружия и военной техники от средств вооруженной борьбы и технологий США и ведущих стран мира.

Значительно большее отражение в доктринальных документах должна найти проблема комплексного использования как военных, так и невоенных мер обеспечения безопасности и широкое применение последних с учетом целенаправленной реализации огромных возможностей современных технологий, прежде всего информационных, деятельности целого ряда социальных и политических институтов. Опыт показывает, что их системное применение может дать значительный эффект.

Разработка сложнейших вопросов, связанных с определением основ, направлений и приоритетов военного строительства, особенно на долговременную перспективу, предполагает всемерное развитие и укрепление потенциала военной науки и образования, проведение продуманной кадровой политики. Положения, определяющие неизмеримое возрастание роли и значения военной науки, основные задачи и направления ее деятельности по обеспечению военной безопасности, также должны стать весомыми элементами содержания новых доктринальных документов.

В более детальной проработке нуждается комплект нормативно-правовых документов, определяющих развитие ОДКБ. В сложившихся условиях Ор-

ганизация Договора о коллективной безопасности может рассматриваться в качестве главного межгосударственного инструмента, призванного противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера, включая борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Одновременно для России особое значение имеет наращивание политического потенциала Шанхайской организации сотрудничества, стимулирование в ее рамках практических шагов, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центрально-Азиатском регионе.

С учетом перечисленных факторов к основным направлениям отстаивания национальных интересов России во внешнеполитической сфере можно отнести: развитие отношений в рамках СНГ, укрепление ОДКБ, формирование Единого экономического пространства и Таможенного союза; придание реальных очертаний Евразийскому союзу; отношения с США; борьба с терроризмом; выработку ясной и реализуемой стратегии на Ближнем и Среднем Востоке; проблему международной ядерной безопасности; европейское направление внешней политики; отношения Россия—НАТО; Азиатско-Тихоокеанское направление; китайский вектор внешней политики; сотрудничество России с Японией и Южной Кореей. В связи со вступлением в ВТО особую значимость приобретает деятельность России по реализации своих национальных интересов во внешнеторговой политике.

К внутренним факторам, обусловливающим угрозы национальным интересам Российской Федерации, можно отнести:

духовный, моральный, нравственный, идейный и мировоззренческий кризис, переживаемый страной;

понижающийся уровень человеческого капитала, связанный с разрушением или стагнацией науки, культуры, образования и здравоохранения, демографический кризис;

традиционные опасности и угрозы – шпионаж, терроризм, контрабанда наркотиков;

новые опасности и угрозы – коррупция, организованная преступность, незаконные вооруженные формирования, а также экономические преступления, например, связанные с масштабным незаконным вывозом из страны стратегических сырьевых ресурсов;

политический и религиозный экстремизм, сепаратизм.

С учетом прогнозов развития обстановки и направленности стратегического планирования развития государства характеристики модели долгосрочных и жизненно важных национальных интересов России должны обеспечивать качественное изменение подходов к осмыслению, формулированию и реализации национальных интересов нашей страны, сложившихся на государственном уровне и в массовом сознании. Такая модель может представлять собой описание нескольких альтернативных вариантов системы национальных интересов. Каждый из вариантов включает в себя формулировку целей и задач такой системы, анализ, прогноз и оценку возможных угроз национальным интересам, а также предложения и планы по противодействию угрозам.

Таким образом, разработанная модель может служить уникальным концептуальным инструментом, ориентированным в первую очередь на управление процессом осмысления и определения национальных интересов.

Рассмотрим ключевые понятия, архитектуру и алгоритм функционирования модели.

Ключевое понятие модели – «национальный интерес» является элементом более сложной системы обеспечения национальной безопасности. При этом категории «национальный интерес» и «национальная безопасность» отражают разные функции политического процесса, который можно разделить на две стадии: стадию формирования и формулирования политики и стадию ее реализации внутри страны и в системе международных отношений. Категория национального интереса относится к первой стадии, категория безопасности – ко второй.

Архитектура модели формируется за счет совокупности взаимосвязанных компонентов, образующих целостный организм, в том числе по объектам – интересы личности, общества и государства, а также личная безопасность, общественная безопасность, национальная безопасность. В качестве субъектов могут рассматриваться различные виды безопасности, такие как конституционная безопасность, военная безопасность, социальная безопасность, экологическая безопасность, информационная безопасность и др.

Модель как система имеет определенную иерархию, соподчиненность уровней, согласно которой в центре модели находится человек, но базовыми инструментами являются общество и государство. Главным системообразующим фактором модели является деятельность субъектов (и в определенной мере объектов), реализующих свои цели с помощью разнообразных средств и методов – политических, экономических, военных, организационных, правовых, воспитательных и других;

В контексте вышесказанного функционально-целевое предназначение модели состоит в реализации жизненно важных интересов личности, общества и государства с учетом и на основе взаимозависимости политических, экономических, оборонных, социальных, экологических, технологических, информационных, духовно-психологических и других факторов.

Четкая, понятная и, самое главное, реализуемая интегрированная модель должна обладать следующими характеристиками:

свойством адаптивности к условиям функционирования и развития, возможностями для оперативного учета ресурсов государства и выработки рекомендаций по их рациональному использованию;

способностью оперативно реагировать на динамично изменяющуюся обстановку, особенно в международной сфере и различных областях общественной жизни страны

соответствовать требованиям преемственности и развития, сохранять позитивные достижения, полученные в предшествующие периоды истории нашей страны, и решительно отсекать не оправдавший себя негативный опыт;

сочетать стратегическую стабильность долговременных национальных интересов и тактическую гибкость при определении и отстаивании краткосрочных и среднесрочных интересов.

Формирование модели должно осуществляться на основе комплексного подхода к приоритетам национальных интересов, национального законодательства, при учете и соблюдении общепринятых международных принципов и норм.

Алгоритм деятельности модели базируется на последовательности действий, имеющих конечной целью определение национальных интересов и путей их защиты. В алгоритме на согласованной системной основе должны быть учтены источники, степень и масштабы угроз национальным интересам в соответствующих сферах и принципиальные подходы к их нейтрализации.

Данные для деятельности модели должны на регулярной основе обновляться с тем, чтобы в максимально возможной степени соответствовать складывающейся в мире динамичной ситуации, тенденциям ее развития, а также экономическим возможностям страны и сочетать экономические, политические, военные средства, возможности государственных институтов, дипломатии, включая общественную дипломатию.

В итоге практическое применение модели, с одной стороны, будет способствовать развитию новейших технологий, направленных на обеспечение защиты национальных интересов и национальной безопасности, а с другой – способствовать эффективной нейтрализации существующих и потенциальных угроз.

В алгоритме модели должен быть учтен опыт современных конфликтов, в том числе и таких, где государства терпели поражение, даже не вступая в вооруженную борьбу. Поэтому модель, особенно в оборонной ее части, должна быть ориентирована на гарантированное обеспечение национальной безопасности, причем не только путем достижения победы в войне. Акцент, прежде всего, должен быть сделан на использование превентивной дипломатии, международно-правовых, информационных, экономических и иных средств защиты важных интересов общества, государства и личности от угрозы военного насилия или применения военной силы.

Следует иметь в виду, что включенные в Стратегию-2020 национальные интересы России на долгосрочную перспективу ориентируют, главным образом, на совершенствование экономической и военной мощи государства, то есть на компоненты так называемой «жесткой власти», которая базируется на побуждающих стимулах или угрозах. Однако в новую информационную эпоху и появления новых феноменов в мировой реальности роль и влияние «жесткой» власти уменьшаются. С учетом этого фактора некоторые авторитетные исследователи отдают предпочтение другому типу власти, который, как считается, сыграл решающую роль в «холодной войне» и продолжает наращивать свои возможности в XXI веке – «гибкой» власти, основанной на способности привлекать с опорой на ресурсы, включающие национальные ценности, культуру, политику и институты[3].

В этом контексте, как представляется, в модели должен быть предусмотрен выверенный баланс между компонентами «жесткой» и «гибкой» власти. При этом в качестве одного из ключевых национальных интересов Российской Федерации можно считать повышение привлекательности государства за счет реализации соответствующей государственной политики в сфере двусторонней и многосторонней дипломатии, а также публичной дипломатии.

В модели также должны быть органично использованы разработанные в доктринальных документах Российской Федерации цели и задачи государства по предотвращению угроз безопасности, национальным интересам страны, ее суверенитету и территориальной целостности. Отдельно должны быть учтены варианты возможных активных действий – задачи по отражению агрессии, нанесению поражения агрессору на основе принципа комплексного использования всех сил и средств государства для своевременного обеспечения его безопасности.

В группу начальных условий модели включаются сведения, касающиеся экономического, оборонного, финансового ресурса, научного и технологического обеспечения всех действий государства для достижения упомянутых выше целей и задач по предотвращению угроз национальным интересам. Содержание этих сведений должно носить конкретизирующий характер, учитывать реальные условия социально-политической и стратегической обстановки.

Кроме того, в группу начальных условий можно включить вопросы, имеющие принципиальное политическое, международно-правовое, нравственное и военное содержание: каково отношение государства к проблеме войны и мира; считает ли государство войну приемлемым средством продолжения политики; какими путями и способами решать проблему предотвращения войны; как должна обеспечиваться защита национальных интересов государства; существующие и вероятные источники угроз; уровни угрозы; прогнозные оценки по характеру военных конфликтов, в которых возможно участие государства, его вооруженных сил и союзников; какие цели и задачи могут стоять перед государством по обеспечению национальной безопасности и предотвращению потенциальных угроз; возможный характер действий противника, применяемые им силы и средства; основные формы применения Вооруженных Сил. В отдельную группу могут быть отнесены технологии непрерывного контроля и повышения эффективности использования материальных ресурсов и финансовых средств на основе согласованных приоритетов обеспечения национальной безопасности.

Применение модели будет способствовать разработке на научной основе требований, предъявляемых

к системе государственного и военного управления по обеспечению национальной безопасности, осуществлению комплекса координированных шагов по подготовке страны к обороне и эффективному использованию всех компонентов системы обеспечения национальной безопасности и защиты национальных интересов государства в политической, экономической, финансовой, идеологической и других сферах.

Важной задачей модели является выработка научно обоснованных рекомендаций по рациональному выбору международных институтов, сотрудничество с которыми может способствовать защите национальных интересов России за счет интеграции усилий государств и международного сообщества.

Как было показано, участие в международных организациях, интеграционных союзах и временных коалициях в условиях глобализации придает дополнительные возможности и размах реализации национальных интересов государств. Привлечение современного арсенала дипломатических средств позволяет более эффективно решать возникающие задачи и при этом оптимизировать затраты, не допуская дублирования возможностей.

При анализе реальной отдачи от использования возможностей конкретной международной организации в целях реализации национальных интересов России необходимо учитывать направленность и динамику развития международных институтов в контексте их соответствия национальным интересам государства. Для эффективной реализации национальных интересов в многосторонних механизмах важнейшей задачей является обеспечение при участии в них лидирующей роли России на основе четко выверенной прагматичной позиции.

Рациональное использование потенциала международных организаций в решающей степени определяется правильным выбором векторов реализации долгосрочных национальных интересов Российской Федерации.

Проблемы, связанные с выбором опорных международных организаций в контексте обеспечения национальной безопасности РФ, рассмотрены автором в ряде работ[4]. В частности, отмечается тенденция к снижению потенциала ключевых международных организаций (ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО) в сфере противостояния растущим вызовам международной безопасности, что требует от Российской Федерации расширения диапазона поиска возможных партнеров и создания собственного фундамента обеспечения безопасности за счет укрепления ОДКБ, ШОС, формирования Евразийского союза.

Схожие оценки, касающиеся проблемы снижения эффективности международных институтов и организаций, созданных в целях укрепления мира и безопасности, содержатся и в документах Стокгольмского института исследования проблем мира (СИПРИ). В издании подчеркивается, что многие из международных организаций, включая ООН, все чаще сталкиваются с трудностями в мобилизации необходимой политической воли и финансовых ресурсов для выполнения своих мандатов[5]. Это обстоятельство выдвигает в число важных задач обеспечения безопасности России оказание необходимой поддержки реформам ООН и ОБСЕ, проведение продуманной стратегической линии в отношениях с США и НАТО, развитие взаимовыгодного сотрудничества с Евросоюзом.

Приоритетом остается углубление отношений с СНГ, ОДКБ, ШОС, придание реальных очертаний проекту Евразийского союза.

Вместе с тем, это не значит, что сотрудничество с нашими западными партнерами приобретает для России второстепенный характер, хотя переход к более масштабным совместным проектам пока все же относится к отдаленной перспективе. Несмотря на то, что Россия, США, ЕС и НАТО признают жизненную важность сотрудничества и отсутствие ему альтернативы, наработанные результаты, к сожалению, дают мало оснований для оптимизма. По-видимому, внутри ЕС и НАТО, а также в ОБСЕ все еще сильны позиции «коалиции желающих» обслуживать интересы США и все еще слаб голос стран, стремящихся к развитию более продуктивных и взаимовыгодных отношений с Россией. В самих США укрепляются позиции сил, нацеленных на конфронтационный подход в отношениях с Российской Федерацией.

Однако нельзя игнорировать тот факт, что Североатлантический союз, например, на сегодняшний день является одной из немногих международных организаций, которой удается совмещать разнообразный спектр задач и миссий в условиях глобализирующегося мира. Объективно альянс является важным фактором на мировой арене и в евроатлантическом пространстве. Европейский союз – наш важнейший экономический партнер. Многие страны НАТО и ЕС – наши близкие, а то и непосредственные соседи.

Таким образом, надо развивать сотрудничество с Западом в том объеме и по тем вопросам, которые потребны и выгодны нам с точки зрения наших национальных интересов, и одновременно противодействовать всем попыткам навязывать России решения, которые не соответствуют ее целям. В модели национальных интересов России политическую важность сохранения и развития партнерских связей с США, НАТО и ЕС, а также с нашими восточными соседями можно считать некой константой, что, однако, вовсе не означает возвращения к политике уступок. Такая политика в отношении Запада в период начала 90-х оказалась контрпродуктивной и нанесла ущерб национальным интересам России.

В связи с этим в алгоритме модели национальных интересов РФ должна просматриваться четко выверенная прагматическая доминанта, суть которой в выстраивании многовекторной политики. Такая политика должна определяться в первую очередь собственными национальными интересами, а также учитывать интересы союзников и партнеров.

С учетом приведенных соображений в основу российской модели обеспечения национальной и

международной безопасности должен быть положен проект, связанный с конкуренцией глобального характера в цивилизационном измерении, где предметом конкуренции становятся, в том числе, ценностные ориентиры и модели развития. На фоне проявившейся несостоятельности западных сценариев стратегического развития глобализирующегося мира предлагаемые Россией подходы более полно и адекватно отражают реалии современности. Именно такая модель развития для России в концентрированном виде предложена в программной статье Владимира Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня».

Реализация модели Евразийского союза выводит его участников на качественно новый уровень, открывает перспективы для экономического развития, создает дополнительные конкурентные преимущества. Объединение усилий позволит государствам – участникам Евразийского союза вписаться в глобальную экономику и систему торговли. Более того, такая модель позволит им занять достойное место в сложном мире XXI века и реально участвовать в процессе выработки решений, задающих правила игры и определяющих контуры будущего. Таким образом, страны – участницы Евразийского союза смогут войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться устойчивого развития.

В целом на современном этапе содержательная часть национальных интересов России до конца не определена. Процесс осознания Российским государством и российским обществом своих насущных потребностей находится все еще в стадии становления. Эта ситуация осложнена переходным периодом к следующей социально-политической формации – постиндустриальному обществу. Сегодня наше государство, финансово-экономическая элита, политические силы и общество в целом пытаются найти адекватные ответы на проблемы современности, и именно этот сложный процесс служит основой принятия решений при артикуляции и формулировании национальных интересов страны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Прохожев А.А. Общая теория национальной безопасности. / - М.: 2002. - С. 93.
2. См.например, Гареев М.А. «На пороге эпохи потрясений. Для обеспечения безопасности требуется объективная оценка угроз», доклад на общем собрании Академии военных наук. // Военно-промышленный курьер, № 3 (471) за 23 января 2013 года; Анин А.И., Ягольников С.В. «Путь к стратегической стабильности: этапы, особенности», Вестник АВН, № 3 (40) 2012; Лопин Г., Цурков М., Оглоблин В.«Угрожающая перспектива», Военно-космическая оборона, № 6 (61), 2011); Сивков К. «Кризис и всемирная ресурсная борьба», Военно-промышленный курьер, № 50 (467) за 19 декабря 2012 года.
3. См. например, Най.Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Изд. Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», Новосибирск/Москва, 2006.
4. См.напр. Бартош А.А. Евразийский союз на страже международной безопасности. Перспективы глобального роста, стабильности и устойчивого развития// Независимое военное обозрение, http://nvo.ng.ru/concepts/2013-01-18/4_es.html//; Бартош А.А. Трансформация ОДКБ. Модели обеспечения безопасности на постсоветском пространстве. http://nvo.ng.ru/gpolit/2012-09-21/1_odkb.html//.
5. Ежегодник СИПРИ: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. / Институт мировой экономики и международных отношений РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 1998–2011 – 2012.

S.G. CHEKINOV,
S.A. BOGDANOV

С. Г. ЧЕКИНОВ,
С.А. БОГДАНОВ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ECONOMIC SECURITY OF THE STATE IN THE MODERN CONDITIONS

В статье рассматривается необходимость в современных условиях решать вопросы обеспечения экономической безопасности, раскрываются сущность экономической безопасности государства и ее структура, факторы, влияющие на экономическую безопасность государства, выявляются тенденции и закономерности обеспечения экономической безопасности государства.

The article deals with the necessity of solving the issues of providing the economic security. The essence of the economic security of the state and its structure, factors affecting the economic security of the state are explained, tendencies and consistent patterns of providing the economic security of the state are revealed.

Ключевые слова: угрозы экономической безопасности, концептуальные положения, экономическая безопасность государства, стратегические экономические интересы, обеспечение экономической безопасности, формы обеспечения экономической безопасности.

Key words: threats to economic security, conceptual provisions, economic security of the state, strategic economic interests, providing of economic security, forms of providing the economic security.

Происходящие в современных условиях XXI столетия изменения в геополитической обстановке положили начало новым подходам в сфере политических, экономических и военных взаимоотношений между странами мирового сообщества. Эти изменения с особой остротой обозначили, что проблема экономической безопасности, прежде всего, в России является одной из жизненно важных в плане ее существования и развития в виде суверенного единого государства.

Вице-премьер Д.Рогозин, выступая перед журналистами в редакции Российской газеты на деловом завтраке по этой проблематике, подчеркнул, «чтобы страна могла спокойно развиваться, надо создать для нее абсолютное безопасное окружение. Эта задача решается в первую очередь. Вторая задача – наращивание потенциала промышленности. Создание новых рабочих мест, как сказал Владимир Путин, 25 миллионов высококвалифицированных рабочих мест. И третий момент – подъем престижа страны. Настоящий «power», с чем действительно считаются, это сила физического воздействия, когда есть вероятность получить в глаз стальным кулаком. Это та сила, которая ценится в так называемом «цивилизованном мире». Только физически сильная страна позволяет реализовать свои экономические возможности в полной мере»[1].

Такое значение данной проблемы обусловлено, кроме изменений в межгосударственных взаимоотношениях, универсальностью понятия «экономическая безопасность», которое является ключевым в связке «экономика и безопасность». Можно без преувеличения утверждать, что все сферы жизнедеятельности человека в той или иной степени содержат своего рода индикаторы, сигнализирующие о возможных опасностях, которые необходимо учитывать при определении выдвигаемых обществом, корпорациями и личностью целей и при их осуществлении.

В нормативно-правовых источниках и энциклопедиях по разному трактуется понятие «экономическая безопасность». В «Концепции экономической безопасности Российской Федерации», например, понятие «экономическая безопасность государства» определено как «возможность и готовность экономики» обеспечить достойные условия жизни и развития личности, социально-экономическую и военно-политическую стабильность общества и государства, противостоять влиянию внутренних и внешних угроз[2].

Новая экономическая энциклопедия» предлагает несколько другое определение понятия «экономическая безопасность государства» – как «такое состояние экономики и готовность институтов власти, при которых обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал[3]».

Впервые понятие «экономическая безопасность» получило признание при поиске выхода из экономического кризиса США в 30-х гг. XX столетия. В 1934 г. в «новом курсе» (для 30-х годов XX столетия – это был «новый курс») экономической политики президентом США Ф. Рузвельта по выводу страны из кризиса упор был сделан на «экономической безопасности индивидуума как основе обеспечения экономической безопасности государства и общества в целом»[4].

В новых условиях межгосударственных взаимоотношений понятие «экономическая безопасность» используется современными европейскими и американскими экономистами и отражает повышение значимости обеспечения безопасности во всех сферах

жизни человечества, особенно в экономике, в связи с возрастанием в глобализирующемся мире роли факторов риска, неопределенности, случайности и взаимозависимости. Данное понятие имеет сложную, многослойную структуру и означает[4]:

во-первых, способность экономики поддерживать суверенитет страны и геополитическое положение в мире, самостоятельно определять ее экономическую политику и адаптироваться к новым условиям развития;

во-вторых, системную оценку состояния экономики с позиции защиты национальных интересов страны и готовность ее институтов власти противодействовать угрозам и вызовам постиндустриального развития путем повышения эффективности и результативности управления и создания благоприятных условий для конкуренции и развития предпринимательства в рамках соблюдения кодекса корпоративного поведения;

в-третьих, укрепление законодательства и судебной власти, рационализацию налоговой системы на основе сочетания интересов центра и субъектов РФ и создание экономических и правовых условий, исключающих криминализацию, повышение эффективности государственного регулирования, повышение эффективности администрирования;

в-четвертых, использование международных стандартов функционирования современного эффективного государства.

Вне всякого сомнения, экономическое состояние стран мира является различным. Экономическое развитие каждой страны и ее защищенность зависят от следующих факторов: географического положения; уровня государственного руководства экономическим развитием страны; запасов ее природных ресурсов; промышленного потенциала; уровня сельскохозяйственного производства и социально-демографического развития.

Некоторые страны, например США, Россия, Япония, Китай, страны Евросоюза и ряд других государств мира, занимают лидирующее положение в мире по промышленному потенциалу, уровню сельскохозяйственного производства, запасам природных ресурсов, имеют выгодное географическое положение, что способствует обеспечению экономической безопасности этих стран. Однако они порой резко отличаются по промышленному потенциалу, запасам полезных ископаемых, уровню социально-демографического развития, а также степени государственного регулирования экономики.

Как правило, это отличие, по мнению экономических специалистов[5], разрешается отношением государства к защите своих национальных экономических интересов и регулирования развития экономики страны со стороны государства. Экономическая безопасность государства обусловливает не только его успешное экономическое развитие, но и необходимость создания механизмов защиты национальных

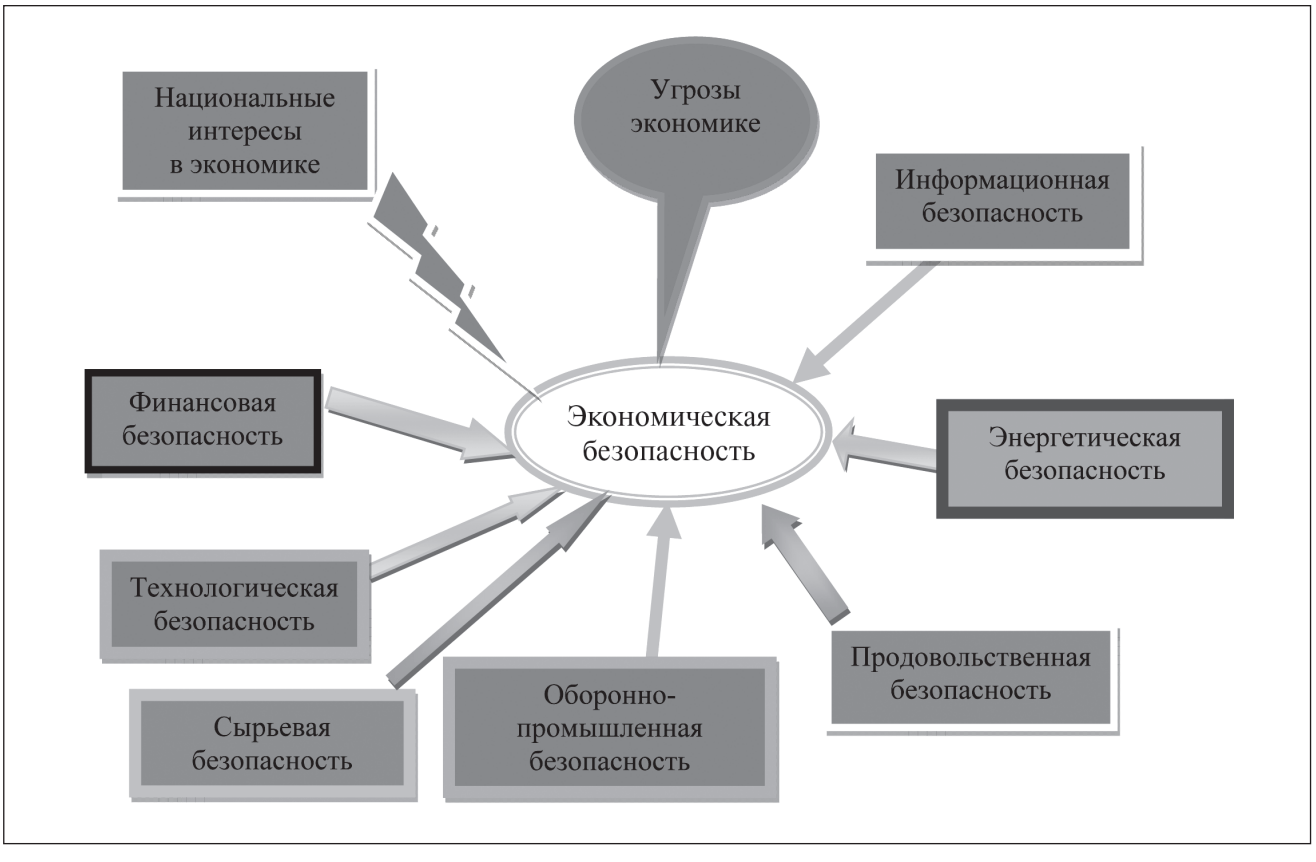

Рис. 1. Структурные элементы экономической безопасности государства

экономических интересов, обеспечивающих надежное функционирование национальной экономики в ходе ее развития.

Прошедший в 2008 г. мировой кризис и назревающая волна нового кризиса в западных странах дают основание утверждать, что значительно повысилась роль и значение экономической безопасности на развитие страны в целом, обеспечение гарантированной защиты ее национальных интересов и достаточного оборонного потенциала.

Однако до сих пор экономические специалисты не выработали единого понимания по составу и структуре системы экономической безопасности. Наиболее четкую структуру системы экономической безопасности предлагает академик РАЕН В.К. Сенчагов. По его мнению, система экономической безопасности включает семь блоков, соответствующих основным ее категориям и понятиям. Вся система представлена в виде таблицы, в которой перечисляются все блоки системы экономической безопасности. Однако некоторые блоки системы (прежде всего, национальные интересы России в сфере экономики) актуализированы для условий 1996 года[4]

В новых геостратегических условиях важнейшими структурными элементами системы экономической безопасности государства, по нашему мнению, могут являться – угрозы экономической безопасности, национальные интересы России в сфере экономики, финансовая, энергетическая, оборонно-промышленная, технологическая, сырьевая, информационная и продовольственная безопасность (рис.1).

Результаты опыта геополитического переустройства последних десятилетий дают основания утверждать, превалирующими в структуре экономической безопасности являются ее угрозы. Целесообразно подчеркнуть, что угрозы экономической безопасности России не всегда предсказуемы, в большей мере диверсифицированы и более изменчивы, поскольку композиция факторов экономического развития постоянно изменяется. Поэтому даже при благоприятной обстановке всегда следует учитывать непредсказуемые факторы, вызывающие возможные угрозы экономической безопасности.

Угрозы экономической безопасности по своему содержанию, категориям и воздействию на экономическую сферу государства подразделяются на внутренние и внешние. По мнению многих специалистов в сфере экономики, внутренние и внешние угрозы взаимозависимы, последствия одних угроз всесторонне влияют на развитие других.

Внутренние угрозы в сфере экономики – это неспособность к самосохранению и саморазвитию, слабость инновационного начала в развитии, неэффективность системы государственного регулирования экономики, неумение находить разумный баланс интересов при преодолении противоречий и социальных конфликтов для нахождения наиболее безболезненных путей развития общества.

Из-за нарастания внутренних противоречий, неспособности руководства страны принимать эффективные решения внутренние угрозы имеют тенденцию к нарастанию. Опыт развития России в новом ее летоисчеслении показывает, что наибольшую опасность для нового российского государства представляют ее внутренние угрозы. Длительное сохранение внутренних угроз без проведения эффективной экономической политики делает страну более уязвимой для внешних угроз.

Во-первых, это связано с тем, что внутренние угрозы, ослабляя экономическую и особенно финансовую силу государства, мешают поддерживать и модернизировать Вооруженные Силы с учетом структуры новых угроз для России.

Во-вторых, экономическая слабость государства превращает нацию в заложницу международных финансовых организаций, поскольку бюджетные ресурсы страны не позволяют государству эффективно функционировать, выполнять даже минимальные социальные обязательства (например, выплачивать заработную плату работникам бюджетной сферы, пенсии, пособия). Залезание во внешние долги не только не решает проблемы государственного бюджета, его дефицита, но и, напротив, ведет к увеличению его расходов на обслуживание внешнего долга.

В-третьих, внутренние угрозы, прежде всего, неспособность отечественного товарного производства удовлетворять внутренний спрос ведут к большей зависимости экономики от импорта, конъюнктуры внешнего рынка на его товарном и финансовом сегментах, в части продовольствия, машин и оборудования, международных кредитов.

Внешние угрозы в сфере экономики – включают в себя научно-технический, финансово-экономический и оборонный потенциал, а также текущее состояние мировой экономики. Текущее состояние мировой экономики существенно влияет на развитие государственной экономики России: это изменение конъюнктуры мировых цен и внешней торговли, резкие колебания курса рубля, превышение оттока капитала над его притоком (иностранные инвестиции); большой внешний государственный долг и увеличение корпоративного долга, чрезмерная импортная зависимость, перегрузка экспорта сырьевыми товарами. Однако продолжительность их действия и расширение спектра взаимодействия угроз ведут к отставанию России от зарубежных стран в темпах роста экономики, конкурентоспособности и благосостояния граждан.

По мнению отечественных экономических специалистов, возрождение экономического могущества России и возвращение ее в число наиболее развитых и сильных держав мира возможно лишь при консолидации общества вокруг базовых общественных ценностей и задач противостояния внутренним и внешним угрозам, с которыми столкнулось наше государство. Настоятельность этой задачи на современном этапе экономического развития России очевидна, поскольку угрозы экономической безопасности значительно возросли, а заметных сдвигов в развитии экономики не произошло.

Наиболее опасными угрозами экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе могут быть[4]:

потеря производственного и технологического потенциала из-за высокого износа основных фондов. Износ основных фондов находится на критической отметке, составляя в промышленности в 2006 г. порядка 60%. Спад промышленного производства обусловлен, прежде всего, ориентацией экономики России на производство ограниченного набора продукции (в основном минерально-сырьевых ресурсов);

внешний долг, опасность обострения финансового кризиса, который зависит от состояние денежно-кредитной системы и является определяющим для успешного функционирования и развития других сфер жизнедеятельности государства;

нестабильная инвестиционная активность. Резкие скачки в понижении и повышении инвестиций угрожают нормальному процессу воспроизводства;

низкая конкурентоспособность. После резкой девальвации рубля существенно снизился импорт, и отечественные товары реализовывались только на внутреннем рынке. В современных условиях доля импорта в ресурсах розничного товарооборота составляет около 40%;

высокий уровень бедности населения и низкое качество жизни большей части российского народа. Современный децильный коэффициент составляет 1:15 по России в целом, а в Москве 1:50, в то время как в европейских странах он составляет 1:7[6];

утечка капитала. В связи с ипотечным кризисом в США и сбоями в ликвидности российской банковской системы отток капитала в последние годы значительно увеличивается, а его приток замедлился;

чрезмерные различия уровня экономического и социального развития субъектов Федерации, превышающие в несколько раз аналогичные показатели стран ЕС. Различия в среднедушевых денежных доходах между субъектами Федерации составляют порядка 5 раз и по инвестициям на душу населения – 4 раза;

инфляция, включая скрытое и ожидаемое повышение цен.

Национальные интересы России в сфере экономики – являются ключевыми в обеспечении экономической безопасности России. Национальные интересы России в области экономической безопасности заключаются в обеспечении экономического роста на основе высоких уровней и качества жизни населения, гарантирующих социальный мир в стране и спокойствие в обществе, позволяющих эффективно решить внутренние проблемы, обеспечивать повышение роли России в мировой экономике и торговле, активно влиять на экономические процессы в мире.

Диапазон и содержание национальных интересов России в сфере экономики во многом зависят от экономической безопасности государства. В сущности, выразителем национальных интересов в сфере экономики является государство, его демократические институты. Государство, являясь системным образованием, заинтересовано в общем благе, в сохранении и упрочении целостности экономической и социальной системы, в обеспечении территориального единства страны, в сбалансировании секторов экономики, интересов различных социальных сил общества. Государство в экономической сфере стремится к максимизации ВВП как главного источника инвестиционных ресурсов, государственных доходов, территориальных трансфертов, социальных благ.

Национальные интересы государства в сфере экономики не только определяют коридор, ориентиры поведения и мотивацию всех субъектов, составляющих экономическую безопасность, но и формируются с учетом специфики государственных интересов, степени признания их в мировой экономике и мировом сообществе.

С высокой степенью вероятности можно говорить, что внутренние национальные интересы в сфере экономики большинства развитых стран мира состоят: во всемерном повышении уровня и качества жизни населения; в обеспечении функционирования экономики в режиме расширенного воспроизводства при сохранении контроля над стратегическими ресурсами; в отстаивании интересов отечественных производителей; в неуклонном росте капиталовложений в национальное хозяйство.

Внешние национальные интересы в сфере экономики этих стран состоят в формировании условий, способствующих повышению конкурентоспособности отечественной продукции, росту объемов внешней торговли и других форм экономического сотрудничества.

Государство как общественный институт власти в идеале призвано защищать свои национальные интересы в сфере экономики. По мнению специалистов в сфере экономики, сформулированные государственные и территориальные интересы в сфере экономики в одних странах, как правило, могут не совпадать с интересами других стран. Вопрос несовпадения или различия государственных интересов в сфере экономики достаточно сложен. Если сравнить государственные интересы в сфере экономических и территориальных отношений двух стран (РФ и США), то четко просматриваются различия в их экономических и территориальных интересах. В сформулированных американских как экономических, так и территориальных интересах просматривается тенденция демонстрации их величия и глобализации.

Важно подчеркнуть, что экономическая безопасность не есть некая абстрактная теоретическая конструкция. Защищенность национальных интересов обеспечивается готовностью и способностью институтов власти создавать механизмы реализации защиты интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества.

Финансовая безопасность – является основной составной частью экономической безопасности. Это такое состояние финансово-банковской системы, при котором государство может в определенных пределах гарантировать общеэкономические условия функционирования государственных учреждений власти и рыночных институтов. Данное понятие финансовой безопасности нацелено на анализ и прогнозирование широкой совокупности факторов,

определяющих устойчивость финансово-банковской системы, выявляющих угрозы и слабые места в ее функционировании, с тем, чтобы сделать более структурированным и прозрачным функционирование всех элементов этой системы. Такой подход позволяет определить в какой мере устойчивость и безопасность экономического и социального развития зависят от факторов, лежащих в сфере финансов, а в какой – от особенностей экономики и технологии развития отраслей реального сектора и влияют на национальную безопасность. Для экономики и национальной безопасности опасны как недооценка, так и переоценка значимости финансовой системы и инструментов налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики.

Мировой опыт показал, что при построении модели финансовой системы с позиции национальной безопасности важно избежать двух крайностей. Первая крайность – это такая децентрализация, при которой у финансовой системы государства не остается не обходимого минимума средств для текущих платежей и даже выплаты заработной платы государственным служащим, довольствия военнослужащим. Вторая крайность – это централизация средств в бюджете, при которой ни корпорациям, ни малому бизнесу, ни отдельному индивидууму не остается средств для самостоятельного инновационного развития. Основные структурные звенья финансовой безопасности для России – федеральный бюджет, бюджеты регионов, консолидированный бюджет, финансовый рынок, государственный долг (внутренний и внешний), платежный баланс, финансы корпораций и домашних хозяйств.

Основные структурные звенья финансовой безопасности для России – федеральный бюджет, бюджеты регионов, консолидированный бюджет, финансовый рынок, государственный долг (внутренний и внешний), платежный баланс, финансы корпораций и домашних хозяйств.

Энергетическая безопасность государства предполагает обеспечение стабильности физических поставок энергоносителей для внутреннего потребления и адаптацию национальной экономики к новым мировым ценам на них. Энергетическая безопасность выделяется в специальный раздел национальной безопасности потому, что безопасное состояние российской экономики во многом определяется состоянием добычи топливно-энергетических полезных ископаемых и производством, передачей и распределением электроэнергии, которые производят, по данным за 2007 г., 25,0% всей отгруженной промышленной продукции, создают более 35-40% всех доходов федерального бюджета и более 60,0% всего экспорта.

Повышение энергоэффективности российской экономики является одним из главных приоритетов Энергетической стратегии России до 2020 г., одобренной Правительством РФ в августе 2003 г. Согласно этой стратегии почти $^{3}/_{4}$ необходимого прироста энергопотребления должно обеспечиваться за счет энергосберегающих мероприятий[7].

Энергетическая составляющая экономической безопасности государства предполагает определение, выявление и систематизацию событий, наступление которых прямо или косвенно может нанести ущерб развитию топливно-энергетического комплекса (ТЭК). К числу других проблем, снижающих энергетическую безопасность государства, можно отнести: изношенность основных фондов, разрыв внутренних и мировых цен на энергоносители, темпы и масштабы национализации и приватизации в отрасли, рост аварийности на предприятиях ТЭК страны.

В США энергетическая безопасность имеет особую значимость, но по другим причинам. США в больших масштабах импортируют нефть. Примерно 45% всех потребностей США в нефти покрывается импортом. Поэтому перебои в ее поставках могут оказать значительное влияние на экономику США. Насколько энергетическая безопасность важна для США свидетельствует тот факт, что еще в 1987 г. в США была разработана концепция «Энергетическая безопасность».

В условиях глобализации мировой экономики от слаженной работы энергетического хозяйства во многом зависят бесперебойное функционирование финансовых рынков и эффективность всего товарно-денежного механизма.

России с ее огромными объемами добычи газа, нефти, угля, производства электроэнергии все труднее поддерживать достигнутые объемы производства, все больше требуется инвестиций на разведку полезных ископаемых и добычу природного сырья. Поэтому для безопасного развития топливно-энергетических отраслей, безаварийного их функционирования первостепенное значение приобретает их модернизация. Применение новых технологий в отраслях, потребляющих топливно-энергетические ресурсы, – важный путь обеспечения экономической безопасности страны.

Оценивая энергоэффективность российской экономики в современных геополитических условиях президент АВН доктор военных наук, доктор исторических наук генерал армии М.А. Гареев, подчеркивает, что «...в эпоху кардинальных перемен первоочередным остается стремление мировых держав к установлению контроля над энергетическими ресурсами, в том числе и в России. Экспансия готовится не только военно-политическая, но и экономическая. Одновременно делается упор на разработку альтернативных энергетических ресурсов. Цель – лишить Россию доходов от производства и продажи газа и нефти, поставить ее перед угрозой социально-экономического обвала. В ближайшие годы наша страна будет подвержена мощному геополитическому давлению, прежде всего со стороны США и Китая. Надо сделать все, чтобы отстоять свои национальные интересы и сохранить целостность страны, прежде всего политико-дипломатическими средствами[8]».

Оборонно-промышленная безопасность зависит от состояния военно-промышленного комплекса, его способности к поддержанию военной (оборонной) безопасности при самом неблагоприятном

развитии международной ситуации и угрозах понижения геополитического статуса России. Состояние оборонно-промышленной безопасности зависит от состояния и возможностей экономики государства, прежде всего, мощностей основных отраслей промышленности, способных производить вооружение, по количеству и качеству соответствующее требованиям военной доктрины; состояния квалифицированных кадров; состояния научно-исследовательских и конструкторских организаций, способных разрабатывать новые, современные виды вооружений и специальной техники.

Наибольшее значение для обеспечения оборонно-промышленной безопасности государства имеет технико-производственная составляющая экономики, под которой понимается способность индустрии страны в случае нарушения внешнеэкономических связей или внутренних социально-экономических потрясений оперативно компенсировать их негативные последствия, устойчиво осуществлять расширенное воспроизводство, удовлетворять оборонные (в том числе и общественные) потребности государства.

Технологическая безопасность обусловливает такое состояние научно-технического потенциала страны, которое гарантирует конкурентоспособность национальных товаров и услуг на рынках наукоемкой (высокотехнологичной) продукции, а также обеспечивает самостоятельную разработку в минимально короткие сроки новейших технологических решений, предопределяющих прорывы в ведущих отраслях гражданского и оборонного производства.

Мировая практика показывает, что обеспечение технологической составляющей экономической безопасности возможно лишь при условии перехода национального хозяйства на путь инновационного развития.

Большое значение для обеспечения технологической безопасности государства имеет ее технико-производственная составляющая. Под ней понимается способность индустрии страны в случае нарушения внешнеэкономических связей или внутренних социально-экономических потрясений оперативно компенсировать их негативные последствия, устойчиво осуществлять расширенное воспроизводство, удовлетворять общественные (в том числе и оборонные) потребности. Она тесно связана как с материально-вещественными, так и с социальными факторами производства.

Особую опасность для экономической безопасности государства представляет зависимость от внешних поставок. В случае обострения политического или развязывания прямого военного противоборства такая зависимость может привести к существенным экономическим затруднениям и даже к потере экономической самостоятельности.

В современных геополитических условиях «...для ликвидации нашего давнего отставания в элементной базе, космической связи, средствах разведки и радиоэлектронной борьбы, а также в автоматизированных средствах сетецентрической системы управления и высокоточного оружия, других современных технологиях, – считает генерал армии М.А. Гареев, – недостаточно признать или объявить их приоритетными. Необходимо на государственном уровне обеспечить концентрацию финансовых, технологических, интеллектуальных сил и средств для решения этих первоочередных задач[8]».

Продовольственная безопасность предполагает обеспеченность экономики страны продовольствием в размерах, необходимых для эффективного функционирования национального хозяйства. Обеспечение продовольствием населения страны является важнейшим фактором экономической безопасности государства. В качестве важнейших мероприятий, обеспечивающих население продовольствием, по мнению экономических специалистов, являются: поддержка стабильности продаж на внутреннем рынке продовольствия национального производства; осуществление программ продовольственной помощи малоимущим; стимулирование аграрного экспорта. По специальной программе снабжается продовольствием 28 млн человек взрослого населения страны (15% всего населения), 24 млн школьников и дети до 4-летнего возраста. Общая стоимость продовольственной помощи составляет более 27 млрд долл.

Обеспечение граждан нашей страны продовольствием в значительной степени сдерживается не только отсутствием продовольствия, но и низкой покупательной способностью россиян. Российские граждане в среднем тратят на продукты питания 27% своих доходов. В то же время в США и странах Евросоюза средние затраты граждан на продовольствие находятся на уровне 10-12%.

Доля импорта в Россию сельскохозяйственной продукции в последнее время находится на уровне 35-38%, что приводит к вытеснению отечественного продовольствия с российского рынка. Сегодня Россия, например, импортирует 52% потребляемых молочных продуктов, 40% говядины и мяса птицы, 30% свинины, 25% риса.

Сырьевая безопасность – является важнейшим элементом экономической безопасности и предполагает обеспеченность экономики страны важнейшими видами сырья в размерах, необходимых для производства продукции и эффективного функционирования национального хозяйства. Экономическая безопасность России не может быть обеспечена при дестабилизации сырьевой безопасности, включающей в себя вопросы состояния и развития ее сырьевой базы.

Обеспечение производственных мощностей экономики важнейшими видами сырья является одним из главных факторов экономической безопасности государства.

Проблемным вопросом обеспечения сырьевой безопасности является зависимость национального хозяйства государства от импорта сырьевых ресурсов. По данным Российского статистического ежегодника (Изд. 2006 г.), Россия в 2000 г. импортировала: нефти – 5,9 млн т; природного газа – 3,0 млрд м^3 ; угля – 25,0 млн т; алюминия – 154,0 тыс.т.

Всего Россия ежегодно импортирует сырьевых ресурсов – на 2,0 млрд долларов. В перспективе на 2020 годы Россия будет эти сырьевые ресурсы импортировать на 20,0 млрд долларов[9].

Особо важное значение вопросы сырьевой безопасности приобретают в условиях: обострения международной конкуренции в целях обладания природными ресурсами, сужения сырьевой базы российской промышленности и рынков сбыта ее продукции; гипертрофированного развития экспорта топливно-энергетических ресурсов, при этом снижается энергообеспечение национальной экономики и ограничиваются возможности ее эффективного функционирования и развития, особенно в условиях экспансии на рынок России зарубежного оборудования, товаров и продовольствия; роста вывоза (экспорта) из страны стратегических и критических видов минерального сырья и материалов, не сопровождающегося эффективным использованием соответствующих валютных поступлений в национальной промышленности и экономике[4].

Информационная безопасность предполагает такой порядок взаимного обмена производственными, научно-техническими и другими сведениями внутри экономического комплекса государства и с зарубежными партнерами, при котором будут гарантироваться: надежный информационный обмен, повышение доли нематериальных активов в экономическом богатстве государства, увеличение «удельного веса» информации в конечной стоимости производимого валового внутреннего продукта, а также тайна технологии производства.

Аксиомой является положение о том, что страна, имеющая превосходство в информационном обеспечении экономического богатства, в силах и средствах информационного противоборства, может рассчитывать на лидерство в экономической и военно-политической областях, иметь стратегическое и экономическое преимущество. Конечные результаты военных конфликтов и войн, проведенных США и их союзниками в последние десятилетия, подтверждают данную аксиому.

В утвержденной Президентом России Доктрине информационной безопасности РФ[10] приоритетных задач развития национальной экономики рассматривается развитие современных информационных технологий отечественной индустрии средств информатизации, телекоммуникации и связи, обеспечение внутреннего рынка ее продукцией и выход этой продукции на мировой рынок, а также накопление их и сохранность.

В целом рассмотрение структуры и составных частей экономической безопасности государства предоставляет возможность определить, что обеспечение экономической безопасности представляет собой важнейшую функцию государства. Как специфическое направление государственной экономической политики оно охватывает систему отношений между хозяйствующими субъектами по удовлетворению экономических потребностей общества и имеет целью поиск оптимальных путей решения всего комплекса экономических проблем.

По мнению известных отечественных экономистов, решение задач обеспечения экономической безопасности невозможно без проведения всестороннего теоретического анализа факторов, критериев и показателей, объективно отражающих состояние национальной экономики и указывающих на возможные опасности для ее нормального развития. Факторы, влияющие на экономическую безопасность государства в современных условиях, разделяются на внутренние и внешние.

К внутренним факторам, определяющим материальные основы экономической безопасности государства, относятся – экономические, организационные, правовые и социальные.

Экономические факторы – факторы, наличие которых обусловлено сложившимися в государстве условиями ведения национального хозяйства: структура национального хозяйства; уровень монополизации экономики; эффективность общественного производства; конкурентоспособность экономики; технологическая база промышленного производства; состояние финансовой системы; инвестиционная политика государства.

Организационные факторы – факторы, наличие которых обусловлено сложившимися в государстве условиями управления национальным хозяйством. Они включают, как правило: состояние и эффективность системы управления национальным хозяйством (включая и военный сектор экономики); состояние объектов инфраструктуры (в том числе и в военном хозяйственном комплексе); уровень организации разведки минерально-сырьевой базы (особенно военно-стратегического назначения); эффективность вовлечения ресурсов в хозяйственный оборот; организацию развития научно-технического прогресса (НТП) на перспективных направлениях; принятие оптимальных управленческих решений и др.

Правовые факторы – факторы, наличие которых обусловлено сложившимися в государстве нормативно-правовыми рамками ведения и управления национальным хозяйством. К ним относятся; совершенство нормативно-правового законодательства; преодоление монополизма в экономике; правовая дисциплина и исполнительность; состояние борьбы с коррупцией и преступностью в экономике; контроль за движением финансовых средств и др.

Социальные факторы – факторы, наличие которых обусловлено сложившимися в государстве социальными и социально-экономическими условиями функционирования национального хозяйства. Они включают: обеспечение приемлемых для большинства населения условий жизни и развития личности; предотвращение значительной дифференциации в доходах граждан; недопущение сокрытия доходов и уклонения от уплаты налогов; исключение потенциальных угроз возникновения социальных конфликтов; борьбу с терроризмом.

Среди внешних факторов, оказывающих влияние на состояние экономической безопасности государства, особого внимания заслуживают следующие.

Торгово-экономические факторы – факторы, наличие которых обусловлено сложившимися в мире условиями взаимодействия национальных хозяйств различных государств в рамках торгово-экономических отношений. Основными факторами являются: структура импорта (доля продовольствия и высокотехнологичных товаров); степень зависимости страны от импорта продукции стратегического назначения; структура экспорта (доля конкурентоспособных товаров); контроль над рынками сбыта отечественной продукции (включая и военную), таможенный контроль над экспортно-импортными операциями.

Валютно-финансовые факторы – факторы, наличие которых обусловлено сложившимися в мире условиями взаимодействия национальных хозяйств различных государств в рамках валютно-финансовых отношений. В числе основных следует назвать: состояние финансового рынка и рынка ценных бумаг; основные направления финансовых потоков и характер расчетных отношений; уровень дефицита государственного бюджета; конвертируемость национальной валюты; состояние банковской системы; уровень внешнего и внутреннего долга; золотовалютные запасы страны; валютный контроль таможенной границы государства.

В этой связи следует отметить, что факторный анализ внешнего и внутреннего влияния на экономическую безопасность государства позволяет определить основные источники угроз национальному хозяйству страны и направления повышения уровня безопасности государства в экономической сфере.

На обеспечение экономической безопасности государства оказывают влияние следующие закономерности:

1. Зависимость эффективности функционирования экономики от степени обеспеченности ресурсами. В результате развития экономической инфраструктуры национального хозяйства, взаимодействия этого сектора экономики с другими секторами и секторами национального хозяйства государств мира происходит эволюция имеющихся и возникновение новых форм обеспечения их экономической безопасности.

2. Зависимость эффективности обеспечения экономической безопасности государства от эффективности принятия специальных мер, применения специально выделенных сил и средств. Происходящее преднамеренное воздействие конкурентов на национальное хозяйство страны, взаимодействие национального хозяйства с экономиками других государств и внешней средой, необратимые и направленные изменения форм обеспечения экономической безопасности государства приводят к развитию существующих и появлению перспективных способов обеспечения экономической безопасности.

3. Зависимость эффективности принятия специальных мер обеспечения экономической безопасности государства, применения специальных сил и средств в интересах обеспечения экономической безопасности от наличия специализированной организационной структуры государства. Совершенствование форм и способов экономической безопасности государства обусловливает необходимость построения специализированной организационной структуры – системы обеспечения экономической безопасности государства, способной реализовать эти формы и способы.

4. Зависимость эффективности обеспечения экономической безопасности государства от сосредоточения воздействия на экономику противостоящей в конкурентной борьбе стороны. В ходе развития способов обеспечения экономической безопасности государства осуществляется упорядоченное и необратимое изменение направленности воздействия на элементы экономической инфраструктуры противостоящей стороны, выражающееся в последовательном переходе от преимущественного воздействия на элементы производства к воздействию на системы, обеспечивающие его функционирование.

Геостратегическое положение России в современный период позволяет и побуждает руководство страны осуществлять дальнейшее развитие государства путем возрождения могущества и достижения цели стать одной из ведущих держав многополярного мира, уверенно преодолевая противодействие традиционных и новоявленных конкурентов и обретая надежных и многочисленных союзников.

Именно для этого в России реализуется государственная политика в области экономической безопасности, устойчивого ее развития, адекватной внутренним и внешним условиям. Созданы предпосылки для укрепления системы обеспечения экономической безопасности, консолидировано правовое пространство. Решены первоочередные задачи в экономической сфере, выросла инвестиционная привлекательность национальной экономики.

В условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия в качестве гаранта благополучного экономического развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности[11].

С этой целью в России разработана «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации», которая рассматривается как составная часть национальной безопасности России в целом и ориентирована на реализацию экономических преобразований в ближайшие три-пять лет.

В переходный период в международных отношениях России пришлось столкнуться со стремлением промышленно развитых стран, крупных иностранных корпораций использовать ситуацию в России в своих корыстных экономических и политических интересах. В данных условиях целенаправленная деятельность России по обеспечению экономической безопасности страны и ее граждан являлась особо актуальной на основе единой государственной стратегии экономической безопасности.

Наличие большого арсенала имеющихся сегодня средств обеспечения экономической безопасности государства позволяет выделить средства, имеющие

особую важность. Это, прежде всего, политические средства, применение которых является наиболее эффективным в современных условиях.

Политические средства обеспечения экономической безопасности государства – это совокупность объединенных действий, приемов и способов государств, международных и региональных организаций, а также правовых, дипломатических, религиозных и этических норм, политических и военных мер и мероприятий, которые могут быть использованы и реализованы (применены, приняты и выполнены) для нейтрализации или исключения возможности нанесения экономике государства или нескольких государств, коалиции государств, всему мировому хозяйству ущерба от насилия.

Эффективная система обеспечения экономической безопасности – вопрос «жизни» любого государства. Тем более это важно для сегодняшней России, стремящейся занять достойное место в мировом геополитическом и экономическом пространстве.

Анализ тенденций развития мирохозяйственных связей, научно-технических преобразований в экономике, опыта проведения конверсии, мировых интеграционных процессов и воздействия этих факторов на экономические основы национальной безопасности государств мирового сообщества позволяет сделать ряд принципиальных выводов.

1. Укрепление основ национальной безопасности государства обусловливает необходимость глубоких структурных преобразований в хозяйственном комплексе страны и его военном секторе (военной организации государства и ОПК), ускорение научно-технического прогресса, массового внедрения в производство новейших технологий.

2. Экономическая безопасность государства предполагает всестороннее совершенствование внутриэкономического и внешнеэкономического механизмов ее обеспечения.

3. Укрепление экономической безопасности страны возможно лишь при условии рационально организованной конверсии военного производства. Чрезвычайно важным в ходе ее проведения является сохранение достаточно высокой мобилизационной готовности промышленности.

4. Важнейшим рычагом укрепления национальной безопасности России и ее союзников являются экономическая и военно-экономическая интеграция, совершенствование системы коллективной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Д. Рогозин. Не упрощай оружие. Российская газета. 26 сентября 2012 года.
2. «Концепции экономической безопасности Российской Федерации».
3. Е.Е. Румянцева Новая экономическая энциклопедия. – 2-е изд. – М.: Инфра-М, 2006. – VI. – 810 с.
4. В.К. Сенчагов. Экономическая безопасность России. / М.: Бином. Лаборатория знаний. 2010 г.
5. А. Виньков, Д. Сиваков. Четыре ключевых вопроса. // Эксперт 2008г., № 4.
6. А. Пожаров. Экономика России в начале XXI века. Военно-промышленный курьер № 1 (469) (-15 января 2013 года.
7. См.: Энергетическая стратегия России на период до 2020 г. – М., 2003.
8. М.А. Гареев. На пороге эпохи потрясений. Военно-промышленный курьер № 3 (471) 29 января 2013 г.
9. Российский статистический ежегодник. 2006. Статистический сборник. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2007 год
10. Указ Президента РФ от 9 сентября 2000 г. № 1895 «О доктрине информационной безопасности Российской Федерации».
11. Стратегия национальной безопасности до 2020 г.

V.Yu. SIZOV

В.Ю. СИЗОВ

О СИСТЕМЕ ЗАКОНОВ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ
ON THE SYSTEM OF LAWS OF WARFARE

В статье рассмотрены факторы, определяющие развитие законов вооруженной борьбы, и подходы к их систематизации в конце XX – начале XXI веков.

The article examines the main factors defining the development of the system of laws of warfare as well as their classification at the end of XX and the beginning of the XXI century.

Ключевые слова: война, вооруженная борьба, законы вооруженной борьбы.

Keywords: war, warfare, laws of warfare.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир находится в стадии трансформации. Глобализация мировой экономики и ускорение научно-технического прогресса, особенно в информационной сфере, порождают изменения во всех сферах человеческого бытия. Не осталась в стороне от этого процесса и военная деятельность человека.

Характер войн и вооруженных конфликтов в последние годы заметно изменился. Исчезновение биполярного мира и некоторое снижение угрозы развязывания мировой войны с использованием оружия массового уничтожения (война 5-го поколения) позволило выйти на арену межгосударственных отношений новым формам и способам использования военной силы для достижения политических целей.

Произошедшие на рубеже XX и XXI веков войны и вооруженные конфликты в Афганистане, Ираке, на Ближнем Востоке, на Кавказе, в Северной Африке и других регионах мира свидетельствуют о том, что традиционные межгосударственные войны (войны 4-го поколения) уступают свое место конфликтам нового типа. Более того, характер даже так называемых «бесконтактных войн» (войн 6-го поколения), которые имели место в Ираке и Югославии всего 15-20 лет назад, в современных условиях меняется – войны опять становятся «контактными», о чем свидетельствуют многочисленные безвозвратные потери личного состава вооруженных сил США и других стран в Афганистане. Меняется среда, в которой ведется вооруженная борьба, – боевые действия ведутся теперь, главным образом, в среде мирного гражданского населения, а целью информационных операций стало подчинение (разрушение) общественного сознания населения той или иной страны и воздействие на мировое общественное мнение.

Изменения произошли не только в содержании войны и в соотношении видов противоборства в войне, но и в условиях познания самой войны. Прогнозировать возможный характер будущих войн и вооруженных конфликтов стало значительно сложнее. Военно-политическая обстановка в мире носит неустойчивый характер, предсказать динамику ее развития хотя бы на среднесрочную перспективу крайне сложно. Изменился характер внешних и внутренних угроз военной безопасности Российской Федерации, изменились ее возможности по нейтрализации и отражению этих угроз. Военная организация государства находится в процессе оптимизации ее структуры и решаемых ею задач.

Эффективное решение задач военного строительства, подготовки вооруженных сил страны к отражению агрессии невозможно без понимания законов современных войн, а также без научного прогнозирования характера вооруженной борьбы в военных конфликтах будущего. Идеальным результатом такого прогнозирования, видимо, могло бы стать создание сценариев зарождения и ведения будущих войн с участием Российской Федерации на базе новых (уточненных) законов вооруженной борьбы, объединенных в систему новыми функциональными связями не только между элементами вооруженной борьбы, но и между политикой, идеологией, экономикой, демографией и собственно военной силой.

Выявление новых закономерностей вооруженной борьбы и принципов военного искусства будет способствовать дальнейшему развитию отечественной военной науки. Это исследование целесообразно начать с поиска ответа на следующие вопросы. Насколько применима в современных условиях сложившаяся во второй половине XX века система законов вооруженной борьбы? Какие элементы данной системы требуют уточнения, переработки или замены? После моделирования на требуемую перспективу возможного характеры войны в целом и вооруженной борьбы в частности, необходимо выявить, насколько верно уточненная система законов вооруженной борьбы отражает содержание и возможную динамику модели войны будущего и в какой мере ее можно использовать в военно-научных исследованиях и в практике военного строительства.

Исходя из того, что военная наука представляет собой обобщенный в сознании людей опыт в области военной деятельности, в данной статье не ставится цель опровергнуть мнение ряда исследователей о невозможности точного прогнозирования характера будущих войн и вооруженных конфликтов и тем более о невозможности формулирования законов еще не познанных общественных явлений, к которым относится война. Очевидно, что, согласно системе законов военно-научного знания [1], говоря о глубине

проникновения в сущность явлений войны, мы можем рассуждать только о теоретических законах, но никак не об эмпирических законах. Вопрос рассматривается с методологической точки зрения.

СИСТЕМА ЗАКОНОВ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Используемая российскими исследователями система законов вооруженной борьбы есть не что иное, как немного уточненная и слегка адаптированная к современным реалиям система законов войны, разработанная советскими военными учеными в 60-70-е годы прошлого века после глубокого анализа ими итогов второй мировой войны и моделирования характера возможных войн с применением ядерного оружия.

В те годы война понималась как организованная вооруженная борьба между государствами, нациями (народами), социальными группами. Не исключая из содержания войны, как сложного социально-политического явления, идеологическую, дипломатическую и экономическую борьбу, ученые обоснованно считали вооруженную борьбу главной составной частью войны, так как только через вооруженную борьбу достигались главные цели межгосударственных войн и конфликтов того времени.

Изучением структуры и характера функционирования системы законов войны и вооруженной борьбы занималась большая группа советских военных ученых, которые в своих работах исходили из законов классической диалектики (закона единства и борьбы противоположностей, закона перехода количественных изменений в качественные изменения, закона отрицания отрицания), видя явления военной действительности в их связи и развитии [2].

В первом капитальном труде по данной теме М.В. Попова «Сущность законов вооруженной борьбы», изданном Воениздатом в 1964 году говорилось, что «первичным, определяющим в военной науке является учение об объективных условиях и законах вооруженной борьбы. Законы вооруженной борьбы являются предметом военной науки и выступают исходной основой теории военного искусства. Познанные и получившие признание в теории законы вооруженной борьбы представляют собой законы военной науки». Тогда же было закреплено теоретическое положение, что объектом познания военной науки является война, а предметом военной науки – вооруженная борьба.

Это вытекало из анализа войны как сложной системы, которая, помимо горизонтального структурирования по видам борьбы (противоборства), имела вертикальное деление на уровни, выражавшие разную степень общности объекта, а именно:

первый (высший) уровень -война в целом;

второй уровень – вооруженная борьба и невооруженные виды борьбы в целом (без дополнительно деления на составные части);

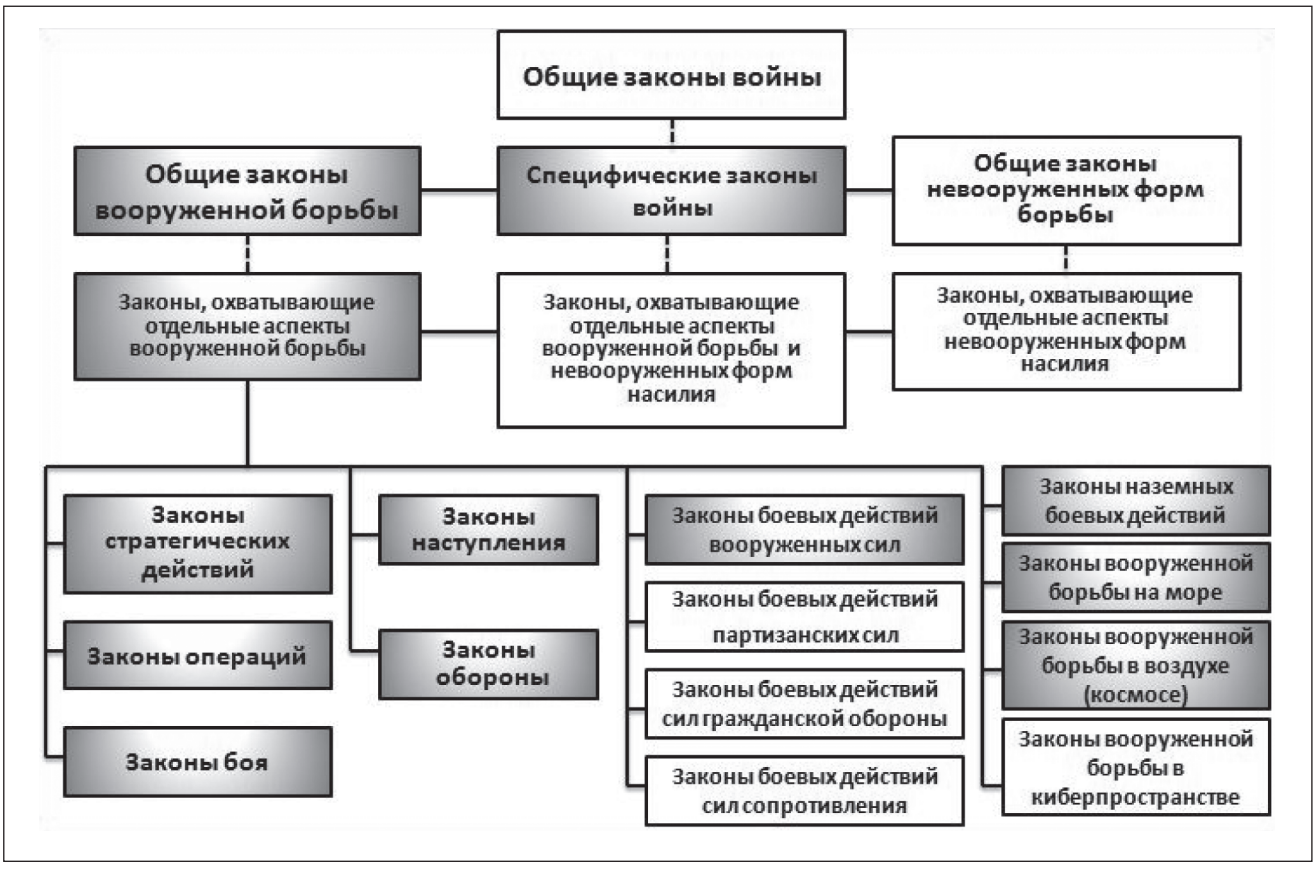

Рис.1. Система законов войны и вооруженной борьбы (составлено по материалам 1, 2)

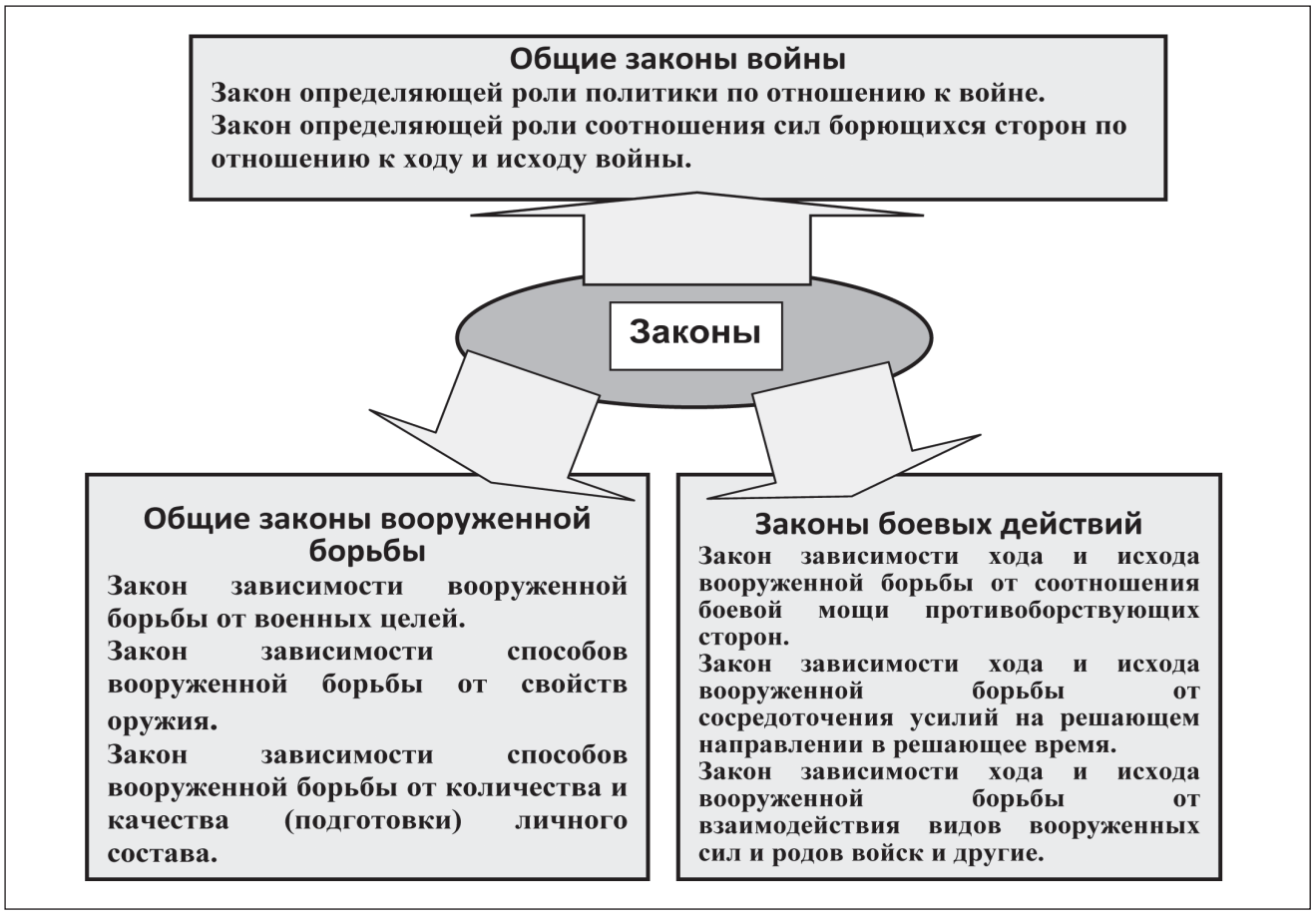

Рис. 2. Законы войны и вооруженной борьбы

третий уровень – частные (отдельные) проявления различных аспектов и составных частей вооруженной борьбы, а также невооруженных видов борьбы.

Каждому уровню системы (войны) присущи свои законы (рис. 1).

Законы войны в целом принято называть общими законами войны. На втором уровне действуют специфические законы войны, включающие общие законы вооруженной борьбы и общие законы невооруженных форм борьбы. На третьем – «менее общие законы войны», охватывающие отдельные аспекты вооруженной борьбы и невооруженных форм насилия.

Наиболее детально данная классификация законов войны, вооруженной борьбы и военно-научного познания изложена в статье В.Ф. Заморского «Методологический анализ системы законов войны», опубликованной в 1976 году в журнале «Военная мысль» № 9.

Существуют различные подходы к определению и классификации общих законов войны, но большинство исследователей включают в их состав следующие законы (рис. 2):

Закон определяющей роли политики по отношению к войне (закон зависимости характера войны от политики).

Закон определяющей роли соотношения сил борющихся сторон по отношению к ходу и исходу войны (закон зависимости хода и исхода войны от соотношения экономических, научных, технологических, духовных и собственно военных потенциалов сторон).

Специфические законы войны – общие законы вооруженной борьбы включают:

Закон зависимости вооруженной борьбы от военных целей.

Закон зависимости способов вооруженной борьбы от свойств оружия.

Закон зависимости способов вооруженной борьбы от количества и качества (подготовки) личного состава.

Как правило, отдельно выделяются законы боевых действий как законы единого двухстороннего процесса. Это:

Закон зависимости хода и исхода вооруженной борьбы от соотношения боевой мощи противоборствующих сторон.

Закон зависимости хода и исхода вооруженной борьбы от сосредоточения усилий на решающем направлении в решающее время.

Закон зависимости хода и исхода вооруженной борьбы от взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск и другие.

До настоящего времени наименее исследованными остаются законы третьего уровня. Это законы

стратегических, оперативных и тактических наступательных и оборонительных действий в различных сферах (в том числе в киберпространстве) применительно к физико-географическим условиям театров военных действий, а также законы боевых действий иррегулярных формирований. Вне сферы военной науки остаются пока специальные законы экономической и дипломатической борьбы.

Пока не ясно, к какому уровню будут отнесены законы асимметричных военных действий (после их разработки).

Данная система законов вооруженной борьбы нашла воплощение в формулировании и практическом использовании принципов военного искусства. К наиболее важным из них обычно относят:

1. Поддержание постоянной боевой готовности к выполнению задач в любых условиях.

2. Решительность и активность действий; постоянное стремление к захвату и удержанию инициативы.

3. Согласованное применение войск (сил) и средств и их тесное взаимодействие.

4. Решительное сосредоточение усилий в решающий момент операции (боя) на важнейшем направлении и для решения главных задач.

5. Одновременное поражение противника на всю глубину его построения.

6. Внезапность.

7. Смелый маневр войсками (силами), средствами, а также огнем.

8. Полное использование возможностей войск (сил) и средств, а также способов борьбы для достижения победы.

9. Ведение боевых действий в высоких темпах.

10. Своевременное наращивание усилий для развития успеха.

11. Закрепление достигнутого успеха.

12. Создание и умелое использование резервов.

13. Своевременное восстановление боеспособности войск (сил).

14. Учет и умелое использование морально-психологических и информационных факторов.

15. Всесторонняя подготовка и всестороннее обеспечение боевых действий.

16. Твердое и непрерывное управление войсками (силами) и средствами.

Целесообразно отметить, что связь между познанием законов вооруженной борьбы и практической деятельности командиров и бойцов на поле боя не является непосредственной, так как между умственной конструкцией и реальным поступком лежит ряд логически связанных промежуточных звеньев: система – закон – принцип – прием (навык) – акт деятельности.

ВОЙНЫ 6-ГО ПОКОЛЕНИЯ И СИСТЕМА ЗАКОНОВ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Российские военные ученые продолжили работу по развитию системы законов вооруженной борьбы. Учитывая множество закономерных связей в войне, они продолжили исследование как наиболее общих (диалектических) законов войны, так и законов, различающихся по характеру своего проявления и действия. При этом они стремились заглянуть в будущее. Актуальность данных исследований была, в первую очередь, связана с быстрым развитием технологий и появлением новых средств вооруженной борьбы.

Описывая тенденции развития законов войны и военной науки, известные ученые И.Н Воробьев и В.А. Киселев отмечали: «Сейчас, когда появляются все новые концепции так называемых неконтактных, дистанционных, роботизированных, воздушно-космических, ситуационных, трансконтинентальных войн, созидательная функция военной науки особенно важна. Оценивать, как различные технологические открытия скажутся на развитии форм и способов военных действий – первоочередная задача футурологических прогнозов.

Экстраполируя направления развития вооруженной борьбы, можно выделить ведущие тенденции: дальнейшую интеграцию боевого применения видов вооруженных сил во всех пространственных сферах – на континентах, морях, океанах, под водой, в эфире, околоземном воздушном пространстве, ближнем, среднем и дальнем космосе; усложнение условий, способов развязывания и ведения как крупномасштабной, так и локальной войн и вооруженных конфликтов с неограниченными стратегическими возможностями; вероятность ведения скоротечных, но исключительно напряженных, решительных и динамичных военных действий; усиление роли информационного противоборства; дальнейшее обострение противоречий между средствами нападения и защиты; трансформацию силовых и несиловых форм борьбы с переносом центра тяжести на нетрадиционные виды с применением стратегии «непрямых действий» [3].

Появились исследования причинно-генетических, структурно-функциональных законов и законов развития, авторы которых подчеркивали, что окончательного решения проблемы законов войны быть не может, так как законы войны историчны [4]. Авторы данных концепций полагают, что причинно-генетические законы отражают процесс зарождения, возникновения каких-либо явлений, событий. Законы возникновения войны могут служить типичным примером причинно-генетических законов.

Структурно-функциональные законы характеризуются воздействием на что-либо, выражают ролевое назначение каких-либо структурных образований в реальных процессах, в разных сферах вооруженной борьбы.

Законы развития выражают такое изменение в той или иной области действительности, которое в каких-то пределах означает переход от одного состояния к другому, более совершенному в качественном отношении. Иными словами, система переходит на новый, качественно иной уровень функционирования. С точки зрения синергетики, речь может идти о развитии от порядка к хаосу и обратно.

Появились варианты концептуальных систем законов вооруженной борьбы. В статье «О системном обосновании законов войны и вооруженной борь-

бы» (2000 г.) Г.Н. Охотников пишет: «Современная системология рекомендует в качестве закона использовать концептуальную многофакторную модель системы, которая способна описать множество различных аспектов ее функционирования, учесть ее эмерджентные свойства, обладать достаточной общностью и конструктивностью. В процессе формирования закона может быть выдвинуто несколько гипотез, каждая из которых выражается определенной концептуальной моделью. Та гипотеза (модель) приобретает статус закона, которая по сравнению с другими имеет большее число подтвержденных практикой или логически непротиворечивых следствий (выводов). Остальные отвергаются или используются для изучения отдельных сторон проблемы».

Однако в этой же статье автор сам подвергает собственную гипотезу сомнению: «В большинстве случаев законы войны и вооруженной борьбы формируются как логическое обобщение громадного опыта ведения войн, накопленного человечеством». То есть, по его мнению, приоритет фактически сохраняется за эмпирическим подходом к формулированию законов вооруженной борьбы.

Некоторые представители точных наук, видя в войне исключительно противоборство боевых систем, предлагали сформулировать основной закон вооруженной борьбы как зависимость ее хода и исхода от соотношения конструктивных и деструктивных процессов в расположении каждой из противоборствующих сторон (боевых систем). Соотношение этих процессов должно было определяться через показатели, функционалы и критерии, выбор которых должен был зависеть от типа группировки войск (боевой системы), вида и характера боевых действий и другого.

Реализовать такой подход было очень сложно, так как это требовало решения одной из фундаментальных проблем военной науки – познания законов вооруженной борьбы, количественно отражающих ее характер. Проблема и тогда и сегодня заключается, «с одной стороны, в необходимости описания, объяснения и предсказания хода вооруженной борьбы на основе установления количественно выраженных отношений между ее факторами (явлениями, элементами, свойствами) в виде математических выражений, а с другой стороны – в сложности количественных оценок процессов вооруженной борьбы» [6, с. 70].

Между тем многие военные специалисты стали считать предметом военной науки войну в целом. Появились и те, кто стал изучать военную деятельность в целом применительно как к мирному, так и к военному времени.

В качестве примера можно привести монографию профессора ВАГШ В.М. Лисового «Теоретические основы развития военной деятельности», в которой он следующим образом сформулировал новые законы, имеющие прямое отношение к характеру вооруженной борьбы.

«Закон изменения характера воздействия на цели военной деятельности заключается в том, что в процессе развития военной деятельности осуществляется упорядоченное изменение характера воздействия на ее цели, выражающееся в последовательном переходе от разрушения этих целей к нарушению, а в ходе последующего развития – изменению их предусмотренного функционирования.

Закон изменения направленности воздействия на цели военной деятельности заключается в том, что в процессе развития военной деятельности осуществляется упорядоченное изменение направленности воздействия на элементы ее целей, выражающееся в последовательном переходе от воздействия преимущественно на человека к воздействию преимущественно на средства данной деятельности» [7, с. 206-207].

Наиболее принципиальный спор идет о знаменитой формуле К. Клаузевица, согласно которой война является продолжением политики насильственными средствами. Сторонники данной позиции считают, что только применение средств вооруженной борьбы является насилием в войне. Их оппоненты полагают, что согласиться с данной формулой – это значит согласиться с тем, что проблема определения сущности войны считается решенной раз и навсегда. Скорее всего, этот вопрос нецелесообразно считать окончательно закрытым.

Известный военный ученый И.С. Даниленко считает, что современная военная наука «занимается тем, что диктует ей политика, т. е. проблемами подготовки и ведения войны, а не войной как общественным явлением». По его мнению, «создание науки о войне сегодня требует существенного обновления и расширения понятийного аппарата той ее части, иного подхода к определению объекта, предмета и структуры новой науки» [8, с. 24].

События последних лет особенно ярко подтверждают тенденцию возрастания роли «неклассических» форм противоборства в войнах и вооруженных конфликтах. Исследователи отмечают широкое применение так называемой «стратегии непрямых действий». Современные информационные технологии уже способны перестраивать сознание людей. Это значит, что войны теперь и впредь будут проходить не только в пространстве и времени, но и в ином измерении – в сознании людей и за их души. Сегодня уже существует, еще не оцененная полностью, глобальная угроза формирования не нами нашего общественного сознания. Речь уже идет о противоборстве в сфере смыслов.

Иногда встречается мнение, что законы и принципы военной науки якобы вечны и неизменны. Однако военная история свидетельствует, что законы вооруженной борьбы и принципы ее ведения носят глубоко исторический характер. Сущность войны и вооруженной борьбы в конце XX – начале XXI века радикально трансформировалась. Сегодня наши западные оппоненты насчитывают как минимум семь измерений среды обороны и безопасности: физическую (природную), технологическую, экономическую, правовую/юридическую, социальную, политическую и военную. Этого нельзя не учитывать, познавая законы современной войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сформулировать концептуальную систему законов вооруженной борьбы в условиях современной технологической революции и постоянно меняющейся международной и военно-политической обстановки в обозримом будущем не представляется возможным. Выявление и формулирование законов войны и вооруженной борьбы с вытекающими из них принципами военного искусства остается одной из важнейших общетеоретических проблем военной науки.

Основными факторами, определяющими развитие системы законов вооруженной борьбы на современном этапе, можно считать:

стирание грани между войной и миром – «мирновоенный алгоритм истории»;

изменение содержания войны (изменение соотношения форм борьбы в войне);

изменение содержания вооруженной борьбы (изменение способов начала войны, появление новых способов и форм военных действий).

Исходя из этого можно предположить возможные направления развития системы законов вооруженной борьбы. Это:

трансформация предмета военной науки (ныне – вооруженная борьба);

развитие взаимосвязей между общими законами вооруженной борьбы и общими законами других форм борьбы в войне;

формулирование законов боевых действий в новой операционной среде (в среде мирного населения).

Помимо этого необходимо вскрыть закономерности использования средств вооруженной борьбы в новых формах социального насилия («демократизация отдельных стран, режимов» и т.п.) и сформулировать законы использования военной силы без вооруженной борьбы (закон сдерживания, в т.ч. агрессии) и другие законы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Заморский В.Ф. Методологический анализ системы законов войны. – Военная мысль, 1976, № 3. С. 24-41.
2. Наиболее полно структура и характер функционирования системы законов войны и вооруженной борьбы были исследованы в работах следующих авторов:
   Попов М.В. Сущность законов вооруженной борьбы. – М.: Воениздат. 1964, 136с.
   Тюшкевич С.А. О характере и форме проявления законов вооруженной борьбы. – Военная мысль, 1965, № 3. С. 3-12.
   Морозов В.И., Тюшкевич С.А. О системе законов военной науки и принципов военного искусства. – Военная мысль, 1967, № 3. С. 14-25.
   Морозов В.И., Тюшкевич С.А. Объективные законы войны и их отражение в советской военной науке. – Военная мысль, 1971, № 5. С. 55-67.
3. Воробьев И.Н., Киселев В.А. Военная наука на современном этапе. – Военная мысль, 2008, № 7. С. 26-31.
4. Тюшкевич С.А. Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. – М.: Книга и бизнес. 2002, 359 с.
   Богданов С.А. Законы и методы исследования военной науки. – Военная мысль, 2004, № 11. С. 43-47.
5. Охотников Г.Н. О системном обосновании законов войны и вооруженной борьбы. – Военная мысль, 2000, № 5. С. 26-31.
6. Ваккаус М.Ф. Сущность и механизм действия законов вооруженной борьбы, количественно отражающих ее характер. – Военная мысль, 2008, № 3. С. 70-75.
7. Лисовой В.М. Теоретические основы развития военной деятельности. М.: ВАГШ. 2003, 321 с.
8. Даниленко И.С. От прикладной военной науки – к системной науке о войне. – Военная мысль, 2008, № 7. С. 22-32.

V.V. TATARINOV

В.В. ТАТАРИНОВ

ЭЛЕМЕНТЫ СЕТЕЦЕНТРИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ
ELEMENTS OF NETWORK-CENTRIC DEFENSE

В статье рассмотрены ключевые моменты, отличающие современные представления о межгосударственных противоборствах. Намечены отдельные контуры невоенной защиты в них. Предложен принцип «сетевой обороны».

In the article key moments, which are characteristic for modern ideas about struggle between states, are considered. Separate contours of their nonmilitary protection were outlined. Principle of network-centric defense is proposed.

Ключевые слова: межгосударственные противоборства, сетецентрическая война, оборона в сетецентрических войнах, электронное правительство, государственное управление.

Key words: struggle between states, network centric warfare, network centric defense, electronic government, public administration.

Современные военно-экономические условия и новейшие достижения во всех областях теории и практики межгосударственных противоборств повлекли за собой кардинальные изменения в мировой политике, что с необходимостью должно повлечь за собой модернизацию многих сфер внутренней жизни государства, включая его оборону (защиту).

Характер и содержание новых требований к обороне должны определяться как состоянием военно-политической обстановки в мире, так и характером и особенностями вооруженных конфликтов, уровнем развития средств вооруженной борьбы, характером и особенностями невооруженных способов воздействия на государство; и перспективами их совершенствования [1].

Без системной аналитики задача построения глубокой эшелонированной обороны государства невыполнима. Нужен настоящий системный анализ, включающий в себя все факторы, позволяющие контролировать пространство:

культурно-религиозные:
- конфессиональная структура;
- психологические особенности населения;
- уровень развития науки и культуры;
- уровень конфликтности межконфессиональных противоречий;

политические:
- устойчивость политического режима;
- организационная структура управления;
- социальная структура;

военные:
- структура и боеготовность войск;
- уровень подготовки военных кадров;
- наличие людских и материальных резервов;
- уровень развития военного искусства;

этнические:
- национальный состав;
- наличие и характер этноконфликтности;

демографические:
- плотность населения;
- половозрастной состав населения;

экономические:
- уровень хозяйственного развития;
- развитость транспортных артерий и связи;
- наличие и размеры стратегических запасов;

географические:
- положение государства;
- территориальные споры;
- природные ресурсы.

Первым этапом такого анализа является необходимость формулировки структуры метасценариев – то есть цепочек сценариев, определяющих применение различных форм и методов межгосударственных противоборств на современном этапе, включающих как чисто военные способы и методы, так и иные политические глобальные операции, которые могут обеспечить конкурирующей стороне достижение своих собственных целей. Вторым этапом является вычленение наиболее слабых и незащищенных участков, своеобразных потенциальных точек воздействия в их связной совокупности. Третьим этапом является анализ упреждающей реакции на прикрытие точек воздействия и/или снижение их значимости. На последнем этапе вырабатываются предложения по организации обороны в целом и ее отдельных составляющих.

Перечислим основные изменения в способах и методах межгосударственных противоборств.

I. «Управляемый хаос». Вторая мировая война собрала мощные силы европейской научной эмиграции в США. По заказам военных ведомств проводились исследования не только по атомной бомбе, но и в области гуманитарных наук. В это время в США работали такие известные ученые как Пол Лазарсфелд, Маргарет Мид, Гарольд Лассуэлл, Герберт Маркузе, Курт Левин и др. Круг исследуемых ими вопросов включал практически весь спектр от направленности пропаганды до структуры семьи и культурной уязвимости общества. Разработанные приемы и методы, апробированные против внешних врагов, впоследствии были адаптированы для решения внутренних проблем западного мира.

К концу 40-х годов были совершены все важнейшие открытия, повлекшие утверждение маркетинга в качестве одного из современных инструментов управления обществом. Присоединение к научному арсеналу маркетинга моделирования поведения (необихевиоризм) определило современный подход в способах осуществления власти.

Первые плоды этих исследований проявились в «поведенческой революции» 50-х годов, в которой

массам целенаправленно прививали нужные заказчикам идеи и чувства, когда реклама и искусство стали воздействовать на рефлексы, минуя область сознательного восприятия человеком окружающего мира. Поднятие этих же методов на глобальный уровень, по существу, и представляет современный «управляемый хаос».

В этом режиме осуществляется перевод существующего в стране социально-экономического устройства в состояние хаоса, из которого внешние силы в последствии формируют новую структуру власти [2]. Реализация «управляемого хаоса» в виде «цветных революций» в большом числе случаев привела к смене политических режимов в ряде стран Восточной Европы и арабского мира.

II. В 2010 году НАТО отказалось от термина «кибербезопасность» и теперь применяется термин «кибероборона» [3]. То есть этот вопрос является уже прерогативой Вашингтонского договора и «кибернападение» на страну НАТО или на НАТО в целом является началом агрессии. Таким образом, «кибервойны» могут быть прелюдией и своеобразным основанием для прямого военного удара.

III. Современные войны – сетецентрические войны. Первые черты нового типа войн проявились в войне в Югославии, где военные теоретики США на практике апробировали «адаптивные ситуации». В действиях войск НАТО были определены основные объекты удара, силы, средства, разведано их местоположение и система ПВО для нанесения удара [4]. В 1991 году в Ираке была продемонстрирована возможность наносить поражение стратегическими и оперативными средствами, находясь вне зоны поражения противника, в 2003 году такие действия проводились и на тактическом уровне.

Основоположник идеи «сетевых» войн А. Себроски первым применил существующий до него системный анализ для построения боевых систем [5]. Из теории сложных систем была заимствована модель иерархических систем, а из теории функциональных систем – модель избирательного глобального воздействия путем выбора требуемого множества акторов и сенсоров. В соответствии с теорией функциональных систем – в основе любого действия лежит ощущение и восприятие, а на их основе – отражение окружающей действительности. В результате, в голове лица, принимающего решение (ЛПР) строится образ обстановки – ситуация (модель), анализируя которую ЛПР принимает решение на реакцию. Эти исходные компоненты вместе с планированием и доведением плана до исполнительных органов образуют действие – акт. Отсюда, актор – носитель действия, в состав которого должны входить сенсоры. Также под актором следует понимать соответствующий исполнительный орган. Данная функциональная система получила обобщенное наименование «сеть». Внутри нее должен происходить процесс согласования реакций ее составных элементов с целью образования и реализации оптимального поведенческого акта. На этом рефлексивном подходе и базируется принципиальная модель «сетецентрических войн» (в англоязычных источниках – Network Centric Warfare, NCW) положенная в основу американской концепции СЦВ.

Сетецентрическая война, в современном понимании — война, ориентированная на достижение информационного превосходства [6] посредством объединения всех родов войск (армии, ВВС, ВМФ и спецподразделений), а также космических военных аппаратов в единую телекоммуникационную сеть для непрерывного обмена информацией. По мнению многих аналитиков, суть сетецентрической войны заключается в:

завоевании глобального информационного господства;

лишении противника возможности организации противодействия путем полной дезорганизации систем государственного и военного управления;

«одномоментном» выводе из строя важнейших оборонительных систем и систем жизнеобеспечения государства;

достижении решающего перевеса сил в критически важных точках;

нанесении точечных сокрушительных ударов по критически важным точкам противника.

Под информационным превосходством понимается опережение во всем, что составляет суть вооруженной борьбы: в разведке, в скорости принятия решения на оптимальное применение сил и средств, в нанесении удара, в маневре.

Развитые в военном отношении страны заранее ведут подготовку войск для ведения сетецентрических войн. Для этого создаются и развертываются разветвленные автоматизированные компьютеризированные сети разведки и управления всех уровней (от тактического до стратегического; от космического до полевого). В совокупности все эти средства (источники информации, средства связи, средства и пункты управления, средства уничтожения и подавления) образуют единое информационно-управляющее поле. Горизонтальные и вертикальные связи внутри этого поля должны позволять находить оптимальное решение в условиях динамически меняющейся обстановки.

Заблаговременное создание такой системы, ее слаживание в период перманентных критических ситуаций по всему миру и должно позволить достигать и удерживать подавляющее информационно-управленческое превосходство над противником. Причем за счет резервирования возможностей системы в ее горизонтальных связях и предполагаемой скоротечности вооруженного противостояния можно ожидать, что такое информационное превосходство планируется на весь период до достижения военных и политических целей.

Современное высокоточное оружие позволяет воздушно-космические удары на всю глубину территории противника. В качестве приоритетных целей для поражения выбираются цели, исходя из концепции «пяти колец полковника Уордена» [7], которая предусматривает приоритетное уничтожение в первую очередь политического руководства, затем системы жизнеобеспечения; инфраструктуры; населения

и лишь в последнюю очередь и – вооруженных сил противника. Одновременно с нанесением ракетно-бомбовых ударов планируется осуществление массированных и скоординированных операций информационной войны:

психологические операции по отношению к населению и силовым структурам;

электронное подавление и уничтожение систем управления и связи (государственных, экономических, финансовых, военных, разведывательных);

наступательные компьютерные операции.

Как следствие, полная дезорганизация системы военных мероприятий и системы государственного, экономического, военного управления, деморализация населения.

При необходимости возможно наземное вторжение, которое, в основном, будет проходить как подавление очагов сопротивления и полицейская операция.

Вопросы обороны в современных сетевых войнах с учетом возможного «управляемого хаоса» в тылу являются наименее проработанными как с теоретической, так и, соответственно, с практической стороны. Однако, представляется очевидным, что симметричный ответ невозможен и, потому, требуются асимметричные реакции и построения в государственном управлении на мирное и военное время.

Такой подход включает в себя два взаимоисключающих требования: во-первых, ужесточение централизации и, во-вторых, рассредоточение центров принятия решений. К сказанному следует добавить, что также требуется повышение «болевого порога» населения к восприятию негативной информации и/или изменений своего материального обеспечения.

Ужесточение централизации есть первый аспект в обороне в сетевых войнах. Оно необходимо, поскольку возможность практически мгновенного сосредоточения материальных, людских и финансовых ресурсов в критически важных точках есть необходимая составляющая устойчивости центральной власти. Вместе с тем это же условие делает привлекательным применение высокоточного оружия и подобных атак на представителей власти, что с необходимостью требует рассредоточения центров принятия решений и снижения нагрузки на публичных представителей власти.

Решение этой задачи видится в построении системы государственного управления на базе современных методов коммуникации и принятия решений.

Во-первых, это создание «электронного правительства» по принципу информационной сети с распределением физической составляющей (data-центры, сервера, линии связи и так далее) по округам и регионам и, во-вторых, создание устойчивой системы принятия стратегических решений и делегирования полномочий. Следует отметить, что одним из технических требований к «электронному правительству» на фазе его проектирования и развертывания должна быть возможность использования его ресурсов в качестве резервных на случай вооруженных конфликтов и чрезвычайных ситуаций.

Большое значение в современных условиях приобретает повышение «болевого порога» для населения.

Перечислим основные проблемы на этом направлении.

Значительная концентрация населения в нескольких регионах страны приводит к снижению этого порога, поскольку относительно небольшие воздействия могут привести к негативным последствиям для многих миллионов людей с соответствующей реакцией в адрес власти. Следует также отметить, что построение общества из граждан и «гастарбайтеров» несет в себе дополнительные риски. Ярким примером которых являются события в Ливии, где одну из основных ролей в физическом уничтожении режима сыграли повстанцы – «гастарбайтеры».

Продвижение в духовную сферу идей «общества потребления», «гедонизация» общества, исключение из программ учебных заведений вопросов начальной военной подготовки и гражданской обороны также снижают порог чувствительности населения к разного рода катаклизмам и чрезвычайным ситуациям. С учетом продолжающегося расслоения общества по имущественному признаку и накопления социальных деформаций в его структуре, можно говорить об общем тренде снижения «болевого порога» для общества.

В этой связи, по отношению к населению требуется провести комплекс разноплановых мер.

Во-первых, это рассредоточение населения и повышение его мобильности. Возможно, лучшим вариантом здесь была бы вахтовая работа на различных объектах страны, включая регионы Сибири и Дальнего Востока. С учетом уже имеющейся трудовой миграции можно считать, что население готово к такой постановке вопроса при условии соответствующей организации. Безусловно, это потребует новых подходов в экономической и социальной политике, решения жилищных, транспортных и иных вопросов.

Во-вторых, современную систему образования необходимо выстроить как сквозную систему с учетом подготовки населения к возможным трансграничным воздействиям ветров «управляемого хаоса» в военное и мирное время. Бесценную роль здесь может сыграть потенциал Академии военных наук.

В-третьих, в целях обучения населения поведению в условиях терактов и чрезвычайных ситуаций следует ввести в образовательные программы вопросы защиты от чрезвычайных ситуаций и гражданской обороны в программы учебных заведений отдельным разделом. Анализ содержания действующих Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (квалификация (степень) «бакалавр») с точки зрения преподавания вопросов защиты в ЧС и гражданской обороны показывает, что указанные вопросы исключены из профессиональных компетенций (ПК) большинства образовательных стандартов или частично включены в общекультурные (ОК) компетенции, что не соответствует значимости указанных вопросов.

Следует также рассмотреть вопрос о прохождении людьми, не служившими в армии по объективным

причинам, гражданской службы по месту жительства, включив в нее медицинскую подготовку, вопросы ликвидации последствий аварий, пожаров и так далее. Наличие среди населения людей с такими навыками снимет нагрузку с государственных органов и позволит реагировать на чрезвычайные ситуации мирного и военного времени «сетевым образом».

Данная статья не может и не должна охватить всех аспектов построения обороны в современных условиях межгосударственных противоборств как в силу специфичности проблемы, так и в силу необходимости в проведении большого объема комплексных исследований по данной проблеме. И в этой связи трудно переоценить роль Академии военных наук, сосредоточившей в себе ведущих специалистов в данной области.

В заключении следует отметить, что «сетевая оборона», скорее всего, должна будет строиться по принципу: «жесткая централизация – сетевая реализация».

ЛИТЕРАТУРА

1. Современные войны и гражданская оборона. / Под общ. ред. С.К. Шойгу; МЧС России. – М.: ИПП «Куна», 2008. – 296 с.
2. Кузьмин В.И., Галуша Н.А., Рябошапко В.А., Управляемый хаос как технология организации «нового мирового порядка». // Вестник АВН № 2(39), 2012 г., С. 94-99.
3. Рогозин Д.О. Выступление заместителя председателя Правительства Российской Федерации на общем собрании Академии военных наук 28 января 2012 года. // Вестник АВН № 2(39), 2012 г., С. 17-20.
4. Макаров Н.Е. Характер вооруженной борьбы будущего, актуальные проблемы строительства и боевого применения Вооруженных Сил РФ в современных условиях. // Вестник АВН № 2(31), 2010 г., С. 18-26.
5. Первов А.В. Сетецентрическая война в воздушно-космическом пространстве: миф или реальность. // Вестник АВН № 2(31), 2010 г., С. 80-83.
6. Чельцов Б.Ф. Проблемы создания сетецентрической системы управления войсками, силами и средствами ВКО // Вестник АВН № 4(37), 2011 г., С. 56-63.
7. Кефели И. Ф. Глобальная геополитика – реалии и теоретическое знание XXI в. // Век глобализации № 1(7) 2011г. С. 15-28.

N.A. RUKINA

Н.А. РУКИНА

ОТ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

FROM E-GOVERNMENT TO E-DEMOCRACY: IN THE ISSUE OF INFORMATION SECURITY

Статья посвещена использованию возможностей информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении. Дано описание различий между электронной демократией и электронным правительством, моделей и инструментов электронной демократии. Статья затрагивает проблему безопасности и социальных рисков в условиях электронной демократии. В заключение предложен план внедрения электронной демократии.

The article is devoted to the use of capabilities of information and communication technologies in public administration. The difference between electronic democracy and electronic government, models and tools of e-democracy are described. The article touches upon the problem of e-democracy security and social risks. In conclusion the plan of e-democracy implementation is given.

Ключевые слова: электронная демократия, электронное правительство, гражданское участие, общественные обсуждения, обмен данных, безопасность.

Key words: e-democracy, e-government, citizen engagement, deliberation, information sharing environment, security.

XXI век – век информационно-коммуникационной сферы. Интернет, виртуальное пространство изменяются не только количественно, но и качественно, структурно. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) проникают во все сферы жизни современного общества. Быстрыми темпами растет ИКТ-инфраструктура, кратно увеличивается количество пользователей глобальной сети. Все чаще общественные и государственные лидеры инициируют онлайн-обсуждения, создаются онлайн-проекты, социальные сети охватывают почти все интернет-сообщество. Невозможно представить социальную

организацию, политическую партию и лидера, современные СМИ вне ИНТЕРНЕТА, вне социальной сети в интернете.

Изменения, происходящие в информационно-коммуникационной сфере, рождают изменения в современном обществе, социальных действиях социальных объектов, характере социального взаимодействия. Интернет и ИКТ влияют на государство как социальный и политический институт, на власть как систему социальных отношений, на социальную структуру, в основе которой всегда была социальная иерархия.

История развития человечества отмечена двумя особо значимыми информационными революциями. Возникновение письменности привело к формированию древних бюрократических империй, изобретение печатного пресса – к представительной демократии. Третья информационная революция – это движение от электронных СМИ к виртуальному социальному пространству (Интернета).

Три десятилетия социологи и политологи пытаются оценить возможности электронных средств массовой коммуникации в вопросах совершенствования функционирования демократии. На наш взгляд, для понимания сути социальных изменений гораздо важнее понять их системность и диалектичность, структурность и конфликтность, мотивы и интересы акторов, участвующих в этих преобразованиях. Необходимо помнить, что электронная демократия не только способна помочь в решении существующих в обществе проблем, но и создать новые.

Стремительное распространение Интернета предоставляет возможность оперативного доступа неограниченного количества людей к текстам законопроектов еще на стадии их предварительной разработки, а также к максимальному объему аналитической информации несекретного характера. Благодаря снижению издержек на получение и передачу информации, группа людей, имеющих возможность принимать участие в выработке и принятии политически значимых решений, значительно увеличивается – потенциально до уровня всего политически активного населения. В результате создаются предпосылки постепенного уменьшения остро ощущаемого неравенства политических возможностей граждан формально демократических государств, предопределяемое неравенством в распределении собственности и доходов [1].

Уже обыденным стал термин «электронное правительство». Выпущено сотни книг, статей, защищены диссертации как в нашей стране, так и за рубежом. «Электронное правительство» как ИКТ стало необходимо государству, любому уровню управления.

«Электронное правительство» и «электронная демократия» – понятия, которые часто отождествляются, но они кардинально различаются по своей сути. В литературе представлены разные точки зрения по вопросу соотношения данных понятий. Рядом исследователей совершенно справедливо высказывается мысль, что электронное правительство – это инструмент электронной демократии. Автор статьи придерживается мнения, что внедрение электронного правительства в систему государственного управления представляет собой начальный этап формирования электронной демократии. Данный процесс можно охарактеризовать как «электронная демократизация» [1], которая предполагает прохождение электронным правительством ряда стадий становления: предоставление информации, предоставление интерактивных услуг, вовлечение гражданских ассоциаций в процесс разработки и принятия политических решений.

«Электронная демократия» (e-democracy) и «электронное правительство» (e-goverment) – это совершенно разные понятия. Если последнее означает повышение оперативности и удобства доступа к услугам государства из любого места и в любое время, то первое относится к использованию информационных технологий для расширения возможностей каждого гражданина.

Электронная демократия начинает развиваться как способ взаимодействия граждан и государства и граждан между собой по вопросам принятия общественно значимых решений. Целью электронной демократии является привлечение граждан к участию в принятии решений, обеспечение контроля со стороны граждан за деятельностью государственного аппарата, оптимизация бюджета и обеспечение социальной сплоченности в обществе.

Ошибкой является отождествление электронной демократии с прямой демократией или преувеличение значения технологий самих по себе. Электронная демократия – один из способов реализации традиционной демократии, предоставляющий ей дополнительные возможности, «не подрывая и не вытесняя традиционные демократические процессы, с которыми, насколько это возможно, методы электронной демократии должны быть совместимы и связаны» [11]. А технология – это один из инструментов электронной демократии и сама по себе не представляют ценности для государственного управления. Необходимость в использовании электронной демократии кроется не в технологиях, а в отсутствии «искусного управления государственными делами» [5] и в необходимости построения эффективных государственных процессов.

В литературе встречаются два подхода к трактовке «электронного правительства» и соотношению э-правительства и электронной демократии. Первый подход рассматривает электронную демократию как часть электронного правительства. Этот подход, в основном, предлагают специалисты сферы информационных технологий. Электронная демократия и участие считается полноправным элементом в структуре электронного правительства и трактуется как «электронная реализация узаконенных демократических путей или процедур принятия решений» [3], сводясь, в основном, к электронным выборам и электронному голосованию.

Второй подход, разделяемый большинством представителей социологической и политической науки, напротив, рассматривает электронное правительство как часть электронной демократии. Э-правительство

является важным элементом «электронной демократии», но далеко не исчерпывает ее, так как последняя включает не только взаимодействие граждан со структурами управления, но и всю сферу сетевого взаимодействия граждан, организаций и институтов через электронную коммуникационную систему, т.е. всю сферу публичного или сферу гражданского общества. В этом плане Интернет-сообщество рассматривается как киберпродолжение гражданского общества. С расширением доступа к Интернету до всеобщего, как это предполагается Окинавской хартией и уже успешно реализуется во многих странах, включая постсоветские, различие между этими сферами исчезнет [2].

Главным отличием электронной демократии от электронного правительства является активность и политическое участие обоих субъектов, граждан и государства. Электронное правительство не подразумевает взаимодействия и какого-либо участия граждан, даже в обсуждении качества предоставляемых услуг. При электронной демократии государству недостаточно только обеспечивать возможности для реализации электронной демократии, но нужно быть их активным участником.

Электронная демократия не вносит изменений в структуру властных отношений на уровне «граждане-государство». Граждане лишь выражают свою точку зрения, а решения принимают чиновники. «Заинтересованным сторонам следует давать голос, но не право голоса» [8]. Однако возрастает количество информации, которое чиновникам необходимо учитывать. Существует опасность, что количество в данном случае превзойдет качество.

Изменения во властной структуре все же могут произойти в перераспределении полномочий между различными уровнями и ветвями власти. Во-первых, роль центральной власти падает. Граждане проявляют больше внимания к вопросу закрытия местной школы или строительства высотного здания рядом с их домом, чем к вопросу оказания гуманитарной помощи иностранному государству. Для обеспечения обсуждения на государственном (национальном) уровне необходимо постепенное трансформирование систем. По мере трансформирования систем для использования на национальном уровне увеличивается количество информации. Возрастает роль контроллера, который консолидирует ее и представляет уполномоченным лицам для принятия решений. В свою очередь, законодательная власть теряет силу в пользу исполнительной власти.

Для обеспечения взаимодействия между гражданами и государством электронная демократия использует различные модели [7]: многоэтапный референдум (Multiphase referendum), гражданско-ориентированную модель (Citizens-oriented Model), телеголосование (Televote ETM), гражданско-правовую модель (Citizens' Jury), модель воронки (Funnel Model). Каждая из моделей предлагает свой способ организации процесса принятия решений. Общее заключается в построении самого процесса, который состоит из формирования темы и вопросов обсуждения, определения характера решения, анализа предшествующего опыта и научной базы, непосредственных дискуссий, определения альтернативных точек зрения, обобщения результатов для широкого обсуждения, формирования онлайн и оффлайн инструментария, проведения голосования/дебатов/обсуждений, принятия решений. Данная цепь может быть сокращена в различных моделях, в ней могут отсутствовать отдельные этапы. Выбор модели определяется, исходя из целей обсуждения, ресурсов, характера и масштаба решений, будут ли они носить обязательный или рекомендательный характер.

Для каждой модели возможным является использование различных онлайн инструментов как специально созданных для нужд электронной демократии, к примеру, электронные петиции, так и традиционные форумы и чаты. Среди инструментов электронной демократии следует назвать: веб-трансляции заседаний и совещаний, часто задаваемые вопросы (FAQ), быстрое голосование, исследования, чаты, форумы, блоги, электронные петиции, электронные платформы, механизмы оповещения (Alert Mechanisms). Создаются и используются новые инструменты, к примеру, игры по принятию решений (Decision-Making Games). В Великобритании в рамках Национального проекта по развитию местных электронных правительств, утвержденного премьер-министром, был создан сайт Demgames (http://demgames.org). Сайт предназначен для школьников, которые с его помощью узнают ключевые аспекты политического процесса в Великобритании.

Используются различные инструменты в рамках проведения онлайн избирательных кампаний: сайты гражданских журналистов (Citizen journalists), новостные ленты, блоги, форумы. Кроме того, используются специально созданные инструменты. Таким является обмен голосами (Vote swapping). Суть метода заключается в том, что избиратели различных избирательных округов могут влиять на результат выборов в другом округе. Для этого они заключают договор обмена голоса избирателя из одного избирательного округа на голос избирателя в другом округе. Такой способ использовался на президентских выборах США в 2000 году, на выборах в Парламент Великобритании в 2001 году. Так же используется онлайн-сбор средств на избирательную кампанию (Online fund-raising). В период президентских выборов США 2000 года кандидат в президенты сенатор Джон Маккейн собрал более 2 млн. долларов США, а другие кандидаты более 1 млн. долларов США [9]. Избирательные кампании онлайн позволяют кандидатам выразить свои идеи независимо от времени и места их пребывания. Кроме того, обеспечивается процесс обратной связи, когда избиратель, изучив представленный материал, может обратиться к кандидату для того, чтобы прояснить его позицию или задать другой вопрос.

Необходимо обратить внимание, что начало 2000-х стало началом к использованию Интернета для организации крупных акций. Среди акций, проводимых с помощью средств ИКТ, можно выделить

флешмобы, социальные движения и общественные организации с постоянной структурой, которая может быть построена как сверху-вниз, так и снизу-вверх.

Несмотря на то, что некоторые исследователи считают, что социальные сети, гражданский журнализм и другие ресурсы для обмена мнениями «снижают контроль властей за информацией» [6], следует отметить обратное: развитие Интернет-технологий не столько ведет к равному доступу и праву граждан влиять на процесс принятия решений, сколько дает возможность профессиональным политикам и их имиджмейкерам использовать эти технологии в частных интересах.

Рабочая группа Совета национальной безопасности США, созданная после публикации секретных документов на сайте WikiLeaks.org[1], признает риски, связанные с обменом информацией, и считает необходимым собирать данные о гражданах. Однако, по мнению экспертов, более существенным риском является отсутствие обмена информацией. «Урок, который необходимо извлечь из несанкционированного сбора информации в WikiLeaks – это не снижение или остановка обмена информацией, а повышение контроля доступа и использования для защиты частной жизни и гражданских свобод» [12]. Остановить процесс развития информационных технологий невозможно, так же, как не использовать эти технологии для работы государственных органов и политических организаций. Количество пользователей Интернета постоянно растет, а интернет-технологии развиваются и в современном обществе используются практически во всех сферах. Если государство будет стоять в стороне от этого процесса, то, вероятно, это может создать опасность для самого государства. Задача государства – найти достаточный уровень безопасности, поддерживать его и определить границы свобода слова. Порой реакция властей на некоторые публикации в СМИ неадекватна исходящим от них угрозам.

Существует большая разница между различными государствами и культурами. Те методы, которые могут быть использованы в одних странах, неприемлемы в других. Каждому поколению граждан необходимо строить свой собственный политический опыт, основанный на собственных традициях и истории. Являясь интегративным аспектом социально-политического, экономического и культурного развития, информационно-коммуникационные отношения не должны стать барьером к этому развитию. Культура – это еще один фактор, который необходимо принимать во внимание, рассматривая информационную безопасность и ее границы. В различных культурах существуют различные запреты. Однако следует отметить, что невозможно учесть все культурные особенности при формировании границ безопасности электронной демократии, поскольку электронная демократия, как было упомянуто выше, не национальна, а глобальна. Это означает, что необходимо формулировать и принимать во внимание только общие для всех культур ценности, необходим «диалог по безусловным этическим ценностям» [10]. Можно выделить три таких ценности:

1) автономность индивида;

2) солидарность между человеком, обществом и социальными нормами;

3) необходимость извлечения пользы из технологий и предотвращение их негативных последствий.

Кроме государства, влиять на безопасность электронной демократии могут частные компании, поскольку киберпространства приватизируются. Частные компании стремятся к коммерческой выгоде. Коммерческие интересы могут оказаться для них важнее обеспечения безопасности. В результате, под угрозой может оказаться политическая система и экономика. Для решения проблемы необходимо правовое регулирование вопросов безопасности систем электронной демократии.

Обсуждая проблему «электронной демократии», нельзя не отметить проблему «нового деспотизма», т.е. форм манипулирования общественным мнением с помощью современных технологий коммуникаций, социальных сетей и массовой культуры. «Новый деспотизм» не прибегает к открытому насилию, подавлению прав личности, упразднению демократических институтов; конструкция либеральной демократии сохраняется, но ее содержание (функции гражданского волеизъявления) выхолащивается. Ряд исследователей отмечают, что новые технологии могут стать опасным проводником тирании [4].

Безусловно, вопрос конфиденциальности и анонимности – наиболее спорный элемент электронной демократии. С одной стороны, регистрация и получение персональных данных необходимы для того, чтобы провести анализ интересов различных социальных групп с различными социальными и психофизическими характеристиками и выработать правильный политический курс. С другой стороны, предоставление персональных данных может сказаться на уровне участия и достоверности результатов обсуждений. Гражданин, предоставивший информацию о себе, впоследствии не сможет критиковать решения тех или иных представителей власти, опасаясь, что они создадут неблагоприятные условия. Обратное возможно и при соблюдении анонимности, более активное меньшинство может создать неблагоприятные условия для функционирования власти. Конфиденциальность и анонимность должна сохраняться везде, где это возможно, защищая частную жизнь, но при этом быть ограниченными. «Фундаментальные права и свободы – это роскошь, которую безопасность не может себе позволить» [10]. И безопасность не должна становиться выше интересов граждан. Необходимо установить четкие и пропорциональные границы между безопасностью и частной жизнью.

Учитывая необратимость процесса распространения ИКТ, в том числе и в государственном секторе, и потенциальные преимущества от использования

[1] Сайт закрыт в 2010 году, копия сайта – http://mirror.wikileaks.info/

электронной демократии, следует видеть риски и выработать план внедрения ИКТ, где необходимо:

определить аудиторию электронной демократии и способы ее создания путем преодоления цифрового расслоения;

выработать критерии выбора модели, методов и инструментов электронной демократии для решения конкретных задач;

создать правовую базу и определить границы между безопасностью электронной демократии и защитой персональных данных, границы обмена данными;

определить источник инвестирования электронной демократии;

выработать общие для всех стран и для всех культур ценности при использовании электронной демократии;

обеспечить развитие технической составляющей процессов электронной демократии.

Электронная демократия привносит в общество новое понимание своего участия в государственных процессах, перестраивая систему социальных, экономических, политических и юридических отношений. Задача государственных структур, исследователей, граждан – прогнозировать и предотвращать риски электронной демократии и строить электронную демократию так, чтобы она действовала на благо общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2001.
2. Кулик А.Н. E-democracy и электронная демократия: западная концепция в российском контексте // Проблемы становления гражданского общества в России. М., 2003.
3. Совершенствование государственного управления на основе его реорганизации и информатизации. Мировой опыт / Под ред. В.И. Дрожжинова. М.: Эко-Трендз, 2002.
4. Barber B. Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy // Political Science Quarterly, Winter 1998-1999. Vol. 113. N 4. C. 581-582.
5. Caldow J. E-Democracy: Putting down global roots // Institute for Electronic Government. IBM. January 2004. http://www-01.ibm.com/industries/government/ieg/pdf/e-democracy%20putting%20down%20roots.pdf (05.02.2012).
6. Etling B., Faris R., Palfrey J. Political Change in the Digital Age: The Fragility and Promise of Online Organizing. SAIS Review. Cambridge, Summer-Fall 2010.
7. Keskinen A. MIDEM. Models for Interactive Decision Making // Electronic Journal of e-Government. Vol. 2. Issue 1. 2009. Pp. 55 – 64. http://www.ejeg.com/volume2/issue1 (05.02.2012).
8. Murru M.E. E-government: from real to virtual democracy. // Boston University. Brussels. 2003. http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/unpan/unpan011094.pdf (05.02.2012).
9. Noble P. E-democracy around the world. A survey for Bertelsmann Foundation. // Charlestone, 2001. http://www.bertelsmann-stiftung.de/bst/de/media/xcms_bst_dms_18425_18426_2.pdf (05.02.2012).
10. Poullet Y. Internet of the future: Achieving Transparency, Pluralism and Democracy. Briefing note IP/A/ITRE/WS-IC-2008-139. Policy Department Economic and Scientific Policy. European Parliament, 2009.
11. Recommendation CM/Rec (2009)1 adopted by the committee of Ministers of the Council of Europe on 18 February 2009 and explanatory memorandum. Council of Europe Publishing F-67075 Strasbourg Cedex. Strasbourg, September 2009.
12. Testimony on Behalf of the Markle Task Force on National Security in the Information Age. // US Senate Homeland Security and Governmental Committee. March 2011. http://www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/law_national_security/markletaskforce.authcheckdam.pdf (05.02.2012).

O.V. KOLOMOETS

О.В. КОЛОМОЕЦ

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

ON SOME APPROACHES TO EVALUATION OF EFFICIENCY OF STATE PROGRAMS

В статье рассмотрен опыт оценки эффективности государственных программ, которые проводятся органами федерального правительства Соединенных Штатов Америки.

Experience of evaluation of efficiency of state programs conducted by the Federal Government of the United States of America is considered in the article.

Ключевые слова: государственная программа, эффективность, оценка, рейтинг, результаты, затраты, модель.

Key words: state program, efficiency, evaluation, rating, results, expenditures, model.

Начиная с 2000 года, Правительством Российской Федерации последовательно осуществляются меры, направленные на совершенствование бюджетного планирования. С этой целью был утвержден и реализован ряд концептуальных документов и среднесрочных программ бюджетных реформ[1]. Для дальнейшего совершенствования бюджетного планирования распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2010 г. № 1101-р утверждена программа Правительства Российской Федерации по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года.

Основной целью данной программы является создание условий для повышения эффективности деятельности публично-правовых образований по выполнению государственных (муниципальных) функций и обеспечению потребностей граждан и общества в государственных (муниципальных) услугах, увеличению их доступности и качества, реализации долгосрочных приоритетов и целей социально-экономического развития. В качестве одного из приоритетных направлений или инструментов повышения бюджетных расходов как составной части эффективности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления предлагается принять программно-целевой принцип организации их деятельности.

Основой реализации такого направления должен стать переход федерального бюджета на использование государственных программ Российской Федерации (ГП) – документов, определяющих цели, задачи, результаты, основные направления и инструменты государственной политики в определенных сферах социально-экономической деятельности либо обеспечивающих реализацию в установленные сроки крупномасштабных мероприятий общенационального или международного значения. При этом выполнение ГП должно способствовать достижению целей и реализации приоритетов, установленных Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

В рамках осуществления данного направления распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2010 г. № 1950-р утвержден перечень государственных программ Российской Федерации, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти и охватывающий различные сферы социально-экономической деятельности государства, а также ее обороноспособность и безопасность. Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 588 утвержден порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации, внесены соответствующие изменения в положение о докладах о результатах и основных направлениях деятельности федерального органа исполнительной власти[2].

Таким образом, в государстве созданы условия для осуществления бюджетного планирования на основе программно-целевого метода планирования. Предусматривается, что программно-целевой метод планирования будет использоваться во всех сферах деятельности государства, включая военную.

Одним из основных требований к содержанию государственных программ является наличие методики оценки их эффективности. Учитывая это требование, для разработчиков государственных программ будет интересен опыт зарубежных стран в оценки государственных программ. Наиболее ярким примером в оценивании эффективности государственных программ может служить опыт Соединенных Штатов Америки.

Таблица 1

Структура вопросника, используемого для описания и оценки государственных программ (PART) США[3]

№ п.п.	Структура PART (базовые вопросы)
	Цель и структура программы (вес 20%)
1.1.	Ясна ли цель программы?
1.2.	Направлена ли программа на решение конкретной объективно существующей проблемы, удовлетворение потребности?
1.3.	Сформулирована ли программа таким образом, чтобы не дублировать другие государственные, муниципальные или частные программы и проекты?
1.4.	Отсутствуют ли в структуре программы серьезные недостатки, ограничивающие эффективность или результативность программы?
1.5.	Имеет ли программа четкую целевую направленность, которая позволит направить ресурсы программы на достижение цели и удовлетворение потребностей бенефициаров?
	Стратегическое планирование (вес 10%)
2.1.	Имеет ли программа ограниченное число конкретных долгосрочных показателей результативности, которые характеризуют конечный результат и полноценно отражают цель программы?
2.2.	Имеет ли программа амбициозные цели и сроки достижения для показателей?
2.3.	Имеет ли программа ограниченное число конкретных годовых показателей результативности, которые характеризуют прогресс в достижении долгосрочных целей программы?
2.4.	Имеет ли программа начальное значение показателей и достаточно ли амбициозны целевые значения годовых индикаторов?
2.5.	Все ли участники программы ориентированы на работу по достижению годовых или долгосрочных целей программы?
2.6.	Проводятся ли регулярные (или по мере необходимости) независимые оценки: - достаточности масштаба (охвата) программы; - результативности программы, ее связи с решаемой проблемой?
2.7.	Имеется ли четкая (явная) связь между бюджетными заявками и достижением годовых или долгосрочных целей, и отражены ли в бюджете программы потребности в ресурсах полным и прозрачным образом?
2.8.	Предприняты ли в рамках программы шаги для корректировки недостатков в стратегическом планировании?
	Управление программой (вес 20%)
3.1.	Собирает ли исполнитель актуальную и достоверную информацию, включая информацию от других участников программы, и использует ли он ее для управления программой и повышения результативности?
3.2.	Отвечают ли руководители организации – исполнителя и партнеров (участников) программы за использование ресурсов, соблюдение графика и достижение показателей результативности?
3.3.	Своевременно ли выделяются средства (как из бюджета, так и участников программы), расходуются ли они целевым способом, обеспечивается ли отчетность?
3.4.	Присутствуют ли в программе процедуры для измерения и повышения эффективности расходования средств?
3.5.	Имеет ли место эффективное сотрудничество/координация с другими программами и проектами в смежных областях?
3.6.	Применяются ли в программе методы финансового менеджмента?
3.7.	Предпринимались ли в рамках программы шаги для преодоления недостатков управления программой?
	Результаты программы (вес 50%)
4.1.	Движется ли программа к достижению своих долгосрочных целей?
4.2.	Достигает ли программа годовых целей?
4.3.	Снижаются ли удельные издержки в процессе достижения годовых целей программы?
4.4.	Превосходят ли результаты этой программы результаты других программ с аналогичными целями?
4.5.	Подтверждают ли независимые оценки эффективность и результативность программы?

В рамках проведенной реформы системы государственного управления администрацией Дж. Буша была реализована «Инициатива по включению в бюджет информации о результатах» (Budget and Performance Integration Initiative), в ходе которой федеральные министерства и ведомства получили возможность определять, какая из государственных программ реализуется более результативно, какая – менее; что следует предпринимать в каждом из этих случаев, а также как перераспределять финансирование между программами для получения наибольшего эффекта от их реализации.

С точки зрения анализа моделей описания государственных программ наибольший интерес представляет оценка результатов и эффективности госпрограмм, проводимая с помощью методики «Оценки эффективности и определения рейтинга программы» PART.

Методика «Оценки эффективности и определения рейтинга программы» PART предназначена для оценки министерствами и ведомствами совместно с Контрольным финансовым управлением перспектив реализации программ, их обоснованности, качества планирования и управления, результатов и транспарентности для определения эффективности каждого конкретного проекта и формулировки плана действий по его совершенствованию и повышению эффективности.

Описание государственных программ формируется на основе вопросника «Оценки эффективности и определения рейтинга программы» PART, ответы на который используются при последующей оценке государственных программ. Структурно вопросник состоит из 25 базовых вопросов, к которым добавляются вопросы, учитывающие специфику разных типов государственных программ (таблица 1).

Для повышения содержательности и обоснованности формируемого описания программы, к ответам на вопросы предъявляются требования, выполнение которых является обязательным условием того, чтобы ответ на тот или иной вопрос был признан положительным:

положительный ответ должен быть обоснованным;

каждый ответ должен иметь обоснование, отражающие все требования, содержащиеся в вопросе (одновременное выполнение нескольких критериев или выполнение одного из возможных критериев);

обоснование должно давать четкий ответ на поставленный вопрос. При отрицательном ответе должно быть указано, какие требования вопроса выполнены или не выполнены;

подтверждающие данные к обоснованиям должны быть актуальными (давностью не более пяти лет). Они должны содержат информацию об источнике и основе для суждения, определяющего ответ на вопрос;

простая ссылка на соответствие законодательству не признается достаточным обоснованием;

ответ «нет данных» может использоваться только в том случае, когда вопрос неприменим к конкретной государственной программе.

Помимо того, вопросы связаны друг с другом, что позволяет проверять точность и обоснованность ответов. Так, например, государственная программа не может получить положительную оценку за достижение целевых показателей, если 2 и 3 разделы вопросника говорят о неадекватности системы целеполагания.

При проведении оценки на основании ответов на вопросы определяется число баллов по каждому из четырех разделов (от 0 до 100). В зависимости от набранной суммы баллов формируется качественный рейтинг государственной программы: «Эффективная» (85-100 баллов), «Умеренно эффективная» (70-84 балла), «Удовлетворительная» (50-69 баллов), «Неэффективная» (0-49 баллов), «Результаты отсутствуют». Независимо от набранного государственной программой общего балла рейтинг «Результаты отсутствуют» присваивается ей при отсутствии у программы приемлемых показателей эффективности, базовых показателей, а также данных о результатах.

Необходимо отметить, что применение оценок государственных программ по системе PART не означает, что в США реализована система финансирования, жестко связана с результатами деятельности, при которой распределение бюджетных ассигнований напрямую связано с показателями результатов.

Рейтинг, полученный государственной программой, как правило, не определяет напрямую объем ее финансирования, хотя на практике бюджетные ассигнования в большей степени перераспределяются в пользу государственных программ с наилучшими результатами. Возможны нестандартные варианты, когда полученный государственной программой рейтинг «Неэффективная программа» или «Результаты отсутствуют» означает необходимость увеличения финансирования для преодоления выявленных недостатков и, наоборот, – при рейтинге «Эффективная программа» финансирование необходимо прекращать, поскольку программная цель достигнута или из-за того, что приоритеты изменились.

Анализ особенностей модели описания государственных программ, применяемой в США, позволяет сделать следующие выводы:

американская модель описания государственных программ является инструментом последующей оценки и ранжирования результатов и эффективности государственных программ с помощью оригинальной методики «Оценки эффективности и определения рейтинга программы» PART;

модель включает в себя вопросник, который позволяет реконструировать программу, запланированные результаты и одновременно оценить качество управления. Вопросник PART составлен таким образом, что он позволяет сравнивать и ранжировать все федеральные программы и при этом учитывает специфику семи типов программ;

вопросник PART содержит оригинальные разделы, посвященные стратегическому планированию (включая вопросы связи программы с ре-

шаемой проблемой и достаточности масштабов программы для решения проблемы, наличие в системе показателей достоверных исходных и амбициозных плановых значений), взаимодействию и координации с другими программами и проектами в смежных областях, а также системе управления программой (включая взаимодействие ответственного исполнителя с соисполнителями, качество финансового менеджмента). Спецификой PART является использование весовых коэффициентов, отражающее относительную важность разделов вопросника;

методика «Оценки эффективности и определения рейтинга программы» PART применяется к большей части бюджетных программ (например, в 2007 году по методике PART прошли оценку 794 программы, на которые приходится 80 процентов федеральных расходов).

Таким образом, в США на федеральном уровне реализован комплекс мероприятий, направленных на контроль хода и реализации государственных программ. Основным инструментом для этого является оригинальная методика «Оценки эффективности и определения рейтинга программы» PART.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. С 2000 года в Российской Федерации был принят и реализован ряд ключевых для совершенствования бюджетного планирования документов, основными из которых являются: Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004-2006 годах, Концепция повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в Российской Федерации в 2006-2008 годах; Программа развития органов федерального казначейства на 2000-2004 годы; Программа развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 года.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2011 г. № 252 «О внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросам совершенствования процесса программно-целевого планирования в федеральных органах исполнительной власти»
3. Instructions for the Program Assessment Ratings Tool.

V.I. VYPASNIAK,
O.V. TIKHANYCHEV,
V.R. GAKHOV

В.И. ВЫПАСНЯК,
О.В. ТИХАНЫЧЕВ,
В.Р. ГАХОВ

КИБЕР-УГРОЗЫ АВТОМАТИЗИРОВАННЫМ СИСТЕМАМ УПРАВЛЕНИЯ (По взглядам иностранных специалистов)

CYBER-THREATS TO AUTOMATED CONTROL SYSTEM (According to foreign specialist)

Рассмотрены взгляды специалистов ведущих зарубежных государств на ведение информационного противоборства (в западной терминологии «кибер-войн») На основе проведенного анализа сформулированы угрозы, возникающие для автоматизированных систем управления различного назначения.

Views of specialists of leading foreign countries on information warfare (cyber wars in Western terminology) are considered. Based on the accomplished analysis, threats emerging for various purpose automated control systems were formulated.

Ключевые слова: киберугрозы, информационное противоборство, кибервойна, система управления, автоматизированная система управления.

Key words: cyber threats, information warfare, cyber warfare, control system, automated control system.

В настоящее время в зарубежных армиях мира активно формируются специализированные структуры для ведения боевых действий в киберпространстве. Это в первую очередь связано с существенным возрастанием киберугроз автоматизированным системам военного и государственного управления. В зарубежных печатных изданиях сфера кибернетического противоборства, затрагивающая информационные ресурсы и программно-аппаратные средства автоматизированных систем (компьютерных сетей), получила наименование «кибер-война» (Cyber-warfare).

В целях ведения «кибер-войн» проводятся всеобъемлющие мероприятия по формированию условий и факторов для реализации «кибер-угроз», созданию средств их обнаружения и парирования в рамках общего плана защиты информационной инфраструктуры страны и вооруженных сил, осуществления информационного противоборства, проведения целевых акций по воздействию на информационные системы противника (похищение, искажение и уничтожение информации; несанкционированный доступ к компьютерным системам и т.п.).

Словарем оперативно-стратегических терминов [1] «кибернетическая война» отнесена к разновидности «информационной войны», определяемой в свою очередь как информационные операции, проводимые в период кризиса или конфликта для достижения определенных целей и задач.

При этом отмечается, что «кибернетическая война» представляет собой процесс нанесения ущерба информационным ресурсам противоборствующей стороны в форме информационного терроризма, смысловых атак, направленных на изменение алгоритмов работы информационных систем при сохранении видимости нормального функционирования, демонстрации силы в целях внушения противоборствующей стороне требуемого представления о возможных последствиях применения против нее того или иного оружия [1].

Эксперт по безопасности правительства США Ричард А. Кларк дает следующее определение: «кибервойна — действия одного национального государства с проникновением в компьютеры или сети другого национального государства для достижения целей нанесения ущерба или разрушения» [2]. В данной трактовке применение этого термина представляется вполне логичным, поскольку такие действия выходят за рамки «информационного противоборства» и из вида обеспечения операций превращаются в самостоятельную форму противоборства в кибернетическом пространстве.

В ноябре 2010 года в мировой печати широко обсуждался доклад, подготовленный Пентагоном для Конгресса США. В этом докладе отмечалось, что США считают правомерным нанесение военных ударов в ответ на кибератаки в свой адрес. В двенадцатистраничном отчете говорится, что кибератаки могут посягать на экономику, государственное управление и военную инфраструктуру Соединенных Штатов, следовательно, и реагирование на такие враждебные акты должно включать в себя все доступные средства. За этим обсуждением на втором плане оказалось одно важное обстоятельство: замена

в руководящих документах Пентагона термина «киберзащита» (cyberbuck-defence) на понятие «кибероборона» (cyberbuck-defensive). Между тем это важное обстоятельство теперь формально позволяет органам государственного управления относить кибератаки к угрозам, попадающим под действие статьи 5 Вашингтонского договора (Североатлантический договор, Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г) об обеспечении коллективной безопасности и отвечать на них реальными военными действиями.

Развитие в ВС зарубежных государств взглядов на информационное противоборство требует совершенствования международной юридической базы использования информационных технологий. Уточнение национального законодательства в этой сфере в настоящее время ведется развитыми государствами всего мира.

В данной статье рассматриваются возможные киберугрозы, объектами направленности которых являются системы управления войсками (силами) в военное, а также автоматизированные системы государственного и военного управления в мирное время (далее-АСУ). Очевидно, что основные угрозы могут быть реализованы применительно к таким составляющим систем управления, как комплексы средств связи и автоматизированного управления войсками и оружием.

Основными способами воздействия на систему управления противостоящей стороны, по взглядам зарубежных экспертов, считаются похищение, уничтожение и искажение информации, в том числе путем воздействия на ее носители и средства преобразования.

При этом киберугрозы функционированию АСУ реализуются через:

похищение информации;

затруднение функционирования систем без физического повреждения их элементов;

уничтожение информации, повреждение программ или технических средств управления;

подмена (несанкционированная модификация) информации и средств ее обработки.

Анализ зарубежного опыта показывает, что основные угрозы информационной безопасности систем управления могут иметь место от:

внедрения «закладок» в программное обеспечение АСУ;

наличия аппаратных закладок в покупных изделиях и их элементах;

умышленного саботажа персонала – внедрения вредоносных программных кодов или повреждения аппаратных средств;

уничтожения или несанкционированной модификации информации в системах управления путем дистанционного программно-аппаратного воздействия;

дистанционного разрушения программных и технических средств систем управления путем энергетического воздействия на пункты управления, линии или узлы связи;

создания помех работе системы управления, не приводящих к повреждению технических средств и информации.

Угрозы, относящиеся к функционированию системы управления в целом и АСУ, как к одному из элементов ее материальной основы, от огневого воздействия противника и применения средств радиоэлектронной борьбы достаточно хорошо изучены и учитываются при разработке технических средств и программного обеспечения АСУ.

К качественно иным угрозам, опасность которых непрерывно возрастает, зарубежными специалистами принято относить «киберугрозы», основанные на применении новейших информационных технологий. Данные угрозы принято классифицировать по следующим направлениям.

Угрозы, связанные с программными и аппаратными закладками.

Первые сообщения об обнаружении аппаратных закладок опубликованы Пентагоном в 2005 году. В январе 2008 года в США в составе закупленного сетевого оборудования была обнаружена крупная партия поддельных сетевых карт с встроенными в них аппаратными закладками. Данная партия, стоимостью 78 миллионов долларов, поступила в США из Китая через Канаду. В настоящее время до 70% комплектующих, установленных в американских компьютерах – иностранного производства. При этом применяемые методы борьбы с подделками, например, применение голографических марок, неэффективны. Некоторыми экспертами распространение подобных подделок отнесено к одной из составляющей тактики кибервойн. Обнаружение подобных закладок является весьма сложной задачей и в настоящее время она решается преимущественно организационными методами, за счет установления взаимодействия между закупающими органами и спецслужбами.

Основные способы парирования данных угроз должны реализоваться на этапе разработки АСУ. Наиболее простой и надежный из них заключается в использовании программных и технических компонентов отечественной разработки. На практике возможен вариант проведения специальных проверок на наличие недекларированных возможностей в покупных программах и элементов-закладок в комплектующих изделиях зарубежного производства. Надежность второго метода определяется эффективностью проведения указанных проверок.

Угрозы, связанные с действиями персонала.

Этот тип угроз определяется как злонамеренными действиями персонала при производстве технических и программных средств АСУ, так и возможной ненадежностью или беспечностью персонала, эксплуатирующего систему. В западных источниках эту опасность классифицируют как киберсаботаж [3].

Киберсаботаж описывается в зарубежных источниках как преднамеренные и злонамеренные действия, нацеленные на разрушение нормальных процессов и функционирование программного обеспечения, уничтожение, повреждение оборудования или информации.

Зараженное программное обеспечение может быть установлено заранее при поставке изделия, либо вирус может быть занесен в процессе эксплуата-

ции, например, при организации авторского сопровождения АСУ.

В официальных источниках США отмечается, что до 80 процентов нарушений безопасности совершается американским персоналом, что составляет существенную долю (до $ 1.5 триллионов в год) финансовых потерь от промышленного шпионажа [4].

Для подтверждения опасности и распространенности фактов киберсаботажа можно привести несколько примеров [3]:

в июле 2007 года один из сотрудников одной из компаний-субподрядчиков НАСА преднамеренно повредил два компьютера, перерезав внутри проводку. Один из них должны были установить на борту челнока «Эндевер». К счастью, диверсия обнаружена раньше, чем оборудование было установлено на космический корабль;

в ноябре 2007 года партия жестких дисков Maxtor Personal Storage 3200s фирмы Seagate оказалась заражена на производстве троянским вирусом. Данная партия была изъята из торговой сети. Утверждается, что вирус был разработан, чтобы копировать информацию из компьютера и посылать ее в китайский сектор мировой сети без ведома пользователя;

в январе 2008 года был обнаружен вирус в ПО продаваемых в США цифровых фоторамках Insignia модели NS-DPF10A. Данный вирус от рамок передавался компьютерам, с которыми они соединялись через порт USB для закачки фотографий. Как выяснилось, цифровые фоторамки были заражены вирусом в ходе производственного процесса, что впоследствии было подтверждено на веб-сайте компании-производителя;

в конце 2008 года уже компания Samsung предупредила своих покупателей, что в ряде серий фоторамок, в комплекте с которыми поставляется ПО Samsung Frame Manager версии 1.08, обнаружен вирус;

в ноябре 2010 года на сайте Wikileaks появились файлы с конфиденциальной перепиской Министерства иностранных дел США. Источником утечки считается Бредли Меннинг, бывший сотрудник разведки США, ранее передавший «Викиликсу» досье по Афганистану и Ираку.

Кстати, известная кибератака с применением червя Stuxnet, в результате которой в 2010 году были повреждены иранские ядерные центрифуги, по мнению большинства специалистов, тоже связана с небрежностью персонала. Вирус попал в системы управления оборудованием Siemens с ноутбуков, которыми пользовались специалисты, обслуживающие станцию.

Основные методы парирования подобных угроз можно разделить на организационные и технические. Организационные методы заключаются в тщательном подборе персонала, допущенного к разработке программного обеспечения, работе на средствах автоматизации управления и к обслуживанию этих систем. При эксплуатации АСУ опасность от действий персонала может быть снижена за счет ограничения доступа пользователей к файловой системе и недопущения возможности несанкционированного подключения внешних устройств обмена информацией.

Угрозы, связанные с дистанционным внешним воздействием на программную, информационную и техническую составляющие автоматизированных систем управления.

К этим угрозам можно отнести воздействие на информационные узлы АСУ средствами огневого и радиоэлектронного поражения и оружием на новых физических принципах, а также программно-аппаратное воздействие, чаще называемое хакерскими атаками.

Традиционно, в качестве методов силового дистанционного воздействия противника на систему управления рассматриваются применение средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и целенаправленное огневое воздействие на элементы системы управления. В последние годы к этим методам добавились средства «нелетального оружия» и оружия на новых физических принципах.

Для воздействия на систему управления могут применяться средства подобного типа, генерирующие электромагнитные импульсы:

типа TEDs, использующие накопленную электрическую энергию;

типа EPFCs, использующие энергию взрыва обычного взрывчатого вещества.

Средства второго типа уже реализованы в виде образцов оружия и применялись ВС США в ходе операций «Союзническая сила» и «Шок и трепет». Причем, создание таких устройств не является технически сложным процессом. Стоимость создания одного боеприпаса невысока и оценивается около 500-1000 долларов. С учетом того, что радиус действия электромагнитного импульса достигает 200 метров, что не требует точного попадания боеприпаса в объект, а эффект воздействия по компьютерным сетям может быть существенным, опасность этого оружия для информационных систем оценивается весьма высоко.

Наиболее эффективным методом противодействия такому оружию является применение средств защиты компьютеров и сетевого оборудования из состава АСУ от воздействия электромагнитного импульса. Элементы и принципы данной защиты должны разрабатываться при создании системы и совершенствоваться в ходе ее эксплуатации.

В процессе развития систем управления, широкого внедрения в них компьютерных и сетевых технологий появилась новая угроза, направленная на повреждение или хищение информации из компьютерных сетей военного или двойного назначения и несанкционированной модификации программного обеспечения – угроза программного и аппаратного воздействия, например, хакерских атак.

Актуальность этой угрозы подтверждается ростом возможностей его применения всеми странами, вне зависимости от размеров оборонного бюджета, величины вооруженных сил и технологического уровня вооружения. В настоящее время разработки кибероружия ведутся в 120 странах. Развитие кибероружия не требует развитой промышленной инфраструктуры, необходимой для развития обычного вооруже-

Таблица

Матрица киберугроз (по данным зарубежных источников)

Страна	Военные расходы в 2010 году на подготовку к информационной войне (млн.долл.)	Уровень намерений	Уровень угрозы	Готов-ность к ведению кибер -войны	Наличие средств для повреждения данных	наличие средств для атак на компьютерные сети	Официальное объявление о наличии информационного оружия
Китай	55,5	5	высокий	4,2	+	+	+
Иран	9,7	0	средний	3,4	+	?	–
Северная Корея	5,2	3	средний	2,8	+	?	–
Сирия	8,5	3	умеренный	2,2	+	–	–

Примечание. Уровень готовности к ведению кибер-войны оценивается качественной оценкой: 1 = низкий, 3 = умеренный и 5 = существенный.

ния. Международными компаниями компьютерной безопасности Intelomics и Spy-Ops построена «матрица угроз», создаваемых за счет развития кибероружия.

При анализе данных матрицы выявлена любопытная тенденция. Если первоначально инициатива развития кибероружия принадлежала промышленно развитым странам, то сейчас в этот процесс активно включились развивающиеся страны. Это определяется снижением трудозатрат специалистов, занятых в этой области. Уже известен случай, когда хакерская программа с расширенными возможности была разработана и продана всего за 3500$. Наборы инструментов, которые позволяют производить эти действия, появились для продажи и широкого распространения в Интернете. Цены на хакерские программы в настоящее время колеблются в пределах от 100$ до 50 000$. Более того, наиболее продвинутые пакеты распространяются с обслуживанием и поддержкой клиента. Известны случи, когда предложение хакерского пакета включало 12 месяцев технической поддержки. Опасным является то, что кибероружие начинает продаваться, появляются даже дилеры по его продаже. В настоящее время во всемирной паутине предлагается около 68000 разновидностей хакерских программ [5].

Сложившаяся ситуация позволяет организовывать кибератаки не только государственным организациям, но и общественным и террористическим организациям и даже отдельным людям.

Опасность хакерских атак определяется тем, что слабые звенья в компьютерных сетях имеются практически везде. На международном совещании правительственных должностных лиц представитель ЦРУ в своем выступлении перед инженерами и руководителями служб безопасности электрических, водных, нефтяных и газовых и других критических областей промышленности, отметил, что ЦРУ имеет информацию о минимум трех случаях успешного вторжения в сети предприятий коммунального обслуживания в текущем году [6].

По сообщениям представителей фирмы IBM почти 90 процентов от всех хакерских атак 2007 года связаны с удаленной эксплуатацией компьютеров. При этом атаки на компьютерные сети в мире производятся в среднем каждые 82 минуты [7]. И только около 1% пользователей следит за общими данными и политикой безопасности компьютера.

Хакерские атаки, весьма распространенные в мирное время, активизируются при возникновении очагов напряженности в какой-либо точке мира. Так, в 2008 году, в ходе конфликта с Южной Осетией соответствующими структурами Грузии принимались активные действия в киберпространстве. Кроме ведения активной антироссийской компании в сети «Интернет» и прекращения трансляции российских телевизионных каналов, предпринималось отключение серверов сегмента «ru» грузинских провайдеров. Понятно, что отключение сегментов сети на своей территории, да еще при ограниченном количестве провайдеров, технически не очень сложно. Но сам факт показывает, что даже небольшие страны очень серьезно относятся к ведению кибероперациий. Более того, кибер-операция Грузии не ограничилась своей территорией. 8 августа массированной DDoS-атаке подверглись южноосетинские сайты, размещавшие сведения о ходе боев. В частности, некоторое время был недоступен сайт информационного агентства «ОСинформ», а также сайт «Осетинского радио и телевидения». Кроме того, еще в ночь на 8 августа была нарушена работа официального сайта Государственного комитета по информации и печати Республики Южная Осетия. Справедливости ради следует отметить, что ответные действия против грузинского сегмента Интернета не заставили себя ждать: многие сайты подверглись DDoS-атаке. От атак пострадало несколько грузинских правительственных сайтов, что вынудило правительство Грузии перейти на хостинги

в США, на площадку американской компании TULIP Systems, которая обеспечивала их безопасность силами своих специалистов. Министерству иностранных дел Грузии пришлось «переселиться» на аккаунт BlogSpot – чтобы иметь возможность распространять информацию в режиме реального времени [8],

В качестве еще одного примера ведения «кибервойны» в ходе этого конфликта можно отметить тот факт, что с 9-го августа 2008 года в сети «Интернет» был заблокирован доступ к спутниковым фотографиям и картам грузинской территории.

Несмотря на важность защиты телекоммуникационных сетей и систем государственного управления от враждебных действий, вопросы обеспечения их кибербезопасности решаются в настоящее время недостаточно эффективно.

Новые проблемы уязвимости программного обеспечения обнаруживаются постоянно. Некоторые эксперты утверждают, что до 70% из почти 7000 уязвимостей, обнаруженных в 2010 году, были связаны с удаленным использованием компьютеров.

В обзоре одной из ведущих американских организаций по созданию средств обеспечения кибербезопасности Spy-Ops отмечается, что в настоящее время менее 1 % коммерческих организаций США готовы к отражению кибер-атак.

В то же время, по независимым оценкам, потеря одного дня электронного бизнеса в мировом масштабе может привести к экономическим потерям, превышающим 35 миллиардов долларов США. В условиях посткризисного экономического спада эти потери могут оказаться критическими для экономики любой страны. Некоторыми специалистами формирование подобных угроз рассматривается как аспект экономической войны, который является одним из пятнадцати составляющих неограниченной войны (UnRestricted Warfare – URW).

Считается, что наиболее эффективная защита от киберугроз заключается в оперативном реагировании на все враждебные воздействия и устранении существующих уязвимостей в программном обеспечении АСУ силами организации-производителя.

В то же время, проведенный мониторинг показываает, что компании – разработчики ПО не проводят фундаментальных исследований причин существования уязвимостей, они лишь разрабатывают модификации эксплуатируемого программного обеспечения, устраняющие только текущие угрозы.

Самой передовой страной, уделяющей наибольшее внимание парированию «кибер-угроз», в настоящее время являются Соединенные Штаты Америки. Это связано с объективной оценкой последствий их реализации.

Например, директор разведуправления США (National Security Agency –NSA) Майкл МакКоннелл (Mike McConnell) сравнил последствия кибервойны с ракетным ударом. Он, как и многие специалисты, полагает, что мир находится на ранней стадии гонки кибервооружения или глобальной кибервойны. Учитывая количество хакерских нападений, совершенных в 2007-2011 годах на объекты информационной инфраструктуры, трудно спорить с этими утверждениями.

В ежегодном отчете разведки перед Сенатской комиссией США по делам вооружений 27 февраля 2008 года угроза кибернападений впервые была в явном виде сформулирована директором NSA М. МакКоннеллом и руководителем спецслужбы защиты ВС США генерал-лейтенантом Майклом Мейплсом (Michael Maples).

NSA внесло в список угроз «уязвимость инфраструктуры информации США к кибернападению иностранных правительств, негосударственных лиц и преступных элементов» [8]. Из-за значения компьютеров и телесвязи в безопасности страны, защите и экономике – эта угроза признана одной из важнейших для США по классификации NSA. Были отмечены тенденции, замеченные в течение прошлого года, что кибератаки становятся более сложными и более серьезными. В докладе М.МакКоннелл заявил, что NSA ожидает сохранения этих тенденций в наступающем году: «Мы оцениваем, что некоторые страны, включая Россию и Китай, имеют технические способности к разрушению элементов инфраструктуры информации США, по сбору сведений и ведению разведки». В том же сообщении заявлено, что террористические группы, включая Аль-Каиду, Хамаз и Хезболла, предпринимали неоднократные попытки по организации кибератак против Соединенных Штатов.

С учетом этого в США в интересах подготовки к кибервойнам и противодействия кибератакам в гражданской сфере организован специальный комитет, который координирует усилия правительственных органов по защите компьютерных сетей от организованных кибернападений. Данный комитет создан в соответствии с Директивой Совета национальной безопасности, подписанной президентом Бушем в январе 2008 года в Кремниевой долине [4]. Этой же директивой существенно расширены возможности правительства США по сбору данных и осуществлению контроля сети Интернет. Ближайшей задачей комитета является обобщение данных об имевших место кибернападениях, анализ существующих и перспективных угроз для доклада Секретарю Совета безопасности США.

Аналогичные задачи активно решаются и в вооруженных силах США. В видах ВС США в настоящее время имеются следующие подразделения, участвующие в решении задачи кибервойны: в ВМС – Network Warfare Command; в ВВС – U.S.Cyber Command; в Сухопутных войсках – TRADOC G2 [6].

Основные средства для ведения кибервойн разрабатываются в ВВС.

Еще в 2007 году на конференции по средствам информации, проходившей в Вашингтоне, командующий ВВС США Майкл В. Винн (Michael W. Wynne) заявил, что на базе 8-й воздушной армии из состава Боевого авиационного командования ВВС США и части сил 24-го тактического авиационного командования создана специализированная киберкоманда ВВС, которая служит основой киберсил ВС США (AFCYBER). Сейчас в состав AFCYBER входят свыше 20 000 человек. Задачами команды является

воздействие на электронные средства противника и защита своих средств во всем диапазоне электромагнитного спектра. Общей целью AFCYBER являются как организация кибер-нападения на информационные системы противника в любое время в любом месте, так и отражение кибер-атак.

8-я ВА (АвБ Барксдейл (Barksdale), штат Луизиана) включает силы стратегической бомбардировочной и разведывательной авиации, силы и средства РЭБ воздушного базирования, воздушные командные пункты, самолеты дальнего радиолокационного обнаружения и стратегические беспилотные летательные аппараты «Глобал Хок». Ее основной задачей является обеспечение командующих в передовых зонах ударными, разведывательными силами и средствами, средствами контроля, управления и РЭБ в глобальном масштабе [9].

Эти средства будут вести как РЭБ в «классическом» понимании, так и информационные операции в рамках кибервойн. Одной из важнейших задач AFCYBER будет являться борьба с bots-вирусами.

Одновременно с 2009 года началось функционирование Центра компьютерных инноваций (Cyber Innovation Center – CIC), который служит резервным и учебным подразделением AFCYBER.

Вне зависимости от решений по созданию подразделения AFCYBER, в ВВС США с декабря 2007 года по программе подготовки специалистов защиты информации и организации кибератак обучаются около 40 000 человек. Программа обучения занимает от шести до пятнадцати месяцев. Вся программа подготовки специалистов займет до семи лет. Специалисты, подготовленные по программе, будут использоваться как в 8-й ВА и 24-м ТАК, так и на должностях, связанных с защитой информации в других подразделениях ВВС. Эта программа является одним из составляющих подготовки ВС США к ведению кибервойн [9].

По мнению руководства ВС США, создание киберкоманд обеспечивает целостный подход к парированию вызовов кибервойны. Этот подход включает использование достижений науки и техники, организацию исследований и развитие систем защиты и нападения, образование, обучение персонала, изменение руководящих документов.

К ведению кибервойн готовятся на только США, но и практически все ведущие государства мира. В мае 2008 года Советом НАТО принято решение о создании центра кибероборонына территории Эстонии. Поводом для этого послужила двухнедельная хакерская атака на сетевые ресурсы государственного управления этой страны в 2007 году, авторство которой приписывается российским хакерам. Численность персонала центра составляет около 30 человек.

Достаточно большое внимание вопросам подготовки к кибервойнам оказывается военно-политическим руководством Китая [10].

Доктрина кибервойны Китая нацелена на достижение глобального «электронного господства» к 2050 году, подразумевающего способность разрушения информационной инфраструктуры любого противника [11]. Эта доктрина включает стратегии нарушения функционирования финансовых рынков, военных и гражданских информационных коммуникаций и других критических составляющих инфраструктуры противника до начала традиционных военных действий. Достижимость поставленных данной доктриной целей подтверждается многочисленными фактами хакерских атак на сети различных стран мира со стороны китайского сегмента сети Интернет. Быстрый рост кибер-возможностей Китая рассматривался в ходе слушаний конгресса США 20 мая 2008 года. В ходе этих слушаний представители ЦРУ заявили, что в НОАК разработаны и утверждены планы кибератак на объекты США. Эти сведения тем более серьезны, что они обеспечены существенным финансированием. Военный бюджет Китая ежегодно повышается на 10 процентов. Одновременно и повышаются расходы на создание кибероружия. В 2008 году из 62 миллиардов долларов военного бюджета Китая 55 миллионов были выделены на создание средств ведения информационной войны. Обобщенная оценка опасности НОАК как возможного участника кибервойны, данная на основании анализа компании Spy-Ops, приведена в таблице. Более того, на территории КНР расположено значительное сообщество хакерских клубов: Honker Union, Красный союз хакеров (5-я по величине хакерская организация в мире).

Из анализа всей этой информации можно сделать вывод, что Китай имеет достаточные технологические способности для нападения на информационные сети любой страны в любое время. Эта угроза является реальной. В 2007 году министр юстиции Бельгии Джо Вандеурзен (Jo Vandeurzen) заявил, что нападения на сетевой ресурс Бельгийского Федерального правительства были произведены из Китая и, вероятно, были санкционированы официальным Пекином. В свою очередь, бельгийский министр иностранных дел Карел Гухт (Karel Gucht) заявил в выступлении перед парламентом страны, что его министерство является предметом кибершпионажа со стороны КНР.

Индия также предъявила претензии к Китаю, утверждая, что он в 2007-2010 годах осуществил ряд нападений на важные информационные системы страны и сети индийских информационных агентств. В ответ Индия создала собственные силы информационной безопасности, а в вооруженных силах – создано киберподразделение.

Это – только вершина айсберга. По оценке компании Spy-Ops, по состоянию на 2010 год около 140 стран мира работают над созданием кибероружия. В течение следующих пяти лет это количество существенно возрастет как для участвующих в процессе государств, так и отдельных террористических групп и организаций. Уже известны случаи использования киберпространства для решения своих задач террористической организацией «Хезболла» и иракскими повстанцами.

Таким образом, анализ показывает, что киберугрозы представляют опасность для государственных сетей управления, экономики и систем двойного назначения. Некоторые угрозы, такие как радио-

электронное и программно-аппаратное воздействие, непосредственно направлены на срыв функционирования АСУ. Более того, данные угрозы расширяют сферу приложения от ранее применявшегося воздействия на узлы системы управления войсками (силами) и связи между ними, малоэффективные в условиях ведения сетецентрических действий, на непосредственное воздействие на саму информацию. Это делает наличие киберугроз еще более опасным фактором в условиях перехода к планированию военных действий по сетецентричеким принципам. С другой стороны, нельзя не учитывать факторы киберугроз и при ведении обычных действий против высокотехнологичного противника.

На наш взгляд, наличие киберугроз обязательно должно учитываться при разработке и эксплуатации АСУ и компьютерных систем двойного назначения. Реализация части из них может быть обеспечена техническими или организационными мерами, не приводящими к изменению структуры ВС, например уточнением требований к системе управления ВС РФ. Часть может быть реализована созданием специальных сил по типу «киберкоманд» НАТО. Но только принятие немедленных мер позволит быть уверенными в надежности и эффективности автоматизированного управления войсками (силами) и оружием в ВС РФ на всех этапах их применения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Словарь оперативно-стратегических терминов. М.: МО, 2006. – 520 с.
2. Clarke, Richard A. Cyber War, HarperCollins (2010)
3. Cyber Sabotage // Defense Tech. February. 2008
4. A NATO Cyber Alliance // Defense Tech. September. 2010.
5. Professional Cyber Arms Dealers // Defense Tech. April. 2008.
6. More Cyber War Gouge // Defense Tech. January. 2008.
7. А.Солдатов. Хакерские атаки и выборы. Информационный ресурс –http://www.agentura.ru/projects/identification/attacks загл. с экрана.
8. How Secure is our Critical Infrastructure? // Defense Tech. October. 2008
9. А.Шляхтич. Боевое авиационное командование ВВС США // Зарубежное военное обозрение, №6, 2007.
10. China's Cyber Forces // Defense Tech. May. 2008
11. Chinese State Council, Information Office, China's National Defense in 2008 (New Star: Beijing, Jan.2008)

V.V. KOLODIAZHNY,
YU. E.KULESHOV,
N.P. SHEKHOVTSOV

В.В. КОЛОДЯЖНЫЙ,
Ю.Е. КУЛЕШОВ,
Н.П. ШЕХОВЦОВ

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ АВТОМАТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКАМИ: ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

METHODICAL APPROACH TO THE IMPROVEMENT OF AUTOMATION OF MILITARY FORCE CONTROL: INFORMATION ASPECT

В статье рассматривается взгляд авторов на проблему создания АСУВ в условиях информационного противоборства путем учета основных составляющих структуры и функций управления войсками.

The article deals with the authors' view on the problem of creation of automated military force control systems in the condition of information warfare by way of considering the main components of structure and functions of military force control.

Ключевые слова: управление, функция, АСУ войсками, информационное противоборство.

Key words: command and control, function, automated military force control system, information warfare.

Современный уровень развития военного искусства отличается усилением информационного противоборства. Совершенно очевидно, что сейчас доминирующим средством разрешения внешнеполитических конфликтов является ведение информационного противоборства с применением информационного оружия. Бурное развитие вычислительной техники в конце XX и начале XXI века, развитие военного дела, кибернетики открыло новые возможности для решения проблемы совершенствования управления войсками на основе внедрения средств автоматизации. В связи с тем, что информационные

и телекомуникационные системы стали неотъемлемым компонентом структуры управления войсками, повысилась ее функциональность, а возможность деструктивного воздействия на эти системы противником в условиях информационного противоборства увеличило ее уязвимость. Нарушение функционирования информационной системы, обеспечивающей постоянный обмен управленческими решениями и включающей множество устройств сбора и обработки информации, лишение достоверной и своевременной информации органов военного управления вызовет нарушения в циклах управления. С учетом высокой динамики информационных процессов, даже незначительное нарушение в циклах управления в условиях информационного конфликта может иметь тяжелые последствия для одной из его сторон и получение значительных преимуществ в принятии решений и упреждении действий противника другой. Именно завоевание и удержание информационного превосходства в настоящее время становится обязательным этапом и достигаемым условием начала и ведения современных военных действий. Проявляться информационное превосходство может в различных формах – от возможности и способности более качественно и быстро оценивать обстановку, принимать и доводить до подчиненных адекватные решения, до исключения (существенного затруднения) информационного обеспечения противника за счет проведения наступательных информационных операций.

Вместе с тем до настоящего времени теоретическая проработка вопросов автоматизации процесса управления войсками в условиях информационного конфликта является недостаточной. Единые взгляды на решение данной проблемы отсутствуют. Публикации в периодических и специальных изданиях, а также научные работы по проблемам автоматизации управления войсками не указывают путь комплексного решения данной проблемы. При этом в одних публикациях предлагается в качестве основного средства решения всех проблем автоматизации управления войсками использование только системы имитационного моделирования боевых действий, в других – систем искусственного интеллекта т.д. [1-7]. Сложность и многогранность работы органов управления в боевых условиях показывает, что только перечисленными средствами, применяемыми отдельно, проблему автоматизации управления войсками решить невозможно. Кроме того, в разработке современных комплексов средств автоматизации (КСА) наблюдается однобокий подход, сущность которого заключается в отсутствии системности и стремлении разработчиков автоматизировать частные функции управления. Это приводит к тому, что, создаваемые на основе разработанных КСА АСУВ не обеспечивают решение проблемы автоматизации процесса управления войсками. Именно поэтому штабы объединений, соединений и частей как органы военного управления и основная составная часть системы управления всех родов войск и видов Вооруженных Сил, продолжают работать ручным способом. Причем технология работы органов военного управления в XXI веке по своей сути не отличается от той, которой работали наши предки еще в первой половине прошлого века.

Такое положение дел обусловлено в первую очередь тем, что разработка КСА осуществляется без доминирующего участия специалистов в области военного управления, а также отсутствием системной научно-исследовательской работы, результатом которой явились бы тактико-технические задания на разработку АСУВ в целом и КСА в частности.

На наш взгляд, одной из методологических ошибок, часто допускаемых при рассмотрении системы

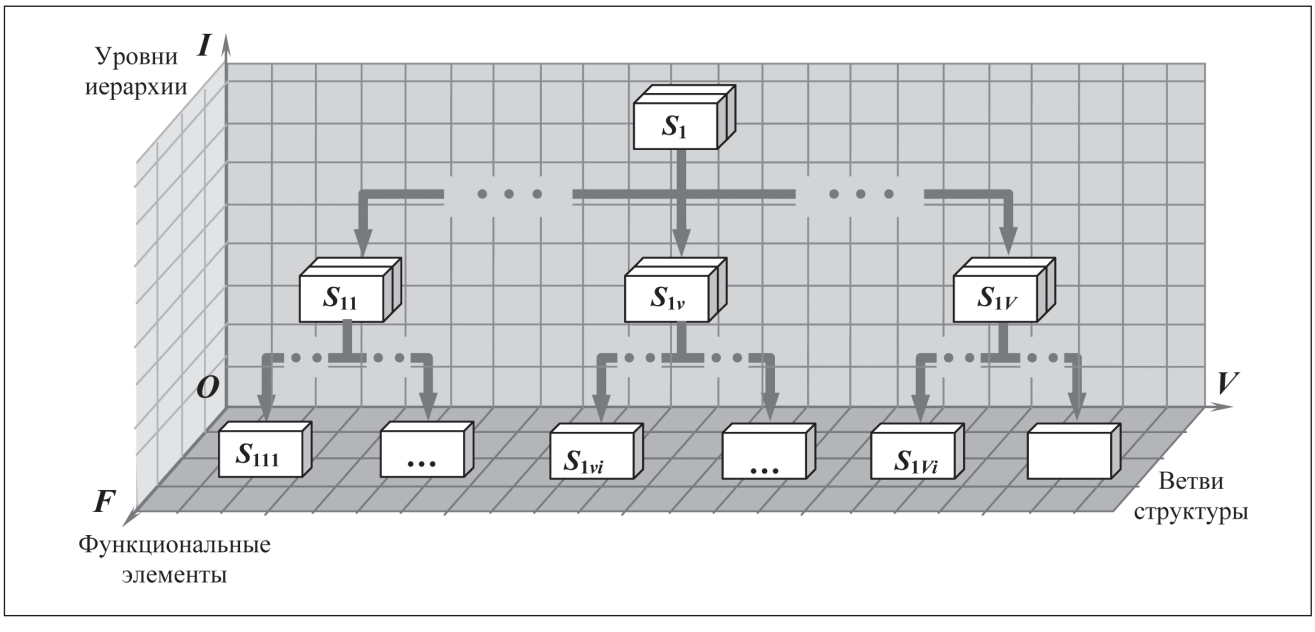

Рис. 1. Трехмерная структура системы управления войсками

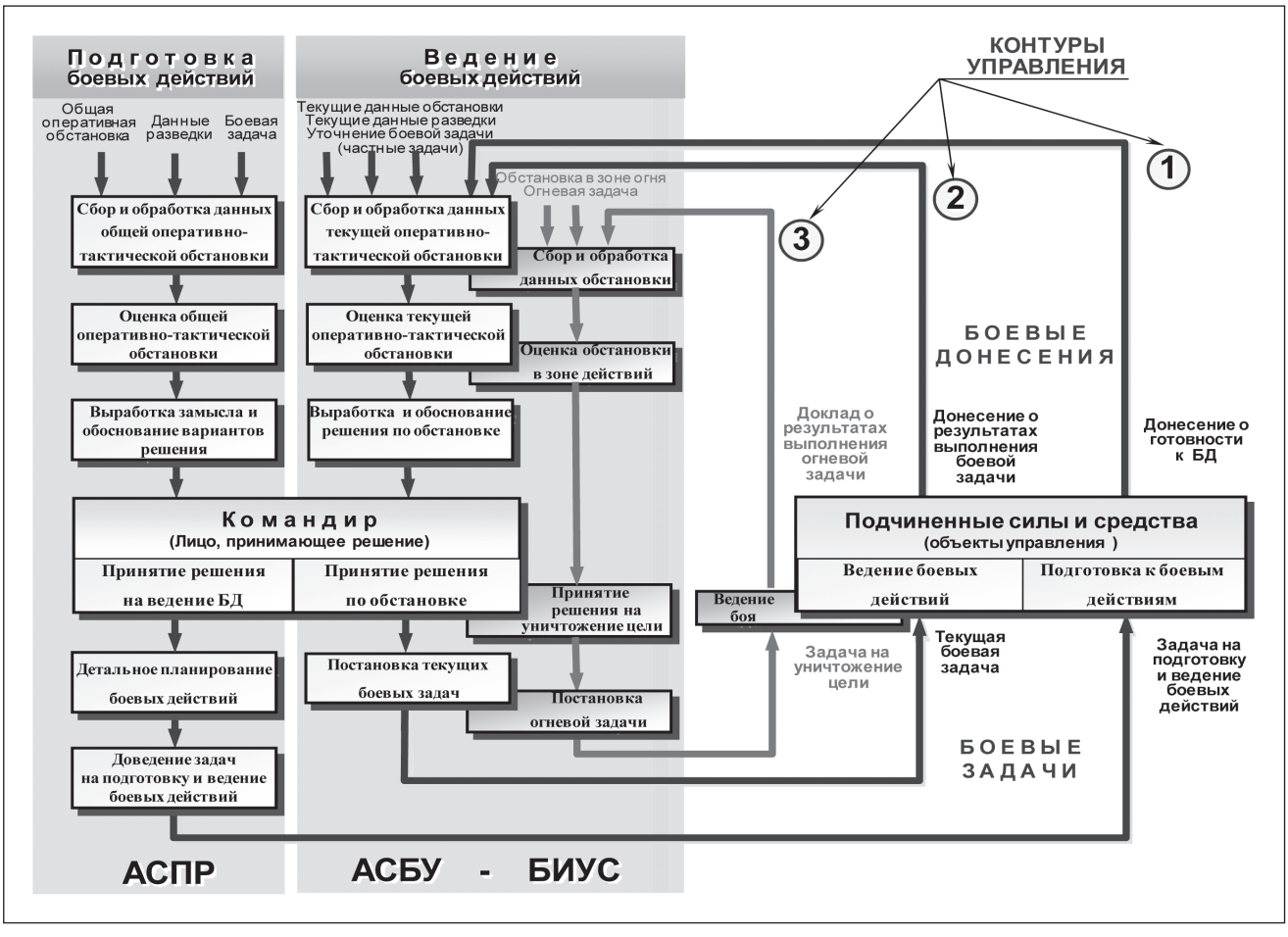

Рис. 2. Контуры управления в АСУВ тактического уровня

управления войсками, является двухмерное ее представление. При этом на плоскости, как правило, рассматривается иерархическая структура системы, ее элементы и связи между ними. При этом важные функции, выполняемые элементами системы управления, не рассматриваются или делается это в упрощенном виде.

Авторами статьи с учетом приобретенного опыта работы в данной области предлагается подход к представлению структуры системы управления войсками, который может оказать помощь в вопросах разработки АСУВ.

Сущность данного подхода заключается в трехмерном представлении системы управления войсками в отличие от традиционного двухмерного. Трехмерная модель АСУВ, кроме иерархической структуры, представляемой на плоскости *IOV*, учитывает еще и технические средства (функциональные элементы, расположенные на оси *F* (рис.1) и обеспечивающие реализацию основных функций управления.

Функции управления целесообразно рассматривать с учетом двух основных состояний войск – подготовки к боевым действиям и ведения боевых действий. С учетом этого, в системе управления войсками на каждом ее уровне в соответствии с назначением и характером задач, решаемых войсковыми формированиями, следует рассматривать 2-3 контура управления, которые в обобщенном виде представлены на рис. 2 [8].

Данные контуры управления имеют общие элементы (например, объект управления, лицо, принимающее решение), но значительно отличаются друг от друга, так как функционально решают разные задачи, и поэтому их следует рассматривать раздельно.

Первый контур управления функционирует на этапе подготовки боевых действий. В нем осуществляется сбор и обработка данных общей оперативно-тактической обстановки, поступающей от вышестоящего командного пункта, своих средств разведки и других источников информации. После получения боевой задачи производится оценка оперативно-тактической обстановки, выработка замысла и обоснованных вариантов решения. После принятия командиром (лицом, принимающим решение) решения на ведение боевых действий осуществляется детальное их планирование и доведение боевых задач подчиненным.

Особенностями функционирования данного контура управления являются:

приоритетность оперативно-тактической информации, поступающей от старшего начальника. При

этом в боевых распоряжениях, кроме боевой задачи, содержатся основные сведения о противнике и взаимодействующих силах и средствах, необходимые для оценки обстановки и выработки решения;

реализация функции оценки обстановки заключается в комплексной оценке угроз со стороны противника с учетом условий обстановки, боевых возможностей подчиненных сил и средств, а также возможностей обеспечения боевых действий.

На основании оценки обстановки осуществляется выработка замысла и 2–3 вариантов решения. Для обеспечения детальной оценки обстановки и выработки обоснованных вариантов решения выполняются оперативно-тактические расчеты, результаты которых позволяют количественно оценить масштаб возможных действий противника, ожидаемые результаты боевых действий и их прогнозируемые последствия;

реализация принятого решения заключается в детальном планировании боевых действий сил и средств, организации их взаимодействия, управления и всестороннего обеспечения. Кроме того, осуществляется доведение боевых задач до подчиненных сил и средств, а также осуществляется контроль их выполнения. Практическая реализация данных функций осуществляется путем определения порядка и способов выполнения боевых задач войсками в соответствии с принятым решением и своевременного их доведения соединениям и частям. Для этого проводятся расчеты пространственно-временных параметров предстоящих действий войск и их всестороннего обеспечения. Для доведения боевых задач разрабатываются боевые распоряжения, которые передаются в подчиненные войска по техническим каналам связи.

При этом наиболее сложными и ответственными в первом контуре управления являются процессы оценки обстановки и выработки обоснованных вариантов решения, поскольку ошибки, допущенные в принятии решения, могут привести к невыполнению боевой задачи. Количественное обоснование оценки обстановки, выработки решения и планирование боевых действий обеспечиваются проведением комплекса оперативно-тактических расчетов. Поэтому эффективность работы данного контура управления во многом зависит от оперативности и качества решения задач вторичной обработки информации [9], выработки обоснованного решения и своевременного доведения боевых задач подчиненным. Время реакции первого контура управления (время от момента получения боевого распоряжения до постановки боевой задачи подчиненным) в зависимости от уровня управления составляет от единиц до десятков часов.

Второй контур управления является параллельной ветвью первого контура управления и функционирует на этапе ведения боевых действий. В нем осуществляется сбор, обработка и оценка текущих данных, оперативно-тактической обстановки, данных поступающих от своих средств разведки, а также подчиненных и взаимодействующих сил. Непрерывно оценивается текущая обстановка в зоне боевых действий. Принятие решений по обстановке (уточнение ранее принятых решений) и постановка огневых задач осуществляется командиром лично по мере развития обстановки. Данный процесс характеризуется цикличностью и имеет свои особенности. При этом главной особенностью является необходимость обеспечения ситуационной осведомленности лица, принимающего решение при повышении важности данных об обстановке, поступающих от подчиненных и взаимодействующих сил и средств, а также объективного контроля и документирования отданных распоряжений и выполненных действий. Время реакции второго контура управления в зависимости от уровня управления, типа формирования и решаемых им задач составляет от нескольких минут до нескольких часов.

Третий контур управления присутствует в элементах системы управления, замыкающихся на активные средства ведения вооруженной борьбы. Иногда их называют системами управления оружием.

В данном контуре осуществляется сбор и отображение данных обстановки в зоне досягаемости огневых средств, производится оценка обстановки (количество, положение и степень опасности объектов поражения), принимается решение на уничтожение конкретных целей и ставятся огневые задачи. Время реакции третьего контура управления в зависимости от рода войск, типа вооружения и решаемых задач, как правило, составляет от нескольких секунд до нескольких минут.

Необходимо отметить, что состав контуров управления, должностные лица, технические средства и параметры их работы зависят от уровня управления, рода войск, типа войскового формирования, его организационной структуры и вооружения. Соотношение объема работ и значимости каждого из контуров управления также не одинаково и представлено на рис. 3.

Из рисунка видно, что на оперативном уровне управления в основном преобладают процессы, протекающие в первом и втором контуре управления.

На тактическом уровне распределение и значимость работ в контурах управления формирований различного уровня не одинакова. На уровне штабов соединений преобладают процессы, протекающие в первом и втором контуре управления, на уровне подразделений – во втором и третьем.

Анализ основных функций, выполняемых системой управления, показывает, что в ней, в основном, преобладают информационные процессы, заключающиеся в добывании (сборе), обработке и передаче оперативно-тактической информации. Поэтому эффективность работы системы управления во многом зависит от оперативности и качества обработки информации, выработки обоснованного решения и своевременного доведения боевых задач подчиненным. Решение этих задач в автоматизированном режиме и должны обеспечивать комплексы средств автоматизации как элементы единой автоматизированной системы управления войсками. При этом должны учитываться особенности, присущие каждо-

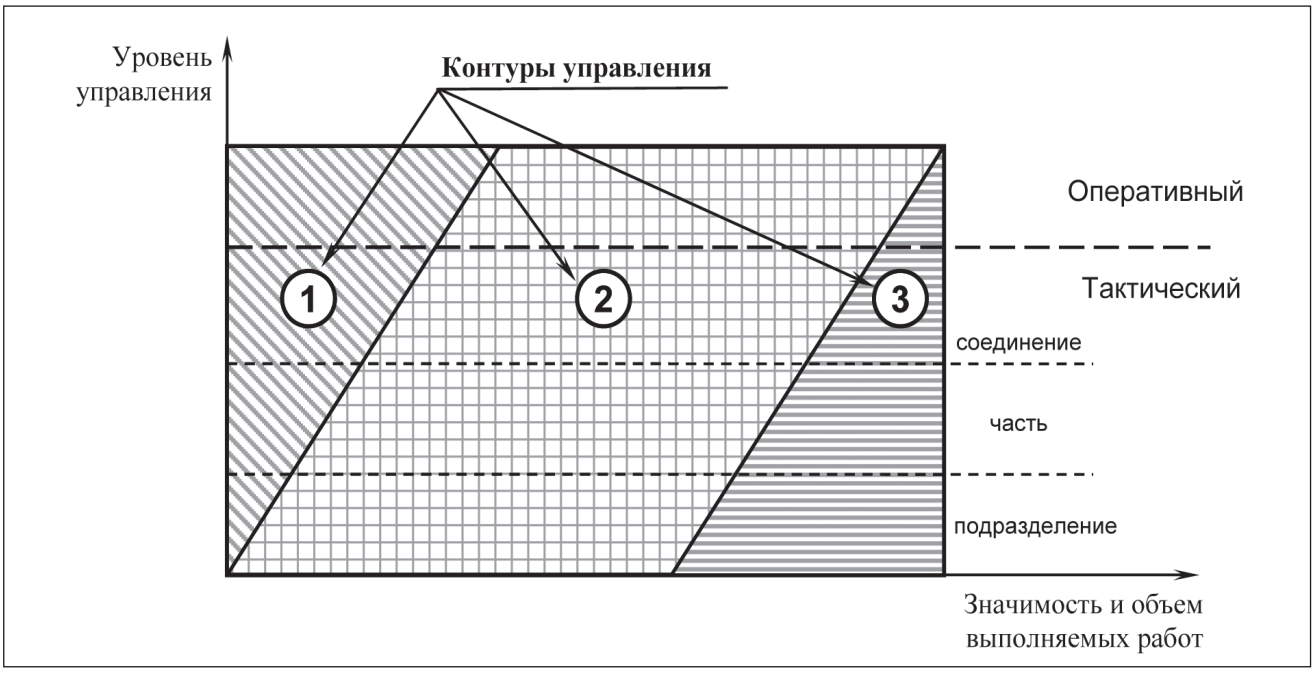

Рис. 3. Соотношение объема работ и значимости контуров управления в зависимости от уровней управления

му типовому органу (объекту) управления на каждом этапе процесса управления.

Исходя из этого, представляется целесообразным в составе каждого органа управления иметь аппаратно-программные средства КСА, обеспечивающие реализацию двух основных режимов работы:

поддержки принимаемых решений и планирования боевых действий;

боевого управления,

которые в программном обеспечении следует различать как две взаимодействующие автоматизированные системы.

Автоматизированная система поддержки принятия решений (АСППР) предназначена для автоматизации коллективной работы должностных лиц органа управления на этапе подготовки боевых действий и обеспечивает решение следующих основных задач:

сбор и первичная обработка оперативно-тактической информации;

отображение на цифровой карте района боевых действий элементов складывающейся оперативно-тактической обстановки и планируемых действий войск;

проведение комплекса оперативно-тактических расчетов, обеспечивающих выработку замысла, принятие обоснованных решений, планирование боевых действий частей (подразделений) и доведение боевых задач.

Автоматизированная система боевого управления (АСБУ) предназначена для решения задач управления в ходе боевых действий войск и обеспечивает:

непрерывный (в реальном масштабе времени) сбор и отображение на цифровой карте района боевых действий текущей оперативно-тактической обстановки;

непрерывный сбор в автоматическом режиме и отображение данных о текущем положении и состоянии подчиненных сил и средств;

доведение (уточнение) боевых задач подчиненным в соответствии с решениями, принимаемыми по обстановке в ходе боевых действий;

сбор и отображение данных о текущих результатах боевых действий подчиненных сил и средств;

обработка и передача на КСА ВКП обобщенных данных о положении, состоянии и результатах действий соединения.

Для обеспечения функционирования АСБУ управляемые объекты должны быть оснащены техническими средствами, обеспечивающими:

получение с пункта управления подразделения и отображение данных обстановки и боевых задач;

осуществление боевых и навигационных расчетов;

формирование, отображение и передачу на ПУ в автоматическом режиме данных о положении и состоянии управляемого объекта;

автоматическая (автоматизированная) диагностика работы основных систем объекта, выдача сигналов тревоги об аварийных режимах и рекомендаций по их устранению.

Совокупность технических средств, обеспечивающих автоматизированное решение перечисленных задач, представляет собой боевую информационную управляющую систему (БИУС) управляемого объекта.

Таким образом, каждый элемент системы управления (орган управления, управляемый объект) в зависимости от уровня иерархии и рода войск должен иметь набор аппаратно-программных средств, обеспечивающих выполнение всех его функций в

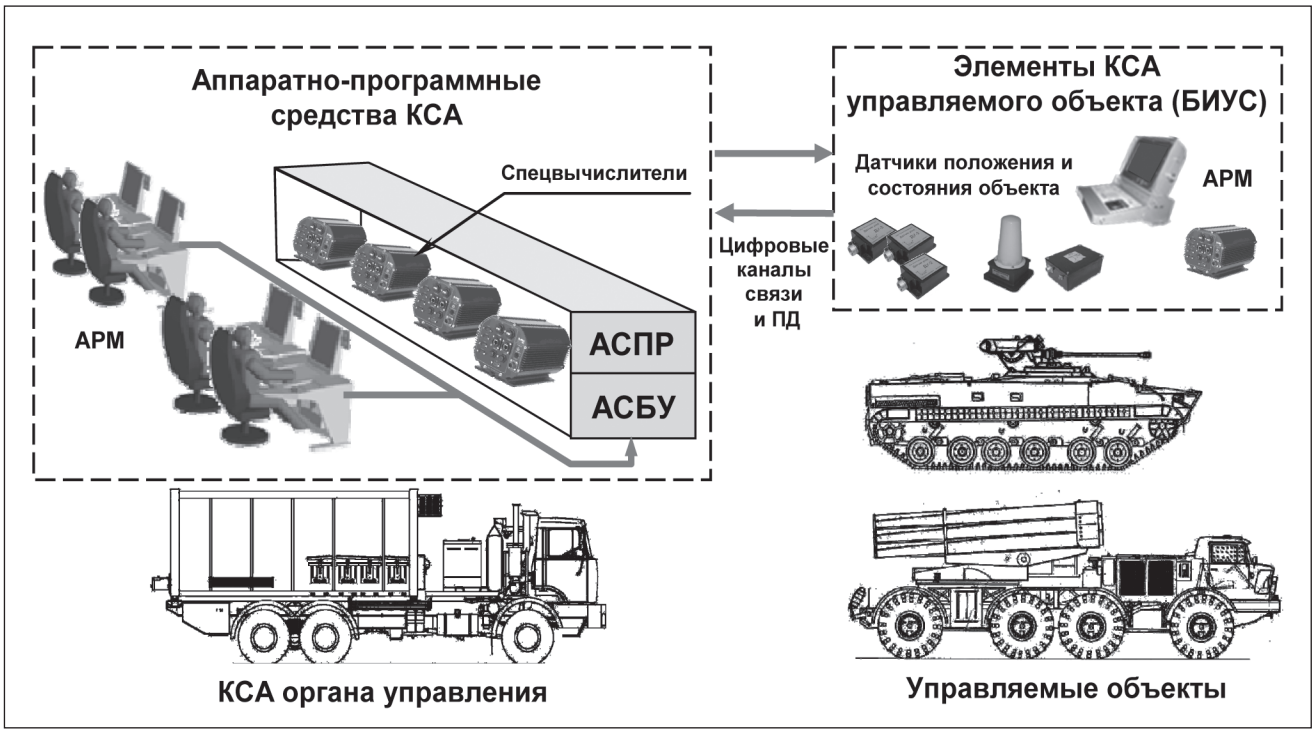

Рис. 4. Структура типовых функциональных средств КСА

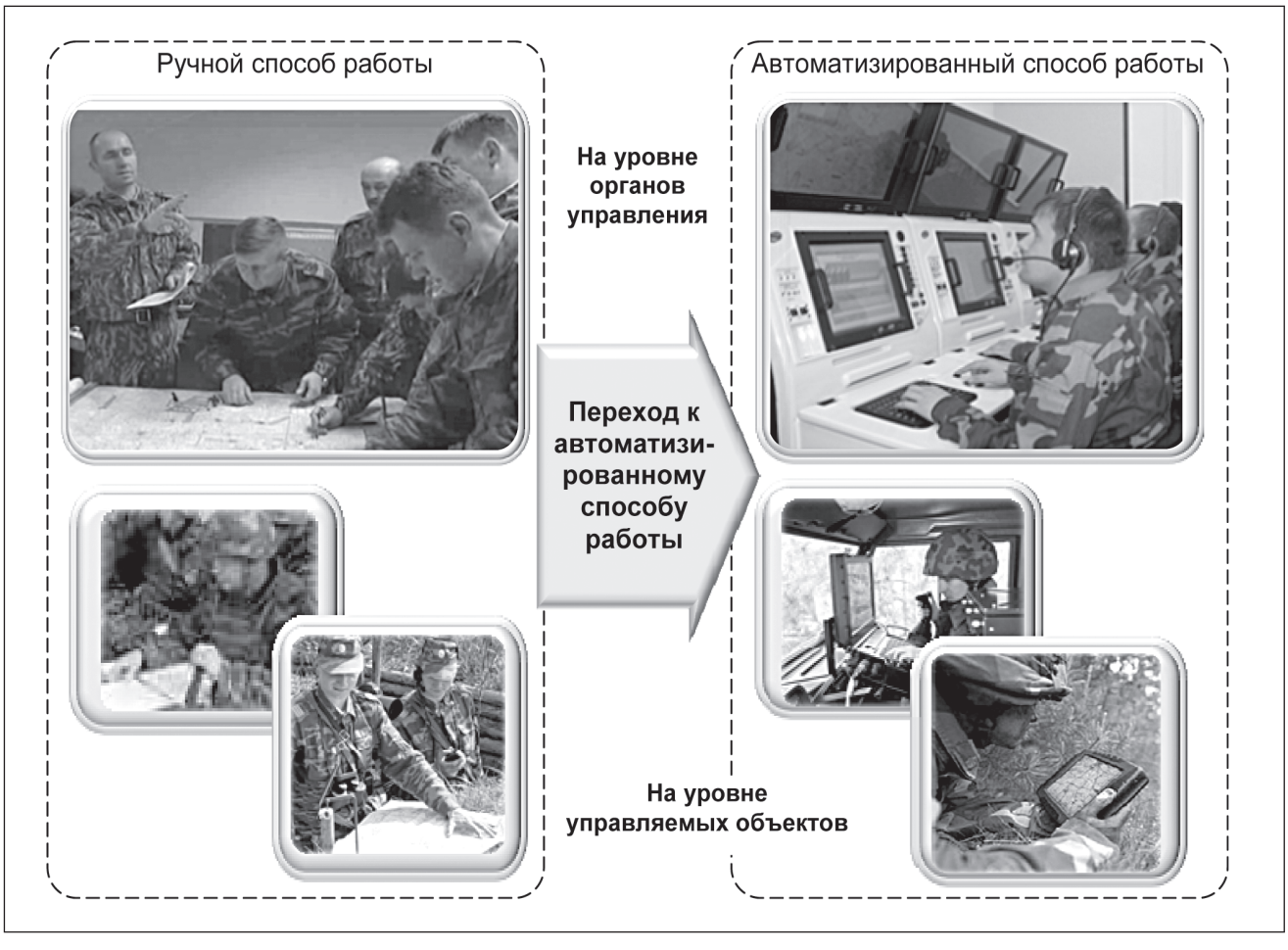

Рис. 5. Переход к автоматизированному способу работы

автоматизированном режиме работы. Структура типовых функциональных средств КСА представлена на рис. 4.

Необходимо отметить, что переход к автоматизированному способу управления невозможен без цифровых каналов связи, пронизывающих всю систему управления от командования до самого низового звена. Авторами статьи не рассматриваются вопросы организации связи, передачи данных между элементами системы управления, а также безопасность информации. Данные вопросы представляются не менее важными при разработке АСУВ и должны решаться соответствующими специалистами.

Таким образом, комплексное решение обозначенных проблем позволит не на словах, а на деле обеспечить переход к автоматизированному способу работы органов военного управления (рис.5) и превратить информацию и время в реальные факторы, оказывающие существенное воздействие на ход и исход боевых действий.

В заключение необходимо отметить, что создание автоматизированных систем управления войсками – это технологический прорыв в будущее, и альтернативы этому уже нет. В условиях жесточайшего информационного противоборства штабной офицер с карандашом и калькой для переноса обстановки с одной карты на другую становится архаизмом, как связист с наушниками и тяжелой радиостанцией за плечами.

Вместе тем для того, чтобы избежать ошибок в выборе средств, из ряда разрабатываемых, демонстрируемых на выставках вооружений и предлагаемых к использованию [10], необходимо убедиться, что рассматриваемый КСА (объект, подсистема) АСУВ действительно обеспечивает реализацию основных функций управления и способствует повышению качества работы органов управления и обеспечивает сокращение цикла боевого управления. Ибо запуск в производство и принятие на вооружение «дорогих электронных игрушек», применение которых в боевых условиях не будет напрямую способствовать главному критерию – повышению эффективности управления войсками, разорительно для страны в мирное время и губительно для армии в военное.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Иванов А.А. Информатизация Вооруженных Сил: проблемы и пути их решения. //Военная мысль. – М., 2000. – №2. – С.29.
2. Лактионов В.И., Лакаев А.С. Интеллектуальные технологии в информационно-аналитической деятельности органов военного управления: проблемы внедрения //Военная мысль. – М., 2002. – №6. – С.60–64.
3. Балашов О.В. Об актуальных проблемах автоматизации управления войсками. //Военная мысль. – М., 2005. – №3. – С.28–32.
4. Ночевкин В.Н. Проблемы создания штабных информационных технологий принятия решения на операцию // Военная мысль. – М., 1999. – №2. – С.30-33.
5. Соболевский В.А., Сухорутченко В.В. Этапы создания методических и программных средств решения задач планирования применения Вооруженных Сил. //Военная мысль. – М., 2004. – №7. – С.28-37.
6. Булойчик В.М., Герцев А.В. Направления развития математического обеспечения автоматизированных систем управления военного назначения //Вестник Военной академии Республики Беларусь. – Минск, 2003. – №1. – С.9-14.
7. Козичев В.Н. Интеллектуальные информационные системы: назначение и принципы создания. //Военная мысль. – М., 2004. – №7. – С.22-25.
8. Колодяжный В.В. Проблема выработки обоснованных решений при организации боевых действий формирований войсковой ПВО и ее решение на основе использования средств автоматизации. Дис. на соискание ученой степени доктора военных наук. – Смоленск, ВА войсковой ПВО, 2006. – 296 с.
9. Колодяжный В.В., Посудевский А.А. Обработка оперативно-тактической информации в автоматизированных системах управления войсками: методологический аспект // Наука и военная безопасность. – Минск, 2010. – №2. – С.7-12.
10. Кандауров Д. АСУВ в Алабино: желаемое и действительное. //Независимое военное обозрение. Электронный ресурс: http://nvo.ng.ru/armament/2010-11-19/1_asuv.html.
11. В. В. Колодяжный, Ю. Е. Кулешов, Н. П. Шеховцов. Методический подход к оценке эффективности информационного противоборства в ВВС и войсках ПВО / // Вестник Академии военных наук. – 2012. – № 2 (39). – С. 129–133.
12. Кулешов, Ю. Е. Информационное оружие: теория и практика применения в информационном противоборстве / Ю. Е. Кулешов, Н. П. Шеховцов // Вестник Академии военных наук. – 2012. – № 1 (38). – С. 35–40.
13. Кулешов, Ю. Е. Анализ взглядов на теорию информационного противоборства и необходимость ее развития / Ю. Е. Кулешов. // Вестник Военной академии Республики Беларусь. – 2012. – № 1 (34). – С. 10–20.
14. Кулешов, Ю. Е. Воздействуя на умы солдат и систему управления. Методологические аспекты информационного противоборства / Ю. Е. Кулешов. // ВПК Беларусь. – 2012. – № 2. – С. 71–82.
15. Антонович, П.И. Изменение взглядов на информационное противоборство на современном этапе / П.И. Антонович // Вестн. Акад. воен. наук.– 2011.– № 1 (34).– С.43 – 47.

V.V. KONDRATYEV,
A.A. POLIUTOV

В.В. КОНДРАТЬЕВ,
А.А. ПОЛЮТОВ

О НЕКОТОРЫХ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ОСНАЩЕНИЯ ОБЩЕВОЙСКОВЫХ ТАКТИЧЕСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ СРЕДСТВАМИ И СИСТЕМАМИ АВТОМАТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ

ON CERTAIN MILITARY-ECONOMIC AND OPERATIONAL-TACTICAL ASPECTS OF EQUIPMENT OF COMBINED ARMS TACTICAL FORMATIONS WITH THE MEANS AND SYSTEMS OF AUTOMATION OF CONTROL

В статье анализируются некоторые важные военно-экономические и оперативно-тактические аспекты оснащения общевойсковых тактических формирований вооружением, военной техникой и современными средствами управления, предлагаются упрощенные методики для исследования их взаимосвязей и взаимовлияния. В статье излагаются предложения по рациональным вариантам распределения денежных средств на оснащение общевойсковых формирований вооружением, военной техникой и средствами управления (на примере автоматизированных систем управления) с условием достижения заданного уровня боевого потенциала группировки общевойсковых формирований.

The articles analyzes certain important military-economic and operational-tactical aspects of equipment of combined arms tactical formations with armament, military hardware and modern means of control, simplified techniques for research of their interconnection and mutual influence are proposed. The materials of the article contains proposals for rational variants of distribution of money funds for equipment of combined arms formations with armament, military hardware and means of control (using the example of automated controls systems) with the condition of achievement of required level of combat potential of the grouping of combined arms formations.

Ключевые слова: общевойсковые формирования; оснащение общевойсковых тактических формирований вооружением, военной техникой и современными средствами управления; автоматизированные системы управления; стоимостные показатели оснащения вооружением, военной техникой и средствами автоматизации; боевые эквиваленты автоматизированных систем управления; боевой потенциал группировки общевойсковых тактических формирований; рациональное распределение денежных средств на оснащение общевойсковых тактических формирований.

Key words: combined-arms formations; equipment of combined arms tactical formations with armament, military hardware and modern means of control; automated controls systems; cost indicators of equipment with armament, military hardware and automation means; combat equivalents of automated control systems; combat potential of grouping of combined arms tactical formations; rational distribution of money funds for equipment of combined arms formations.

Характерной особенностью современного этапа модернизации систем управления общевойсковыми тактическими формированиями (ОТФ) является намечающийся перенос «центра тяжести» с теоретических аспектов создания новых (и в первую очередь, автоматизированных) систем управления (АСУ) на практические вопросы оснащения ОТФ новыми средствами управления, например, АСУ тактического звена (ТЗ).

Одной из возникающих при этом актуальных проблем в современных условиях может стать определение рационального варианта распределения выделяемых на создание группировок ОТФ денежных средств между средствами управления и вооружением и военной техникой (ВВТ). Основной причиной возможного появления такой проблемы служит тот факт, что в соответствии с имеющимся отечественным и зарубежным опытом стоимость $С_В$ оснащения одного ОТФ комплектом ВВТ значительно превышает стоимость $С_А$ оснащения этого ОТФ современными средствами АСУ.

В то же время достаточно велик у средств АСУ ОТФ их боевой эквивалент $Э_А$, показывающий, какому условно-дополнительному количеству таких ОТФ эквивалентно по боевой эффективности (влиянию на ход и исход боевых действий) оснащение ОТФ средствами АСУ (т.е. насколько возрастет интегральный показатель боевой эффективности ОТФ при использовании данного комплекта средств АСУ). Даже приближенная оценка боевой эффективности АСУ ОТФ показывает, что, например, для ОТФ типа «дивизия» (по прежней организационно-штатной структуре) в зависимости от характера боевой задачи $Э_А$ может составлять 0,8 – 0,9 и более (т.е. оснащение АСУ было бы эквивалентно появлению еще одного такого же соединения, укомплектованного не менее чем на 80 – 90%. Для ОТФ типа «бригада» этот показатель может приближаться к 0,6 – 0,7, что может рассматриваться как увеличение боевого потенциала бригады на 60 – 70%, для батальона $Э_А$ может находиться в диапазоне 0,3 – 0,45. Вообще говоря, в качестве $Э_А$ может использоваться

не только эквивалентное количество ОТФ, но также и эквивалентное АСУ (по степени влияния на ход и исход боя) количество артиллерийских подразделений (например, дивизионов), самолетовылетов авиации и др.

Поэтому с точки зрения поиска путей рационального решения названной выше проблемы представляет интерес анализ возникающих при этом военно-экономических и оперативно-тактических аспектов создания новых ОТФ или их группировок. Методология такого анализа может быть проиллюстрирована на следующем несколько упрощенном, но, тем не менее, наглядном примере.

Пусть на основе анализа ожидаемого характера и масштабов военных угроз на каком-либо направлении для отражения агрессии планируется формирование группировки войск в составе N ОТФ, оснащаемых ВВТ (величина N может быть определена, например, по результатам расчета соотношения сил и средств с использованием боевых потенциалов, оценки реальных боевых возможностей сторон, моделирования боевых действий и т. д.). При этом на создание группировки ОТФ запланировано выделение определенной суммы ассигнований.

Если принять в качестве единицы измерения боевого потенциала боевой потенциал одного ОТФ, то общий боевой потенциал группировки ОТФ был бы равен N.

Суть рассматриваемого в данной статье предложения по рациональному варианту использования выделенной суммы денежных средств заключается в том, что из намеченного количества ОТФ в группировке целесообразно оснащать ВВТ не все N формирований, а только определенную их часть, а сэкономленные на этом денежные средства израсходовать на оснащение какой-то части фактически (реально) созданных (и оснащенных ВВТ) ОТФ средствами АСУ, что с учетом достаточно высоких значений $Э_А$ средств АСУ позволит повысить общий боевой потенциал группировки ОТФ, несмотря на то, что реально группировка будет насчитывать количество ОТФ меньшее, чем N.

Обозначим через **а** относительное количество (долю) неформируемых (не оснащаемых ВВТ) ОТФ из первоначально намеченного их количества N. Тогда боевой потенциал группировки, равный Б, будет складываться из боевых потенциалов реально формируемых ОТФ, число которых будет равно N(1–а), и приращения ΔБ боевых потенциалов той части оснащенных ВВТ ОТФ, которые еще будут оснащаться и средствами АСУ. Поскольку при этом количество оснащаемых средствами АСУ формирований будет равно $N_А = a \cdot N \cdot C_В/C_А$, то $\Delta Б = Э_А N_А = Э_А \cdot a \cdot N \cdot C_В/C_А$.

Таким образом,

$$Б = N(1–a) + Э_А \cdot a \cdot N \cdot C_В/C_А = N [1+a (Э_А \cdot C_В/C_А–1)]. \quad (1)$$

Очевидно, что при а = 0 Б = N, а при $Э_А \cdot C_В/C_А \leqslant 1$ $Б \leqslant N$.

При использовании выражения (1) и полученных на его основе других формул необходимо иметь ввиду, что повышая **а** – долю неформируемых (несоздаваемых) ОТФ и увеличивая тем самым сумму сэкономленных денежных средств, равную $a \cdot N \cdot C_В$ и предназначающуюся для оснащения средствами АСУ части из оставшихся, то есть реально формируемых ОТФ количеством N(1–а), нельзя оснастить средствами АСУ количество ОТФ, большее, чем N(1–а), то есть существует условие:

$$a \cdot N \cdot C_В/C_А \leqslant N(1–a). \quad (2)$$

Из этого соотношения следует, что $a \cdot C_В/C_А \leqslant 1–a$, откуда можно найти предельно допустимый предел значения $a = a_Д$, при превышении которого нарастание боевого потенциала Б уже не произойдет:

$$a_Д = C_А/(C_А + C_В) = 1/(1+C_В/C_А). \quad (3)$$

Очевидно, при $a = a_Д$ происходит своеобразное насыщение процесса возрастания потенциала Б. При $a = a_Д$ значение Б, оцениваемое по формуле (1), примет наибольшее значение, равное:

$$Б_m = N[1+(Э_А C_В–C_А)/(C_А+C_В)] = N C_В(1+Э_А)/(C_А+C_В) = N [(1+Э_А) C_В/C_А]/(1+C_В/C_А). \quad (4)$$

При а $\varphi a_Д$ величина Б по сравнению с $Б_m$ будет снижаться, поскольку потенциал группировки падает из-за продолжающегося уменьшения количества ОТФ, реально оснащаемых ВВТ, в то время как все они уже оснащены средствами АСУ и дальнейшего возрастания Б за счет высвобождения денежных средств с ВВТ на средства АСУ не происходит. Для этой области значений **а**, т.е. для а φ $C_А/(C_А+C_В)$ значение потенциала группировки должно определяться уже по другой зависимости:

$$Б = N(1–a) + N(1–a)Э_А = N(1–a)(1+Э_А). \quad (5)$$

Тем не менее, при дальнейшем увеличении значений **а** потенциал группировки Б, несмотря на его падение, еще некоторое время может превышать N и сравняется с N при:

$$a_р = 1–1/(1+Э_А) = Э_А/(1+Э_А). \quad (6)$$

Таким образом, для количественного прогноза возможных значений боевого потенциала создаваемой группировки ОТФ при реализации изложенного выше предложения о перераспределении части выделенных денежных средств с оснащения некоторой части ОТФ на оснащение «оставшейся» их части (с ВВТ) средствами АСУ можно использовать следующие зависимости (для области, где $Б \geqslant N$ и $Э_А \cdot C_В/C_А \varphi 1$):

$$N [1+a (Э_А \cdot C_В/C_А–1)], \text{ при } a \rho 1/(C_В/C_А+1); \quad (7)$$
$$Б = N [(1+Э_А) C_В/C_А]/(1+C_В/C_А);$$
$$\text{при } a = 1/(C_В/C_А+1); \quad (7)\ N(1–a)(1+Э_А);$$
$$\text{при } Э_А/(1+Э_А) \geqslant a \varphi 1/(C_В/C_А+1).$$

В ограничениях для последнего из 3-х выражений зависимостей (7) учтена практическая нецелесообразность применения значений **а**, превышающих величину $\mathbf{a_р}$, определяемую по формуле (6).

Из зависимостей (7) можно получить, что количество «автоматизируемых» ОТФ (оснащаемых средствами АСУ) может составлять:

$$N_A = a \cdot N \cdot C_B / C_A, \text{ при } a \leqslant C_A / (C_A + C_B); \quad (8)$$
$$N_A = N\,(1-a), \text{ при } a \varphi C_A / (C_A + C_B).$$

Вместо формул (7), позволяющих определить абсолютную величину боевого потенциала группировки, измеряемого количеством ОТФ, в ряде случаев целесообразно использовать формулы для измерения величины потенциала в относительном выражении: $Б_О = Б / N$, которое показывает, во сколько раз возрастает боевой потенциал группировки относительно величины N:

$$1 + a\,(Э_A \cdot C_B / C_A - 1), \text{ при } a\ \rho\ 1 / (C_B / C_A + 1);$$
$$Б_О = [(1 + Э_A)\, C_B / C_A] / (1 + C_B / C_A),$$
$$\text{при } a = 1/(C_B / C_A + 1); \quad (9)$$
$$(1-a)\,(1+Э_A), \text{ при } Э_A/(1+Э_A) \geqslant a\ \varphi 1 / (C_B / C_A + 1).$$

Таким образом, как зависимость Б, так и зависимость $Б_О$ от **а** графически как бы состоит из двух ветвей: «восходящей», описываемой первой формулой из зависимости (9), и «нисходящей», описываемой третьей формулой этой зависимости. Максимум $Б_О$ определяется по второй формуле зависимости (9).

При практическом использовании зависимостей (7) и (9) при подготовке исходных данных необходимо учитывать, что значения $N \cdot a \cdot Э_A$ и $N\,(1-a)$ должны быть целочисленными, так как они имеют смысл количества ОТФ.

Для иллюстрации сущности и возможностей изложенного выше предложения рассмотрим некоторый условный пример с отвлеченными исходными данными.

Пусть исходные данные имеют следующие значения:

$$C_B / C_A = 1{,}5;\ 2{,}1;\ 2{,}7,\ Э_A = 0{,}5;\ 0{,}9;\ 1{,}3.$$

Результаты расчетов по формулам (9) приращения боевого потенциала для значений **а** приведены в таблице 1.

При анализе данных таблицы 1 следует иметь в виду, что результаты расчетов в I-й строке не имеют практического смысла, так как в данном случае $Э_A \cdot C_B / C_A \rho 1$, поскольку 0,5 х 1.5 = 0,75.

Результаты расчетов в позициях, обозначенных в таблице знаком « – », также не имеют смысла, так как в данных комбинациях исходных данных приращения боевого потенциала не происходит.

Данные таблицы 1 при необходимости могут быть представлены и в графическом виде.

По результатам расчетов можно еще раз убедиться, что существует некоторое оптимальное значение величины **а**, равное $а_Д$ и рассчитываемое по формуле (3), не зависящее от боевого эквивалента АСУ и определяемое только стоимостными показателями ВВТ и АСУ. Для этого значения $а = а_Д$ величина $Б_О$ будет максимальной и равной величине $Б_m$, рассчитываемой по зависимости (4).

Можно показать, что если, например, по конкретным условиям обстановки или по другим причинам требуемый относительный боевой потенциал группировки ОТФ при $Э_A = 1{,}3$ и $C_B / C_A = 2{,}7$ достаточно иметь равным $Б_О = 1{,}3$ (хотя его максимальное значение больше и составляет 1,68), то можно определить, что это значение может быть достигнуто как при а = 0,12 (по «восходящей» ветви), так и при а = 0,44 (по «нисходящей» ветви).

Графическая интерпретация примера приведена на рис. 1.

В частности, если, например, N = 10, то значение $Б_О = 1{,}3$ может быть достигнуто при сокращении количества формируемых (оснащаемых ВВТ) ОТФ как на 0,12 х 10 = 1,2 (то есть на 1 – 2 ОТФ), так и на 0,44 х 10 = 4,4 (то есть на 4 – 5 ОТФ). Целесообразно отметить, что для достижения оптимального значения $Б_О$, равного 1,68, нужно иметь а = 0,27, то есть сократить 2 – 3 ОТФ. При принятии решений с целью обеспечения гарантированного результата, видимо, целесообразно ориентироваться на большее из полученных значений количества ОТФ, то есть на 2 и 5 ОТФ соответственно.

Таблица 1

Величины относительного приращения боевого потенциала

№ п/п	СВ/СА	ЭА	Величины БО для значений а:								
			0,1	0,2	0,3	0,4	0,5	0,6	аР	аД	Бm
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	1,5	0,5	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2		0,9	1,03	1,07	1,1	1,14	-	-	0,47	0,4	1,14
3		1,3	1.09	1,19	1,28	1,38	1,15	-	0,57	0,4	1,38
4	2,1	0,5	1,005	1,01	1,015	-	-	-	0,33	0,32	1,02
5		0,9	1,09	1,18	1,27	1,14	-	-	0,47	0,32	1,29
6		1,3	1,17	1,35	1,52	1,38	1,15	-	0,57	0,32	1,56
7	2,7	0,5	1,03	1,07	1,05	-	-	-	0,33	0,27	1,1
8		0,9	1,14	1,29	1,33	1,14	-	-	0,47	0,27	1,39
9		1,3	1,25	1,5	1,61	1,38	1,15	-	0,57	0,27	1,68

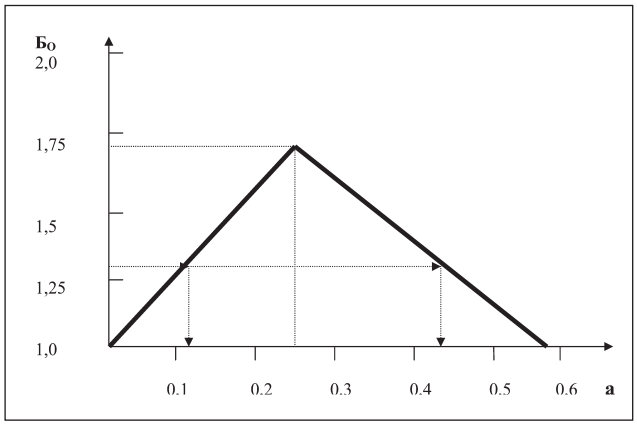

Рис. 1. Графическая зависимость $Б_О$ от а (строка 9 табл. 1)

Для данного примера при $Б_О$ = 1,3 количество реально формируемых (оснащаемых ВВТ) ОТФ для обоих случаев составит соответственно 8 и 5 формирований. При этом количество автоматизируемых (оснащаемых средствами АСУ) ОТФ в соответствии с формулами (8) будет равно: в первом случае – 0,12 х 10 х 2,7 = 3,24, то есть 4 ОТФ, во втором – 6 ОТФ.

Оценка затрат денежных средств на создание группировки ОТФ в первом и втором случаях может быть проведена с помощью следующих очевидных выражений:

в первом случае $C_1 = 8 \times C_В + 4 \times C_А$;

во втором случае $C_2 = 5 \times C_В + 6 \times C_А$.

Сравнивая между собой величины C_1 и C_2, получим, что $\Delta C = C_1 - C_2 = 3\,C_В - 2\,C_А$, и поскольку, как отмечалось, $C_В$ значительно больше, чем $C_А$, можно сделать вывод, что затраты в первом случае будут существенно выше и с этой точки зрения создание группировки ОТФ во втором случае может быть предпочтительнее. Размеры экономии денежных средств, выделение которых в размере $C_О$ планировалось для создания группировки ОТФ, для обоих случаев можно оценить с помощью выражений:

для первого случая $\Delta C_{Э1} = C_О - C_1 = C_О - 8C_В - 4C_А$;

для второго случая $\Delta C_{Э2} = C_О - C_2 = C_{О\_} 5C_В - 6C_А$.

В завершение целесообразно подчеркнуть, что предложенные выше зависимости (7), (8), (9) и другие могут быть использованы не только для военно-экономических исследований, но и в других сферах военного строительства, например, при разработке тактико-технических заданий (ТТЗ) для обоснования требований к боевым эквивалентам (боевой эффективности) создаваемых АСУ, к стоимостным показателям комплектов ВВТ и АСУ.

Предложенные в статье методики могут быть использованы не только при анализе вопросов оснащения ОТФ средствами АСУ. С равным правом они могут применяться и для других, в частности, перспективных средств и систем управления, причем другого типа по сравнению с АСУ.

Подводя определенные итоги рассмотрению затронутых в статье некоторых военно-экономических аспектов оснащения отвечающих современным требованиям ОТФ вооружением и военной техникой и средствами АСУ, можно отметить, что:

в современной военно-политической и экономической обстановке повышение боевых потенциалов группировок ОТФ может быть достигнуто не только увеличением количества ОТФ и неограниченным насыщением их вооружением и военной техникой, но рациональным распределением выделяемых денежных средств на ВВТ и АСУ, причем при этом может быть достигнуто не только требуемое значение боевого потенциала группировки, но и получен определенный экономический эффект;

рассмотренные методики содержат аппарат количественного обоснования известных требований повышения боевой эффективности средств и систем управления ОТФ и одновременного снижения стоимостных показателей ВВТ и средств управления;

предложенный в статье подход может применяться не только при создании новых группировок ОТФ, он может использоваться и при решении вопросов оснащения современными и перспективными средствами АСУ уже созданных (сформированных) ОТФ;

представленные в статье материалы преследовали цель привлечь внимание специалистов к необходимости привлечения военно-экономических методов при решении актуальных проблем военного строительства, связанных с поиском путей повышения боевой мощи Вооруженных Сил.

A.F. RASSOLOV

А.Ф. РАССОЛОВ

ПРОБЛЕМНЫЕ УЧЕБНО-НАУЧНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАК ФОРМА ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ ВУЗОВ

PROBLEM-BASED TRAINING AND SCIENTIFIC COMPLEXES AS A FORM OF INTEGRATION OF EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC ACTIVITY OF MODERN HIGHER MILITARY SCHOOLS

Рассмотрена концепция нештатных проблемных учебно-научных комплексов вузов Минобороны как одна из возможных форм практической интеграции их образовательной и научной деятельности в современных условиях.

The concept of contingency problem-related training and scientific complexes of higher military schools of the Ministry of Defense as one of the possible forms of practical integration of their educational and scientific activity in the modern conditions is considered.

Ключевые слова: научная работа, научная школа, научно-исследовательская организация, научно-исследовательские подразделения вуза, научно-исследовательский центр, научный комплекс вуза, учебно-научный комплекс вуза, подготовка научно-педагогических кадров.

Key words: scientific work, scientific school, scientific research organization, scientific research departments of higher education establishments, scientific – research centre, scientific complex of the higher educational establishment, training of scientific – pedagogical staff.

В идеологии реформирования отечественной высшей школы интеграции науки и образования отводится роль существенно значимого фактора и обязательного условия эффективности проводимых преобразований. Это нашло свое отражение и в Федеральном законе Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», вступающем в силу с 1 сентября 2013 г.[1]. Законом (статья 24) подтверждена уже существующая практика установления Правительством Российской Федерации в отношении отдельных образовательных организаций высшего образования категорий «федеральный университет» и «национальный исследовательский университет». Одним из условий избирательного отнесения вузов к этим категориям как раз и является их практическая работа по интеграции образования и науки.

Согласно статье 72 закона, цели интеграции образовательной и научной деятельности в высшем образовании состоят: в кадровом обеспечении научных исследований; в повышении качества подготовки обучающихся по программам высшего образования; в привлечении обучающихся к проведению научных исследований под руководством научных работников; в использовании новых знаний и достижений науки и техники в образовательной деятельности.

Закон предусматривает множественность возможных форм практического осуществления интеграции, включая совместную реализацию образовательными и научными организациями образовательных и исследовательских программ, обмен специалистами, создание учебных подразделений (кафедр) на базе научных организаций и научных лабораторий на базе вузов.

Совершенно очевидно, что интеграционный аспект развития образовательных организаций высшей школы в полной мере распространяется и на военные образовательные учреждения высшего профессионального образования, которые, согласно статье 108 закона, до 1 января 2016 года должны быть переименованы в образовательные организации высшего образования. Для них данный вопрос имеет, пожалуй, особую актуальность в силу следующих основных специфических особенностей:

наличие в штате военного вуза учебных (кафедры) и научных (научно-исследовательские центры, институты) структурных подразделений, организационно не объединенных друг с другом;

существенно различающийся интеллектуальный потенциал кафедр и научных подразделений вследствие несопоставимости сегодняшних штатно-должностных категорий и, соответственно, условий оплаты труда профессорско-преподавательского и научного составов;

недостаток опытных преподавателей в радикально обновленных педагогических коллективах при на-

личии значительного количества профессиональных преподавателей с большим стажем работы, продолжающих творческую деятельность на гражданских должностях научного состава (в основном, по причине сокращения штатов учебных подразделений).

Перечисленные особенности (они же – предпосылки для интеграции) существуют давно, однако в последнее время в результате проведенных реорганизаций проявились еще более отчетливо. Связанные с этим проблемные вопросы неоднократно поднимались в предыдущих публикациях ([2-4] и др.) и поэтому здесь более детально не рассматриваются.

Следует подчеркнуть, что к отмеченной специфике военных вузов была в определенной степени адаптирована и пока еще формально не упраздненная система регламентации их деятельности, введенная Руководством по организации работы высшего военно-учебного заведения Министерства обороны Российской Федерации (утверждено приказом МО РФ 2003 г. № 80) [5]. Здесь имеется в виду, что «Руководством...» допускается внутривузовское прикрепление научно-исследовательских лабораторий (НИЛ) к кафедрам.

В процессе организационно-штатных преобразований последнего времени научно-исследовательские лаборатории вузов Минобороны объединены в научно-исследовательские центры (НИЦ) и таким образом утратили свой прежний статус самостоятельных структурных подразделений. Следовательно, они уже не могут, как это практиковалось раньше, фактически передаваться в оперативное подчинение начальников профильных кафедр. В противном случае возникают правомерные вопросы об обоснованности создания в вузах такой структуры, как НИЦ, и целесообразности их дальнейшего существования.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» предусматривает в образовательных организациях высшего образования (в том числе и в военных вузах) только одну форма подготовки научно-педагогических кадров (НПК). Она представляет собой «подготовку кадров высшей квалификации по программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)». Естественно, эти образовательные программы, как и все другие, могут реализовываться только кафедрами. Следовательно, научные подразделения военных вузов полностью лишаются возможности самостоятельно готовить для себя кадры дипломированных ученых (раньше это можно было делать в форме соискательства). Нет оснований обольщаться и надеждами на энтузиазм кафедр в выполнении служебных заданий по целевой подготовке кандидатов наук для пополнения научного состава научно-исследовательских центров, если последние будут в полной мере сохранять свой формальный статус «сторонних» (для кафедр) структурных подразделений вуза.

Перечисленные обстоятельства (в особенности, последнее), по мнению автора, создают достаточные побудительные мотивы для поиска приемлемых форм обеспечения устойчивого взаимовыгодного сотрудничества кафедр и научных подразделений военных вузов применительно к их сегодняшней организационно-штатной конфигурации.

Современная и тем более перспективная отечественные системы образования в целом ориентированы на самостоятельность образовательных организаций в определении своей рациональной внутренней структуры [1]. Рациональной, в том числе, и с позиций интересов интеграции образовательного и научного компонентов их деятельности. Заметим, что вузы гражданской высшей школы этой самостоятельностью активно пользуются. К примеру, Уставом Южного федерального университета предусмотрено, что в составе кафедры вуза могут иметься свои научные лаборатории и научно-исследовательские группы [6]. В трактовке специалистов Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, «Кафедра – это объединение профессорско-преподавательского состава и научных работников в одной или нескольких тесно связанных между собой отраслях знаний» [7].

С учетом приведенных примеров, полагаем, не требует дополнительного обоснования тезис о том, что именно при такой организации повседневного взаимодействия преподавателей, научных работников и обучающихся потенциально достижимы наиболее благоприятные условия для формирования внутривузовской интеграционной среды, причем как раз в том звене, где она нужнее всего – на уровне основных учебно-научных структурных подразделений. Справедливости ради, необходимо отметить, что в военном вузе у такой формы интеграции существует и оборотная сторона: подчиненные начальнику кафедры научные сотрудники (или в целом научное подразделение) нередко вынужденно использовались преимущественно для решения «непроизводственных» задач – несения службы в нарядах, выполнения разнообразных хозяйственно-обеспечивающих работ и пр. Тем не менее, даже и при таком не вполне рациональном использовании кадровых ресурсов эффект от интеграции преобладал над издержками.

К сожалению, в Минобороны России подобный подход к структуризации вузов в настоящее время не практикуется. Возможно, просто в силу устоявшихся стереотипов, обусловленных практикой унификации штатов воинских формирований. В этой связи в одной из предыдущих публикаций [8] авторами упомянут альтернативный подход к решению рассматриваемой интеграционной задачи. Его существо состоит в создании внутривузовских профильных (или проблемных) нештатных учебно-научных комплексов (УНК), функционирующих на основе локальных нормативных актов вузов. Разумеется, с точки зрения эффективности функционирования, нештатное формирование не может служить эквивалентом штатному подразделению. Однако определенными потенциальными эмерджентными свойствами УНК даже и в таком виде все же обладает. С учетом этого рассмотрим концепцию предложенных проблемных УНК более подробно.

Под проблемным учебно-научным комплексом в данной статье подразумевается нештатное учебно-

исследовательское подразделение, объединяющее на относительно долгосрочной основе ресурсы однопрофильных (или близких по профилю деятельности) штатных учебных и научных подразделений вуза в интересах качественного решения задач образовательной деятельности (включая подготовку научно-педагогических кадров) и научной работы, создания условий для поддержания и дальнейшего развития научной школы вуза по соответствующей проблематике.

Для определенности оговоримся, что термин «проблемный» в данном случае используется как индикатор тематической направленности научно-образовательной деятельности подразделений УНК. Она раскрывается в названии УНК (к примеру, «УНК эксплуатации ракетного вооружения»).

Применительно к современным вузам Министерства обороны минимальную конфигурацию УНК могут составлять кафедра с подчиненной учебной лабораторией и научно-исследовательская лаборатория из состава НИЦ вуза. При необходимости (в зависимости от содержания и объема поставленных задач) структура УНК может наращиваться вплоть до масштабов факультетского или даже межфакультетского формирования. Далее для простоты изложения существа вопроса будем ориентироваться на простейший вариант УНК в составе одной кафедры и одной НИЛ.

Предполагается, что в рамках УНК могут совместно осуществлять свою деятельность сотрудники постоянного состава (офицеры и гражданский персонал) кафедры и НИЛ, офицеры переменного состава (докторанты и адъюнкты) вуза, прикрепленные к соответствующим кафедре или НИЛ, а также слушатели и курсанты вуза, проходящие обучение по профилю кафедры или взаимодействующие с кафедрой и НИЛ в рамках военно-научного общества. В состав УНК могут также включаться подразделения, создаваемые для ведения приносящей доход деятельности и содержащиеся за счет поступлений от нее, разумеется, при условии, что такая деятельность в военных вузах – казенных учреждениях будет восстановлена (более подробно данная проблема рассмотрена в [9,10]).

Основными задачами нештатных проблемных УНК предполагаются:

обеспечение повышения результативности и эффективности научной работы в подразделениях, входящих в состав УНК, за счет консолидации и рационального использования их интеллектуального потенциала и материальных ресурсов, расширения возможностей для повышения профессиональной квалификации научно-педагогического состава;

обеспечение соответствия современным требованиям образовательного процесса на кафедрах, входящих в состав УНК, за счет оперативного внедрения инновационных разработок и более конкретного приобщения профессорско-преподавательского состава и обучающихся к практической научно-исследовательской деятельности;

обеспечение планомерной и эффективной работы по подготовке научно-педагогических кадров в интересах качественного комплектования подразделений, входящих в состав УНК, поддержания и развития потенциала профильной научной школы вуза.

Решения о создании УНК и планируемой продолжительности его функционирования находятся в компетенции начальника вуза и могут приниматься по согласованному предложению руководителей заинтересованных подразделений и органа (центра, отдела) организации научной работы и подготовки НПК. Начальником же вуза утверждаются и Положения о каждом конкретном проблемном УНК.

Принятию решения об образовании УНК должен предшествовать комплексный анализ имеющихся для этого необходимых и достаточных условий. В качестве необходимых условий, на наш взгляд, необходимо рассматривать, прежде всего, наличие государственного задания на подготовку военных специалистов и приоритетных задач научных исследований по профилю предполагаемого УНК, а также научно-технического задела для их проведения. Важнейшим достаточным условием является объективная способность кафедры обеспечить эффективное организационно-методическое руководство научной деятельностью НИЛ. Признаком этого может служить существование в вузе сформировавшейся научной школы по профилю научно-педагогической работы кафедры.

Цели, задачи и предполагаемые условия создания УНК обусловливают увязку продолжительности его функционирования с нормативными сроками реализации основных (дополнительных) образовательных программ и усредненными сроками выполнения комплексных НИР. Только по истечении этого времени могут быть получены сколько-нибудь состоятельные оценки реальных результатов деятельности учебно-научного комплекса. На практике минимальный временной интервал, достаточный для более-менее корректного оценивания деятельности УНК и, соответственно, минимальная продолжительность его существования составляют от 3 до 5 лет. По истечении этого времени в зависимости от достигнутой продуктивности работы существование УНК (именно нештатного комплекса, а не включенных в его состав штатных структурных подразделений) либо продлевается, либо может быть прекращено.

Таким образом, как можно заключить из предыдущих рассуждений, решения об образовании и о расформировании УНК носят достаточно ответственный характер и поэтому должны поддерживаться коллективным мнением ученого совета вуза.

В соответствии с изложенным предназначением (целями и задачами), учебно-научные комплексы должны быть ориентированы на выполнение следующих основных функций.

1. Проведение на единой методологической основе профильных плановых, оперативно заданных и инициативных научных исследований по актуальным проблемам строительства, подготовки и боевого применения Вооруженных Сил, совершенствования вооружения, военной и специальной техники, развития теоретических и прикладных основ профессио-

нального военного образования и научно-исследовательской деятельности в Вооруженных Силах.

2. Разработка новых военно-технических решений на уровне изобретений и рационализаторских предложений, оформление соответствующих заявочных материалов в рамках патентно-лицензионной работы.

3. Апробация полученных результатов научных исследований на мероприятиях повседневной деятельности войск и органов управления, в педагогической практике вуза, а также на научных конференциях и семинарах, в материалах научных публикаций.

4. Содействие реализации полученных научных результатов в уставных, руководящих и других документах Вооруженных Сил, учебно-методических изданиях и научных трудах, в повседневной деятельности войск и учебном процессе вуза.

5. Формирование и целенаправленная подготовка резерва кандидатов для комплектования докторантуры и адъюнктуры, пополнения числа соискателей ученых степеней (если такая форма подготовки НПК в дальнейшем сохранится) при вузе по профилю УНК, в том числе путем поддержания результативности работы кружков военно-научного общества слушателей и курсантов.

6. Повышение профессиональной квалификации профессорско-преподавательского состава и научных работников, подготовка новых дипломированных ученых в интересах приоритетного комплектования штатных подразделений, взаимодействующих в рамках УНК, содействия развитию профильной научной школы.

7. Обеспечение требуемого уровня научного содержания и прикладной направленности образовательного процесса в вузе за счет включения в учебно-методические комплексы новейших научных разработок и подключения к проведению учебных занятий наиболее квалифицированных научных сотрудников.

8. Популяризация совместных учебно-научных достижений подразделений, входящих в состав УНК, и профильной научной школы, а также освоение передового опыта сторонних организаций в рамках выставок и конкурсов, в том числе на соискание грантов и премий.

Весьма важной в современных условиях функцией УНК представляется также проведение работ по созданию (передаче) научно-технической продукции и оказанию научно-технических и образовательных услуг на договорной основе, в том числе в рамках федеральных и ведомственных целевых программ. Вместе с тем возможность реализации данной функции, очевидная для автономных и бюджетных образовательных организаций, для вузов, приведенных к организационно-правовой форме казенных учреждений, в настоящее время сомнительна [9,10].

Для качественного осуществления учебно-научным комплексом перечисленных функций рекомендуется следующее примерное распределение сфер ответственности между составляющими его подразделениями.

На учебно-научное подразделение (кафедру) возлагается:

1) обеспечивает проводимые совместно с НИЛ исследования современной методологией и основами соответствующего методического аппарата;

2) оказывает практическое содействие повышению научной квалификации сотрудников НИЛ в процессе совместного выполнения мероприятий научной работы и путем их избирательного подключения к решению задач учебно-методической работы;

3) подключает обучающихся на кафедре адъюнктов, слушателей и курсантов, а также докторантов к решению научно-исследовательских задач, возложенных на НИЛ, а сотрудников НИЛ – к руководству военно-научной работой слушателей и курсантов, подготовкой их этапных и выпускных квалификационных работ;

4) предоставляет в пользование сотрудников НИЛ (без ущерба для образовательного процесса) оборудование учебно-материальной базы кафедры;

5) осуществляет целевую подготовку для НИЛ (наряду с обеспечением собственных потребностей) дипломированных ученых в докторантуре и адъюнктуре из совместно с НИЛ подбираемых кандидатов;

6) проводит внутреннюю экспертизу подготовленных в НИЛ отчетов о НИР, диссертаций на соискание ученых степеней, научных публикаций и других научных материалов, а также (во взаимодействии с подразделением организации научной работы и подготовки НПК) ежегодных аттестаций докторантов, адъюнктов и соискателей ученых степеней, прикрепленных к НИЛ или проходящих подготовку в интересах НИЛ;

7) осуществляет подготовку совместно с сотрудниками НИЛ научных публикаций, докладов на научных конференциях, заявок на изобретения, экспонатов для выставок и конкурсных научных работ;

8) ведет отбор и заблаговременную подготовку из сотрудников НИЛ кандидатов для комплектования высвобождающихся на кафедре должностей профессорско-преподавательского состава.

На научное подразделение (НИЛ) преимущественно возлагается:

1) обеспечение в рамках совместных с кафедрой исследований проведения патентно-информационного поиска, разработки программно-методического аппарата, выполнения экспериментальных, расчетно-графических и оформительских работ, апробации полученных результатов на мероприятиях в войсках и органах управления, сопровождения приемки и реализации выполненных НИР;

2) участие в подготовке совместно с кафедрой учебно-методических материалов, научных публикаций, докладов на научных конференциях, заявок на изобретения, рационализаторских предложений, конкурсных научных работ и выставочных экспонатов; представление совместных научных разработок НИЛ и кафедры на выставках;

3) предоставление научных разработок сотрудников НИЛ для апробации в образовательной деятельности кафедры, оказание необходимой помощи в ее проведении;

4) участие в руководстве исследованиями членов военно-научного общества слушателей и курсантов, подготовкой ими этапных и выпускных квалификационных, а также конкурсных научных работ, проведении экспертизы работ слушателей и курсантов;

5) предоставление в пользование кафедры для обеспечения учебных занятий (без ущерба для решения задач по основному предназначению) оборудования базы научных исследований НИЛ, оказание необходимой помощи по его практическому использованию профессорско-преподавательским составом;

6) участие в подборе кандидатов для целевой подготовки в докторантуре и адъюнктуре при академии по профилю кафедры в интересах комплектования НИЛ дипломированными учеными;

7) отбор наиболее подготовленных научных сотрудников для участия (с их согласия) в проведении учебных занятий по дисциплинам кафедры, а также для последующего выдвижения на должности профессорско-преподавательского состава.

Эффективность функционирования УНК в значительной (если не в определяющей) степени будет зависеть от качества организации управления им. Вопрос об управлении в данном случае имеет свои сложности, связанные с необходимостью рационального распределения властных полномочий в отношении УНК между старшими начальниками руководителей штатных подразделений, включенных в состав УНК. Кроме того, потребуется определенная деликатная «настройка» взаимодействия начальников кафедры и НИЛ, основанного, главным образом, на принципах творческого сотрудничества и наставничества, а не на формальной подчиненности. Приемлемые решения по частным вопросам организации деятельности УНК, по-видимому, подскажет только практика. На данном же этапе концептуального осмысления самой идеи УНК ограничимся рассмотрением некоторого опорного варианта организации управления УНК, заведомо понимая необходимость его корректировки на основе накопленного опыта.

Подразделения, входящие в состав учебно-научного комплекса, сохраняют свое штатное подчинение: кафедра – начальнику факультета, НИЛ – начальнику научно-исследовательского центра. По линии штатной подчиненности осуществляется решение вопросов комплектования, организации повседневной деятельности, всестороннего обеспечения, поддержания боевой готовности подразделений и профессионально-должностной учебы их сотрудников. В порядке оперативного подчинения по вопросам учебно-методической и научной работы, подготовки НПК и редакционно-издательской деятельности УНК (точнее – НИЛ, включенная в УНК) также прикрепляется к факультету, в штат которого входит включенная в УНК кафедра. В рамках такого прикрепления сотрудники НИЛ могут по согласованию участвовать в заседаниях кафедры и работе ученого совета факультета, а также в организуемых кафедрой (научной школой) конференциях, семинарах и других научных мероприятиях.

Повседневная деятельность входящих в состав УНК штатных подразделений организуется на основе поставленных им задач в соответствии с законодательством Российской Федерации, руководящими документами Правительства, Министерства обороны и локальными нормативными актами вуза, а также с учетом специфики, обусловленной принадлежностью к УНК и отражаемой в организационных, планирующих, учетных и отчетных документах, предусмотренных для кафедры и НИЛ как штатных структурных подразделений. В простейшем варианте дополнительные документы по организации деятельности УНК могут не разрабатываться. При необходимости оформления общего для кафедры и НИЛ документа таковым может являться План работы УНК, аккумулирующий в себе наиболее существенные из совместно проводимых мероприятий.

К основным особенностям организации деятельности кафедры и НИЛ в составе УНК, требующим отражения в их рабочей документации, могут быть отнесены следующие:

оперативное подчинение НИЛ начальнику кафедры по вопросам научной работы, подготовки НПК и (в части касающейся) учебно-методической работы;

согласованность разрабатываемых на кафедре и в НИЛ задач, планов, рабочих программ и других документов в областях совместной деятельности;

тесная увязка содержания научной работы кафедры и НИЛ, а также мероприятий по ее обеспечению с потребностями учебного процесса на кафедре и его методической поддержки;

рациональное распределение задач совместно проводимой научной работы между исполнителями из числа профессорско-преподавательского состава кафедры и научных работников НИЛ, учитывающее их персональную специализацию, научную квалификацию и опыт работы;

учет совместных потребностей кафедры и НИЛ при планировании набора в докторантуру и адъюнктуру, прикрепления соискателями ученых степеней по профилю кафедры, а также при формировании резерва кандидатов, в том числе и из обучающихся на кафедре слушателей и курсантов;

согласованное использование научного потенциала кафедры и НИЛ для руководства соискателями ученых степеней, военно-научными кружками слушателей и курсантов, подготовкой выпускных, квалификационных и конкурсных работ;

совместное согласованное использование учебно-материальной базы кафедры и базы научных исследований НИЛ для проведения учебных занятий и выполнения научно-экспериментальных работ;

возможность участия (по согласованию с начальниками НИЦ и факультета) сотрудников НИЛ в мероприятиях командирской подготовки и учебно-методической работы по планам факультета и кафедры.

Непосредственное управление учебно-научным комплексом целесообразно возложить на начальника кафедры. В этом случае он является руководителем УНК и наделяется полномочиями прямого начальника для сотрудников НИЛ по совместно решаемым

вопросам учебно-методической и научной работы, подготовки НПК и редакционно-издательской деятельности. В связи с этим на начальника кафедры, как руководителя УНК, помимо его штатных обязанностей, возлагается:

а) организация согласованного планирования на кафедре и в НИЛ научной работы, подготовки научно-педагогических кадров, совместного использования ресурсов учебно-материальной базы кафедры и базы научных исследований НИЛ, а также планирование учебно-методической работы и редакционно-издательской деятельности кафедры с избирательным участием специалистов НИЛ;

б) управление совместной деятельностью кафедры и НИЛ по решению поставленных им задач в области учебно-методической и научной работы, подготовки НПК и редакционно-издательской деятельности;

в) организация установления, поддержания и развития научных связей по профилю деятельности УНК с федеральными органами исполнительной власти, органами военного управления, войсковыми частями, научно-исследовательскими и научно-производственными организациями, вузами и общественными научными организациями;

г) осуществление научного руководства приоритетными НИР кафедры и НИЛ, организация совместных конференций, семинаров и участия в конкурсно-выставочных мероприятиях;

д) организация предварительной экспертизы подготовленных в НИЛ отчетных документов по НИР, диссертаций на соискание ученых степеней, научных публикаций, учебно-методических и других материалов, а также проведение совместно с подразделением организации научной работы и подготовки НПК ежегодных аттестаций докторантов, адъюнктов и соискателей ученых степеней, прикрепленных к НИЛ или проходящих подготовку в интересах НИЛ;

е) координация кадровой работы в масштабе кафедры и НИЛ;

ж) анализ и регулярное подведение итогов работы УНК с рассмотрением их на заседаниях кафедры, ученого совета факультета и в научно-исследовательском центре.

На начальника НИЛ в рамках деятельности УНК может быть возложена ответственность за планирование и выполнение возложенных на НИЛ задач из числа решаемых совместно с кафедрой в составе УНК. Он готовит руководителю УНК обусловленные совместной работой предложения, представляет ему на экспертизу и согласование проекты документов, отчетные и иные материалы, осуществляет функции ответственного исполнителя приоритетных НИР лаборатории, управляет деятельностью НИЛ по решению всего комплекса задач, поставленных ей в рамках УНК, готовит материалы для подведения итогов работы УНК.

Вопросы повседневной деятельности подразделений УНК, находящиеся вне компетенции начальников кафедры и НИЛ (комплектование, размещение, материально-техническое обеспечение и др.), согласованно решаются ими через начальников факультета и НИЦ.

Штатные и прикомандированные сотрудники кафедры и НИЛ, входящих в состав УНК, выполняют свои обязанности в соответствии с занимаемыми штатными должностями и с учетом задач УНК, а также дополнительных полномочий руководителя УНК.

При этом, помимо общих прав и обязанностей, определенных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, руководящими документами Министерства обороны и вуза, сотрудники штатных подразделений, входящих в состав УНК, наделяются дополнительными правами:

участвовать в обсуждении и решении вопросов, относящихся к деятельности УНК и входящих в него кафедры и НИЛ;

участвовать в деятельности научной школы по профилю УНК;

бесплатно (по согласованию) пользоваться объектами учебно-материальной базы кафедры и базы научных исследований НИЛ, а также информационными фондами кафедры и НИЛ;

получать необходимые профессиональные консультации у ведущих специалистов кафедры и НИЛ;

предлагать свои научные разработки для апробации и реализации в образовательном процессе и учебно-методических изданиях кафедры, а также для выдвижения на конкурсы и выставки.

С другой стороны, на сотрудников подразделений, включенных в состав УНК, налагаются дополнительные обязанности:

содействовать обеспечению высокой эффективности образовательного процесса и научной работы в вузе в части задач кафедры и НИЛ;

формировать у обучающихся в вузе высокие профессиональные, нравственные и морально-деловые качества, содействовать приобщению обучающихся к научной работе по проблематике УНК, развивать у них самостоятельность, инициативу, и творческие способности;

поддерживать личным участием деятельность научной школы по профилю УНК.

Таким образом, на наш взгляд, в формате нештатного проблемного учебно-научного комплекса может быть организовано достаточно конкретное, обоюдовыгодное и в силу этого устойчивое взаимодействие сохраняющих значительный научный потенциал кафедр и крайне ослабленных реорганизациями научных подразделений вузов Минобороны России.

Успешность проекта УНК, разумеется, будет зависеть и от степени практической поддержки собственных усилий учебно-научных подразделений командованием вузов. Содержание такой поддержки схематично можно сгруппировать в три классических направления: санкционирование создания УНК (возможно, на первых порах целесообразно ограничиться единичными «пилотными» решениями); мониторинг и публичный критический анализ деятельности УНК в сравнении с обособленно рабо-

тающими подразделениями; необходимая корректировка идеологии и практики УНК, стимулирование распространения передового опыта.

Еще раз оговоримся, что эксперименты подобного рода по сути своей затратны по времени, а ожидаемый положительный эффект пока что только предполагается. Тем не менее, вряд ли можно считать приемлемой альтернативой подобным экспериментам пассивное созерцание происходящей деградации научного комплекса военных вузов с естественными негативными последствиями для всей системы военного образования.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. RG.RU Российская газета.
2. А.Ф. Рассолов. О сущности военных научных школ и проблемных вопросах их деятельности в современных условиях. В НТС Известия № 245, ч.1. Актуальные проблемы и перспективы высшего военного образования. М.: ВА РВСН, 2010. С. 103-117.
3. А.Ф. Рассолов. О некоторых проблемных вопросах научной деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации на современном этапе их реформирования. Вестник АВН, №1 (34), М: 2011. С.105-111.
4. А.Ф. Рассолов. Научные школы военных вузов: сущность, роль и условия развития. Вестник АВН, №2 (35), М: 2011. С.110-117.
5. Руководство по организации работы высшего военно-учебного заведения Министерства обороны Российской Федерации. Утверждено приказом МО РФ 2003 г. № 80.
6. Устав федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет». Утвержден приказом Рособразования от 18.12.2006 г. №1559.
7. С.Д. Резник. Управление кафедрой: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 635 с.
8. А.Ф. Рассолов, С.А. Федосеев. О принципах реорганизации научного комплекса военных вузов. Вестник АВН, № 4 (37), М: 2011. С.82-89.
9. А.Ф. Рассолов. Проблемы и перспективы казенного военного образования. Вестник АВН, №3 (30), М: 2012. С.170-175.
10. А.Ф. Рассолов, С.А. Федосеев. Проблемы нормативного обеспечения научной работы в Вооруженных Силах и направления их решения. Военная мысль, № 2, М: 2013. С.11-23.

V.Y. BALABUSHEVICH,
A.I. GURSKIY

В.Ю. БАЛАБУШЕВИЧ,
А.И. ГУРСКИЙ

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧИЛИЩА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

MILITARY-POLITICAL SCHOOLS AS A PEDAGOGICAL PHENOMENON

В статье рассматривается организация учебного и воспитательного процесса в военно-политических училищах, поднимается проблема педагогического осмысления опыта функционирования военно-политических училищ с точки зрения перспектив развития российской высшей военной школы.

The paper deals with the organization of the process of education and training at military-political schools. The problem of pedagogical apprehension of the experience of military-political schools functioning from the point of view of prospects of development of the Russian higher military school was raised.

Ключевые слова: военно-педагогическая мысль, военно-политические училища, воспитательный процесс, единство обучения, воспитания и воинской деятельности, методологическая культура, образовательный процесс, развитие личности, рефлективная культура, система военного образования.

Key words: military-pedagogical idea, military-political schools, educational process, unity of education, training and military activity, methodological culture, learning process, personality development, reflective culture, military education system.

Сорок пять лет назад в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 21 января 1967 г. «О мерах по улучшению партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-Морском Флоте» было принято решение о создании семи военно-политических училищ: общевойскового в Новосибирске, танко-артиллерийского в Свердловске (ныне Екатеринбург), авиационного в Кургане, войск ПВО в Ленинграде

(ныне Санкт-Петербург), инженерных войск и войск связи в Донецке, строительных войск в Симферополе, военно-морского в Киеве и военно-политического факультета училища Ракетных войск стратегического назначения в Ростове-на-Дону. Позднее к ним добавились общевойсковое военно-политическое училище в Минске, военно-политическое училище строительных войск в Таллине и военно-политическое училище Ракетных войск стратегического назначения в Риге (вместо ростовского факультета). Кроме того, еще до 1967 г. успешно функционировало высшее военно-политическое училище во Львове, обеспечивающее кадрами армейские культурно-просветительные учреждения и военную журналистику.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

После августовских событий 1991 г. военно-политические училища прекратили свое существование и едва ли когда-нибудь появятся вновь. В этих условиях обращение к теме военно-политических училищ может показаться излишним или контрпродуктивным. Однако экскурс в прошлое не так уж бесполезен для настоящего и, тем более, для будущего.

Почти двадцатипятилетняя история политических училищ дает богатейший и интереснейший материал для военно-педагогической мысли. Именно к необходимости военно-педагогического осмысления опыта функционирования военно-политических училищ с точки зрения перспектив развития российской высшей военной школы и намерены привлечь внимание научной общественности и экспертного сообщества авторы настоящей статьи.

Выскажем соображение о том, что в национальной системе подготовки военных кадров военно-политические училища выступают в качестве уникального феномена (до сих пор адекватно не оцененного отечественной военно-педагогической мыслью).

Мы не склонны идеализировать жизнь политических училищ: у них были и свои проблемы, подчас весьма острые. Однако положительный опыт, «наработанный» в системе военно-политических училищ, не должен быть потерян для российского военного образования. «Нет пророка в своем отечестве» – эта истина невольно вспоминается, когда мы знакомимся с очередной «порцией» идей горе-реформаторов российской вышей школы. Их деятельность сводится, как правило, к некритическому заимствованию западных (прежде всего американских) концепций, моделей и технологий образования, их механическому переносу на российскую почву. При этом часто игнорируются богатейшие традиции национальной высшей школы, ее высокий академизм, универсализм, ориентация на всестороннее и гармоничное развитие личности. Размытой оказалась сама система ценностей в образовательной сфере, зачастую воспроизводятся негативные образцы образовательной деятельности. Сегодня, к сожалению, мы теряем уникальные учебные заведения, чьи выпускники традиционно составляли военную элиту государства.

Рассмотрим некоторые стороны жизни и деятельности военно-политических училищ.

ПОЛИТУЧИЛИЩА В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КАДРОВ

Военно-политические училища функционировали в качестве элементов единой многоуровневой системы подготовки военно-политических кадров для Вооруженных Сил СССР:

заказчиком «продукции», определяющим содержание учебно-воспитательного процесса, и одновременно контролером его качества выступало Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота (ГлавПУ СА и ВМФ);

роль научного и методического центра по отношению к военно-политическим училищам выполняла Военно-политическая Академия им. В.И. Ленина (ВПА им. В.И. Ленина);

между военно-политическими училищами поддерживались прочные «горизонтальные связи», осуществлялся обмен «идеями и людьми»;

самым тщательным образом осуществлялся подбор «первых лиц» – начальников военно-политических училищ, их «отцами-основателями» стали умные, порядочные, талантливые, преданные своему делу руководители: Василий Георгиевич Зибарев (Новосибирское ВВПОУ), Борис Павлович Уткин (Свердловское ВВПТАУ), Василий Иванович Гнездилов (Таллинское ВВПСУ) и др.;

серьезное внимание уделялось повышению уровня профессионализма командного и профессорско-преподавательского состава военно-политических училищ; значительную его часть составляли выпускники военно-педагогического факультета и адъюнктуры ВПА им. В.И. Ленина; повышение квалификации преподавателей гуманитарных и социально-экономических дисциплин осуществлялось на Высших академических курсах (ВАК);

в рамках рассматриваемой системы последовательно реализовывалась идея непрерывного образования: значительная часть выпускников военно-политических училищ со временем становилась слушателями различных факультетов ВПА, проявившие склонность к научной деятельности выпускники академии имели возможность поступить в адъюнктуру, а затем и в докторантуру; все выпускники политических училищ и академии не реже одного раза в пять лет должны были повышать квалификацию на различного рода курсах.

Заметим, что именно в военно-политических училищах закладывались базовые компетенции офицера-политработника, которые поддерживались и совершенствовались на последующих уровнях его подготовки.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧИЛИЩАХ

Содержание образовательного процесса определялось теми задачами, которые ставились перед заместителем командира роты (батареи) по политической части и теми функциональными обязанностями, которые возлагались на него нормативными правовыми документами.

Деятельность офицера многогранна и многофункциональна, однако любой офицер подразделения – это, прежде всего, военный управленец (менеджер) и педагог (руководитель и организатор процесса обучения и воспитания подчиненных). В свое время немецкий философ И. Кант заметил: «Два человеческих изобретения можно считать самыми трудными, а именно: искусство управлять и искусство воспитывать...» [1, 450]. Учебный процесс в военно-политических училищах выстраивался таким образом, чтобы помочь будущим офицерам-политработникам овладеть и искусством управления подчиненными, и искусством их воспитания. Ставка была сделана на подготовку офицера как военного профессионала для подразделений конкретного вида и рода войск с глубоким знанием военной психологии и педагогики, теории и практики воспитательной работы. Для сравнения заметим: когда в 2004 г. в Новосибирском ВВКУ была начата подготовка офицеров-воспитателей, то предпочтение было отдано подготовке специалиста в области психологии и педагогики со знанием военного дела (т. е. приоритеты были несколько смещены). Первый вариант, с точки зрения авторов, гораздо предпочтительней.

Выделим некоторые специфические черты учебного процесса в военно-политических училищах с точки зрения его содержания и организации.

Во-первых, характерной особенностью учебного процесса в военно-политических училищах была его ориентация на всестороннее развитие личности военного профессионала. С первых и до последних дней существования военно-политических училищ доминировала точка зрения, что их выпускники должны быть хорошо подготовленными специалистами военного дела, высокоинтеллектуальными, широко образованными офицерами. Решение этой задачи обеспечивалось гармоничным сочетанием в учебных программах политучилищ военных, гуманитарных и социально-экономических, естественно-научных и технических дисциплин.

Во-вторых, учебный процесс в военно-политических училищах предполагал в качестве одной из важнейших задач развитие познавательных способностей будущих офицеров-политработников. Как правило, уже на старших курсах курсанты политучилищ были способны достаточно эффективно осуществлять следующие познавательные действия:

а) планировать познавательную деятельность (осознавать и формулировать познавательные проблемы, формировать цели познавательной деятельности и ставить познавательные задачи, осуществлять выбор рациональных и оптимальных путей решения поставленных познавательных задач, определять последовательность и продолжительность этапов познавательной деятельности, строить алгоритмы (модели) познавательной деятельности и др.);

б) организовывать познавательную деятельность (организовывать свое рабочее место; контролировать наличие и состояния учебных средств, их рациональное размещение; определять режим работы; организовывать свою самостоятельную работу на самоподготовке; определять порядок и способы умственных действий и пр.);

в) осуществлять познавательную деятельность (работать с различными источниками информации; конспектировать и реферировать тексты; осуществлять библиографический поиск; работать со словарями, справочниками; использовать видео- и аудиоматериалы; управлять собственным вниманием при восприятии информации и т. д.);

г) усваивать учебный материал высокой степени сложности (осмысливать учебный материал, выделять в нем главное, использовать общенаучные и военно-научные методы познания, осуществлять адаптацию и интерпретацию результатов познания к будущей профессиональной деятельности и др.);

д) рефлектировать над процессом и результатами познавательной деятельности (само- и взаимоконтроль результатов познавательной деятельности; оценка достоверности изложения, верности решения; оценка различных сторон явления; умение проверить правильность и прочность теоретических знаний и практических навыков и пр.);

е) решать познавательные задачи в специфических условиях учебно-боевой обстановки применительно к своим функциональным обязанностям по предназначению и др.

В-третьих, военно-политические училища в каком-то смысле опередили свое время, в них достаточно четко просматривалась тенденция переноса акцента с обучения на учение и самообразование. Научить человека учиться, самостоятельно находить необходимые ему знания, формировать у себя необходимые для высокоэффективной профессиональной деятельности качества – эта сверхзадача успешно решалась в условиях активного взаимодействия педагогических и курсантских коллективов.

В-четвертых, особенностью учебного процесса в военно-политических училищах являлось подчеркнуто большое внимание методологическим аспектам изучаемых теоретических проблем, формированию методологической культуры будущего офицера. Последнюю можно определить как достигнутый уровень интеллектуального развития личности офицера, позволяющий со знанием дела, сообразуясь с конкретными условиями, осуществлять выбор методов, обеспечивающих достижение поставленных целей в основных сферах его профессиональной деятельности, в соответствии с выполняемыми должностными обязанностями и эффективно их использовать [2, 146].

В-пятых, в качестве еще одной характерной чертой содержания учебного процесса в политучилищах следует выделить акцент на формирование рефлективной культуры познавательной и практической деятельности в ходе реализации учебных программ и тематических планов изучаемых дисциплин. Овладение методологией рефлективного мышления имеет исключительное значение для военного специалиста. Способность к глубокому самоанализу, адекватным самооценкам – одно из профессиональных качеств офицера.

В-шестых, организация учебного процесса, с точ-

ки зрения его содержания и формы, обеспечивала получение курсантами военно-профессиональных знаний, навыков и умений на уровне, обеспечивающем выполнение всего спектра функциональных обязанностей офицера звена «рота – батарея». Как правило, выпускники политических училищ обладали не только необходимым объемом военных знаний, но и сформированными командирскими качествами, что обеспечивало им высокий авторитет в воинском коллективе, возможность в случае необходимости заменить командира.

В-седьмых, учебный процесс в военно-политических училищах был нацелен на формирование креативности мышления. Для деятельности офицера характерно решение задач как поискового (творческого), так и стандартизированного (стереотипно-механического) характера. Естественно, что качество решения этих задач офицером может быть различным. От этого зависит, будет ли в его деятельности доминировать шаблон, схематизм или он окажется способен к инициативе, творчеству на поле боя, в процессе обучения и воспитания личного состава.

В-восьмых, решению поставленных образовательных задач способствовало широкое внедрение в учебный процесс элементов соревновательности и состязательности.

В-девятых, учебный процесс осуществлялся в тесной связи с задачами, решаемыми соответствующими видами и родами Вооруженных Сил, с учетом опыта службы выпускников училищ. Постоянно совершенствовалась система войсковых стажировок курсантов, систематически осуществлялся мониторинг деятельности выпускников в войсках. Это позволяло выявлять сильные и слабые стороны их подготовки с целью внесения соответствующих корректировок в учебный процесс.

В-десятых, для военно-политических училищ было характерно стремление к расширению образовательного пространства. Руководство военно-политических училищ всеми силами стремилось обеспечить их широкую интеграцию в научное и образовательное сообщество, преодолеть тенденцию к самоизоляции, столь свойственную ряду военных вузов того времени.

В целом учебный процесс в политических училищах отвечал потребностям времени. В постсоветский период высказывалась точка зрения, что военное образование в СССР вообще, а в военно-политических училищах в особой степени, носило идеологизированный и политизированный характер, следствием чего явилось снижение его качества. Конечно, можно критически относиться к той или иной идеологии, политической системе, общественному и государственному строю. Однако при этом не следует забывать, что «образование как социальный институт существует в конкретной социальной среде», «эта среда детерминирует те классы задач, которые могут быть решены, характер и формы учебно-воспитательной работы» [3, 8]. И в этом смысле деидеологизированного и деполитизированного военного образования вообще существовать не может.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧИЛИЩАХ

В военно-политических училищах последовательно и настойчиво реализовывалась идея единства обучения, воспитания и воинской деятельности. Знания, в том числе военные, не рассматривались как самоцель. Главным было воспитание будущего военного профессионала как гражданина, патриота, высоконравственного и совестливого человека, способного взять на себя всю полноту ответственности за судьбу Отечества, выполнять нелегкую «работу» на поле боя.

Повседневная жизнь этих военных вузов строилась таким образом, чтобы любые ее стороны и аспекты оказывали воспитывающее воздействие на обучающихся. В свою очередь, организация воспитательной работы на основе принципов системности, комплексности, целеустремленности, перспективности обеспечивала возможность ее действенного влияния на учебный процесс и служебную деятельность. Именно в стенах политических училищ еще в 60-80-х гг. прошлого века апробировалась организация воспитания курсантов как целенаправленного педагогического процесса поэтапного формирования у обучающихся профессионально-ориентированных качеств (военных, политических, организаторских, морально-психологических и др.). Это потребовало разработки соответствующих воспитательных технологий, обеспечения согласованной деятельности всех субъектов воспитания, создания воспитательных комплексов в соответствии с профилем военно-профессиональной подготовки курсантов.

Укажем на некоторые специфические особенности функционирования системы воспитательной работы в военно-политических училищах.

Во-первых, у курсантов военно-политических училищ формировалось система ценностей и идеалов неутилитарного характера, обеспечивающая безусловную приоритетность общих интересов по отношению к частным, доминирование государственных интересов над личными. Смысл своей жизни и профессиональной деятельности подавляющее большинство выпускников политучилищ видело в служении Отечеству, в выполнении своего воинского долга. Значительное число выпускников военно-политических училищ прошло через афганскую войну, локальные войны и вооруженные конфликты в различных уголках земного шара, «горячие точки» на постсоветском пространстве, проявив при этом мужество, героизм, самоотверженность. Только среди выпускников Новосибирского военно-политического училища – девять Героев Советского Союза и Российской Федерации.

Во-вторых, курсанты воспитывались как будущие воспитатели и, в своем большинстве, они оправдывали возлагаемые на них надежды. Функционирование системы воспитания в советских Вооруженных Силах была направлено на достижение победы в бою, обеспечение беспрекословного повиновения лич-

ного состава командирам и начальникам. Целенаправленная работа над психикой, сознанием воинов и воинских коллективов, сохранение психического здоровья военнослужащих вменялась в непосредственные обязанности политработника подразделения. К решению этих задач и готовились будущие политработники в стенах училища.

В-третьих, выпускники политических училищ были жестко ориентированы на деятельность в роте, батарее и им равных подразделениях. Рота рассматривалась как центр воспитательной работы («партийно-политической работы» по терминологии того времени). Именно на повседневную, «черновую» и во многом неблагодарную работу с людьми в низовых звеньях военного организма и нацеливались выпускники политических училищ. Считалось, что офицер, не получивший закалки в должности ротного политработника, не может полноценно трудиться на других участках воспитательной работы (агитационно-пропагандистская, культурно-просветительная, организационно-партийная, комсомольская работа) и на более высоких должностях.

В-четвертых, будущему офицеру-политработнику настойчиво внушалась мысль о том, что главное оружие политработника подразделения – личный пример («делай как я») и что в силу этого он должен быть подготовлен в военном и ином плане не хуже командира роты, а тем более подчиненных ему командиров взводов, прапорщиков и сержантов. Установка на личную примерность настойчиво формировалась в течение всех лет жизни и учебы курсанта в училище согласованными усилиями всех субъектов воспитания.

В-пятых, будущий офицер-политработник психологически готовился к работе с различными категориями военнослужащих. Сегодня много говорят о том, что выпускники военных вузов должны быть подготовлены к работе с военнослужащими контрактной службы, и это рассматривается как трудно непреодолимый барьер для нашей системы военного образования. Вспомним, однако, что лейтенант – выпускник военно-политического училища, приходя в роту (батарею), становился непосредственным начальником для офицеров и прапорщиков роты и вполне успешно справлялся с этой ролью.

В-шестых, эффективность воспитательного воздействия на обучающихся во многом предопределялась уважением и доверием к личности курсанта. Как правило, в политических училищах самым решительным образом пресекались любые проявления грубости, хамства, унижения человеческого достоинства от кого бы они ни исходили.

В этих условиях приходило понимание недопустимости отождествления командирской воли, требовательности, принципиальности с грубостью и вседозволенностью по отношению к подчиненному. Из стен училища выпускники выносили твердое убеждение, что офицер-политработник подразделения – первый гарант соблюдения прав личного состава и первый его защитник в случае, если эти права нарушаются.

Весь уклад жизни военно-политического училища должен был формировать у курсантов сознательное отношение к выполнению воинского долга. Например, первый начальник Новосибирского ВВПОУ полковник А.Г. Зибарев из принципиальных соображений отказывался от возведения забора, отделяющего училище от городской территории. Он справедливо полагал, что от дурных намерений будущих офицеров должны удерживать не заборы, а твердые идейные и нравственные убеждения.

В-седьмых, в военно-политических училищах целенаправленно претворялась в жизнь установка на «воспитание в коллективе и через коллектив». Курсантские коллективы с их комсомольскими и партийными организациями были способны с высокой степенью эффективности решать целый спектр воспитательных задач:

формировать общественное мнение;

мобилизовывать своих членов на решение конкретных задач;

обеспечивать личную примерность сержантов и курсантов;

содействовать развитию личности;

корректировать межличностные отношения и др.

Именно в рамках курсантских коллективов через разрешение противоречий, связанных с учебной и другими видами деятельности, развертывались взаимосвязанные процессы социализации и персонализации обучающихся, осуществлялось становление и развитие взглядов, убеждений, мотивации и направленности личности курсанта.

В-восьмых, жизнь военно-политических училищ самым тесным образом была связана с жизнью городов, в которых они были дислоцированы (а это были крупные административные, промышленные, культурные центры). Подобная «открытость» в значительной степени расширяла возможности наращивания потенциала общей культуры будущего офицера, всестороннего развития его задатков и способностей, приобщения к достижениям мировой и отечественной художественной культуры. Систематически организовывалось посещение курсантами музеев, театров, выставок, многие курсанты посещали занятия городских кружков, лекториев, спортивных секций и т. д. Нередкими были совместные мероприятия со студенческой молодежью.

В-девятых, в военно-политических училищах во многом была реализована идея индивидуального подхода к формированию личности будущего офицера-политработника. С этим, в частности, связан относительно небольшой «отсев» обучающихся из училищ. Рядом с курсантом всегда были опытные наставники, помогающие ему разрешить сложные жизненные ситуации, принять правильное решение, преодолеть свои слабости и сомнения.

Наконец, в-десятых, условием эффективности воспитательной работы являлись согласованные действия всех субъектов воспитания, четкое планирование этой работы на все годы пребывания курсанта в училище, формирование благоприятной воспитательной среды.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

1) Военно-политические училища – это уникальные военно-учебные заведения, аккумулировавшие опыт предшествующих этапов развития военного образования в России и новаторские для своего времени педагогические технологии. Их деятельность требует заинтересованного и объективного осмысления. Несомненно, что феномен военно-политических училищ должен стать объектом серьезных диссертационных исследований.

2) Инновации в педагогике – это не всегда что-то новое. Это может быть и старое, хорошо известное, но в иной социально значимой функции. С этой точки зрения ликвидация военно-политических училищ, обусловленная выбором нового вектора политического развития России, иной, отличной от советской модели общественного устройства, не должна привести к забвению всего позитивного и жизнеспособного, привнесенного этими военно-учебными заведениями в отечественную высшую военную школу.

3) Осмысление уклада жизни военно-политических училищ помогает понять, что военный вуз – это, прежде всего, его дух и традиции. Меняются поколения курсантов и преподавателей, дислокация вуза, его профиль и наименование, учебно-материальная база, но, если не нарушена преемственность, не прервана связь поколений, то вуз живет, развивается, выполняет свои функции. И, наоборот, когда под видом реформирования военного образования разрушается социальная память, прерывается «социальная эстафета», то это имеет самые печальные последствия.

4) Анализ функционирования военно-политических училищ позволяет сформулировать вывод о том, что игнорирование высокого духовного предназначения военного образования, низведение его до простой деятельности на рынке «образовательных услуг» чревато самыми серьезными последствиями для качества будущего российского офицерского корпуса.

5) В военно-политических училищах была сформирована система стимулов, мотивирующих процесс образования применительно к конкретной социально-политической и духовной ситуации советского общества. Однако современная духовная ситуация намного усложнилась. Если прежде для индивидуального и массового сознания была характерна четкая дифференциация добра и зла, допустимого и недопустимого, нравственного и безнравственного, то сегодня такого рода четкие границы в обществе отсутствуют, возрастает уровень социальной энтропии. Это обстоятельство с необходимостью требует усиления внимания к духовной, мировоззренческой составляющей военного образования.

6) Серьезность ситуации в сфере российского военного образования требует, прежде всего, объективной оценки его состояния. Консолидации усилий ученых, военно-педагогических кадров и всех заинтересованных в будущем отечественной высшей военной школы могло бы содействовать начало издания журнала «Вестник высшей военной школы».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кант, И. О педагогике / И. Кант // Трактаты и письма. – М. : Наука, 1980.
2. Гурский, А.И. Методологическая культура офицера и пути ее формирования в высшей военной школе / А.И. Гурский, В.Ю. Балабушевич // Вестник Академии военных наук. – 2005. – № 1. – С.145-149.
3. Долженко, О.В. Очерки по философии образования : учебное пособие / О.В. Долженко. – М.: Промо-Медия, 1995.

A.A. UVAROV,
V.V. ARTIAKOV

А.А. УВАРОВ,
В.В. АРТЯКОВ

ОПЫТ БАНКОВСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ АРМИИ США И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В БАНКОВСКОМ ОБСЛУЖИВАНИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

EXPERIENCE OF BANKING SUPPORT IN THE US ARMY AND POSSIBILITY OF ITS USE IN THE BANKING SUPPORT OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

В последние годы военная финансово-экономическая наука неадекватно реагировала на реальную ситуацию в сфере финансово-экономического обеспечения оборонной безопасности России и оказалась мало дееспособной. В статье анализируется опыт банковского обслуживания армии США с целью положительные моменты адаптировать к условиям банковского обслуживания воинских частей армии и флота России.

Over the last years the military financial-economic science inadequately responded to the actual situation in the sphere of financial-economic support of the defense security of Russia and proved to be very incapable. The article analyses the experience of banking support of the US Army in order to adapt its positive points to the conditions of banking support of military units of the army and the fleet of Russia.

Ключевые слова: банковское обслуживание, помощник министра обороны - финансовый управляющий, Казначейство США, финансовые органы гарнизона.

Key words: banking support, assistant minister of defense – financial manager, US Treasury Department, financial bodies of the garrison.

Ориентация России на рыночную экономику развитых стран, переход финансового обслуживания войск через территориальные финансовые органы вызывает необходимость изучения опыта банковского обслуживания вооруженных сил государств с развитой рыночной экономикой, прежде всего, опыта США.

В США для банковского обслуживания лиц армейских гарнизонов привлекается специализированное банковское учреждение. Это учреждение создается только в тех случаях, когда для открытия такого банка есть потребность со стороны личного состава или финансовых органов гарнизона. Данная потребность может быть связана с невозможностью получения банковских услуг лицами гарнизона со стороны близлежащих кредитных организаций или с превышением затрат на получение таких услуг над расходами по открытию банка в гарнизоне.

Главной целью деятельности банка в гарнизоне армии США является удовлетворение потребности в банковских услугах личного состава для повышения его морального духа и благосостояния [1]

Поскольку для банковского обслуживания гарнизона привлекается коммерческий банк, то персонал банковского учреждения комплектуется гражданскими лицами. Исключение может быть сделано только для директора банковского учреждения: в случае призыва его на действительную военную службу из резерва, он может продолжать занимать должность директора банка.

Анализ нормативной базы, регулирующей банковское обслуживание гарнизонов армии США показывает, что деятельность банковских учреждений подчинена определенным принципам: конкурсный выбор банка, разграничение обязанностей в обеспечении деятельности банка, взаимосвязь банковской деятельности с потребностями личного состава гарнизона, комплексность услуг [2].

Раскроем сущность каждого принципа. Реализация первого принципа – конкурсного выбора банка – означает, что в целях обеспечения высокого качества предоставляемых личному составу услуг выбор учреждения для осуществления банковского обслуживания лиц гарнизона производится среди коммерческих банков на конкурсной основе. Решение об отборе конкретного банка для предоставления услуг лицам гарнизона принимает помощник министра армии (финансовый управляющий).

Основными требованиями к банку, осуществляющему обслуживание армейского гарнизона, являются: наличие полномочий для проведения данных операций, предоставленных Казначейством, и страхование деятельности Федеральной корпорацией страхования депозитов. Кроме того, учитываются следующие основные критерии: номенклатура услуг, которые может предоставить банк; стоимость предоставляемых услуг; наличие предыдущего опыта обслуживания армейских гарнизонов; финансовое

положение банка; рекомендации начальника гарнизона. Решение о выборе коммерческого банка для обслуживания согласовывается с помощником министра обороны США – главным контролером и департаментом Казначейства США.

Второй принцип – разграничение обязанностей в обеспечении деятельности банка – означает возложение обязанностей по обеспечению деятельности банка на ряд органов (рис. 1).

Помощник министра обороны (главный контролер): взаимодействует с должностными лицами Казначейства и Министерства обороны при разработке и выполнении программ по развитию банковских услуг; для обеспечения надлежащего качества предоставляемых банковских услуг взаимодействует с регулирующими банковскими органами; координирует действия органов Министерства обороны США при создании банка от рассмотрения заявки до утверждения банка в качестве уполномоченного.

Помощник министра обороны по управлению персоналом отвечает за моральное состояние личного состава. Это должностное лицо анализирует деятельность банковских учреждений на предмет повышения морального духа личного состава.

Помощник министра обороны по материально-техническому обеспечению контролирует: порядок предоставления в аренду здания и участка земли, на котором располагается банк; строительство, реконструкцию, ремонт банковских зданий; предоставление коммунальных услуг и услуг по уборке помещений и другие вопросы материально-технического обеспечения.

Материально-техническое снабжение банка может осуществляться на платной и бесплатной основе. Критерием платности снабжения выступает уровень рентабельности деятельности банка. Если рентабельность деятельности менее допустимого уровня, материально-техническое снабжение производится бесплатно, в противном случае – платно. Необходимым инвентарем для осуществления деятельности банк обеспечивает его учредитель.

Помощник министра армии (финансовый управляющий): контролирует ход выполнения утвержденных банковских программ; представляет департамент армии в вопросах банковского обеспечения с другими военными департаментами, министром обороны, министром армии, департаментом Казначейства, регулирующими органами, профессиональными ассоциациями финансовых институтов, другими банковскими учреждениями; ведет текущий перечень банков, обеспечивающих потребности департамента армии; способствует расширению предлагаемых банковских услуг в гарнизонах армии США; исследует практику деятельности банков в целях повышения благосостояния и защиты интересов личного состава департамента армии; рассматривает и делает предложения по учреждению и расформированию банков в армейских гарнизонах; извещает отобранные банки и регулирующие органы о предоставлении полномочий по обслуживанию гарнизонов конкретным банкам; обеспечивает взаимодействие с банками, обслуживающими гарнизоны; обеспечивает помощь гарнизонным банкам во взыскании долгов с неплательщиков; разрабатывает инструкцию по банковскому обслуживанию гарнизонов армии США; определяет порядок осуществления материально-технического обеспечения банка (на платной или бесплатной основе) в зависимости от уровня рентабельности банка; рассматривает отчеты о прибылях и убытках банка; разрешает установку банкоматов.

На начальников гарнизонов и их вышестоящих начальников возложены следующие обязанности на подчиненной им территории: контроль за ходом выполнения армейских банковских программ, выполнением требований по созданию и расформированию банков и их материально-техническому снабжению; сотрудничество с банковскими ассоциациями; обеспечение бесплатной охраной офицеров, получающих деньги для выплаты личному составу, а также охраны удаленных банкоматов; розыск военнослужащих, не погасивших своевременно свои долги банку; санкционирование нового строительства, осуществляемого банком, при стоимости не превышающей 500000 долларов США (если стоимость строительства превышает 500000 долларов США, то решение принимается коллегиально).

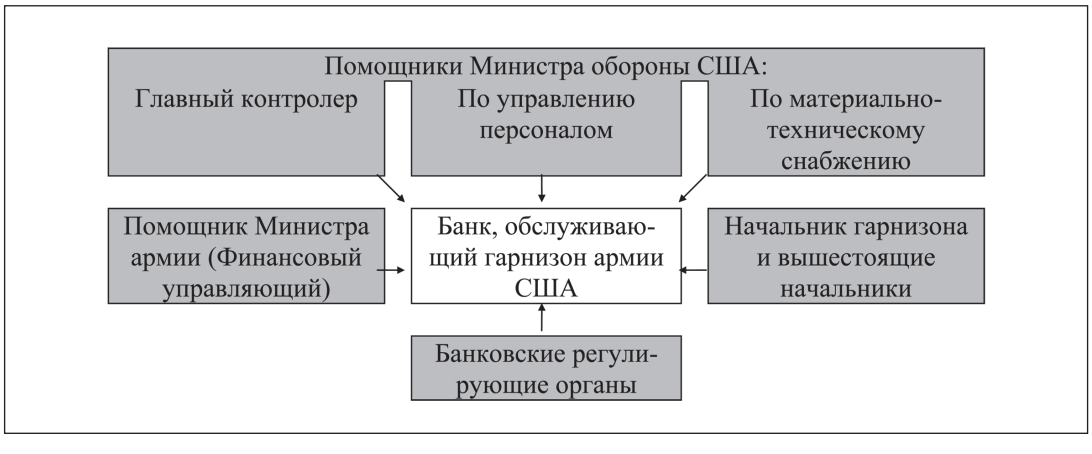

Рис. 1. Органы, отвечающие за деятельность банка, обслуживающего гарнизон армии США

Начальникам гарнизонов и их вышестоящим начальникам запрещено принимать на себя обязательства по заключению с конкретными банками договоров на обслуживание лиц гарнизона. Однако данные должностные лица могут включать в мотивированное ходатайство для учреждения банка свое мнение о выборе конкретного банковского учреждения для обслуживания гарнизона.

Для обеспечения качества обслуживания и разграничения прав и обязанностей банковское учреждение заключает соглашение между начальником гарнизона и директором банка. Соглашение включает следующие основные обязательные вопросы: перечень услуг, предоставляемых банком; возложение финансовых рисков совершаемых банковских операций исключительно на банк; страхование банка от рисков, связанных с использованием помещений Департамента армии США; обязанность разработки банком программ по обучению клиентов совершению банковских операций.

Банковские регулирующие органы дают полномочия на проведение банковских операций и осуществляют контроль за соблюдением действующего банковского законодательства. К банковским регулирующим органам относятся: Контролер денежного обращения; Федеральная Корпорация Страхования Депозитов; Федеральные Резервные Банки; Совет Управляющих Федеральной Резервной Системой.

В целях реализации третьего принципа – взаимосвязь банковской деятельности с потребностями личного состава гарнизона – в гарнизоне назначается банковский офицер по связям с личным составом. Банковский офицер по связям с личным составом назначается начальником гарнизона из числа военнослужащих или гражданского персонала, не являющихся работниками банка. Имя, местонахождение, телефон этого должностного лица доводится до сведения всего личного состава гарнизона путем размещения информации на доске объявлений. Выполняя возложенные обязанности, банковский офицер по связям с личным составом не имеет доступа к внутренней документации банка.

Офицер по связям с личным составом проводит мероприятия, направленные на повышение качества взаимодействия банковского учреждения и личного состава. Объектами воздействия со стороны данного офицера выступают: банк, осуществляющий обслуживание гарнизона; личный состав гарнизона; процесс взаимодействие банка с личным составом при оказании услуг.

В отношении банка, осуществляющего обслуживание лиц гарнизона, обязанность офицера по связям с личным составом заключается в обеспечении руководства банка нормативными документами министерства обороны США по вопросам банковской деятельности.

Обязанности в отношении личного состава включают: содействие информированности личного состава по вопросам проведения банковских операций; оказание помощи в решении проблем клиентов при ущемлении прав последних; при невозможности защиты прав клиентов на месте направление копий переписки директору финансов и счетоводства, в штаб помощника министра армии (финансовому управляющему) для передачи помощнику министра армии (финансовому управляющему), а также контролирующим органам.

При организации взаимодействия банка и обслуживаемых клиентов гарнизона офицер по связям с личным составом обязан: оказывать помощь руководству банка и начальнику гарнизона в погашении задолженности в случае невозврата индивидуальными заемщиками займов и наличия овердрафтов по чековым счетам; ежегодно оценивать деятельность банка, обслуживающего лиц гарнизона, и представлять начальнику гарнизона предложения по развитию банковских услуг; участвовать в разработке соглашения между руководством банка и начальником гарнизона (обсуждать условия предоставления услуг и взимаемые банком тарифы); следить за законностью деятельности банковских учреждений и оказывать помощь начальнику гарнизона по сбору и докладу банковским регулирующим органам о фактах противозаконных действий должностных лиц банка.

Деятельность офицера по связям с личным составом: помогает банку своевременно выявлять возникающие потребности в банковских услугах без затрат на маркетинговые исследованиях; способствует сохранению стабильной клиентской базы банка, что позволяет получать стабильный доход; защищает права личного состава гарнизона; повышает уровень финансовой ответственности личного состава при совершении банковских операций; способствует соблюдению законности совершения банковских операций.

С целью реализации четвертого принципа – комплексности оказываемых услуг – обычно банки, обслуживающие армейский гарнизон, совершают следующие операции: осуществляют операции клиентов по банковским счетам; продают и покупают сберегательные ценные бумаги Правительства США; продают банковские ценные бумаги (дорожные чеки, депозитные и сберегательные сертификаты и др.); принимают платежи от частных лиц за коммунальные услуги; зачисляют средства в доход Казначейства; осуществляют операции с пластиковыми карточками; выдают кредиты индивидуальным заемщикам; принимают суммы для зачисления во вклады и чековые счета; оплачивают чеки; оказывают консультационные услуги. Банки должны в максимально возможном объеме удовлетворять потребности обслуживаемых клиентов.

Банк стремится как к расширению перечня оказываемых услуг, так и к увеличению времени их предложения. Банковское учреждение совершает работу с клиентами в течение всего рабочего дня. С целью увеличения времени обслуживания и обеспечения дополнительных удобств личному составу банковским учреждением используются банкоматы.

В расширении деятельности банков оказывают содействие и командование гарнизона, и финансовые органы министерства обороны США.

В настоящее время банковское обслуживание Вооруженных Сил Российской Федерации осуществляется расчетно-кассовыми центрами и полевыми учреждениями Центрального банка Российской Федерации

(Банка России), а также коммерческими банками (прежде всего, ОАО «Сбербанк России», ЗАО «ВТБ 24» и др.). Анализ банковского обслуживания гарнизонов армии США позволяет высказать следующие направления использования этого опыта в банковском обслуживании Вооруженных Сил Российской Федерации.

1. Необходимость привлечения специального банковского учреждения для обслуживания лиц и финансовых органов гарнизона должна быть обусловлена наличием потребности в банковских услугах со стороны данных клиентов.

Данная потребность может быть связана с невозможностью получения банковских услуг лицами гарнизона со стороны близлежащих кредитных организаций или с превышением затрат на получение таких услуг над расходами по открытию банка в гарнизоне.

2. Выбор специального банковского учреждения следует проводить на конкурсной основе, исходя из надежности банка, широты предоставляемых услуг, их стоимости и др. факторов.

3. Для обеспечения качества обслуживания и разграничения прав и обязанностей необходимо предусмотреть заключение соглашения между начальником гарнизона и руководителем банка.

В заключении следует предусмотреть: перечень и плату за услуги, предоставляемые банком; возложение финансовых рисков совершаемых банковских операций исключительно на банк; обязанность разработки банком программ по обучению клиентов совершению банковских операций.

4. Для повышения качества взаимодействия банковского учреждения и личного состава приказом начальника гарнизона следует назначать офицера по связям с личным составом для выполнения обязанностей на общественных началах.

Исходя из необходимости проведения работы с личным составом гарнизона и работниками банковского учреждения, возможно назначение такого должностного лица из числа офицеров – заместители командиров и начальников различных звеньев по воспитательной работе.

Организация учета материальных и денежных средств в боевых воинских частях должна быть оперативной, позволяющей осуществлять контроль за их сохранностью и использованием по назначению. Переход на бухгалтерский учет целесообразно провести по этапам, аналогично переводу на обслуживание через органы Федерального казначейства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Army Regulation 210-135. Installations. Banks and Credit Unions on Army Installations. Heardquarters. Department of the Army. Washington, DC. 1 June, 1988, para 1-1 b.
2. Army Regulation 210-135. Installations. Banks and Credit Unions on Army Installations. Heardquarters. Department of the Army. Washington, DC. 1 June, 1988; Army Regulation 210-135. Installations. Banking service on Army Installations. Heardquarters. Department of the Army. Washington, DC. 15 August, 1978; Army Regulation 210-135. Installations. Banking service on Army Installations. Heardquarters. Department of the Army. Washington, DC. 15 June, 1970.

I.E. KALENOVA,
V.N. ARDASHEV

И.Е. КАЛЕНОВА,
В.Н. АРДАШЕВ

МЕТОДОЛОГИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В КЛИНИЧЕСКОЙ НЕВРОЛОГИИ

METHODOLOGY OF DECISION-MAKING IN CLINICAL NEUROLOGY

Работа посвещена использованию математических методов в клинической неврологии. На большом клиническом материале более 400 больных ишемическим инсультом построены решающие правила прогнозирования исходов болезни, дифференциальной диагностики патофизиологических подтипов ишемического инсульта и гемодинамических моделей повреждения головного мозга.

На этапе классификации клинического материала применен факторный анализ. Для диагностических и прогностических заключений использованы регрессионный и дискриминантный анализы. Сочетанние применения различных математических подходов моделирует этапы врачебного мышления. Полученные заключения позволяют выработать методы целенаправленной, превентивной терапии неблагоприятных исходов болезни.

The article is dedicated to the use of mathematical methods in clinical neurology. With the use of large amount of clinical material of over 400 patients with ischemic stroke decisive rules of forecasting of the disease outcome, differential diagnosis of pathophysiological subtypes of ischemic stroke and hemodynamic patterns of brain damage were built.

At the stage of classification of clinical material factor analysis was used. For diagnostic and prognostic conclusions regression and discriminant analysis was used. Combined use of different mathematical approaches serves as a model of the stages of doctor's thinking. The obtained conclusions permit to develop target-specific, preventive therapy of unfavorable outcomes of the disease.

We computed the decision rules predict disease outcomes, on a large clinical material.

Ключевые слова: клиническая неврология, инсульт, прогнозирование, диагностика, моделирование, врачебное мышление.

Keywords: clinical neurology, brain stroke, forecasting, diagnostics, modeling, doctor's thinking.

Работа врача у постели больного сопряжена с разносторонними подходами оценки большого числа признаков. Часть мыслительных процедур по формулировке диагноза могут быть смоделированы с помощью математических подходов.

Степень применения математики в научных дисциплинах служит объективной оценкой глубины знаний об изучаемом предмете. Многие явления физики, химии, техники описываются достаточно полно с применением математических методов. В биологических науках математические методы носят прикладной характер, что связано с вариабельностью, неточностью, сложностью объектов, процессов и явлений. В результате попыток обработки медицинских данных возникла идея корреляции, являющаяся основой построения медицинских заключений (5-8). В последние десятилетия математические методы внедряются в медицину благодаря развитию кибернетических подходов и информатике [7, 10]. Внедрение в практику врача прикладных программ для ЭВМ по статистической обработке данных позволяет получать более точные выводы и рекомендации, использовать и обосновать внедрение новых методов лечения и диагностики. В настоящей работе мы попытались использовать математические подходы к диагностике и прогнозированию одного из самых тяжелейших заболеваний человечества – ишемическому инсульту.

Прогнозирование исхода заболевания является составным элементом искусства врачевания и вершиной врачебной деятельности, оно позволяет целенаправленно использовать превентивную лечебную тактику путем создания индивидуальных реабилитационных программ для каждого пациента. На сегодняшний день известно несколько десятков моделей прогноза ишемического инсульта [2, 6, 7, 9, 10], которые не решают проблемы прогнозирования в конкретных лечебных учреждениях. Различные схемы исследования и лечебные подходы вносят неоднозначную интерпретацию результатов прогноза. Разработка моделей прогнозирования исходов ишемического инсульта, несмотря на многочисленные исследования, остается актуальной проблемой современной медицины [2, 4, 11,]. Создание баз данных по особенностям клинических проявлений заболевания, осложнениям и исходам ишемического инсульта, рассчитанных на применение в отечественных лечебных учреждениях, – один из путей, решения проблемы организации превентивной терапии многих заболеваний [3, 10].

В настоящей статье излагаются основные положения разработанной авторами методики прогнозирования исходов острого периода ишемического инсульта с использованием математических методов для обоснования тактики врача при выборе лечебных и реабилитационных мероприятий.

Для прогнозирования исходов ишемического инсульта были взяты две группы больных: первую составили больные, перенесшие острый период болезни (342 человека), вторую – (62) – умершие пациенты. Концепция гетерогенности ишемического инсульта, разработанная академиком РАМН Н.В. Верещагиным (2003) является одним из подходов для выработки индивидуальных программ лечения больных ишемическим инсультом. Согласно предложенной классификации, к атеротромботическому инсульту отнесены 37% больных, кардиоэмболическому – 23%, гемодинамическому – 20%, лакунарному – 15%. Отметим, что концепция гетерогенности ишемического инсульта предусматривает в себе идею дифференцированной оценки всех возможных вариантов ишемического инсульта, что по своей сути является задачей дифференциального диагноза (рис. 1.).

В основу диагностики ишемического инсульта положены методики нейровизуализации и определение объема инфаркцированного мозга в см^3, определяемые по данным компьютерной томографии, выполненной при поступлении больных в клинику. Всем больным была выполнена допплерография краниальных артерий и трансторакальная эхокардиография. Лабораторные признаки включали исследование липидного обмена, показатели коагулограммы и развернутый спектр биохимических исследований. Клинические признаки первых дней болезни, сведенные в базу данных для ЭВМ, представляли клинический опросник, в котором качественные признаки оценивались бинарным кодом, а количественные признаки их абсолютным значением.

Математическая обработка включала расчет следующих параметров: средних арифметических значений (M), средних квадратических отклонений, средних квадратических ошибок (m), достоверность различия средних значений в исследуемых группах больных с помощью критерия (t) Стьюдента. Статистически достоверными считали различия при $p < 0,05$. С целью

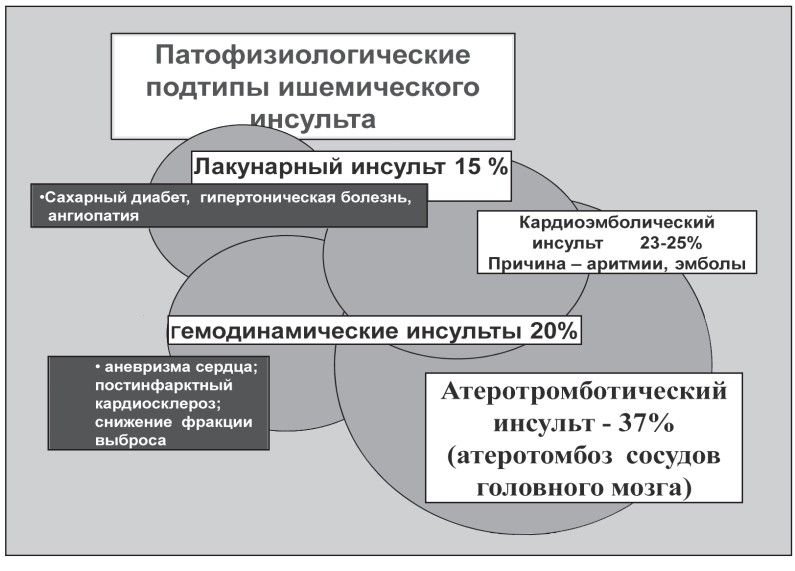

Рис. 1. Патофизиологические подтипы ишемического инсульта

Таблица 1

Основные методы математической статистики в решении клинических задач и принятия решения

Задача	Метод	Математическая модель
Сопоставление достоверности различия между отдельными признаками	t – критерий Стьюдента, t – критерий Уэлча	Проверка достоверности изменений
Сопоставление достоверности различия по совокупности признаков	T^2 – критерий Хотеллинга	Проверка достоверности многомерных изменений
Объединение признаков в группы, идентичные понятию «синдром» заболевания	Факторный и кластерный анализы	Модель синдромного подхода. Анализ связей между признаками. Формирование гипотез
Иерархическая классификация больных	Кластерный и факторный анализы	Модель классификации и диагностики
Оценка выраженности признаков для диагностики и прогноза	Регрессионный анализ	Модель диагностики и прогноза
Дифференциальная оценка совокупности признаков для диагностики и прогноза	Дискриминантный анализ	Модель дифференциальной диагностики и прогноза
Схема выбора лекарственных средств	Логическое программирование	Модель выбора целенаправленной терапии

проведения анализа между признаками, выявления связей между ними, а также осуществления прогноза нами также применялись методы многомерной статистики: факторный, корреляционный, дискриминантный, регрессионный анализы. Использование методов многомерной статистики позволяет анализировать большое число признаков, которые свойственны современной медицине. Зачастую признаки заболевания дублируют друг друга, имеют высокую чувствительность, т.е. часто встречаются при данном заболевании (чувствительность метода), но могут быть выявлены при других заболеваниях – ложноположительные заключения (специфичность метода). Диагностическая эффективность математических моделей сопряжена с наилучшими показателями чувствительности и специфичности. Развитие диагностических систем на сегодняшний день сопряжено с этими основными направлениями (табл. 1).

В обобщенном виде требования к диагностическим системам можно свести к следующим положениям:

поиск признаков, свойственных только этому заболеванию и не встречающихся при других болезнях;

исследование совокупности признаков и/или их сочетаний, патогномоничных для данного заболевания;

разработка методов дифференциальной оценки, или голосование, когда каждый признак оценивается по отношению к каждому из возможных заболеваний, что по своей сути является дифференциальным диагнозом.

Врач у постели больного использует все перечисленные приемы, это отличает его интеллектуальную деятельность от формальных подходов ЭВМ.

На примере ишемического инсульта представлены результаты различных математических подходов к прогнозированию исходов заболевания. Факторный анализ основан на идее, согласно которой значения всех анализируемых признаков формируются под воздействием сравнительно небольшого количества «латентных» факторов, неподдающихся непосредственному измерению. Иначе говоря, факторы выступают в роли причин, а анализируемые признаки – в роли следствий. Поскольку количество латентных факторов значительно меньше количества анализируемых признаков, факторный анализ позволяет снизить размерность признакового пространства. Основу факторного анализа составляет корреляционная матрица, которая в последующем факторизуется.

Суть факторизации составляет поиск совокупности признаков, объединенных между собой общей корреляционной связью, при этом признаки, вошедшие в фактор, имеют наибольшую факторную нагрузку. Дисперсия, описываемая первым фактором наибольшая и несет в себе определяющую информацию об исследуемом явлении. Каждый последующий фактор имеет меньшую величину дисперсии, но каждый из них ортогонален первому фактору, т.е. коэффициент корреляции между ними равен нулю. Группы признаков, прошедшие в главные факторы «3, 5 и более», могут рассматриваться как новый признак несущий новую информацию по исследуемому заболеванию, что идентично понятию синдромного подхода в клинической медицине. Одним из достоинств факторного анализа является возможность построения таксонометрических заключений. Учитывая ортогональность каждого из факторов на основании осей первых трех главных компонент можно построить математическую модель распределения пациентов в трехмерном пространстве и сопоставить ее с существующей классификацией болезней.

На рис. 2 приведены результаты исследования с использованием факторного анализа в группах патофизиологических подтипов ишемического инсульта. Различия распределения центров групп свидетельствуют о правомочности рассматриваемой классификации.

В нашем исследовании факторный и корреляционный анализы представлены также для выявления

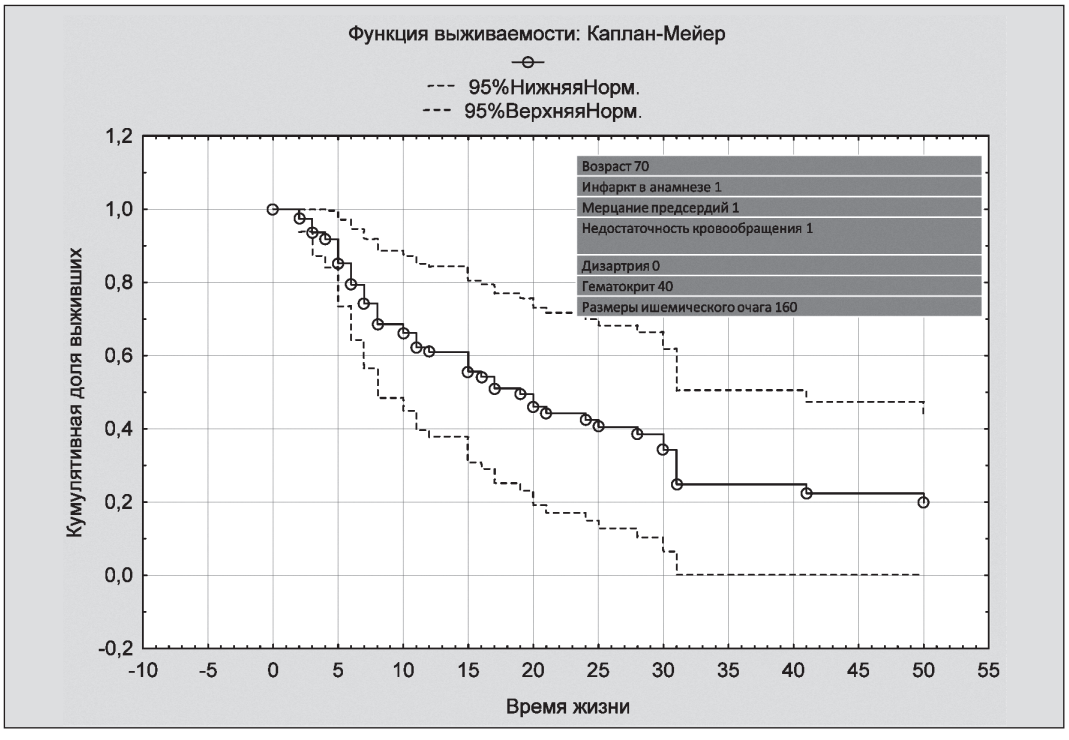

Рис. 2. Функция выживаемости Каплана-Мейера

связей между признаками, характеризующими работу сердца, мозговую гемодинамику, основные факторы риска ишемического инсульта.

Задачей регрессионного анализа является оценка выраженности признаков для выявления связей между рассматриваемыми состояниями – регрессионного уравнения. Регрессионный анализ используется для задач диагностики, где решающее значение имеют абсолютная величина исследуемого признака. Метод получил широкое распространение для дифференцировки двух рассматриваемых состояний и для оценки степени выраженности и/или тяжести процесса.

Индивидуальные и возрастные особенности мозга, его вариабельные реакции на локальное ограничение мозгового кровотока реализуются в размерах инфаркта мозга. Борьба за уменьшение размеров очага инсульта – важнейшая задача лечащих врачей.

При использовании методов многомерной статистики нами с использованием регрессионного анализа получено уравнение оценки объема инфаркцированного мозга для больных атеротромботическим инсультом, которое имеет вид:

$$У = 404 – ЧССх2,4 +250 х СУС + 76 х НФТ + +Ht х 2,5 – ФВ х 2,7-ЛСДК ВСА х 2,5 – – 5,4 х ЛСДК ПА,$$

где у – объем инфаркта мозга; 404 – постоянный член уравнения; ЧСС – число сердечных сокращений; СУС – снижение уровня сознания; НФТ – нарушение функции тазовых органов; Ht – гематокрит; ФВ – фракция выброса; ЛСДК ВСА – линейная скорость движения крови по внутренней сонной артерии на стороне поражения; ЛСДК ПА – линейная скорость движения крови по позвоночной артерии.

В результате решения уравнения врач получит показатель, указывающий на возможные размеры ишемического инфаркта мозга. Полученное уравнение имеет высокую чувствительность (77,5%), что позволяет рекомендовать данный подход для клинического применения. В приведенном уравнении снижение уровня сознания, нарушения функции тазовых органов, повышение уровня гематокрита имеют прямую связь с объем повреждения мозга. Фракция выброса левого желудочка, скорость кровотока в магистральных церебральных артериях на стороне поражения при ишемическом инсульте имеют обратную зависимость с объемом поврежденного мозга. Полученные результаты указывают на необходимость поддержания должных значений фракции выброса и числа сердечных сокращений с использованием кардиотонических препаратов. Нормализация скорости кровотока в мозговых артериях также уменьшают размеры ишемического очага в мозгу. Это может достигаться с помощью поддержания перфузионного давления, улучшения реологических свойств крови и восстановления кровотока в инсультзависимых сосудах мозга, что достигается применением тромболитической терапии (3). В остром периоде болезни мы применяли препарат актилизе – рекомбинантный тканевой активатор плазминогена.

Для надежного выделения нескольких заболеваний наиболее удачной моделью дифференциального диагноза следует считать дискриминантный анализ. Дискриминантный анализ рассматривает каждый признак болезни по отношению к множеству заболеваний при

этом признаки ранжируются по степени их значимости. Кроме того, учитывается связь между всей совокупностью признаков, вошедших в уравнение.

Для надежного выделения нескольких заболеваний наиболее удачной моделью дифференциального диагноза следует считать дискриминантный анализ. Дискриминантный анализ рассматривает каждый признак болезни по отношению к множеству заболеваний, при этом признаки ранжируются по степени их значимости. Кроме того, учитывается связь между всей совокупностью признаков, вошедших в дискриминантное уравнение (3, 11, 15).

Дискриминантная функция может быть описана уравнением, которое в данном примере составлено для четырех дифференцируемых состояний), которое имеет вид:

$$y_{1-3} = a_{1-4} \times x_1 + a_{1-4} \times x_2 + a_{1-4} \times x_3 ... + a_i \times x_i + k;$$

где y_{1-4} – дискриминантный показатель четырех рассматриваемых состояний, наибольший из которых соответствует первому по рангу рассматриваемому состоянию; a_{1-4} – весовые коэффициенты дискриминантной функции для каждого из четырех рассматриваемых состояний; x – абсолютная величина признака, оцениваемая у больного; k – коэффициент дискриминантного уравнения.

В результате решения дифференциальных уравнений врач будет иметь четыре расчетных дискриминантных показателя, наибольшая величина из которых будет соответствовать наиболее вероятному заболеванию, а второй и третий показатели по рангу оценивают вероятность возникновения других состояний.

На этапе построения решающих правил дифференциальной диагностики подтипов ишемического инсульта мы использовали дискриминантный анализ. В исследования были включены все пациенты с атеротромботическим, лакунарным, кардиоэмболическим, гемодинамическим инсультами – 385 человек, из них умерли 62 человека. Наибольшую группу составили больные с атеротромботическим инсультом (150 человек), в нее вошли больные, имеющие четкую морфологическую картину атеротромботического поражения головного мозга по данным КТ-исследования (наличие атеросклеротических бляшек в мозговых артериях в сочетании с очагами ишемического поражения мозга). В группу лакунарного инсульта вошел 61 человек, имевших легкое течение болезни, быструю динамику регресса клинических проявлений и очаго-

Таблица 2

Решающее правило дифференциальной диагностики патофизиологических вариантов ишемического инсульта (n = 385)

Переменная	Весовые значения коэффициента «а» для дифференциальной оценки рассматриваемых состояний			
	Атеротромботический инсульт	Лакунарный инсульт	Кардиоэмболический инсульт	Гемодинамический инсульт
Мерцание предсердий, (нет – 0, есть – 1)	31,233	32,496	172,776	21,200
Фракция выброса, %	4,109	3,994	4,674	3,086
Постишемическая киста, количество	21,724	13,180	27,588	16,694
Наличие аневризмы сердца, (нет – 0, есть – 1)	- 4,309	- 1,545	3,520	6,145
Патологический нистагм, (нет – 0, есть – 1)	- 2,504	1,097	3,517	- 0,794
Дизартрия, (нет – 0, есть – 1)	- 4,273	- 5,179	- 10,212	- 2,248
Размеры ишемического очага, $см^3$	0,050	0,043	0,049	0,041
Нарушение координации в конечностях, (нет – 0, есть – 1)	9,002	7,171	7,064	5,341
Облитерирующий атеросклероз сосудов ног, (нет – 0, есть – 1)	2,768	2,127	1,499	3,611
Снижение интеллекта, (нет – 0, есть – 1)	5,836	4,632	9,337	3,912
ЛСК во внутренней сонной артерии, см/сек.	0,752	0,674	0,805	0,533
Возраст, годы	0,918	0,942	0,953	0,804
Инфаркт миокарда в анамнезе, (нет – 0, есть – 1)	- 3,893	- 3,822	- 2,048	0,488
Желудочковая экстрасистолия, (нет – 0, есть – 1)	9,558	9,212	15,319	5,995
Нарушение функции тазовых органов, (нет – 0, есть – 1)	15,297	14,127	15,223	10,392
СОЭ крови, мм/час	- 0,141	- 0,158	- 0,184	- 0,039
Снижение уровня сознания, (нет – 0, есть – 1)	- 7,365	- 4,298	- 4,095	- 8,022
Инсульт в анамнезе, (нет – 0, есть – 1)	- 3,071	- 3,983	- 5,444	- 1,632
Симптом Бабинского, (нет – 0, есть – 1)	3,520	- 3,124	0,814	- 2,055
Константа	- 178,741	- 164,752	- 297,271	- 114,773

вое поражение мозга не превышающее 3-5 мм. В группе кардиоэмболического инсульта было 94 человека, у которых инсульт возник внезапно, сопровождался тяжелым течением, у всех пациентов отмечались тяжелые нарушения ритма сердца и проводимости.

В группу больных с гемодинамическими инсультами вошли 80 человек, у которых диагностировалась тяжелая сердечно-сосудистая патология, сопровождавшаяся выраженной недостаточностью кровообращения. В математическую обработку не включены 20 больных с геморелогическими инсультами вследствие малочисленности наблюдений и специфики заболевания (болезни крови).

Для математического анализа использовались все признаки разработанной нами истории болезни. В результате математической обработки получено решающее правило дифференциальной диагностики рассматриваемых состояний, позволяющее с точностью 90,6% выполнить поставленную задачу.

В табл. 2 приведены 19 наиболее значимых дифференциально – диагностических клинических признаков, которые ранжированы по критерию Фишера, по степени их дифференциально-диагностической значимости. Каждый признак получает свой весовой коэффициент по отношению к каждому из рассматриваемых вариантов инсульта. Наибольшее абсолютное значение весового коэффициента «а» свидетельствует о приоритете признака дифференциальной диагностики.

Первый признак «наличие мерцания предсердий» имеет величину коэффициента «а» 172,7 ед. в группе больных кардиоэмболическим инсультом, в других группах его значение от 21,2 ед. до 32,4 ед., что в пять раз меньше максимального значения. Данные результаты подтверждают важность мерцательной аритмии в генезе тромбоэмболических инсультов.

Второй признак – «фракция выброса», определяемая данными эхокардиографии, приоритет этого признака принадлежит группе гемодинамического инсульта – 3,08 ед., при котором определяются наименьшие значения этого показателя.

Третий по значимости признак – «постишемические кисты», являющиеся морфологическим субстратов ранее перенесенных инсультов, имели наибольший приоритет в группах кардиоэмболического инсульта 27,5 ед. и 19,7 ед. атеротромботического инсульта.

Наличие аневризмы сердца свойственно в первую очередь больным с гемодинамическим вариантом инсульта, что свидетельствует о связи кардиальной и церебральной гемодинамики в патогенезе гемодинамических расстройств.

Последующие признаки, вошедшие в уравнение, также вносят свой вклад в дифференциальный диагноз вариантов инсульта, так патологический нистагм наиболее выражен при кардиоэмболическом инсульте, что связано с наибольшим размером ишемического очага, а дизартрия присуща гемодинамическим инсультам.

Нарушение координации движения в конечностях свойственно атеротромботическому инсульту, облитерирующий атеросклероз сосудов ног – гемодинамическому инсульту, а снижение интеллекта наиболее выражено у больных с кардиоэмболическим и атеротромботическим инсультом.

Линейная скорость движения крови в наружной сонной артерии на стороне поражения вносит свой вклад в определение наиболее тяжелых поражений, свойственных тромбоэмболическим и атеротромботическим инсультам.

Следующие два признака – «возраст» и «инфаркт миокарда» – в анамнезе выделяют группу больных с гемодинамическими расстройствами.

«Желудочковые нарушения сердечного ритма» как и «мерцательная аритмия» выделяют группу кардиоэмболических инсультов. «Расстройства тазовых органов» свойственны атеротромботическим и кардиоэмболическим инсультам.

Общеклинические признаки «скорость оседания эритроцитов», «снижение уровня сознания», «инсульт в анамнезе», «симптом Бабинского» выделяют кардиоэмболический и гемодинамический инсульты.

Мы уже писали о том, что в результате решения системы дискриминантных уравнений врач будет иметь четыре интегральных показателя, абсолютное максимальное значение которого будет относить пациента в группу соответствующего варианта течения инсульта. Мы предлагаем оценивать не один первый показатель приоритета, а оценивать всю совокупность расчетных величин, решая тем самым задачу дифференциальной диагностики и ранжирования возможных патогенетических вариантов. Для правильной выработки целенаправленной терапии необходимо оценивать как минимум два – три возможных варианта клинического течения ишемического инсульта.

При проверке решающего правила на группе контроля, состоящей из 113 человек, чувствительность метода составила 90%, специфичность 90% (табл. 3). Можно видеть, что диагностика атеротромботического инсульта имеет чувствительность 92,5 % и специфичность 86 %. Из 40 больных лишь 3 человека ошибочно ранжированы в группу лакунарного инсульта, а ошибочный диагноз атеротромботического инсульта был поставлен 6 пациентам лакунарным инсультом.

Высокая чувствительность (100%) и высокая специфичность (95%) в выделении кардиоэмболического инсульта невольно заставляют заподозрить самостоятельный характер кардиоэмболического инсульта в отличие от других форм ишемического инсульта, что отмечается и другими авторами (12).

Гемодинамический инсульт, сопряженный с тяжелой сердечно-сосудистой патологией, также претендует на самостоятельный вариант клинического течения болезни, в патогенезе которого лежит сердечная недостаточность.

Несомненным достоинством разработанного подхода является возможность дифференциальной оценки всех возможных подтипов ишемического инсульта. Организация целенаправленной, индивидуально обусловленной, непротиворечивой превентивной терапии и тактика реабилитационных мероприятий должны предупреждать несколько наиболее вероятных подтипов ишемического инсульта.

Таблица 3

Проверка точности решающего правила

Группа		Клинические варианты				Чувствительность, %
	Всего	Атеро-тромботический инсульт	Лакунарный инсульт	Кардио-эмболический инсульт	Гемоди-намический инсульт	
Атеротромботический инсульт	40	37	3	0	0	92,5000
Лакунарный инсульт	35	6	27	1	1	77,1429
Кардиоэмболический инсульт	22	0	0	22	0	100,0000
Гемодинамический инсульт	14	0	1	0	13	92,8571
Всего	113	43	31	23	14	90,625
Специфичность, %	90	86	87	95	92	

Для прогноза благоприятного и неблагоприятного исходов ишемического инсульта нам также использован дискриминантный анализ.

В табл. 4 представлено решающее правило прогнозирования исходов ишемического инсульта.

Таблица 4

Решающее правило прогнозирования исходов ишемического инсульта

Признак и его оценка	Весовые коэффициенты «а» дискриминантной функции для групп	
	Выжившие	Умерших
Фракция выброса, %	0,9671	0,6690
Пневмония, (нет – 0, есть – 1)	1,3784	4,9966
Лейкоциты крови, абс. значение	0,2463	0,6978
Возраст, годы	0,4032	0,5942
Недостаточность кровообращения, ФК 1- 2-3-4	0,2279	2,7301
Фибриноген, г/л	2,0168	3,8623
Сахарный диабет, (нет – 0, есть – 1)	6,7403	14,0061
Атеросклероз аорты, (нет – 0, есть – 1)	-3,8581	-1,4427
Локализация ствол, (нет – 0, есть – 1)	-2,4990	3,0904
ЛПНП, моль/л	0,7446	2,5659
Локализация мозжечок, (нет – 0, есть – 1)	3,3668	11,1567
ЛСК во внутренней сонной артерии, см/ сек (сторона поражения)	0,6128	0,2020
Лакунарный инсульт в анамнезе, (нет – 0, есть – 1)	16,0486	10,0963
Количество кист (данные КТ)	1,9401	2,6749
Константа	-70,7633	-80,1966

В результате решения дифференциальных уравнений врач будет иметь два расчетных дискриминантных показателя, наибольшая величина из которых будет соответствовать наиболее вероятному исходу заболевания. В табл. 4 представлено решающее правило прогнозирования исходов ишемического инсульта. Для его построения использованы клинические данные всех больных обучающей выборки – 403 человека, из них 342 благополучно перенесли острый период болезни, а 62 больных умерли.

Признаки, представленные в табл. 4, ранжированы по степени их дифференциально – диагностической значимости. На первом месте стоит фракция выброса, наибольшее значение которой относит пациента к группе выздоровевших больных, на втором месте – сопутствующая пневмония, отягощающая прогноз заболевания, на третьем – количество лейкоцитов в крови, далее следуют возраст, недостаточность кровообращения, фибриноген. Сопутствующие сахарный диабет, атеросклероз аорты и магистральных артерий отягощают прогноз болезни.

Ряд признаков оценивается по данным компьютерной томографии – количество постишемических кист, локализация в стволовые структуры и мозжечок.

Линейная скорость движения крови по внутренней сонной артерии, оцениваемая на стороне поражения с использованием ультразвуковой допплерографии, относит пациента к группе благоприятного исхода – чем выше скорость кровотока и больше проходимость внутренней сонной артерии, тем благоприятнее исход. Признак «лакунарный инсульт в анамнезе» также относит пациентов к группе с вероятным благополучным исходом.

Для расчета прогностических показателей необходимы признаки, выявленные у больного, сопоставить путем умножения с коэффициентами «а» каждого из возможных исходов болезни, полученные произведения суммируются алгебраическим сложением, в том числе константой. Наибольший из показателей относит пациента к соответствующей группе. Точность полученных уравнений составила:

Таблица 5

Вероятностная модель летальности больных ишемическим инсультом

	Оценка параметров						
	Оценка параметров	Стандартная ошибка	Хи-квадрат	р-уровень	95% Нижний уровень доверия	95% Верхний уровень доверия	Отношение рисков
Возраст	0,026814	0,012093	4,916884	0,026595	0,0013113	0,50515	1,027177
Инфаркт в анамнезе	0,360541	0,292196	1,522516	0,0217239	-0,217239	0,933234	1,434105
Мерцание предсердий	0,378215	0,330920	1,306260	0,0253037	-0,270377	1,026807	1,459676
Недостаточность кровообращения	1,257865	0,413623	9,248218	0,002357	0,447178	2,068552	3,517904
Дизартрия	0,716647	0,334574	4,588043	0,032196	0,060894	1,372399	2,047556
Гематокрит	-0,030236	0,022693	1,775279	0,0182730	-0,074715	00,014242	0,970216
Размеры ишемического очага	-0,000602	0,000484	1,550603	0,0213046	-0,001550	0,000346	0,999398

при прогнозе благоприятного исхода чувствительность – 98%, специфичность – 96%;

при прогнозе неблагоприятного исхода чувствительность – 96%, специфичность – 98 %.

Среднеарифметическая величина двух дискриминантных показателей является интегральным признаком, оценивающим тяжесть состояния больного.

Максимальная величина интегрального показателя умерших пациентов составила 96 -110 баллов, а минимальная у больных с благоприятным исходом – 25 баллов.

Полученные результаты легли в основу программ определения пропорционального риска с построением моделей Кокса. Регрессионная модель Кокса пропорционального риска предназначена для проверки гипотезы о влиянии ряда показателей (факторов) на риск возникновения неблагоприятного исхода.

На рис. 1 и в табл. 5 представлены наиболее неблагоприятные признаки, свидетельствующие о возможном летальном исходе, вероятность которого в течение 50 дней составляет 20%.

Интерпретация результатов метода Кокса предполагает изучение коэффициентов регрессии для каждого показателя. Положительный коэффициент регрессии указывает на более высокий риск (т.е. при более высоком коэффициенте прогноз хуже). И наоборот, отрицательный коэффициент регрессии свидетельствует об улучшении прогноза. Итогом вычислительной процедуры является определение функция риска – вероятность наступления определенного события у пациента в течение короткого интервала времени (50 суток) при условии, что пациент дожил до начала этого интервала. Функцию риска можно рассчитать с помощью следующего уравнения:

$$H(t) = \frac{\text{число пациентов, перенесших событие к моменту, } t}{(\text{число пациентов, выживших на момент}), x \text{ (длительность } t)}$$

Разработанные модели реализованы программами для ЭВМ, которые, наряду с прогнозом ближайшего периода болезни, указывает на время вероятного неблагоприятного исхода. Такой подход может быть использован для организации мероприятий вторичной профилактики и реабилитации больных ишемическим инсультом. Прогноз вероятного исхода ишемического инсульта указывает на тактику интенсивной терапии и сроки пребывания больных в отделении реанимации, для успешного предотвращения неблагоприятного исхода болезни.

Следует заметить, что ни один компьютерный подход не может заменить многогранного врачебного мышления, которому, кроме строгого взвешивания симптомов, свойственны интуиция и научное врачебное прогнозирование.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Верещагин Н.В. Гетерогенность инсульта//Инсульт: Приложение к журналу неврологии и психиатрии им.С.С.Корсакова. – 2003.- Выпуск 9.- С. 8-9.
2. Ершов В.И. Острейший период ишемического инсульта: клинико -патогенетическая характеристика, прогнозирование, вопросы оптимизации нейропротективной терапии: Автореф. Дис. д-ра мед. наук.-М., 2011. -45 с.

3. Скворцова В.И. Реперфузионная терапия при ишемическом инсульте/ В.И. Скворцова, Н.А.Шамалов // Consilium medicum. – 2011. – № 2. – С. 19 -22.
4. Суслина З.А., Пирадов М.А. Инсульт: диагностика, лечение, профилактика / Под ред. З.А. Суслиной, М.А.Пирадова. – 2-е изд. –М.: МЕДпресс-информ, 2009. – 288 с.
5. Фадеева Л.Н. Теория вероятности и математическая статистика. М.; ЭКСМО, 3006. 399 с.
6. Чухловин А.А. Варианты и прогноз исходов ишемических инсультов: автореф. дис.. канд. мед. наук. – С-П-г., 2009. – 32 с.
7. Шевченко Ю.Л., Шихвердиев Н.Н., Оточкин А.В. Прогнозирование в кардиохирургии. СПб: Питер Паблишинг, 1998. 208 с.
8. Шведов А.С. Теория вероятности и математическая статистика. М., Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. 253 с.
9. Шмырев В.И., Васильев А.Ю. Ведение больных, перенесших мозговой инсульт на этапе реабилитации. Ж. Врач № 4, 2009 – С.56-58
10. Addams LR, del Zoppo G, Alberts MJ et al. Guidelines for the early management of adults with ischemic stroke. Stroke 2007; 38: 1655 – 711.
11. Deleu D, Inshasi J, Akhtar N. Risk factors, manadgemtnt and outcome of subtypes of ischemic stroke: a stroke registry from the Arabian Gulf. J Neurol Sci. 2011 Jan 15; 300 (1-2): 142-7.
12. Nam HS, Lee KY, Kim YD. Failure of complete recanalization is associated with poor outcome after cardioembolic stroke. Eur J Nevrol. 2011 Sep; 18 (9): 1171-8.

V.M. MORDASHEV

В.М. МОРДАШЕВ

АТОМНЫЙ ДИРИЖАБЛЬ – КЛЮЧ К СОХРАНЕНИЮ И ПРОЦВЕТАНИЮ РОССИИ

ATOMIC AIRSHIP AS THE KEY TO THE PRESERVATION AND PROSPERITY OF RUSSIA

У России много труднодоступных и неосвоенных территорий. Осваивать эти территории можно и целесообразно только через воздухоплавание – дирижабли грузоподъемностью в тысячи тонн. Наиболее эффективны дирижабли такой грузоподъемности – атомные. Они достаточно безопасны и могут стать эффективным средством сохранения и процветания России

Russia has a lot of remote and undeveloped areas. Development of those areas is possible and expedient only through the use of aerostatics – airships with load carrying capacity of thousands tons. Nuclear airships are the most effective airships having such capacity. They are safe enough and can become an efficient tool for the preservation and prosperity of Russia.

Ключевые слова: труднодоступные территории, большегрузный транспорт, воздухоплавание, атомный дирижабль

Keywords: remote areas, heavy load transport, aerostatics, nuclear airship

РОССИЯ – СЕВЕРНАЯ СТРАНА С БОГАТЫМИ РЕСУРСАМИ

В начале XX века Д. И. Менделеев определил географический центр Российской империи в районе 63°29'с.ш. (около Туруханска). К 1992 году центр сместился к 66°25' с.ш.

После распада СССР Север занимает 65% площади России (в СССР – 49%). Эти малоосвоенные Россией территории являются крупнейшей в мире кладовой природных ресурсов. По оценкам ООН стоимость балансовых запасов основных видов полезных ископаемых России составляет $28 трлн. Из них на Север приходится 70–80%, а по разведанным запасам никеля, кобальта, олова и редкоземельных элементов почти 100%. Ресурсы США, кстати, оцениваются в $8 трлн. Запасы российских арктических шельфов составляют десятки миллиардов тонн нефти и десятки триллионов кубометров газа.

Восточная Сибирь и Дальний Восток богаты разнообразными природными ресурсами. На территории Сибири сосредоточено 94% общероссийских запасов урана, 85% свинца и платины, 80% угля и молибдена, 71% никеля, 69% меди, 44% серебра, 40% золота. На территории Дальнего Востока сосредоточено 92% общероссийских запасов олова, 81% алмазов, 40% золота, 23% вольфрама, 11% угля.

Однако, несмотря на богатые природные ресурсы, доля Сибирского федерального округа в общем объеме валового внутреннего продукта страны составляет всего 12%, а Дальневосточного федерального округа – 7%. Происходит снижение доли этих округов в общем объеме ВВП[1].

В РОССИИ МНОГО НЕОСВОЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Государственная граница России протянулась на 60932 км, общая площадь: 17075400 км^2, в том числе: суши: 16995850 км^2, водной поверхности: 79400 км^2. 85% территории непригодны для постоянного комфортного проживания населения. 8099 ледников общей площадью 56132 км^2 и вечная мерзлота занимают 65% территории России.

Мощность толщи многолетнемерзлых пород изменяется от 100–300 м в пределах низменностей до 500–600 м под водоразделами горных сооружений. Температура пород на подошве слоя годовых теплооборотов изменяется от минус 3°С до минус 12°С.

Освоение Севера, вовлечение в хозяйственную деятельность новых его территорий рождает проблему рационального природопользования. Зачастую невозможно предугадать, к каким результатам приведет воздействие человека на природу северных территорий. Особенность экосистем Севера заключается в том, что они обладают малой устойчивостью, легкоранимостью и низкой способностью ландшафтов к самовосстановлению. Положение усугубляется еще и отсутствием научных представлений о критически допустимых размерах антропогенного воздействия и адаптационных возможностях северных экосистем.

Большинство населения России сосредоточено в треугольнике, вершинами которого являются Санкт–Петербург на севере, Новороссийск на юге и Иркутск на востоке.

В Сибири, площадь которой составляет почти 3/4 территории России, проживает менее четверти населения, в основном вдоль Транссибирской железной

дороги, на которой расположены ее крупнейшие города – Новосибирск, Омск, Красноярск, Иркутск.

На Урале население сконцентрировано между городами Нижний Тагил и Магнитогорск.

Дальний Восток – около 36 % территории РФ и около 4,7 % населения РФ. Дальний Восток – самый депопулирующий регион страны: за период 1991–2010 гг. демографические потери составили 1,8 млн. человек, или 22% населения.

Территория, где на 1 км^2 в среднем приходится около одного человека, занимает треть пространства России. Все попытки властей заселить восточные регионы оборачиваются пустой тратой средств.

СОХРАНЯТСЯ ЛИ ЭТИ ТЕРРИТОРИИ ЗА РОССИЕЙ?

Не осваивая этих территорий, мы, в конце концов, потеряем их.

В трех приграничных провинциях Китая (Ляонин, Цзилинь и Хэй–лунцзян) проживает населения в 16,3 раза больше, чем на территории всего Дальнего Востока. Не возникает ли у них естественного желания освоить эти территории даже пешком? Причем, «освоение» может быть как «де-юре» (аренда) так и «де-факто» (миграция с приобретением российского гражданства, но с сохранением языка, культуры, общности, менталитета, патриотизма «Поднебесной»), что и по существу, и для перспективы мало чем отличаются. Некоторые эксперты уже высказывали мнение, что Россия в среднесрочной перспективе может не удержать за собой территории Дальнего Востока.

Вот как рисует данную проблему американский политолог, социолог и государственный деятель Збигнев Бжезинский: «Если пространство пустое, спросите себя, как долго оно будет оставаться пустым? Посмотрите на карту и сравните по размерам российскую и нероссийскую Азию. Российская часть так же велика, как и остальная часть Азии. И сколько народу ее населяет? Всего 35 миллионов человек против 3,5–4 миллиардов с другой стороны. Там мощный Китай с городами и дорогами, как в Америке. Там поднимаются развивающаяся Индия, многообещающий Иран. Если Россия сможет привлечь на свой Дальний Восток и в Сибирь инвестиции и людей, направить туда иммиграционные потоки, то тогда у вас есть будущее».

Владимир Путин по поводу миграции заявил: «Если в ближайшем будущем мы не предпримем практические шаги для развития Дальнего Востока, в течение нескольких десятилетий российское население будет говорить на китайском, японском и корейском».

КАК ОСВАИВАТЬ ЭТИ ТЕРРИТОРИИ?

Поскольку заселение этих территорий собственным российским населением не удавалось и, наверное, не удастся, освоение их должно включать не столько заселение, сколько освоение с помощью высокоавтоматизированных технологий и оборудования полной заводской сборки, например, такого, как реакторы гидрокрекинга нефти, R0101 и R0102, представляющие собой изделия диаметром более 5 м, длиной 35 м и массой более 1200 тонн, или атомные станции малой и средней мощности. Однако сегодня у России технических средств для транспортировки таких объектов в труднодоступные районы не существует.

ЧЕМ ТРАНСПОРТИРОВАТЬ? ДИРИЖАБЛЕМ!

Единственный вид транспорта, который мог бы транспортировать такое оборудование без нарушения экологии, особенно поверхностного слоя земли, и практически не требующий инфраструктуры на этих территориях, – воздухоплавательные аппараты, дирижабли.

Умберто Нобиле, итальянский конструктор дирижаблей, возглавлявший в 1932–1935 годах госкорпорацию «Комбинат Дирижаблестрой СССР», отмечал: «... В мире существует еще, по крайней мере, одна страна, где дирижабли могли развиваться и широко с пользой применяться. Это – Советский Союз с его обширной территорией, по большей части равнинной. Здесь, особенно на севере Сибири, огромные расстояния отделяют один населенный пункт от другого. Это осложняет строительство шоссейных и железных дорог. Зато метеорологические условия весьма благоприятны для полетов дирижаблей».

Эти районы уже знакомы с дирижаблем. Так 17 августа 1929 года дирижабль «Цеппелин» пролетел над Якутском, сбросив точно во двор редактора газеты «Автономная Якутия» почту и подарки. Полезная нагрузка этого дирижабля до 55 т, максимальная скорость – 128 км/ч, крейсерская – около 115 км/ч. Дальность полета – более 10000 км. Экипаж насчитывал 40–45 человек. За 8 лет своей службы с 1929 по 1937 годы замечательный воздушный корабль выполнил 580 дальних полетов, в том числе около 150 рейсов в Северную и Южную Америку. Семь раз «Цеппелин» с пассажирами на борту проплывал над Северным полюсом.

Дирижабль «Гинденбург», построенный в марте 1936 года как символ новой гитлеровской Германии, имел грузоподъемность 112 т.

Уже в наше время в Омске (СибАДИ) разработали целую линейку дирижаблей, в том числе ША–100 и ША–200, способных транспортировать груз весом около двух с половиной тысяч тонн (железнодорожный состав).

АТОМНЫЙ ДИРИЖАБЛЬ

Идеальной энергетической установкой для дирижабля представляется атомная, благодаря постоянству ее веса (не нужно компенсировать вес выработанного топлива, например, выпуском несущего газа) и неограниченной автономности (неограниченная дальность полета).

В 1964 г. автор в ИАЭ им. Курчатова написал научный отчет «К вопросу использования атомных силовых установок в дирижаблестроении”[2]. Отчет утвердил вице–президент АН СССР М.Д.Миллионщиков. Из отчета следует, что дирижабли с ядерными энер-

гетическими установками даже на основе водо–водяных атомных реакторов, давно освоенных промышленностью, в частности для морского флота, превосходят дирижабли с двигателями на обычном органическом топливе по всем тактико–техническим параметром, начиная с грузоподъемности 250 т.

Один из проектов атомного дирижабля описан в газете «Союзное вече» № 3 (136) за 22–28 февраля 2007 г.: «Каким же должен быть дирижабль XXI века? Это огромная – до трехсот метров в диаметре – «чечевица», наполненная гелием, с атомной энергетической установкой в 200–450 тыс. кВт. Он должен иметь спускаемую на тросах грузовую платформу, которая делает необязательной посадку на грунт при погрузке и разгрузке. Потенциальная грузоподъемность такого дирижабля–дисколета – до 2000 т, крейсерская скорость 150 – 250 км/час. Высота подъема – до 10 км. Дисколет может поднимать в 5 – 12 раз больше груза, чем самые большие самолеты, т.е. от 600 до 2000 т против 110 – 160 т».

Таким образом, сегодня атомный дирижабль – совсем не фантастика, а реальный проект.

Современные технологические возможности могли бы обеспечить создание подобного дирижабля в течение нескольких лет (атомная бомба потребовала от США и СССР всего по 6 лет, а для ее создания научных знаний и технических возможностей было куда меньше).

ПОЧЕМУ ЖЕ ГРУЗОПОДЪЕМНЫХ ДИРИЖАБЛЕЙ НЕТ? НЕ ТОЛЬКО АТОМНЫХ, НО И ОБЫЧНЫХ!

Упомянутый выше отчет автора был написан почти полвека назад. Но атомных дирижаблей как не было, так и нет. Больше того, и об обычных–то дирижаблях не много слышно! А для науки и техники полвека – огромный срок! Раз не было, значит, и быть не могло?!

Возникают вопросы:

1. Почему в других странах никто не строит большегрузные дирижабли?

2. Не свидетельствует ли о ненужности воздухоплавания для бизнеса и безопасности страны сама история дирижаблестроения?

3. Атомный реактор над головой – не атомная ли бомба с непредсказуемым временем взрыва?

Что ответить на них?

1. Единственная развитая страна с огромными бездорожьями – Россия. Другие страны имеют развитые транспортные артерии. Для слаборазвитых стран транспортировка большегрузного высокотехнологичного оборудования пока не представляет острой необходимости.

2. 1926 год. В Кремле проходит совещание, посвященное воздушному сообщению с отдаленными регионами страны. Один из представленных проектов был посвящен воздушной связи на дирижаблях между Ленинградом и Владивостоком по маршруту Ленинград – Архангельск – Диксон – Туруханск – Якутск – Владивосток. На линии предполагалось использовать дирижабли газоизмещением 105 или 130 тыс. м^3. Общее расстояние – 6400 км – должно было покрываться в 3–4 дня со скоростью 100 км/ч. Общая полезная загрузка дирижабля предполагалась до 50 т. Проект предусматривал использование трех дирижаблей: два курсировали бы на линии, один – резервный – базировался бы в Красноярске. Расчетная стоимость одного дирижабля – 5,5 млн. рублей,. всей линии 40–50 млн. Кроме главной трассы предполагались рейсы от Якутска до Иркутска, Охотска, Булуна. Однако история с очень заманчивым проектом завершилась плачевно. В справке от 18 мая 1926 г., выданной к заседанию Комиссии СНК СССР по вопросу организации Транссибирского воздушного пути на дирижаблях, был сделан вывод: проектируемый путь нецелесообразен из–за ограниченных возможностей Госбюджета СССР.

1930–е годы. Гибель лучших немецких, американских и английских дирижаблей пришлась на пору наибольшей их популярности. Непрекращавшаяся череда аварий и катастроф серьезно подрывала веру в надежность и целесообразность использования дирижаблей. 6 мая 1937 года на глазах у зрителей сгорел «Гинденбург», погибли 35 человек на борту и один на земле. В мирное время в катастрофах, унесших немало человеческих жизней, погибли американские жесткие дирижабли «Шенандоа» (14 погибших из 43 находившихся на борту), «Акрон» (73 из 76) и «Мейкон» (2 из 83), британские «R.38» (44 из 49) и «R.101» (48 из 54), французский «Диксмюнде» (50 из 50). Среди экспертов, изучавших причины гибели крупных дирижаблей, в частности «Акрона» и «Гинденбурга», высказывалось мнение о приведших к катастрофе разрушениях оболочки или емкостей с газом, произошедших на выполняемом маневре с малым радиусом циркуляции. Пока разбирались с причинами катастроф, дальнейший прогресс авиации оставил эпоху дирижаблей позади.

1964 год. Группа советских энтузиастов дирижаблестроения обратилась в правительство с технико-экономическим обоснованием дирижабля на обычном топливе. Для рассмотрения предложения было созвано совместное заседание научно-технических советов министерств авиационной промышленности и гражданской авиации СССР. На этом заседании по поручению М.Д.Миллионщикова довелось быть и автору. НТС признал нецелесообразным возрождение дирижаблестроения, а ТЭО – неубедительным. Основных аргументов было два: 1) Если принять стоимость единицы массы дирижабля равной стоимости единицы массы самолета, то дирижабли по экономичности проигрывают самолетам. 2) «Христос воскресил Лазаря потому, что труп был свежий! А дирижабли сгнили!» (реплика одного из Главных конструкторов вертолетов). Таким образом, вертолетчики «зарезали» конкурента, который не только не «стоял на ногах», но даже и не «ползал».

1980–е годы. Министр Среднего машиностроения СССР Е.П.Славский запретил думать об атомных реакторах в небе (свидетельство академика Ю.А.Рыжова), кроме космических.

1991 год. В Омске было создано государственное конструкторское бюро «Крыло» с задачей разработки дирижаблей нового поколения. Над проектом трудились сотни изобретателей, конструкторов и инженеров. Спустя три года государство даже выделило деньги на создание опытного образца первого отечественного грузового цеппелина. Однако реализации проекта помешал разразившийся политический и финансовый кризис. «Крыло» расформировали, а оставшуюся группу изобретателей–энтузиастов, просуществовавших некоторое время в ранге общественной организации, приютила Сибирская автодорожная академия.

Таким образом, на пути дирижаблестроения стояли не столько технические, сколько чисто психологические (например, радиофобия) и финансовые преграды.

За 3/4 века, прошедшие после ухода большегрузных дирижаблей со сцены, прогресс в области материалов и технологий произошел настолько значительный, что не может быть сомнений в возможности создания современного атомного дирижабля. В качестве несущего газа в нем можно использовать водород, гелий, горячий воздух (отдельно или в различных комбинациях). Управлять подъемной силой можно с помощью: двигателей, баллонетов, стягивающих устройства (для изменения объема газа), выпуска газа, изменения температуры газа, маневренного балласта, скорости (эффект крыла), По форме дирижабли могут различаться: от «сигары» до «чечевицы». Столь большое разнообразие конструктивного исполнения дирижаблей, современные возможности компьютерного проектирования и анализа надежности и безопасности открывает широкие перспективы для фантазии конструкторов и изобретателей дирижаблей. А современные средства навигации и управления смогут полностью исключить аварии, происходившие с дирижаблями в 1920 – 1930-х годах.

Несколько слов о безопасности атомного дирижабля.

Опасность представляет падение дирижабля за счет потери плавучести (например, из–за разрыва оболочки). Но, если несущий газ (например, водород) находится в «шариках», и этих шариков сотни тысяч, если не миллионы, и они плавают внутри секционированной оболочки, например, в гелии, то дирижабль никогда не приобретет вертикальной скорости вниз, при которой при ударе может разрушиться реакторная установка. Да и более жесткие инциденты не страшны, если применены новые средства антиударной защиты ядерных силовых установок. Такие существуют. Например, при взрыве ракет на погибшей подводной лодке «Курск» вахтенный журнал в реакторном отсеке остался лежать там, где был до взрыва. Опасности разрушения от горизонтальных ударов (например, при шторме) можно избежать, поместив ядерную энергетическую установку, например, в середине дирижабля, чтобы ее защищали от ударов упругие и мягкие конструкции дирижабля.

Нельзя полностью исключить возможность разрушения ядерного реактора в результате теракта. Самое большое разрушение ядерного реактора было (и превзойти его вряд ли возможно) при Чернобыльской катастрофе. При этом из хозяйственного оборота была выведена территория площадью 3000 км^2 (тридцатикилометровая зона). Т.к. мощность Чернобыльского реактора, по крайней мере, в 10 раз больше, чем у атомного дирижабля, то потеряна будет территория около 300 км^2, что составит около 0.02% территории России или 0.5% ее ледников. Игра стоит свеч![3]

Таким образом, атомные дирижабли особой опасности не представляют. Они не опаснее атомных станций, ледоколов и подводных лодок и тем более обычных самолетов, вертолетов и автомобилей, где число погибших огромно, но приемлемо – удобства того стоят.

СТОИМОСТЬ ДИРИЖАБЛЯ

По среднемировому показателю 1000 кубометров дирижабля (около 0.3 т груза) стоят около 1 млн. дол. (наши цены дешевле раза в два). Пусть стоимость установленного кВт – $5000 (стоимость американских АЭС – $2500/кВт). Тогда стоимость атомного дирижабля, описанного выше, по самым верхним оценкам будет существенно меньше $10 млрд., что меньше затрат на ЧМ в Сочи, но все же около 3% годового бюджета страны. Цифра огромная, но вполне по плечу российским миллиардерам, о которых в потомках осталась бы память как о Кузьме Минине, да и все их прегрешения забылись бы и простились бы и современниками, и потомками.

Оценки стоимости, проведенные авторами упомянутого проекта атомного дирижабля, более оптимистичны. Стоимость перевозки тонно-километра для дисколета грузоподъемностью 2000 т. по их расчетам составит около 0.015 дол. США. Для справки: самый дешевый транспорт в мире – морской, стоимость тонно–километра по морю 0.006 дол., стоимость перевозок автомобильным транспортом составляет около 0.15 дол., авиационным – порядка 0.40 дол. за тонно–километр. Возможно, авторы проекта атомного дирижабля ближе к истине. Тем привлекательнее будут инвестиции в него.

Потребное количество атомных дирижаблей невелико – порядка одного или нескольких десятков.

ВЛИЯНИЕ АТОМНОГО ДИРИЖАБЛЯ НА ЭКОНОМИКУ СТРАНЫ

Капитальные затраты и сроки строительства крупных промышленных объектов в России высоки не только в малодоступных и малонаселенных районах. Причина – проведение сложных строительных и монтажных работ непосредственно на производственной площадке, а не в специальных заводских условиях, из-за неразвитости транспортных артерий. Например, сегодня цена строительства атомной электростанции составляет $4500–5000 за установленный кВт, а время строительства 7– 8 лет. Это делает АЭС неконкурентоспособными. Переход на транспортировку крупных модулей заводского изготовления и

несложный монтаж их на производственной площадке сулит почти двойное сокращение капитальных и временных затрат, что обеспечит прорыв в конкурентоспособности. Кроме того, это потребует создания новых высокотехнологичных рабочих мест как на заводах, так и на вновь создаваемых объектах. Увеличится потребность в высокооплачиваемых высококвалифицированных специалистах для эксплуатации этих объектов немногочисленным персоналом. Это хороший стимул для прогресса.

АРЕНДА ИЛИ ЛИЗИНГ АТОМНЫХ ДИРИЖАБЛЕЙ ЗАРУБЕЖЬЕМ

Если будет подтверждена практически эффективность использования дирижабля внутри страны, что у автора не вызывает сомнения, то неизбежно появится желание использовать их в других странах. Поскольку потребность в них там непостоянная, а для выполнения транспортировки отдельных уникальных грузов, то за их строительство, кроме нас, вряд ли кто возьмется, а, например, брать в аренду у нас им будет выгодно.

АТОМНЫЙ ДИРИЖАБЛЬ КАК РЕШАЮЩАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОХРАНЕНИЯ И ПРОЦВЕТАНИИ РОССИИ

В истории некоторых стран сыграли огромную роль технологические новинки. Компас и порох сделали богатой и успешной маленькую Португалию путем освоения Индии, а Испанию – Америки. Английский корабль «Warrior» был первым кораблем с бронированным корпусом и паровой машиной. Он появился в 1860 г. как грозный военный корабль, сделавший бесполезными все современные ему корабли, и тем самым успешно служил средством устрашения противника, ни разу не участвуя в сражениях, но обеспечивая владычество Англии на море.

Атомный дирижабль стал бы не только символом территориальной защищенности России, подобно «Warrior», но и средством ее экономического могущества и процветания.

Атомный дирижабль, коль скоро он будет создан, сыграет ключевую роль в сохранении целостности России и ее процветании.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Возможно, цифры более соответствуют методам учета, нежели реальности, но это не меняет экономического состояния этих территорий.
2. См. В.М. Мордашев «К истории анализа и перспектив атомного дирижаблестроения», М., НИЦ «Курчатовский институт», ИАЭ–6612/3, 2009; В.М. Мордашев «Атомный дирижабль – техническая фантастика или реальность?», «Энергия: экономика, техника, экология», №3, 2011, с.51-57.
3. Заметим, что такая катастрофа возможна только при полном разрушении корпуса реактора подрывом или прямым попаданием тяжелого снаряда.

E.A. DEGTEREVA

Е.А. ДЕГТЕРЕВА

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБОРОННОГО СЕКТОРА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

FEATURES OF THE EUROPEAN UNION DEFENSE SECTOR FORMATION

В статье анализируются современные особенности консолидации оборонного сектора Европейского союза. Особое внимание уделяется институционально-правовым аспектам консолидации ВПК ЕС. Приводятся выводы, имеющие практическое значение для развития военно-промышленной кооперации России и Европейского союза в контексте модернизации оборонного сектора России.

The paper analyzes the modern features of the consolidation of the European Union defense sector. Special attention is paid to the institutional and legal aspects of the EU defense industry consolidation. The conclusions can have practical importance for the development of military-industrial cooperation between Russia and the European Union in the context of the modernization of the defense sector in Russia.

Ключевые слова: Европейский оборонный сектор, консолидация, интеграция, Европейская система коллективной безопасности, ЕС-НАТО, СНГ, военно-промышленная кооперация Россия.

Keywords: European defense sector, consolidation, integration, European system of collective security, EU and NATO, CIS, military-industrial cooperation of Russia.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКОЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЕМ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Регулирование широкого спектра вопросов, связанных с реализацией оборонной политики, обеспечением безопасности в ЕС, а также с формированием единого оборонного сектора Европейского союза осуществляется в рамках как первичного права, так и вторичного права Европейского союза. В рамках первичного права Сообщества данные вопросы регулируются положениями учредительных договоров ЕС (прежде всего, Маастрихтского договора [1], Амстердамского договора [2], Ниццкого договора [3], Лиссабонского договора [4]). Кроме того, положения первичного права получили развитие в источниках вторичного права – директивах и регламентах институтов и органах Европейского союза (прежде всего Совета ЕС, Комиссии ЕС, Европейского оборонного агентства). Военная сфера ЕС также частично регулируется наиболее важными документы ЕС, относящимися к гражданской сфере ЕС. К числу необходимо отнести: «Стратегия 2020» – принята в развитие Лиссабонской стратегии (2010 г.) [5], План развития технологий новых источников энергии (СЕТ План) (2010 г.) [6], План послекризисного восстановления экономики (2011 г.) [7], а также план мероприятий по реализации «Стратегии 2020» – Европейский инновационный план [8]. В рамках «Стратегии 2020» выделено 7 ключевых инициатив, реализация которых будет способствовать инновационному развитию ЕС, в том числе в сфере промышленности: «Инновационный союз», «Молодежь в движении», «Электронная стратегия», «Европа эффективных ресурсов», «Промышленная политика эры глобализации», «Стратегия новых специальностей и рабочих мест», «Европейская платформа против бедности».

ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ОБОРОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Истоки консолидации военно-промышленного сектора Европейского союза берут свое начало еще с 1948 г., когда Великобритания, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, и Франция заключили т.н. Брюссельский пакт, который позднее лег в основу создания Западноевропейского союза (ЗЕС) (англ. Western European Union). На всем протяжении своего существования, Западноевропейский союз был, по сути, выражением собственной «европейской идентичности» в области обороны и безопасности, выступая несколько в противовес НАТО. Например, именно в рамках ЗЕС были разработаны т.н. «петерсбергские миссии», направленные для участия в кризисном урегулировании без участия НАТО. Тем не менее, во время холодной войны деятельность НАТО практически полностью подменяла деятельность Западноевропейского союза, и как отдельная организация он практически бездействовал. В начале 1990-х годов попытки укрепить «европейскую оборонную иден-

тичность» возобновились. Активизация деятельности ЗЕС произошла только после подписания Маастрихтского договора о Европейском союзе (вступил в силу в 1993 г.), заложившим основы Общей внешней политики и политики в области безопасности (ОВПБ), а также ее оперативной составляющей – Европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО). Позднее данные положения были развиты в Амстердамском договоре (1997 г.) В части ЕПБО это подразумевало передачу Евросоюзу функций Западноевропейского союза (ЗЕС) по всему спектру кризисного регулирования, в том числе вышеупомянутых «петерсбергских миссий» (проведение гуманитарных и миротворческих операций). В данных учредительных договорах ЕС содержится оговорка, что в перспективе усилия стран ЕС в этой области могут привести к созданию коллективной обороны, если «соответствующее решение на этот счет примет Европейский совет», основой которой все же призвана оставаться НАТО. Тематика ЕПБО относится к сфере компетенции Совета ЕС, где решения принимаются странами-участницами по принципу консенсуса, т.е. на основе межгосударственного взаимодействия. Комиссия Европейских сообществ лишь принимает участие в проработке отдельных вопросов.

После вступления в силу Лиссабонского договора (о реформировании институтов Евросоюза и наделении Европейского союза правосубъектностью), юридически скрепившего обязательство членов ЕС о совместной помощи и обороне, функции ЗЕС перешли к ЕС и его существование перестало быть оправданным. В конце марта 2011г. его члены обнародовали Совместное заявление, извещающее о закрытии ЗЕС. Согласно заявлению на официальном сайте Западноевропейского союза, официально он прекратил существование 30 июня 2011 г.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЕС

Амстердамским договором был введен пост Верховного представителя по общей иностранной политике и политике безопасности (High Representative for Common Foreign and Security Policy), который наделяется полномочиями основного координатора и представителя Общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза. В соответствии с Лиссабонским Договором, данная должность получила название Верховный представитель Союза по иностранным делам и политике безопасности (High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy [9], Верховный представитель также стал обладателем места в Комиссии ЕС, а также председателем в Совете по иностранным делам.

Институциональная структура военного управления ЕС представляет собой многофункциональный механизм, ключевыми элементами которой являются:

Европейское оборонное Агентство (European Defence Agency) – действует с 2004 г., занимается развитием обороноспособности ЕС, в том числе формированием европейского оборонного рынка, разрабатывает нормативно-правовые акты в области регулирования оборонных исследований, разработки и закупок вооружений [10];

Комитет по политике и безопасности (The Political and Security Committee, PSC) – структурное подразделение Совета ЕС, создан в 2001 г. [11] как орган для предварительной проработки военных решений, состоит из послов стран-членов ЕС; занимается управлением реализации ОВПБ и ЕПБО, осуществляет стратегическое управлению кризисными операциями;

Военный комитет (The European Union Military Committee, EUMC [12]) – основное структурное подразделение Совета ЕС, ответственное за ведение военных операций, создан в 2001 г. [12], включает начальников генеральных штабов 27 стран-членов ЕС, которые, в свою очередь, назначают своих постоянных представителей. Военный комитет разрабатывает рекомендации по военным вопросам для комитета по политике и безопасности. Председатель комитета является военным советником Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности и осуществляет руководство военными операциями ЕС;

Военный штаб ЕС (The European Union Military Staff, EUMS [13]) – структурное подразделение Генерального секретариата Совета ЕС, занимается стратегическим планированием, военной экспертизой (включая наблюдение и раннее прогнозирование кризисных ситуаций, а также их оценку), организацией сотрудничества между военными штабами государств-членов ЕС, а также взаимодействует со штабными структурами НАТО;

Гражданская-военная ячейка Военного штаба ЕС (Civil-Military Cell, [14]) – создана в 2005г. для самостоятельного управления военными операциями и достижения большей эффективности от применения гражданских и военных инструментов;

Оперативный центр ЕС (EU Operations Centre, [15]) – создан для руководства конкретными операциями ЕС [16].

ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБОРОННОЕ АГЕНТСТВО

В соответствии с механизмом продвинутого сотрудничества в сфере ОВПБ, относительно полно получившем отражение в Ниццком договоре, в 2004 г. Совет ЕС учредил Европейское оборонное агентство (ЕОА), главной целью которого было содействие развитию ЕПБО. Европейское оборонное агентство является продолжением ЗЕС. Агентство принимало участие в передаче функций от Западноевропейского союза Европейскому союзу. В качестве его основных направлений декларировалось развитие оборонного потенциала, содействие европейскому сотрудничеству в области вооружения; создание конкурентоспособного европейского рынка военного оборудования; повышение эффективности европейских оборонных исследований и технологий. К первоочередным задачам ЕОА относятся вопросы

стратегических средств доставки, системы управления и связи, а также военные аспекты научно–исследовательской деятельности в области космоса и беспилотных летательных аппаратов.

В рамках ЕОА сформировано 4 директората: 1) по потенциалам; 2) по исследованиям и технологиям; 3) по вооружениям; 4) по оборонной промышленности и рынкам. Бюджет ЕОА формируется на трехлетней основе. Первый полный цикл был запущен с 2006 г. Предусмотрена возможность формирования заинтересованными государствами ЕС ad hoc фондов (помимо взносов в бюджет ЕОА) на конкретные проекты и программы. В отношениях с натовскими органами ЕОА исходит из принципа уважения установленных рамок сотрудничества и консультаций между ЕС и НАТО, а также взаимной транспарентности и взаимодополняемого воздействия на развитие военных возможностей.

В структуре ЕОА действует Консультативный комитет, задача которого – поддержание и развитие диалога с «третьими» странами по вопросам, представляющим взаимный интерес. Все страны-члены ЕС имеют право присоединиться к Европейскому оборонному агентству или покинуть его. Агентство финансируется входящими в него государствами пропорционально к их валовому национальному доходу.

ОАО управляется тремя институциональными структурами: глава агентства – ответственен за общую организацию и функционирование, обеспечивает выполнение руководящих принципов и решений, возглавляет совещания министров Руководящего совета; Руководящий совет – орган принятия решений, состоящий из министров обороны участвующих государств; Исполнительный директор – руководитель аппарата агентства.

Правовая база:

Кодекс поведения для военных закупок, 2005 г. (The Code of Conduct on Defence Procurement of the EU Member States Participating in the European Defence Agency) – первый базовый документ на пути к созданию Европейского рынка оборонной продукции (European Defence Equipment Market, EDEM), устанавливающий межправительственный добровольный режим для разработки и производства вооружений и военной техники [17];

Кодекс передовых практик производственных цепочек оборонной продукции, 2006 г., (The Code of Best Practice in the Supply Chain: Approved by the Aerospace and Defence Industries Association of Europe (ASD) on 27 April 2006 and agreed by the EU Member States participating in the European Defence Agency of 15 May 2006) – направлен на стимулирование принципов конкуренции и создание справедливых возможностей для всех поставщиков оборонной продукции и продукции двойного назначения, в том числе представителей малого и среднего бизнеса [18];

Кодекс поведения по офсетным соглашениям, 2008 г. (The Code of Conduct on Offsets of 24 October 2008) – устанавливает правовые рамки оффсетных соглашений в целях развития Европейского рынка оборонной продукции [19];

Рамочное соглашение по обеспечению срочных поставок продукции военного назначения между странами-участницами, 2006 г. (Framework Arrangement for Security of Supply between Subscribing Member States (sMS) in Circumstance of Operational Urgency of 20 September 2006) – ориентировано на разработку принципов срочных поставок оборонной продукции и продукции двойного назначения в контексте развития Европейского рынка оборонной продукции с учетом действующих норм национального, европейского и международного права [20];

Совместные минимальные стандарты о безопасности информации между странами-участницами, 2006 г. (Common minimum standards on industrial security.Security of Information Between Subscribing Member States (sMS) of 20 September 2006) – определяет минимальные стандарты, гарантирующие безопасность обмена информацией между ключевыми участниками оборонного рынка Европейского союза [21];

Стратегия относительно Европейской военно-технической и военно-промышленной базы, 2007 г. (Strategy for the European Defence Technological and Industrial Base of 14 May 2007) – ключевой документ, регулирующий формирование ресурсной базы оборонного рынка ЕС, включая оценку существующих активов и унификацию процесса разработки, производства и закупки вооружений и военной техники [22];

Европейская стратегия по оборонным научным исследованиям и обмену научно-технической информацией, 2008г. (European Defence Research & Technology Strategy of 10 November 2008) – устанавливает стратегические приоритеты развития НИОКР в области оборонной промышленности Европейского союза [23];

Европейская стратегия военно-технического сотрудничества, 2008 г. (European Armaments Cooperation Strategy of 15 October 2008) – призвана сбалансировать потребности вооруженных сил Евросоюза и возможности создаваемой европейской промышленно-технологической базы [24];

План развития Вооружений и военной техники (Capability Development Plan of 8 July 2008) – направлен на выработку структурированного подхода к построению ресурсной базы оборонного рынка Европейского союза, а также на оказание помощи странам-членам ЕС в разработке государственных планов и программ в области оборонной промышленности [25]

Анализ эволюции становления оборонной политики Евросоюза позволяет сделать вывод, что потенциал ЕС как отдельного военного актора на мировой арене за период становления ЕПБО с 2001 г., и особенно с созданием Европейского оборонного агентства в 2004 г. и вступлением с силу Лиссабонского договора в 2007 г. заметно возрос. Вместе с тем, оборонный сектор Европейского союза характеризуется все большей фрагментарностью, что в первую очередь, объясняется разновекторностью приоритетов стран-членов Евросоюза во внешней политике. Последним примером наличия серьезных разногласий

в вопросе формирования единого ОПК ЕС можно назвать несостоявшеюся в сентябре 2012 г. крупнейшую сделку, когда Франция, Германия и Англия отказались от идеи слияния крупнейшего европейского оборонного концерна EADS и британской военной группы BAE.

МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА ВПК ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Анализ территориально-географического размещения ВПК ЕС позволяет выделить следующие особенности. Наиболее милитаризованными странами Европейского союза являются Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания, Нидерланды, Бельгия, Дания. Кроме того, здесь также принимают активное участие такие нейтральные страны, как Швеция и Финляндия. В структуре ВПК Евросоюза можно выделить порядка 800 фирм, в которых занято более 600 тыс. сотрудников. Помимо работников военно-промышленных корпораций в сфере оборонного производства функционирует порядка 80 тысяч фирм-субподрядчиков, в которых занято не менее миллиона работников.

Наиболее значительным субъектом паневропейского ВПК признается консорциум «EADS», который был образован в 2000 году. В его структуру входят отделения военно-транспортной авиации, аэронавтики, космоса, систем обороны и безопасности. В нем занято 100 тыс. служащих, объединенных в 70 предприятий и 35 филиалов в различных странах Европы со штаб-квартирами в Париже и Мюнхене. [26].

Исследование цепочек добавленной стоимости изготовляемой в ЕС военной продукции и продукции двойного назначения, позволило выделить следующие категории субъектов:

генеральные подрядчики: основные системные подрядчики, производители платформ и систем вооружения – типичным примером является компания BAE Systems (обладает монополией на рынке);

1-й уровень подрядчиков: производители специализированных подотраслей оборонной промышленности (например, электроника, субсистемы) – например, компания Rolls Royce;

2-й уровень подрядчиков: производители компонентов и представители служб снабжения (электрическое и электронное оборудование, машиностроение и инженерная механика, металлообработка, литейное производство и т.д.). Субъектами данного типа выступают малые и средние предприятия, а также филиалы основных производителей оборонной промышленности (генподрядчиков и подрядчиков 1-го уровня);

3-й уровень подрядчиков: поставщики сырья, компании, предоставляющие неквалифицированные услуги по обслуживанию войск.

Современная военно-промышленная консолидация в рамках Европейского союза связана с определенными сложностями:

несовершенство системы государственных военных закупок в странах – членах Европейского союза вследствие применения принципа juste retour («справедливая взаимность») на наднациональном уровне. Согласно данному принципу, процент заказов, который получают оборонные предприятия определенной страны в каком-нибудь общем проекте, должен быть равен объему общей оборонной продукции, заказанной правительством этой страны в рамках одного проекта. То есть, если государство хочет большей загрузки для своего ВПК – она должна больше заказывать. Таким образом, интеграция становится невозможной, если страны делятся на поставщиков и покупателей вооружений, так как в этом случае налогоплательщики одной страны обеспечивают создание рабочих мест другой, не получая за это обратных инвестиций[27];

громоздкая или неэффективная структура принятия решений как со стороны стран-участниц, так со стороны самих крупных европейских оборонных компаний и компаний двойного назначения, что является дополнительной причиной задержек сделок слияния-поглощения. Кроме того, существует ряд ограничений на поставки вооружений и распространение оборонных технологий и технологий двойного назначения даже внутри ЕС.

НАПРАВЛЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЯ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ КООПЕРАЦИИ РФ-ЕС В ЦЕЛЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБОРОННОГО СЕКТОРА РОССИИ

Модернизация оборонного сектора является одной из первоочередных задач национальной экономики. По состоянию на 2012 г. только 25% базовых промышленных технологиях российского оборонно-промышленного комплекса по качеству близки или превосходят мировой уровень, 75% технологий ОПК устарели, а экономический потенциал России в 45% имеющихся технологий не дает возможности в обозримом будущем ликвидировать отставание от мировых стандартов. В 2012 г. в России был создан Фонд перспективных исследований (ФПИ) – аналог американского Агентства передовых оборонных исследовательских проектов (DARPA). Фонд, в частности, должен заняться «формированием научных представлений о возможных угрозах» и «изысканиями в области прорывных высокорискованных исследований и разработок». На реализацию государственной программы вооружений на 2011–2020 годы (ГПВ) и федеральной целевой программы «Развитие оборонно-промышленного комплекса РФ на 2011–2020 годы» (ФЦП-2020) выделено почти 23 тлрн. рублей.

В этих условиях большое значение для модернизации отечественного оборонного сектора имеет развитие военно-промышленной кооперации российских компаний с передовыми зарубежными (в том числе европейскими) предприятиями для обеспечения трансфера технологий с учетом интересов национальной безопасности. Правовая основа сотрудничества России и стран-членов ЕС в военной сфере определяется, прежде всего, наличием межправительственного соглашения о военно-техническом сотрудничестве. Россия имеет подобные

соглашения практически со всеми старыми членами Европейского союза, в том числе Германией, Греция, Испания, Италия, Турция, Франция и также с большой частью государств Центрально-Восточной Европы, для которых СССР был монопольным поставщиком [28].

***

Анализ процессов консолидации в оборонной промышлености Европейского союза позволяет сделать следующие выводы, которые могут иметь практическое значение для развития ВПК России.

1. Важное значение для модернизации отечественного ВПК имеет развитие конкуренции и конкурентного сотрудничества среди его основных участников. Период становления крупных госкомпаний в оборонной отрасли, характерный для начала 2000-х годов, закончен [29]. На смену иерархическим подходам приходит институционализация широкого спектра межфирменных сетей и кооперации как новой организационно-управленческой формы функционирования компаний на отечественном оборонном рынке.

2. К перспективному направлению развития военно-промышленной кооперации России и Европейского союза можно отнести вхождение российских компаний в капитал европейских предприятий, производящих продукцию двойного назначения, доля гражданской продукции которых превышает 50%. Сделки в данных отраслях не затрагивают напрямую военно-стратегические интересы европейских компаний и имеют больше возможностей быть реализованными.

3. Положительный опыт ЕС в области формирования наднациональной оборонной идентичности ЕС (институциональная структура, нормативно-правовые документы в области формирования единой Европейской военно-технической и военно-промышленной базы) может быть полезен в выстраивании военно-промышленной кооперации в рамках стран СНГ, особенно в контексте формирования общеевропейской системой коллективной безопасности (выдвинутая в 2008 г. инициатива президента России Д.А.Медведева по заключению Договора о европейской безопасности, принятое в 2009 г. решение о создании в рамках Организации Договора о коллективной безопасности сил оперативной безопасности). При этом в рамках курса на формирование общеевропейского пространства безопасности необходимо параллельно укреплять двустороннее сотрудничество со странами-членами Европейского союза в оборонной сфере.

ПРИМЕЧНИЯ:

1. Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties Establishing the European Communities, http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11997D/htm/11997D.html.
2. Treaty on European Union, http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/11992M/htm/ 11992M.html.
3. Treaty of Nice amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts, http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/12001C/htm/12001C.html.
4. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, http://europa.eu/lisbon_treaty/index_en.htm.
5. Europe 2020: Europe's growth strategy, http://ec.europa.eu/europe2020/index_en.htm.
6. The European Strategic Energy Technology Plan, http://ec.europa.eu/energy/ technology/set_plan/set_plan_en.htm.
7. An Action Plan for Europe 2020: Strategic Advice for the Post-Crisis World
8. European Innovation Action Plan http://ec.europa.eu/environment/ecoap/index_en.htm.
9. High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, http://www.consilium.europa.eu/policies/council-configurations/foreign-affairs/high-representative-of-the-union-for-foreign-affairs-and-security-policy?lang=en.
10. European Defence Agency, http://www.eda.europa.eu/.
11. COUNCIL DECISION of 22 January 2001 setting up the Political and Security Committee, http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/l_02720010130en00010003.pdf.
12. The European Union Military Committee, https://www.consilium.europa.eu/eeas/ security-defence/csdp-structures-and-instruments/eu-military-committee-(eumc)?lang=en, http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/l_02720010130en00040006.pdf.
13. The European Union Military Staff, http://www.consilium.europa.eu/ media/1655102/eums_brochure_june_2012.pdf.
14. Civil-Military Cell, http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/ civilmilitarycell/-civilmilitarycellen.pdf.
15. EU Operations Centre, http://www.consilium.europa.eu/media/1634515/factsheet_ opscentre_22_may_12.pdf.
16. CSDP structures and instruments. https://www.consilium.europa.eu/eeas/security-defence/csdp-structures-and-instruments?lang=en.
17. Code of Conduct on Defence Procurement of the EU Member States Participating in the European Defence Agency of 21 November 2005. URL: http://www.eda.europa.eu/docs/documents/CoC_1.pdf .
18. Code of Best Practice in the Supply Chain: Approved by the Aerospace and Defence Industries Association of Europe (ASD) on 27 April 2006 and agreed by the EU Member States participating in the European Defence Agency of 15 May 2006. URL: http://www.eda.europa.eu/docs/documents/CoBPSC_final.pdf.

19. Code of Conduct on Offsets of 24 Octx0-0ober 2008. URL: http://www.eda.europa.eu/migrate-pages/Otheractivities/CoCOffsets.
20. Framework Arrangement for Security of Supply between Subscribing Member States (sMS) in Circumstance of Operational Urgency of 20 September 2006. URL: http://eda.europa.eu/SOSWeb/Libraries/Library/Framework_Arrangement_for_Security_of_Supply_between_subscribing_Member_States.sflb.ashx.
21. Common minimum standards on industrial security. Security of Information Between Subscribing Member States (sMS) of 20 September 2006. URL: http:// www.eda.europa.eu/docs/documents/common-minimum-standards-on-industrial-security-.pdf.
22. Strategy for the European Defence Technological and Industrial Base of 14 May 2007. URL:: http://www.eda.europa.eu/docs/documents/EDA_-_Strategy_for_the_European_Defence_ Technological_and_Industrial_Base.pdf.
23. European Defence Research & Technology Strategy of 10 November 2008. URL: http://www.eda.europa.eu/aboutus/whatwedo/eda-strategies/ResearchandTechnology.
24. European Armaments Cooperation Strategy of 15 October 2008. URL: http://www.eda.europa.eu/docs/news/European_Armaments_Cooperation_Strategy.pdf.
25. Capability Development Plan of 8 July 2008. URL: http://eda.europa.eu/docs/documents/CDP_brochure.pdf.
26. Иванов И.Д. Военно-промышленный комплекс Европейского Союза // Современная Европа. М.. 2006. № 1. С.31-49.
27. Корощупов В.О. План развития военно-технического сотрудничества европейского оборонного агентства // Политические и военно-экономические аспекты обеспечения международной и региональной безопасности. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С.5-10.
28. Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: основы, проблемы и перспективы / Под редакцией Н.И.Калининой. М.:ИМЭМО РАН, 2010.
29. Дегтерева Е.А., Подберезкин А.И. Пределы консолидации / Независимая газета. 07 февраля 2013.

V.A. MARKOV,
V.I. KRYLOV,
V.V. BAGROV

В.А. МАРКОВ,
В.И. КРЫЛОВ,
В.В. БАГРОВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОТОРНЫХ ТОПЛИВ РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК ФАКТОР ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

USE OF MOTOR FUELS OF VEGETABLE ORIGIN AS A FACTOR OF ENERGY, ECOLOGICAL AND FOOD SECURITY OF RUSSIA

Показаны преимущества использования в дизелях биотоплив, производимых на основе растительных масел. Приведены результаты экспериментальных исследований дизеля типа Д-245.12С малотоннажного автомобиля ЗиЛ 5301 «Бычок», работающего на смесях дизельного топлива и растительных масел.

Advantages of diesel engines application of biofuels produced on the basis of vegetable oils are shown. Results of experimental research of a vehicle diesel engine of the type D-245.12S of the ZiL 5301 «Bychok» low tonnage load carrying vehicle running on mixture diesel fuel and vegetable oils were demonstrated.

Ключевые слова: дизельный двигатель, дизельное топливо, рапсовое масло, метиловый эфир рапсового масла, подсолнечное масло, метиловый эфир подсолнечного масла, смесевое биотопливо

Key words: diesel engine, diesel fuel, rapeseed oil, rapeseed oil methyl ester, sunflower oil, sunflower oil methyl ester, mixed biofuel

Мировая энергетика продолжает развиваться в направлении увеличения потребления энергетических ресурсов. Так, к середине нынешнего столетия рост потребления первичных ресурсов по сравнению с 2010 г. удвоится и составит около 28000 млн. тонн в нефтяном эквиваленте [1]. При этом в связи с истощением месторождений полезных ископаемых возрастает роль возобновляемых энергетических ресурсов. В частности, к 2050 г. прогнозируется трехкратное увеличение потребления энергии, получаемой из биомассы и отходов. Доля потребляемой энергии, вырабатываемой из возобновляемых энергетических ресурсов, уже и в настоящее время достаточно весома. Так, в общем объеме энергии, потре-

бленной в США в 2009 г., на долю возобновляемых энергоресурсов пришлось $8{,}166 \cdot 10^9$ млн. кДж или около 8% от всей потребленной энергии ($99{,}733 \cdot 10^9$ млн. кДж). Причем, пятая часть энергии (около 20 %) получена при сжигании различных биотоплив [2].

Моторные биотоплива находят все более широкое применение на транспорте и в стационарных энергетических установках. При этом для легковых автомобилей, оснащенных двигателями с принудительным воспламенением, в качестве моторного топлива наибольшее использование получил биоэтанол, а для транспортных и стационарных установок с дизельными двигателями – топлива, получаемые из различных растительных масел и животных жиров. Моторные топлива производятся из различных растительных масел: рапсового, подсолнечного, соевого и др. Эти топлива весьма разнообразны – к ним относятся чистые растительные масла, их эфиры, смеси масел и их эфиров с нефтяными и альтернативными топливами, микроэмульсии на основе растительных масел, воды, спиртов или других альтернативных топлив, плохо смешивающихся с растительными маслами и их эфирами [3,4].

Наиболее перспективной с точки зрения производства моторных топлив масличной культурой считается озимый рапс, средняя урожайность которого в нашей стране составляет в среднем 1,6 тонны маслосемян с гектара [5]. В странах СНГ основные посевные площади под рапс находятся в лесостепной и степной зонах России и на Украине. Рапс хорошо приспособлен к умеренному климату нашей страны, произрастает в Черноземье, Нечерноземье, Урале, Сибири, Алтайском крае, на Дальнем Востоке.

К началу нынешнего тысячелетия в странах СНГ ежегодно выращивалось около 0,16 млн. тонн семян рапса: в России – 0,11 млн. тонн, на Украине и в Белоруссии – по 0,02 млн. тонн. Посевы рапса в России в последнее десятилетие 20 века занимали 112-276 тыс. гектаров или 0,10-0,27% от всей посевной площади сельскохозяйственных культур (4% от посевных площадей масличных культур). Производство семян рапса в эти годы увеличилось с 97 до 180 тыс. тонн. В начале нового тысячелетия посевные площади, отведенные в России под рапс, стали быстро увеличиваться и к 2006 году достигли 500 тыс. гектаров.

В условиях Российской Федерации весьма привлекательным представляется также использование для производства биодизельного топлива подсолнечного масла. Если в мировом производстве растительных масел ведущее место занимают соевое и рапсовое масло, то в России наиболее распространенным растительным маслом является подсолнечное. Объем его производства превышает 80% от общего объема производства растительных масел. По данным Госкомстата России в 2000 году в РФ посевные площади под этой сельскохозяйственной культурой равнялись примерно 4600 тыс. гектаров, а валовый сбор семян подсолнечника – около 4000 тыс. тонн при средней урожайности 9,0 ц/га. Это растительное масло вызывает дополнительный интерес еще и потому, что производство биодизельного топлива может быть организовано из отработанного фритюрного подсолнечного масла, широко применяемого в пищевой промышленности и системе общественного питания.

В качестве моторного топлива для транспортных средств с дизельными двигателями наиболее перспективными являются сложные метиловые эфиры растительных масел, которые часто называют биодизельными топливами [3,4]. Производство биодизельных топлив на основе растительных масел и жи-

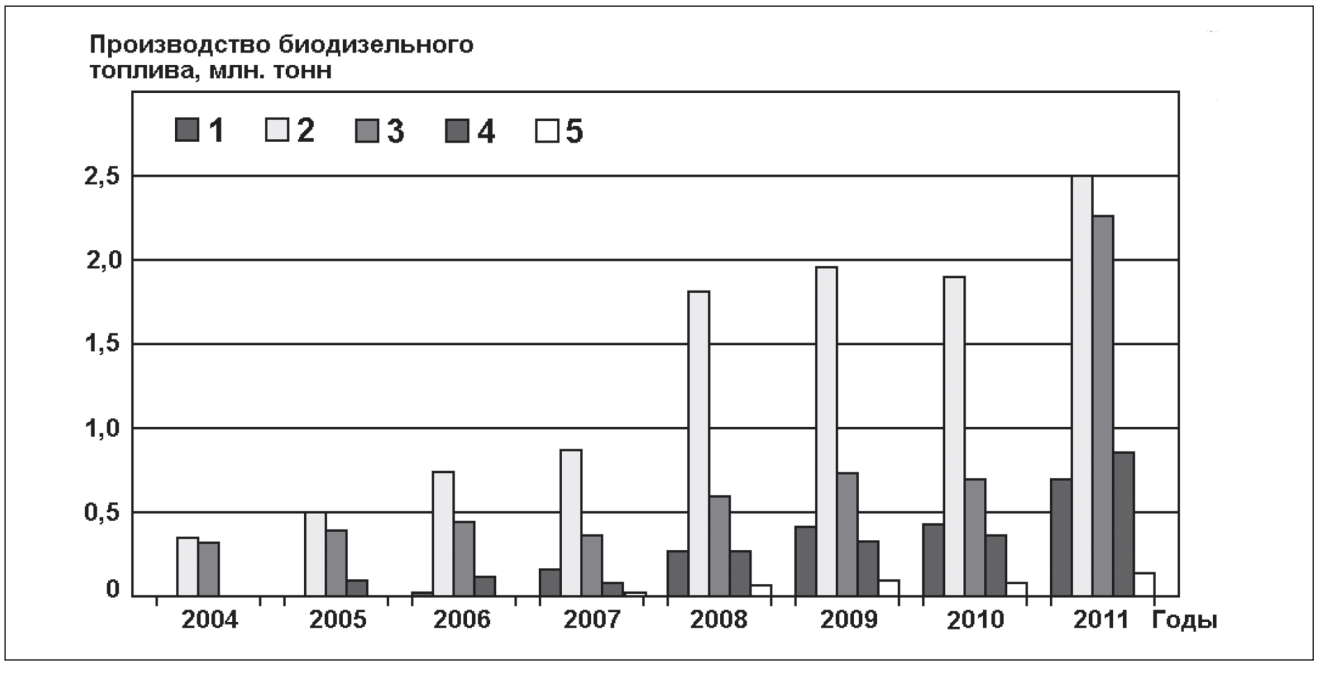

Рис. 1. Динамика роста производства биодизельного топлива (эфиры растительных масел и животных жиров) в европейских странах: 1 – Бельгия; 2 – Франция; 3 – Италия; 4 – Польша; 5 – Литва

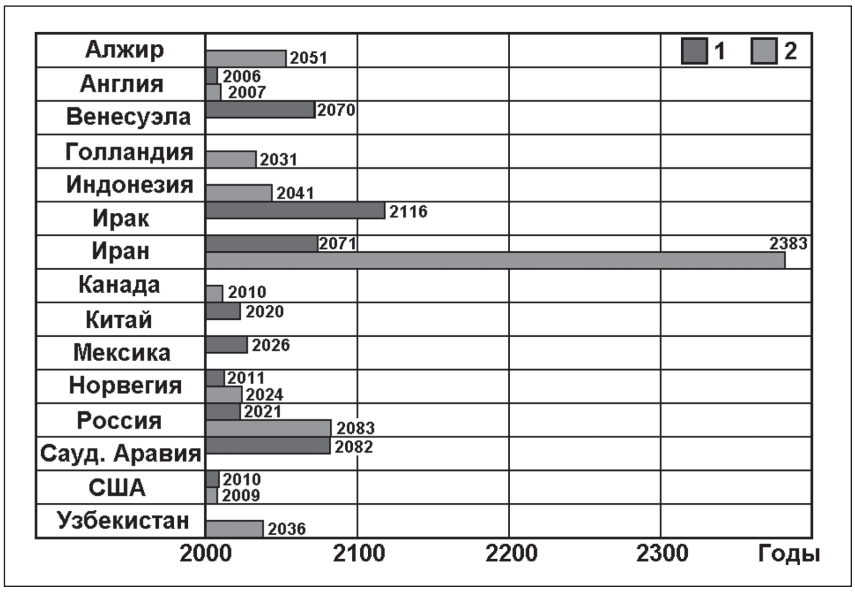

Рис. 2. Разведанные запасы полезных ископаемых в разных регионах мира (по данным организации стран – экспортеров нефти ОПЕК) с указанием прогнозируемых сроков истощения месторождений нефти и природного газа

вотных жиров продолжает расширяться. Так, в 2005 году объем производства биодизельного топлива в странах Евросоюза составил около 3,5 млн. тонн, в 2009 году его выпуск достиг 12 млн. тонн, а в 2011 г. произведено уже около 18 млн. тонн этого топлива. Данные о динамике производства биодизельного топлива в некоторых странах Евросоюза представлены на рис. 1 [2].

В России этот вид моторного топлива пока не нашел должного применения. Разработан ГОСТ Р 52368-2005 на дизельное топливо ЕВРО, которое должно содержать не более 5% метиловых эфиров жирных кислот растительных масел, однако широкомасштабный выпуск этого дизельного топлива так и не начат.

Растительные масла и их смеси с нефтяным дизельным топливом могут быть использованы в качестве моторных топлив в агропромышленных комплексах, где они непосредственно вырабатываются. В этом случае их использование экономически оправданно из-за отсутствия расходов на их транспортировку и переработку, а также отсутствия торговых наценок.

Вместе с тем, производство и широкое использование моторных топлив растительного происхождения позволило бы решить ряд серьезных проблем, в том числе, способствовать быстрому росту сельскохозяйственного производства, обеспечить занятость сельского населения, укрепить и расширить сырьевую базу для производства моторных топлив, улучшить экологическую обстановку в крупных городах и сельской местности. Все эти факторы позволили бы укрепить энергетическую, экологическую и продовольственную безопасность России. Рассмотрим подробнее некоторые из этих факторов.

В настоящее время Россия является одним из крупнейших мировых экспортеров нефти и газа. При этом ее относительно стабильное экономическое положение в мировой экономике базируется именно на поступлении в бюджет средств, вырученных от продажи нефти и природного газа за рубежом. Однако, общеизвестна тенденция постепенного истощения нефтяных и газовых месторождений. Прогнозируется, что при современном уровне потребления энергоносителей разведанных запасов нефти может хватить на 40 лет а природного газа – на 70 лет [2]. Показательны данные (рис. 2) о прогнозируемых сроках истощения месторождений нефти и природного газа в различных регионах мира [3]. Даже если приведенные данные слишком пессимистичны, нельзя не признать факта, что в долгосрочной перспективе экономическое положение России выглядит не столь радужным, и для повышения экономической безопасности страны уже сейчас необходимо предпринимать шаги, позволяющие уменьшить зависимость российской экономики от экспорта энергоносителей.

Одним из перспективных путей оздоровления отечественной экономики явилось бы постепенное частичное (а в долгосрочной перспективе и полное) замещение ископаемых энергоносителей энергоносителями растительного происхождения. Этому способствует исторически сложившаяся ориентация России на сельскохозяйственное производство и наличие плодородных земель для выращивания сырья для производства биотоплив.

Кардинальные изменения, произошедшие в последние десятилетия в российской экономике, привели к ряду негативных для сельского хозяйства яв-

Рис. 3. Использование плодородных земель в России

Рис. 4. Площади плодородных пахотных земель, пригодных для выращивания масличных культур в странах западной Европы, России, Украине, Казахстане

лений, среди которых, в первую очередь, необходимо отметить отток населения из сельской местности в города, снижение занятости сельского населения, сокращение пахотных земель. В последние десять лет Россия потеряла треть своей плодородной земли. Более 40 млн. гектаров выведено из оборота – зарастает лесом или заброшено (рис. 3) [2]. Эти пахотные земли, используемые ранее для сельскохозяйственного производства, в настоящее время не обрабатываются и постепенно теряют свои плодородные качества. Для сравнения можно отметить, что, по оценкам журнала «Oil World», в настоящее время в странах ЕС рапсом было засеяно около 7 млн. га. Это свидетельствует об огромном потенциале России в области производства биотоплив.

Этот потенциал производства биотоплив подтверждается данными (рис. 4) по площадям пахотных земель в России и странах Евросоюза, а также странах бывшего СССР [6]. Наличие больших площадей пахотных земель, пригодных для выращивания масличных культур, а также динамика увеличения урожайности озимого и ярового рапса, а также подсолнечника, определяют потенциальную возможность России стать одним из лидирующих государств по производству биотоплива. Приведенные данные со всей очевидностью опровергают встречающееся в средствах массовой информации мнение о том, что массовое производство биотоплив негативно скажется на производстве продовольствия и приведет к росту цен на продукты питания. Пахотных земель в России более чем достаточно для производства не только пищевых продуктов, но и сырья для производства биотоплива. Более того, для выращивания этого сырья могут быть использованы земли, непригодные для производства традиционной сельскохозяйственной продукции. Это земли, прилегающие к автотрассам, вредным производствам, земли в экологически неблагоприятных зонах. Использование этих земель значительно увеличит площади, отведенные для выращивания сельскохозяйственных культур, используемых для производства биотоплив.

Отдельно необходимо остановится на проблеме занятости сельского населения. В первое десятилетие реформ, проводимых в России, количество занятого сельского населения в трудоспособном возрасте за этот период (с 1992 до 2001 г.г) сократилось на 1,6 млн. человек, в том числе занятой молодежи – на 1,1 млн. человек [2, 7]. Это при том, что численность трудоспособного сельского населения за этот период возросла на 10,4%, а молодежи – на 12,2%. В 2002 г. в России в сельской местности проживало 38,7 млн. человек, из них в трудоспособном возрасте – 24,5 млн. человек, а безработица достигала 13% [7]. В настоящее время безработица среди сельского населения составляет около 10%. Следует отметить и проблему бедности сельского населения, вызванную низкими закупочными ценами на сельскохозяйственную продукцию, отсутствием гарантированного спроса по устойчивым ценам на эту продукцию и ее достаточно высокой себестоимостью. При этом продолжающийся рост цен на нефтяные моторные топлива привел к тому, что в структуре затрат на производство сельскохозяйственной продукции доля стоимости дизельного топлива уже превышает 30% [8]. Это обстоятельство не только приводит к нарушению технологий сельскохозяйственного производства и увеличению стоимости продуктов питания, но и сокращению посевных площадей и поголовья животных, а также ведет к разорению предприятий агропромышленного комплекса различных форм собственности. Сложившаяся ситуация грозит потерей продовольственной безопасности страны и полной зависимостью от ввозимого продовольствия. Одним из путей выхода из сложившейся ситуации является переход на альтернативные источники энергии, в том числе и на биотоплива растительного происхождения. Широкомасштабное производство этих биотоплив позволит решить проблему занятости сельского населения и обеспечения гарантированных устойчивых заработков в сельской местности, поскольку спрос и цены на энергоресурсы практически непрерывно растут.

На современном этапе развития энергетики в целом и двигателестроения, в частности, одной из острейших проблем является уменьшение выбросов в окружающую среду различных токсичных компонентов ОГ. Причем, основным источником токсичных выбросов остается транспорт [9]. Решение этой проблемы позволит улучшить экологическую обстановку в крупных городах и сельской местности, уменьшить заболеваемость населения, вызванную

негативным воздействием вредных выбросов, снизить расходы на улучшение экологической ситуации в стране и повысить ее экологическую безопасность. В связи с этим производство и использование моторных топлив растительного происхождения являются важным фактором экологической и оборонной безопасности России. У этой проблемы есть несколько аспектов.

В настоящее время особую значимость приобретает проблема сокращения выбросов в окружающую среду углекислого газа (диоксида углерода) CO_2. Это объясняется заметным повышением его концентрации в атмосфере, вызванным быстрым ростом промышленного производства и резким увеличением количества транспортных средств. В настоящее время в атмосферу ежегодно выбрасывается более 25 млн. тонн углекислого газа, а к 2020 году ежегодные выбросы CO_2 в атмосферу достигнут 35 млн. тонн. Углекислый газ не оказывает непосредственного токсического действия на организм человека, но при его повышенном содержании в атмосфере создается парниковый эффект, приводящий к так называемому тепловому загрязнению окружающей среды.

С точки зрения снижения парникового эффекта важным фактором является невозобновляемость запасов нефти, природного газа и других полезных ископаемых. Образующийся при сгорании моторных топлив из этих ресурсов углекислый газ, выбрасываемый в атмосферу, нарушает баланс в атмосфере между кислородом и углекислым газом, являющимся основным парниковым газом. Поэтому более предпочтительны топлива, вырабатываемые из сырья растительного происхождения. При использовании топлив из этого сырья достигается кругооборот углекислого газа и кислорода в атмосфере, поскольку при сгорании биотоплив выделяется такое количество CO_2, которое было потреблено из атмосферы при выращивании сырья для производства моторных топлив.

Россия присоединилась к рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК), секретариат которой координирует мировые усилия по сокращению антропогенных воздействий на атмосферу планеты (Россия ратифицировала РКИК в 1994 г.). В 1997 г. третья конференция стран-участниц РКИК приняла согласованное дифференцированное решение по допустимому уровню выбросов диоксида углерода каждой страной — Киотский протокол. Согласно ему, в период с 2008 по 2012 гг. каждая страна должна снизить выбросы CO_2 на 6% по отношению к уровню 1990 г. Эти ограничения начали действовать фактически только с 2008 г.

Киотский протокол предусматривает три механизма достижения поставленной цели. Первое среди них — «чистое развитие» (страны снижают выбросы «парниковых» газов в результате модернизации своих предприятий и увеличивают площади лесов и сельскохозяйственных угодий). При этом необходимо отметить, что сельскохозяйственные культуры (свекла, рапс, пшеница и др.) обеспечивают существенно больший объем выделяемого кислорода по сравнению с дикорастущими растениями. В частности, выделение кислорода с 1 га посевов рапса за сезон составляет 10,6 тыс. м^3 и сопровождается поглощением около 10 тыс. м^3 или 20 т углекислого газа. При посевных площадях рапса в 1 млн га поглощение CO_2 составит $10 \cdot 10^6$ тыс. м^3 или 20 млн т в год.

Другими механизмами снижения выброса парниковых газов, предусмотренными Киотским протоколом, являются «совместное сотрудничество» (высокоразвитые страны помогают развивающимся внедрить в производство технические решения, снижающие выброс «парниковых» газов) и «торговля квотами на парниковые газы» (страна, имеющая положительный баланс выброса и поглощения «парниковых» газов, может продать разницу другому государству). В настоящее время Россия имеет положительный баланс кругооборота углекислого газа, т.е. превышение поглощения углекислого газа над квотой (более 5000 тыс. тонн CO_2). И важно не ухудшать этот баланс, что позволит не только реализовать первый механизм Киотского протокола, но и получить определенные экономические выгоды за счет реализации третьего механизма этого протокола.

Следует отметить и другие факторы, позволяющие улучшить экологическую ситуацию в стране при широком использовании биодизельного топлива. Благодаря незначительному содержанию серы (10-15 ppm) и отсутствию полициклических ароматических соединений в растительных маслах, выбросы ОГ дизелей, работающие на биотопливе, практически не содержат оксидов серы, которые, попадая в атмосферу, образуют кислоты, способствующие выпадению кислотных дождей и полициклических ароматических углеводородов (ПАУ), являющихся канцерогенами и вызывающих онкологические заболевания. При попадании биодизельного топлива в почву и водные бассейны происходит его быстрое разложение в течение нескольких недель.

К другим экологическим факторам можно отнести возможность снижения выбросов с отработавшими газами (ОГ) дизелей их основных токсичных компонентов, лимитированных в современных нормативных документах на выбросы вредных веществ в атмосферу – оксидов азота NO_x, монооксида углерода CO, несгоревших углеводородов CH_x и сажи (дымность ОГ) или твердых частиц. Для анализа показателей токсичности ОГ дизельного двигателя, работающего на биодизельных топливах, проведены экспериментальные исследования дизеля типа Д-245.12С (4 ЧН 11/12,5) на смесях нефтяного дизельного топлива и различных биотоплив на основе растительных масел [3]. Указанный дизель выпускается Минским моторным заводом (ММЗ) для малотоннажных грузовых автомобилей ЗиЛ-5301 «Бычок», а его модификации – для автобусов Павловского автомобильного завода (ПАЗ) и тракторов «Беларусь» Минского тракторного завода (МТЗ).

Результаты полученных экспериментальных исследований (рис. 5) свидетельствуют о том, что наибольший эффект от использования в качестве топлива смесей нефтяного дизельного топлива и биотоплив на основе растительных масел получен по

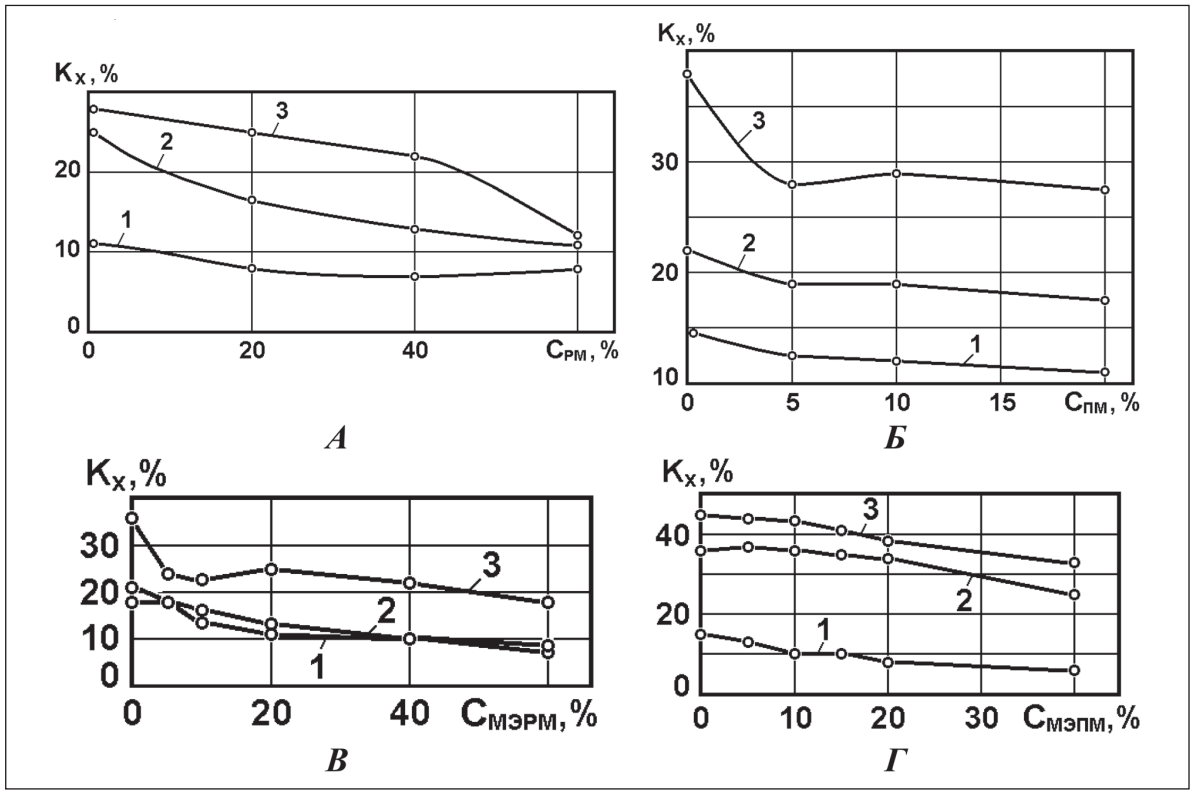

Рис. 5. Зависимость дымности ОГ K_x (процентов по шкале Хартриджа) дизеля Д-245.12С от объемного содержания рапсового масла $C_{РМ}$ (*а*), подсолнечного масла $C_{ПМ}$ (*б*), метилового эфира рапсового масла $C_{МЭРМ}$ (*в*), метилового эфира подсолнечного масла $C_{МЭПМ}$ (*г*) в смеси с нефтяным дизельным топливом на различных скоростных режимах внешней скоростной характеристики: 1 – n= 2400 мин$^{-1}$; 2 – n= 1500 мин$^{-1}$; 3 – n= 1080 мин$^{-1}$ (исследованы дизели с различной комплектацией)

дымности отработавших газов K_x. В частности, рост концентрации метилового эфира рапсового масла (МЭРМ) в смесевом топливе $C_{МЭРМ}$ приводил к значительному снижению дымности ОГ K_x (см. рис. 5*в*). Так, на режиме максимальной мощности (n=2400 мин$^{-1}$) при росте $C_{МЭРМ}$ с 0 до 60% дымность K_x монотонно снижалась примерно в 2,6 раза (с 18 до 7% по шкале Хартриджа).

Результаты определения удельных массовых выбросов нормируемых токсичных веществ в атмосферу на режимах 13-ступенчатого испытательного цикла Правил 49 ЕЭК ООН – оксидов азота e_{NOx}, монооксида углерода e_{CO}, несгоревших углеводородов e_{CHx}, представлены на рис. 6. Они свидетельствуют о заметной зависимости выбросов этих токсичных компонентов от состава смесевого биотоплива.

В частности, при увеличении содержания МЭРМ в смесевом топливе $C_{МЭРМ}$ с 0 до 20% интегральные на режимах 13-ступенчатого цикла выбросы оксидов азота e_{NOx} снизились с 7,286 до 6,542 г/(кВт·ч), т.е. на 10,2% (рис. 6*в*). При дальнейшем увеличении $C_{МЭРМ}$ до 40 и 60% отмечен некоторый рост e_{NOx} до значений (соответственно до 7,441 и 7,759 г/(кВт·ч)), превышающих эти выбросы при работе на ДТ (7,286 г/(кВт·ч)). При росте содержания МЭРМ в смесевом топливе с 0 до 60% отмечено монотонное снижение удельных массовых выбросов монооксида углерода e_{CO} с 2,834 до 1,932 г/(кВт·ч), т.е. почти в 1,5 раза (см. рис. 6*в*). Зависимость выбросов углеводородов CH_x от содержания МЭРМ в смесевом топливе имеет более сложный характер. При увеличении $C_{МЭРМ}$ с 0 до 5% выброс e_{CHx} уменьшился с 0,713 до 0,626 г/(кВт·ч), т.е. на 12,2%, а при дальнейшем увеличении $C_{МЭРМ}$ до 20% выброс e_{CHx} возрос до 0,727 г/(кВт·ч), т.е. практически до исходного значения e_{CHx}=0,713 г/(кВт·ч). С ростом $C_{МЭРМ}$ до 40 и 60% выброс e_{CHx} вновь несколько уменьшился до значений соответственно 0,692 и 0,681 г/(кВт·ч). Но, в целом, влияние содержания МЭРМ в смесевом топливе на выброс углеводородов не очень значительно (см. рис. 6*в*).

Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что даже небольшая добавка (5-10%) растительных масел или их эфиров (содержащих около 10% кислорода) в нефтяное топливо позволяет заметно улучшить экологические свойства такого смесевого биотоплива. Поэтому биотоплива, получаемые из растительных масел, можно рассматривать как кислородсодержащие присадки (оксигенаты), значительно улучшающие качество смесевых биотоплив. В связи с этим обстоятельством, на современном этапе развития двигателестроения представляется целесообразной лишь частичное замещение нефтяных топлив биотопливами на основе растительных масел. В более отдаленной перспекти-

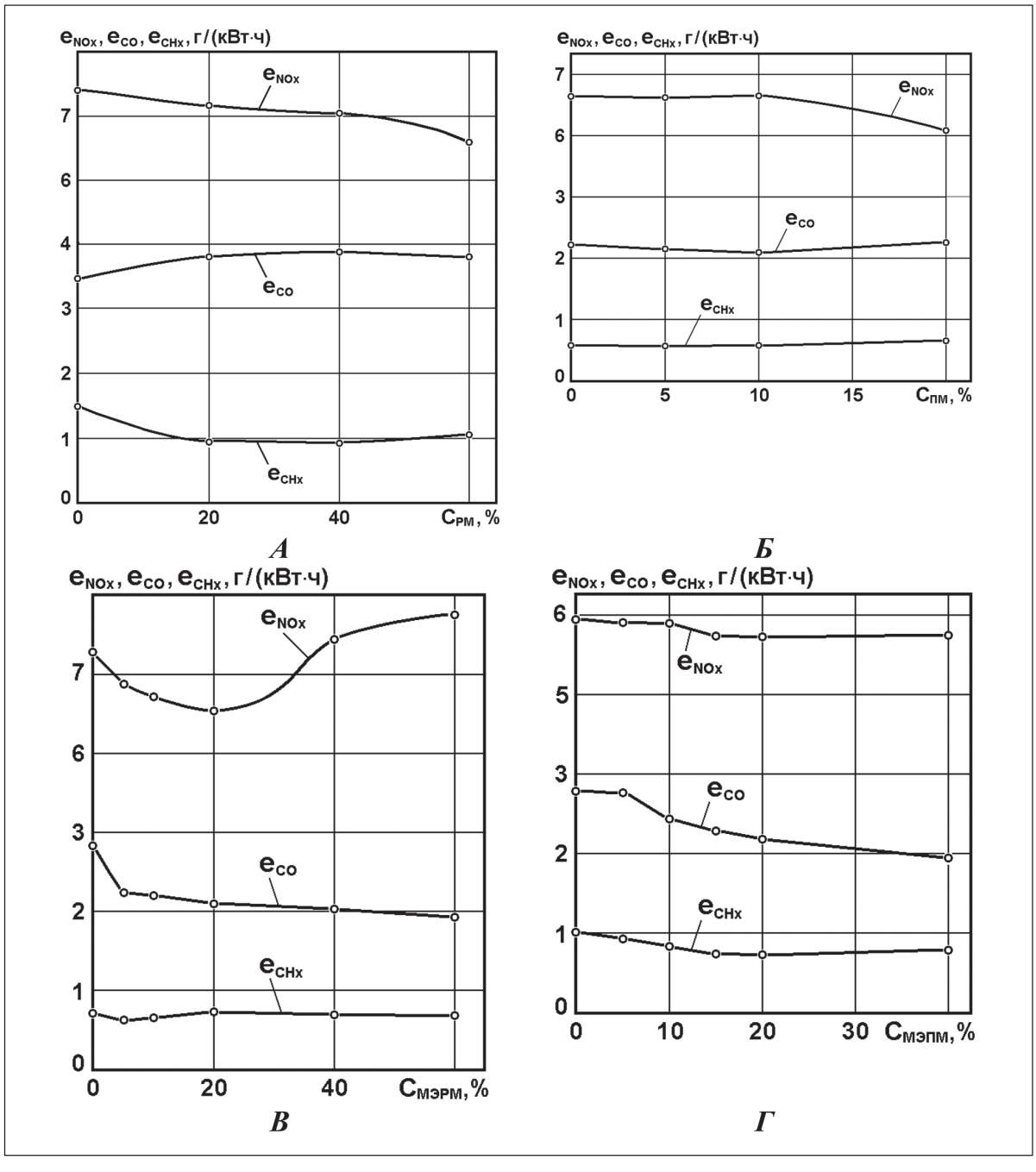

Рис. 6. Зависимость удельных массовых выбросов оксидов азота e_{NOx}, монооксида углерода e_{CO}, несгоревших углеводородов e_{CHx} с ОГ дизеля Д-245.12С от объемного содержания рапсового масла $C_{РМ}$ (*а*), подсолнечного масла $C_{ПМ}$ (*б*), метилового эфира рапсового масла $C_{МЭРМ}$ (*в*), метилового эфира подсолнечного масла $C_{МЭПМ}$ (*г*) в смеси с нефтяным дизельным топливом на режимах 13-ступенчатого испытательного цикла (исследованы дизели с различной комплектацией)

ве возможна и полная замена нефтяных топлив биотопливами.

При этом следует отметить, что полное замещение нефтяных дизельных топлив растительными маслами или их производными (метиловыми или этиловыми эфирами растительных масел) в ближайшей перспективе маловероятно. Это может быть проиллюстрировано следующим примером. Как отмечено выше, наиболее перспективной с точки зрения производства моторных топлив масличной культурой считается озимый рапс, средняя урожайность которого в нашей стране составляет в среднем 1,6 тонны маслосемян с гектара. При такой урожайности из 160 тонн семян рапса, собранных с 1 км^2 пахотных земель, можно произвести примерно 55 тонн метилового эфира рапсового масла (МЭРМ). В 2000 году в России потребление дизельного топлива составило около 55 млн. тонн [3]. Для производства 55 млн. тонн МЭРМ необходимо засеять рапсом 1 млн. км^2 пахотных земель. При этом, по приведенным на рис.

4 данным, площадь плодородных пахотных земель в России составляет 1,219 млн. км^2. Таким образом, для полного удовлетворения потребностей в дизельном топливе в России необходимо использовать под посевы рапса около 80% всего объема пахотных земель. Но следует учитывать имеющуюся тенденцию повышения урожайности рапса и других масличных культур, возможность вовлечения в севооборот земель, непригодных для выращивания пищевых культур, а также возможность использования при производстве биотоплив низкосортных, загрязненных и просроченных растительных масел. Реальным резервом для получения биотоплив являются фритюрные масла, использованные в системе городского общественного питания (в ресторанах, кафе, столовых, закусочных и др.) и подлежащие утилизации. Эта сырьевая база достаточно обширна. Например, в Японии ежегодные отходы фритюрных растительных масел составляют 400-600 тыс. тонн [3]. Все эти факторы создают предпосылки для дальнейшего наращивания производства биотоплив для транспорта. Но для этого необходимы изменение структуры сельскохозяйственного производства, финансирование с участием государства строительства предприятий по производству биотоплива и значительные льготы производителям и потребителям биотоплива.

Реализация этих мероприятий позволит начать широкомасштабное производство и использование моторных топлив растительного происхождения для транспорта, что благоприятно скажется на энергетической, экологической, оборонной и продовольственной безопасности страны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Созонов П.М., Аверков В.С., Мишин О.Л. Развитие малотоннажного производства СПГ в России – объективная необходимость // Транспорт на альтернативном топливе. 2010. № 4. С. 62-69.
2. Марков В.А., Багров В.В., Девянин С.Н. Необходимость и перспективы использования моторных топлив растительного происхождения // Грузовик. 2012. № 7. С. 38-47.
3. Использование растительных масел и топлив на их основе в дизельных двигателях / В.А. Марков, С.Н. Девянин, В.Г. Семенов и др. М.: ООО НИЦ «»Инженер», 2011. 536 с.
4. Льотко В., Луканин В.Н., Хачиян А.С. Применение альтернативных топлив в двигателях внутреннего сгорания. М.: Изд-во МАДИ (ТУ), 2000. 311 с.
5. Биоэнергетика: Мировой опыт и прогнозы развития / Л.С. Орсик, Н.Т. Сорокин, В.Ф. Федоренко и др. Под ред. В. Ф. Федоренко. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. 404 с.
6. Григорович Д.Н. Применение биотоплива на железнодорожном транспорте // Транспорт на альтернативном топливе. 2010. № 1. С. 59-65.
7. Серова Е.В., Звягинцев Д.В. Альтернативная занятость в сельской местности // Мир России. 2006. № 4. С. 3-34.
8. Новые источники сырья для биодизеля / Ю.А. Коцарь, Г.А. Головащенко, С.В. Плужников и др. // Автогазозаправочный комплекс + альтернативное топливо. 2011. № 4. С. 23-24.]
9. Марков В.А., Баширов Р.М., Габитов И.И. Токсичность отработавших газов дизелей. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2002. 376 с.

A.S. VEDERNIKOV

А.С. ВЕДЕРНИКОВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГРОЗОЗАЩИТЫ ДВУХЦЕПНЫХ ЛЭП 35÷220 КВ

ON THE ISSUE OF EFFICIENCY OF LIGHTING PROTECTION OF DOUBLE CIRCUIT POWER TRANSMISSION LINES 35÷220 KV

В статье сформулирован подход и принципы определения числа грозовых отключений двухцепных ЛЭП (ДВЛ) с помощью статистического моделирования по методу Монте-Карло. Представлены положения нетрадиционных способов грозозащиты, моделей области грозового поражения (ОГП) и схем замещения опор с учетом специфики ДВЛ.

Approach and principles of determining the number of lightning overvoltages of double circuit power transmission lines with the help of statistic modeling according to Monte-Carlo method are described in the article. Provisions of non-traditional ways of lightning protection, models in the area of thunder destruction and tower replacement schemes with the view of specifics of double circuit power transmission lines are presented.

Ключевые слова: двухцепная линия электропередач, опора, перенапряжения, ограничитель перенапряжений.

Key words: double circuit power line, power transmission line tower, overvoltage, surge suppressor

Грозозащита ЛЭП представляет собой комплекс технических мероприятий, которые должны ограничить, а по возможности и полностью предотвратить случаи разрушений электроустановок систем электроснабжения и нарушений режимов их работы при их грозовых поражениях (ГП).

Вероятностный характер показателей электроустановок систем электроснабжения и воздействующих факторов при ГП делает постановку задачи в статистической форме наиболее целесообразной [1–3]. Среди этих вероятностных факторов – параметры молнии (ток, его полярность, крутизна, продолжительность импульса), точка удара молнии, вероятность прорыва мимо тросовой защиты, вероятность обратного перекрытия, разброс вольтсекундных и вольтамперных характеристик защитных аппаратов, характеристик электрической прочности стареющей изоляции изношенного электрооборудования и т.д.

Поэтому задача определения числа грозовых отключений (ГО) ЛЭП предполагает исследование модели работоспособности ЛЭП, то есть модели, предназначенной для воспроизведения процесса ее отказа в этих условиях с необходимым учетом конкретного процесса ГП и специфики конструкции ЛЭП.

Число ГО и надежность грозозащиты ЛЭП можно оценить аналитически, если известны уравнения связи, которые могут быть заданы в виде системы алгебраических уравнений: $Y_j=\varphi_j(X_1, X_2,..., X_n)$, где $j=1, 2,..., m$. Задача сводится к определению совместной плотности вероятностей выходных параметров систем $f(y_1,y_2,...,y_m)$, по которой находится вероятность перехода перекрытия гирлянды изоляторов в течение времени t в силовую дугу, то есть

$$P\left\{Y_j < \tilde{A}_j, t\right\} = \int_0^{A_m} ... \int_0^{A_1} f(y_1, y_2, ..., y_m)\, dy_1 \cdot dy_2 \cdot ....dy_m,$$

где Γ_j – обобщенные условные границы возникновения перекрытий и образования условий короткого замыкания (силовой дуги).

Однако, ввиду нелинейности операторов φ и многомерности распределения нахождение такой характеристики – задача весьма сложная, поэтому ее решение целесообразно производить методами математического моделирования, методами матричных (ММИ) и статистических испытаний (МСИ) [3, 4].

В рамках детерминированной модели с помощью ММИ на основе формулы полной вероятности [4] по известным вероятностным характеристикам случайных функций на входе области грозового поражения (ОГП) определяется статистическая величина – число ГО. Это сводится к преобразованию входного случайного вектора $\vec{X}$ $\vec{Y} = A\vec{X}$, где A – нелинейный оператор, представляющий собой совокупность приближенных формульных выражений и уравнений, преобразующих входное воздействие молнии, заданное своими параметрами, в напряжения и токи на элементах ЛЭП (проводах, тросах, теле опоры и т.д.).

Определение Y представляет собой весьма сложную задачу, но при некоторых ограничениях ее можно упростить. Суть ограничений сводится к замене непрерывной входной случайной функции ступенчатой. Тогда, определяя для каждой совокупности входных параметров $X_1, X_2,..., X_n$ состояния случайной функции Y, можно воспользоваться формулой полной вероятности [4].

Для перебора всевозможных гипотез H о протекании процесса ГП (удар молнии в опору, фазный провод, трос, вблизи ЛЭП и др.) необходимо составить матрицу несовместных состояний $\mu = \|X_1, X_2, ... ,X_n\|$. Она позволяет определить вероятность ГО P_s по следующей формуле: $P_s = \sum_{i=0}^{s} P(H_i)$, где $P(H_i)$ – вероятность возникновения режима короткого замыкания при i – том возможном виде перекрытия; s – число видов перекрытий. Однако следует отметить, что наиболее целесообразным методом определения числа ГО является МСИ [4].

Он эффективно реализуется на ЭВМ, так как воспроизведение одной реализации при моделировании ГП для ЛЭП не требует значительных затрат времени. Это позволяет получить статистику, удовлетворяющую требованиям по допустимым погрешностям.

Основная идея МСИ состоит в том, что многократно воспроизводится некоторая формализованная схема, выступающая в качестве статистической модели, вероятностные характеристики которой адекватны вероятностным характеристикам реальной системы. Реализация этого метода вызывает необходимость моделировать случайные процессы с заданными статистическими характеристиками. Формальный аппарат МСИ заключается в следующем:

1) рассчитываются значения случайных величин входных параметров по их заданным вероятностным характеристикам;

2) производятся независимые опыты;

3) на совокупности решений (реализаций) производится определение необходимых статистических характеристик надежности.

Кроме того, необходимо учитывать, что момент возникновения волны равновероятен за время периода промышленной частоты (T = 0,02 с = 20 000 мкс). Поэтому приближенно можно считать, что кратковременный грозовой процесс в ЛЭП (его продолжительность ~ 100 мкс = T /200 с), проходит при постоянных усредненных значениях рабочего напряжения по фазам. Также равновероятным по длине ЛЭП можно приближенно считать положение ОГП.

Рассмотрим расчетную схему МСИ (Монте–Карло) [6] решения задачи анализа ЭМС. Алгоритм решения в этом случае предусматривает параметры молнии со случайными значениями амплитуды, крутизны и длины по статистическим распределениям, описанным в [4].

Изучение этих распределений и их анализ на основании имеющихся экспериментальных данных показывает, что в первом приближении их можно считать взаимно независимыми. На основании известных выражений [4]:

а) $P_1(x \geqslant I) = exp(-I/26)$ –
для распределения амплитуды токов молний; (1)
б) $P_2(y \geqslant a) = exp(-a/15{,}7)$ –
для распределения крутизны токов молний; (2)
в) $P_3(z \geqslant \tau) = exp(-\tau^2 \cdot \gamma^2)$ –
для распределения хвоста токов молний. (3)

В выражениях (1–3) – I, a, τ – ток, крутизна, длина хвоста тока молнии, x, y, z – соответствующие переменные, $\gamma^2 = 0{,}00052$ 1/мкс^2.

Используя выражения (1 – 3), можно получить соответствующие интегральные распределения параметров волн атмосферных перенапряжений в ОГП [4]:

$$P_4(U \geqslant U_0) = [exp(-0{,}154 \cdot U_0 / z_{пр}) - exp(-0{,}154 \cdot U_{мин} / z_{пр})]/[1 - exp(-0{,}154 \cdot U_{мин})], \quad (4)$$

– для амплитуд волн перенапряжений в месте удара (при отсутствии перекрытия линейной изоляции),

$$P_5(U' \geqslant U'_0) = [exp(-0{,}392 \cdot U'_0 / z_{пр})] \quad (5)$$

– для крутизн волн перенапряжений. В выражениях (4, 5): $U_{мин}$ – минимальное импульсное напряжение линейной изоляции, кВ; $Z_{пр}$ – волновое сопротивление провода, Ом; U и U'_0 – соответственно амплитуда, кВ и крутизна волны, кВ/мкс.

Важнейшая эксплуатационная и проектная характеристика грозозащиты ЛЭП – число ее грозовых отключений на годовом интервале. Само ГО является результатом совокупности следующих процессов:

1. Грозовое воздействие на ЛЭП.

2. Возникновение кондуктивных и (или) индуктированных перенапряжений в ОГП. При прямом ударе молнии в ЛЭП (в вершину опоры, в фазный провод или грозотрос) присутствуют обе составляющие, причем в первом приближении чаще всего учитывается только первая. При ударах вблизи ЛЭП и межоблачных грозовых разрядах возникают только ИП, практически одинаковые на всех фазных проводах.

3. Прямое или обратное перекрытие изоляции ЛЭП в ОГП.

4. Переход перекрытия в устойчивую дугу и режим короткого замыкания.

5. Отключение ЛЭП коммутационными аппаратами (выключателями) с помощью релейной защиты.

6. Неуспешное автоматическое повторное включение – отключение, если на ЛЭП в ОГП возникли устойчивые повреждения.

7. Далее возможно ручное включение, в большинстве случаев – неуспешное.

Управление количеством ГО (в основном по пунктам 2 и 3) производится в настоящее время чаще всего традиционными средствами и мероприятиями по грозозащите ЛЭП, такими, как грозозащитные тросы, системы заземления с надлежащими величинами сопротивлений [1], отдельно стоящие молниеотводы и др. Кроме того, для этого также используется усиление гирлянды изоляции на 1 – 2 изолятора, что повышает напряжение ее перекрытия.

Реализация приведенных положений имеет особую специфику для ДВЛ 35 ч 220 кВ, широко используемых в современных системах электроснабжения. Отметим здесь, что в целом грозоупорность ДВЛ ниже, чем у одноцепных линий. Традиционные же мероприятия по грозозащите ДВЛ 35 ч 220 кВ в ряде случаев не дают желаемого результата [1] по приемлемой с точки зрения эксплуатации величине допустимого числа ГО при заданных грозовой интенсивности и длине линий. Поэтому все чаще предпочтение отдается нетрадиционным способам, средствам и мероприятиям, а также их сочетаниям с традиционными.

Для ДВЛ в современных условиях большие возможности обеспечивают подвесные нелинейные ограничители перенапряжений (ПОПН) [2]. Они устанавливаются непосредственно на опорах ЛЭП между фазными проводами и землей в вертикальной части. Также можно рекомендовать их размещение в перемычке между натяжными гирляндами анкерных опор, хотя в принципе возможны и другие варианты. Во избежание неравномерности распределения напряжения вдоль ПОПН со стороны высокого потенциала они должны быть обеспечены экраном.

Как показывает проведенный анализ, сочетание установки ПОПН на верхних фазах обеих цепей и грозозащитного троса по всей длине на уровне нижних фаз (на уровне нижней траверсы) уменьшает число грозовых отключений в 3 → 4,5 раза при изменении $R_{зи} = 50 \rightarrow 10$ Ом. При этом также приблизительно в 2,5 ч 3 раза уменьшается число двухцепных отключений.

Совокупность трех мероприятий: – установка ПОПН на верхних двух фазах; – сооружение троса на уровне нижних фаз; – усиление гирлянды изоляции на 2 изолятора ПС–70 улучшает надежность грозозащиты почти в 8 раз по сравнению с базовым (существующим) вариантом грозозащиты, выполненным в соответствие с рекомендациями [1] и ПУЭ.

С технико–экономической точки зрения названные мероприятия целесообразно дополнить усовершенствованием грозозащиты подстанций, а именно: – заменой вентильных разрядников на ОПН, улучшающей при прочих равных условиях показатели надежности грозозащиты подстанций 35 – 220 кВ в 2 ч 2,5 раза; – использованием каскадных схем установки защитных аппаратов [2], позволяющих снизить требования к длине защищенного грозотросом подхода к подстанции (а в ряде случаев отказаться от него); широким применением разновидностей АПВ с уточненной оценкой коммутационного ресурса выключателей и др.

При определении перенапряжений, возникающих при грозовых воздействиях на ЛЭП и, в частности, ДВЛ, важнейшими этапами является моделирование не только самой ЛЭП, но и молнии как электромагнитного явления.

Функциональная модель, позволяющая определять мгновенные значения импульса тока молнии отрицательной полярности чаще всего строится в виде непрерывной функции, составленной в виде разности двух экспонент:

$$i_{молн}(t) = -I_м \cdot g \cdot [\exp(-t/\tau_1) - \exp(-t/\tau_2)], \quad (6)$$

где $I_м$ – амплитуда импульса; τ_1, τ_2 – постоянные времени, определяющие фронт импульса и время полуспа-

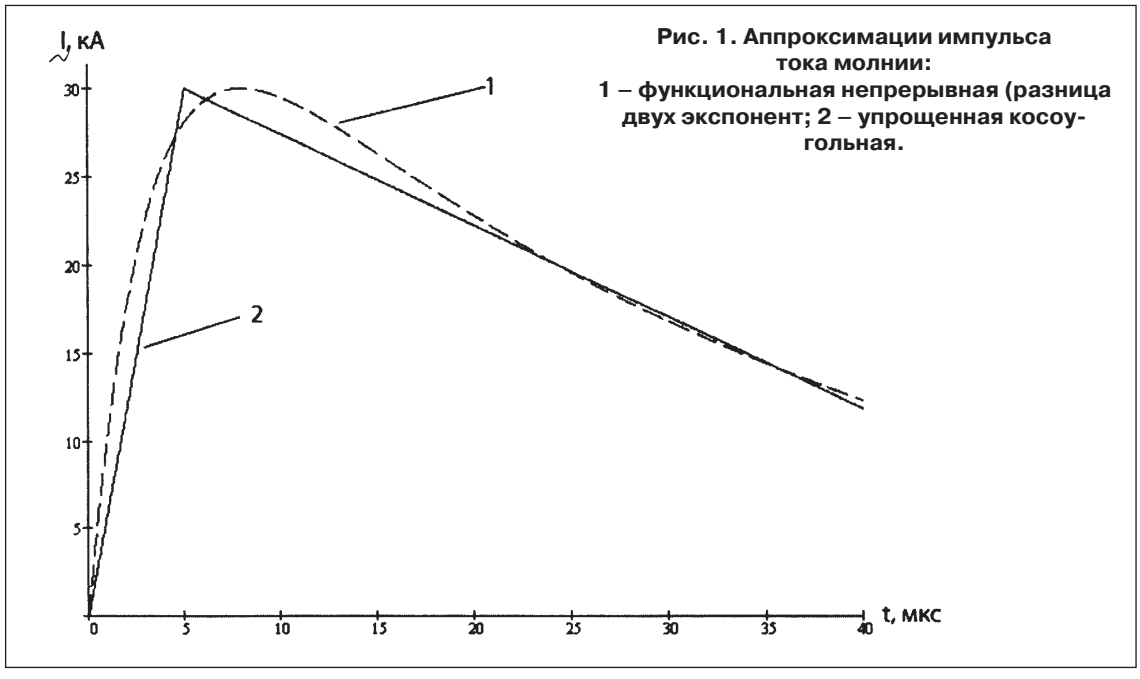

Рис. 1. Аппроксимации импульса тока молнии: 1 – функциональная непрерывная (разница двух экспонент; 2 – упрощенная косоугольная.

да (рис. 1, кривая 1), g – поправочный коэффициент, обеспечивающий равенство модуля максимального значения $i_{молн}(t)$ заданному значению $I_м$ – амплитуды импульса тока молнии – $|\max[i_{молн}(t)]| = I_м$;

Для упрощения расчетов без заметного увеличения погрешности конечного результата молнию можно моделировать косоугольным импульсом (рис. 1, график 2) с помощью кусочно–линейной аппроксимации выражениями (7).

$$i_{молн}(t) = \begin{cases} 0 & \text{при } t < t_c \\ I_м \cdot (t / \tau_ф - t_c / \tau_ф) & \text{при } t_c \le t \le t_ф + t_c \\ \tfrac{1}{2} \cdot I_м \cdot t / (\tau_ф - \tau_в) + I_м \cdot (2\tau_ф + t_c) / (\tau_ф - 2 \cdot \tau_в) & \text{при } \tau_ф + t_c < t < 2 \cdot t_в + t_c \\ 0 & \text{при } t \ge 2 \cdot t_в + t_c, \end{cases}$$

где $\tau_ф$ – заданная длина фронта; $\tau_в$ – заданное время полуспада; t_c – момент времени, при котором произошел удар молнии в ВЛ (в общем случае $t_c = 0$).

В отличие от функциональной зависимости (6) математическая модель (7) не является аналитической, поскольку имеет очевидный разрыв непрерывности. Однако ее несомненное преимущество заключается в том, что в ней параметры импульса тока молнии $I_м$, $\tau_ф$, $\tau_в$, t_c задаются непосредственно, что в значительной мере упрощает численный анализ грозовых перенапряжений.

Как уже было сказано выше, очень важным является вопрос моделирования схемы замещения опор в соответствие с моделями рис. 2.

Рассмотрим условные расчетные схемы опор ДВЛ (рис. 2 *а, б*). Не умаляя значительно общности рассуждений, ограничимся анализом и описанием моделей опор, наиболее часто встречающихся конструкций ДВЛ 35 – 220 кВ – «бочка» и «елочка». Для них характерно наличие: – трех пар траверс ($ТР_{А1}$ и $ТР_{А2}$, $ТР_{В1}$ и $ТР_{В2}$, $ТР_{С1}$ и $ТР_{С2}$), – трех участков опоры между траверсами – верхней и средней, средней и нижней, нижней траверсой и землей, – шести гирлянд изоляторов ($Г_{А1}$, $Г_{А2}$, $Г_{В1}$, $Г_{В2}$, $Г_{С1}$, $Г_{С2}$), – одной и реже двух стоек для грозозащитного троса (ТС) и системы заземления, которая может быть представлена активным сопротивлением растеканию – $R_з$.

Кроме того, для исследования нетрадиционной грозозащиты ЛЭП в схему опоры на рис 2 *б* введены два участка опоры – траверсы для присоединения тросов на уровне нижних фаз ($НТ_1$ и $НТ_2$) и модели ПОПН, включение которых, как показывают результаты их эксплуатации, целесообразно только на верхних фазах ДВЛ, хотя принципиально они могут быть установлены на всех фазах. Однако опыт эксплуатации показывает, что этот вариант оказывается оправданным с технико-экономической точки зрения в основном для ЛЭП средних и низких классов напряжения, где наибольшее значение имеют опасные индуктированные перенапряжения, возникающие на всех фазах ДВЛ.

Схемы опор ДВЛ (рис. 2 *а, б*) имеют универсальный характер, поскольку каждый из названных выше элементов опоры может быть представлен в зависимости от уровня допустимых погрешностей различными способами, а именно: кондуктивной связью с параметрами *R, L, C,* которые в зависимости от характера задачи и требований к точности представления элемента и опоры в целом, принимают различные значения, в том числе и равные нулю, что означает отсутствие этого параметра; связью в виде линии, представленной схемой с сосредоточенными (гипотетически возможно и распределенными) параметрами; а также нелинейной моделью ПОПН.

Рассмотрим различные схемы замещения опоры воздушной линии:

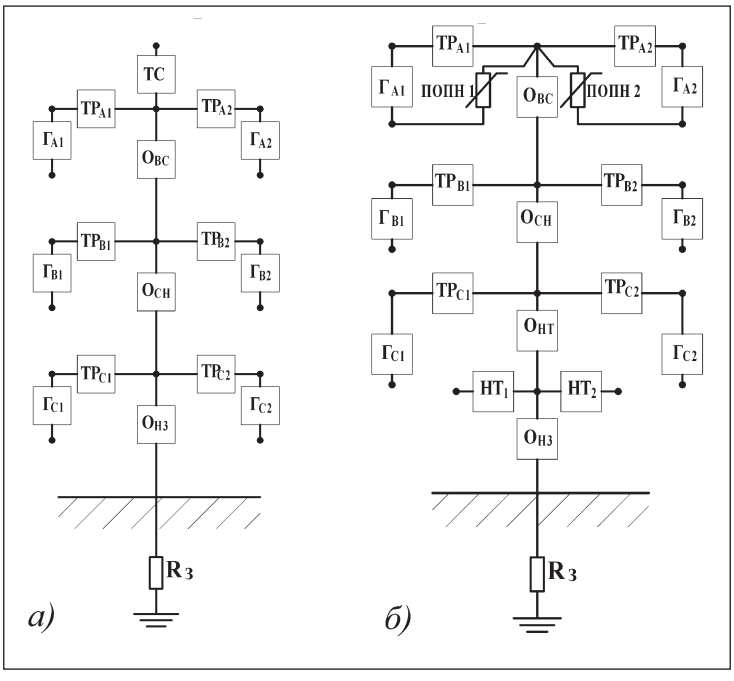

Рис.2. Модели опоры:
***а* – ДВЛ с грозотросом, подвешенным сверху опоры; *б* – ДВЛ с ПОПН на верхних фазах и подвесными тросами на уровне нижних фаз**

самая простая с точки зрения моделирования традиционная схема с активным сопротивлением растеканию тока в землю без учета индуктивностей тела опоры при расчете переходного процесса не требует решения дифференциальных уравнений, ввиду отсутствия реактивных элементов. На рис. 2 *а* все элементы равны нулю, кроме *Rз*;

схема с индуктивностью тела опоры, сконцентрированной внизу опоры, без учета индуктивностей траверс;

схема, в которой каждый участок опоры учитывается своей рассредоточенной индуктивностью, без учета индуктивностей траверс. В отличие от схемы со сконцентрированной индуктивностью, данная схема учитывает индуктивности между траверсами, то есть траверсы имеют разные потенциалы;

схема с индуктивностью траверс. По сути напряжения и токи в опоре будут, она отличается от рассчитанных по предыдущей схеме только после перекрытия гирлянды изоляторов (открытия ПОПН), когда по траверсам опоры начинает идти ток;

схема, в которой участки тела опоры замещены линией с сосредоточенными параметрами. Такая модель является приближенной моделью для линии с равномерно распределенными по ее длине сопротивлением, индуктивностью и емкостью. В отличие от предыдущих моделей опоры данная модель учитывает емкость на землю участков тела опоры и скорость распространения волны в теле опоры (что актуально при коротких фронтах импульса тока молнии). Полная схема представлена на рис. 2 *а*;

схема с сосредоточенными параметрами, в которой отсутствует грозозащитный трос и к верхним фазам подключены ПОПН. На рис. 2 *б* отсутствуют траверсы и тросы, подвешенные на уровне нижних фаз;

схема с сосредоточенными параметрами, ПОПН на верхних фазах и подвесными тросами на уровне нижних фаз. Влияние тросов, находящихся на уровне нижних фаз, возникает при кондуктивных и индуктивных перенапряжениях в области грозовых перенапряжений. Полная схема представлена на рис. 2 *б*.

Очевидно, что различия между схемами достаточно велики при всех значениях сопротивления заземления опоры. Поэтому пренебрегать какими-либо элементами тела опоры, без существенного вреда для конечного результата, нельзя. В дальнейших расчетах рекомендуется использование схемы линии с сосредоточенными параметрами как наиболее подробной модели.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Руководство по защите электрических сетей 6–1150 кВ от грозовых и внутренних перенапряжений / Под научной редакцией академика РАН Н.Н. Тиходеева. 2–е изд. –СПб.: Издательство ПЭИПК Минтопэнерго РФ, 1999.
2. Халилов Ф.Х., Гольдштейн В.Г., Гордиенко А.Н., Пухальский А.А.. Повышение надежности работы электрооборудования и линий 0,4 – 110 кВ нефтяной промышленности при воздействиях перенапряжений / – М. : Энергоатомиздат, 2006. – 356 с.
3. Гольдштейн В.Г. Статистические методы исследования электромагнитной совместимости электроустановок в электроснабжении от внешних атмосферных грозовых воздействий. Вестник СамГТУ. Серия «Технические науки». Выпуск 14. – Самара, 2002. с. 159–171.
4. Вентцель Е.С. Теория вероятностей. М.: Академия, 2003. – 576 с.
5. Бусленко Н.П., Шрейдер Ю.П. Метод статистических испытаний. М.: ГИФМЛ, 1961.
6. Гольдштейн В.Г., Черновой Б.М. Применение ЭВМ для анализа грозозащиты подстанций методом Монте-Карло. Межвуз. сб. научн. тр. «Вычислительная техника». Вып 1. Куйбышев. КПтИ. 1972. с. 110-115.
7. Демирчян К.С., Нейман Л.Р., Коровкин Н.В., Чечурин В.Л. Теоретические основы электротехники. Изд. 4 доп. Т. 2. Изд. Питер. – Спб. 2006. – 575 с.

Yu.A. NIKIFOROV

Ю.А. НИКИФОРОВ

ПОДГОТОВКА СССР К ВОЙНЕ С ГЕРМАНИЕЙ В 1941 г.: ГРАНИЦЫ ДИСКУССИИ

PREPARATION OF THE USSR FOR A WAR WITH GERMANY IN 1941: LIMITS OF DISCUSSION

В статье дан историографический обзор проблемы подготовки СССР к вероятной войне с Германией в 1941 г. Автор сосредоточивает внимание на оценке характера германского нападения 22 июня 1941 г., которое ни в коем случае не может быть признано превентивным. Что касается подготовки Советского Союза к отражению агрессии, то анализ современной историографии показывает несостоятельность попыток обвинить советское руководство в подготовке упреждающего удара по немецким войскам.

The article presents a historiography review of the problem of preparation of the USSR for a probable war with Germany in 1941. The author's focus is on the assessment of the nature of the German attack of 22 June 1941, which in no way can be recognized as preventive. Regarding the preparation of the Soviet Union for repelling the aggression, the analysis of modern historiography demonstrated groundlessness of the attempts to charge the Soviet leadership with preparation of a preventive strike against German troops.

Ключевые слова: СССР и Германия, 22 июня 1941 г., превентивный удар, «Соображения по плану стратегического развертывания Красной Армии», Сталин.

Key words: USSR and Germany, 22 June 1941, preventive strike, «Considerations of the plan of strategic deployment of the Red Army», Stalin..

В подготовке страны и Вооруженных Сил к отражению возможной агрессии важную роль играло оперативно-стратегическое планирование, предусматривавшее определение порядка развертывания вооруженных сил, создание группировок войск для ведения военных действий и замыслы первых стратегических операций.

В зависимости от складывающейся международной обстановки, а также изменений сил и средств, форм и способов ведения вооруженной борьбы содержание разрабатываемых планов постоянно уточнялось. В предвоенные годы и накануне войны в СССР сложилась система разработки оперативно-стратегических планов ведения войны, она представляла собой комплекс различных документов, которые делились на две взаимосвязанные части – оперативную и мобилизационную.

Основу оперативной части плана составляли план стратегического развертывания вооруженных сил, план прикрытия мобилизации и сосредоточения войск и планы первых фронтовых операций. Основу мобилизационной части плана составляли план (схема) мобилизационного развертывания вооруженных сил (мобилизационный план) и план мобилизации промышленности.

Перед началом Второй мировой войны последний оперативный план был утвержден правительством (ЦК и СНК) в ноябре 1938 года. К разработке нового плана Генштаб под руководством Б.М. Шапошникова приступил в июле 1940 года, однако последовавшие события в Прибалтике и Бессарабии потребовали внесения корректив. В августе документ за подписью С.К. Тимошенко и Б.М. Шапошникова был готов, однако правительством в него были внесены изменения, касающиеся предполагавшегося направления главных ударов противника и соответственно направлений операций РККА. Эти изменения вносились и дорабатывались уже под руководством нового начальника Генштаба К.А. Мерецкова. Документ был представлен в правительство, и после обсуждения и доработки утвержден 14 октября 1940 г.

В 1941 г. под руководством нового начальника Генштаба Г.К. Жукова работа по уточнению документов оперативного планирования продолжалась. Следует отметить, что известные историкам документы, подготовленные в Генштабе весной 1941 г. – прежде всего два варианта «Соображений по плану стратегического развертывания» – представляют собой черновики, испещренные многочисленным числом исправлений, на которых отсутствуют подписи должностных лиц. Тем не менее, они позволяют реконструировать представления советского военного руководства о характере действий Красной Армии в будущей войне.

Анализ этих документов подтверждает зафиксированный в мемуарах советских военачальников факт, что советское военное руководство исходило из

ошибочных представлений о начальном периоде войны. «При переработке оперативных планов весной 1941 года, – свидетельствовал Г.К.Жуков, – практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений»[1]. О том же говорил и А.М. Василевский: хотя руководство Генштаба и исходило «при разработке плана... из правильного положения, что современные войны не объявляются, а они просто начинаются уже изготовившимся к боевым действиям противником...», тем не менее, «план по старинке предусматривал так называемый начальный период войны продолжительностью 15-20 дней от начала военных действий до вступления в дело основных войск страны...»[2].

Какие подтверждения этому можно найти в рассекреченных документах?

В «Соображениях...» от 18 сентября 1940 г., после постановки задачи войскам Западного фронта «ударом... нанести решительное поражение германским армиям, сосредотачивающимся на территории Восточной Пруссии», указывалось: «В течение 20 дней сосредоточения войск и до перехода их в наступление армии активной обороной, опираясь на укрепленные районы, обязаны прочно закрыть наши границы и не допустить вторжения немцев на нашу территорию»[3]. Таким образом, «нанесение удара[4]» планировалось на 20-й день от начала сосредоточения, прикрывать которое следовало «активной обороной»[5].

Разработанным в штабе КОВО планом развертывания войск округа на 1940 г. предусматривалось, что войска будут готовы к переходу в наступление на тридцатый день мобилизации (см. п. III), причем сосредоточение и развертывание должно было проводиться после начала войны (п. V). В ходе первого – оборонительного – этапа предполагалось «уничтожение живой силы наступающего противника» (п. V.1) и нанесение авиацией «мощных ударов» по железнодорожным узлам с целью «нарушить и задержать сосредоточение немецких войск» (п.V.6)[4].

Несомненный интерес представляют документы, подготовленные Генштабом непосредственно перед войной — в мае-июне 1941 г. Ознакомление с директивами Генштаба командованию западных приграничных округов, а также планами прикрытия, разработанными в округах непосредственно перед нападением Германии, можно с уверенностью говорить, что устаревшие представления о начальном периоде войны сохранялись у командования РККА до 22 июня 1941 г.

Например, задачи обороны в директивах, отданных Генштабом в мае 1941 г. в КОВО и ЗапОВО, определяются следующим образом: «Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа. ... Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами... нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника»[4]. Ниже определялось количество боеприпасов, которое разрешалось израсходовать до пятнадцатого дня мобилизации[6]. Таким образом, составители директив исходили из того, что военные действия начнутся до окончательного отмобилизования и сосредоточения главных сил Красной Армии и, что не менее существенно, немецкие войска также будут заканчивать сосредоточение и развертывание уже после начала боевых действий.

На основе этой директивы в штабе КОВО был разработан окружной план, в котором командование округа повторяло основные положения директивы Генштаба: «разрушением ж/д мостов и узлов Ченстохов, Катовице, Краков, Кельце, а также действиями по группировкам противника нарушить и задержать сосредоточение и развертывание его войск»[7].

В «Записке по плану действий войск в прикрытии», составленной в ЗапОВО, авиации ставилась такая же задача: «...нарушить и задержать сосредоточение войск противника»[8].

Что касается командования ПрибОВО, то, говоря о задачах разведки, составители плана в этом округе указывали: «Цель разведки – с первого дня войны вскрыть намерения противника, его группировку и сроки готовности к переходу в наступление»[9]. Яснее не скажешь — война начнется как-то иначе, но не решительным наступлением главных сил противника, считали в штабе ПрибОВО (следует подчеркнуть, что командование всех без исключения округов в планах прикрытия ставило перед своими войсками оборонительные задачи на всем протяжении границы, а, значит, никаких оснований для истолкования приведенных отрывков как свидетельств того, что СССР собирался первым открыть военные действия, нет).

Таким образом, советское военное руководство исходило из такого представления о начальном периоде войны, в соответствии с которым начало войны и вступление в сражение главных сил противоборствующих сторон хронологически не совпадают. Военные действия в этот период должны были вестись ограниченными силами с целью помешать развертыванию основных сил противника.

В то же время, «Соображения...» от 15 мая 1941 г.[4,10,11] позволяют предположить, что руководство Генштаба в лице Г.К.Жукова и А.М.Василевского осознавало и было обеспокоено тем, что Германия имела очевидное преимущество в сроках сосредоточения и развертывания на границах СССР армии вторжения относительно противостоящих ей сил Красной Армии. «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, — указывалось в документе, — она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». После же перечисления

задач, поставленных перед войсками фронтов, предлагалось осуществление необходимых подготовительных мероприятий по отмобилизованию и сосредоточению войск[4].

К сожалению, многими историками этот документ без серьезного обоснования был истолкован как план упреждающего удара, предложение нанести который якобы было сделано руководством Генерального штаба Красной Армии И.В. Сталину в мае 1941 г. При этом упреждающий удар понимался как предложение проявить инициативу в развязывании военных действий[12].

Однако, выражения «предупредить в развертывании», нанести «внезапный удар» не обязательно в данном контексте должны означать «осуществить нападение». Если планировалось, что на развертывание войск и той, и другой стороне потребуется какое-то время уже после начала войны (иными словами, «нанесение удара» и открытие военных действий хронологически не совпадают), то выражение документа «упредить в развертывании» должно пониматься как отражение стремления осуществить его в более короткий срок, чем это сделает противник (сократив тем самым пресловутый «начальный период»), и, естественно, нанести удар первым. Ничего более. Истолкование данного документа как предложения открыть военные действия, развязать войну является неоправданным расширением тезиса и без дополнительной аргументации неприемлемо.

Утвердившееся в литературе мнение о том, что советским военным и политическим руководством весной 1941 г. рассматривался такой вариант начала войны с Германией, при котором инициатором начала военных действий выступил бы СССР, лишено достаточных оснований. Во всяком случае, сторонникам этой версии следовало бы поискать дополнительные документальные подтверждения в свою пользу, поскольку соответствующую интерпретацию известных документов планирования нельзя не признать произвольной.

Составители майских «Соображений...», учитывая возможность начала войны летом 1941 г., предлагали И. Сталину заблаговременно осуществить необходимые мероприятия, которые позволили бы войскам Красной Армии непосредственно после начала войны нанести противнику «внезапный удар», упредив его в развертывании основных сил. Предполагалось, что столкновение с Германией может произойти только по инициативе последней, и, не будучи уверенным в том, что война все-таки начнется, руководство Генштаба планировало продолжать оборонительные мероприятия в том случае, если напряженность между двумя странами разрешится как-нибудь иначе. В этой связи уместно сослаться на работы О.В. Вишлева, где содержатся убедительные доводы в пользу того, что советское руководство рассчитывало на то, что началу военных действий будет предшествовать выяснение отношений на дипломатическом уровне, в крайнем случае — какая-либо провокация со стороны Германии[13]. Кроме того, советской разведке не удалось своевременно вскрыть замысел противника; докладываемые Сталину разведсводки и спецсообщения содержали противоречивые сведения о планах Германии и сроках ее вероятного нападения на СССР.

В любом случае, советские генералы допускали ошибку, считая, что вступление в сражение главных сил сторон не совпадет хронологически с началом военных действий. Напомним известное признание Г.К. Жукова: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»[14].

Непосредственный свидетель и участник событий тех лет, причем весьма информированный, П.А. Судоплатов, успел откликнуться на развернувшуюся в начале 1990-х гг. дискуссию по поводу советских предвоенных планов. «Должен сказать, однако, со всей ответственностью, — заявил он, — что плана так называемой превентивной войны с Германией не существовало. Жуков и Василевский предлагали упредить немцев в стратегическом развертывании войск в случае начала Германией военных действий»[15].

Представляется, все же, что советскому руководству не удалось найти адекватный ответ на проблему, связанную с осознанием неравности стартовых условий двух стран при осуществлении отмобилизования войск и их развертывания, из чего вытекала необходимость признания заведомой «проигрышности» для советской стороны начального этапа войны в ситуации, когда превентивное нападение по политическим соображениям было исключено. В мае 1941 г., после полета заместителя А. Гитлера по нацистской партии Р.Гесса в Великобританию, ситуация требовала немедленных действий по форсированию соответствующих мероприятий, пусть даже ценой несоблюдения маскировки – именно это имел в виду А.М.Василевский, когда говорил о необходимости «твердо сделать шаг вперед» к «рубикону войны», на что Сталин вовремя не решился[16].

Выступить инициатором начала военных действий в тот момент, когда назревал, как опасались в Москве, англо-германский компромисс, означало бы для СССР не только отказаться от выгод, которые давал ему статус нейтрального государства, и навязать себе войну с очень сильным и опасным противником, но и стимулировать примирение между Берлином и Лондоном. В результате могло случиться, что СССР пришлось бы вести войну не только против Германии и ее союзников, но и против более широкой коалиции государств.

Кроме того, политическое руководство и командование РККА не могло не понимать, что страна и вооруженные силы еще не были готовы к войне. Эко-

номика не была переведена на военное положение. Производство новых образцов танков, самолетов и других видов вооружения только началось. Красная Армия находилась в стадии коренной реорганизации. В этих условиях Советскому Союзу было крайне необходимо оттянуть начало войны хотя бы на 1-2 года.

Когда советское политическое руководство и командование РККА осознало, что войны с Германией в самое ближайшее время не избежать, наши вооруженные силы явно запаздывали с созданием исходной группировки войск, предусмотренной предвоенными планами. Сосредоточение и развертывание войск Красной Армии осуществлялось как реакция на становившуюся все более явной угрозу германского нападения, и поэтому не могло не запаздывать по сравнению с аналогичными мероприятиями врага. Поэтому, вероятно, Сталину в последние мирные дни не оставалось ничего иного, как продолжать прежнюю линию: «во что бы то ни стало, выиграть время», «еще неделю, еще 15-20 дней...», «не поддаваться на провокации...», избегать действий, которые могли ускорить выступление Германии. Все помыслы и действия Сталина в это время, писал Г.К. Жуков, «были пронизаны одним желанием — избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что ему это удастся»[17].

Изложенные в «Соображениях...» планы первых операций РККА носят наступательный характер, что дало ряду историков, в первую очередь последователям В. Суворова-Резуна, дополнительный повод для обвинения СССР в подготовке нападения на Германию. Однако прямой связи между характером действий вооруженных сил и политическими целями войны нет. Наступление и нападение – разные вещи. Как представляется, Генеральный штаб и Наркомат обороны, будучи, в сущности, всего лишь инструментом в руках политиков, при планировании операций вообще могли не рассматривать вопрос о том, кто именно будет инициатором военных действий – СССР или Германия. Войска должны были быть готовы разгромить противостоящего им противника в любом случае. Советское командование не планировало отступления вглубь страны в духе 1812 г., рассчитывая с первых дней войны начать борьбу за стратегическую инициативу. Только такой вариант позволял надеяться на успешный исход столкновения со столь мощным противником, каким являлась гитлеровская Германия. И в этом не было ничего исключительного – как убедительно показал А.В.Исаев, все планы крупных держав, участниц как Первой, так и Второй мировой войн, были наступательными[18]. Даже Финляндия и Польша планировали «наступательную войну». Тем не менее, никому не приходило и не приходит в голову обвинять Францию или Польшу в подготовке нападения на Германию только потому, что военные этих стран в случае войны планировали действовать «наступательным образом».

Так что «наступательный характер» советской военной доктрины и документов планирования (на обоснование какового некоторыми историками потрачено немало усилий) никак не может свидетельствовать в пользу того, что советским руководством было принято решение о нападении на Германию летом 1941 г. или же служить аргументом в пользу некой особой «агрессивности» сталинского СССР.

Таким образом, не подлежит сомнению, что агрессия Германии против СССР являлась реализацией программной установки Гитлера на завоевание «жизненного пространства» на Востоке Европы и уничтожение Советского Союза как национально-государственного образования и социальной системы.

Что касается Советского Союза, то рассекреченные в 1990-е гг. документы военно-стратегического планирования не дают оснований для утверждений о подготовке им нападения на Германию. Более того, нет достаточных оснований и для утверждений о подготовке Генеральным штабом Красной Армии упреждающего удара по сосредотачивающимся у границы немецким войскам.

Конечно, советское руководство готовилось к войне: долгосрочные стратегические планы Гитлера, мероприятия германской армии по подготовке к вторжению с определенного момента не являлись для советского руководства тайной, и не реагировать на них было преступным легкомыслием. Однако СССР не намеревался нападать на Германию. Мир с ней был для него во всех отношениях более выгодным, чем столкновение с непредсказуемыми последствиями. Весной — в начале лета 1941 года правительство СССР сделало максимум возможного, чтобы удержать Германию от военного выступления, и начало развертывание Красной Армии лишь после того, как обстановка стала критической. Но и выдвигая войска к границе, оно продолжало искать пути преодоления кризиса мирными средствами.

Предположения о том, что СССР мог напасть на Германию в 1942 году или позднее, – спекуляции, не имеющие документального подтверждения. Планы стратегического развертывания на этот период Генеральным штабом Красной Армии разработаны не были, никаких программных заявлений по этому поводу руководство СССР не делало. Да, в 1942 году СССР чувствовал бы себя более сильным в военном отношении, чем в 1940 или 1941 г. Но это еще отнюдь не означает, что Сталин непременно напал бы на Германию. Мощь Красной Армии могла просто стать тем фактором, который исключил бы возможность военного выступления Германии против Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1.
2. Василевский А.М. Накануне 22 июня 1941 года (неопубликованное интервью от 20 авг. 1965 г.) // Новая и новейшая история. 1994. № 6.
3. 1941 год: в 2-х кн. / Сост. Л.Е. Решин и др. М.,1998.

4. Здесь и ниже курсив наш – Ю.Н.
5. Использование авторами выражения «активная оборона» свидетельствует, что в их представлении в период сосредоточения главных сил боевые действия будут уже вестись.
6. Новая и новейшая история. 1997. №5.
7. Конец глобальной лжи: когда Киев еще не бомбили / публ. Ю.А. Горькова, Ю.Н. Семина // Военно-исторический журнал. 1996. №4.
8. Конец глобальной лжи: на Западном направлении / публ. Ю.А. Горькова, Ю.Н. Семина // Военно-исторический журнал. 1996. №3.
9. Конец глобальной лжи / Публ. Ю.А.Горькова, Ю.Н.Семина // Военно-исторический журнал. 1996. №2.
10. Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.? // Новая и новейшая история. 1993. №3. С.43-44.
11. Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.
12. Бобылев П.Н. К какой войне готовился генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5.
13. Вишлев О.В. «...Может быть, вопрос еще уладится мирным путем» // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М.,1995; Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001; Вишлев О.В. Почему медлил Сталин в 1941 г.? (из германских архивов) // Новая и новейшая история. 1992.
14. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т.2.
15. Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
16. Василевский А.М. В те суровые годы // Военно-исторический журнал. 1978. №2.
17. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1.
18. Исаев А.В. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М.,2004.

Yu.V. RUBTSOV

Ю.В. РУБЦОВ

РЕАБИЛИТАЦИЯ СПУСТЯ 16 ЛЕТ[1]
REHABILITATION 16 YEARS LATER

В статье раскрываются обстоятельства ареста, осуждения и посмертной реабилитации командования Западным фронтом, на которое была возложена главная ответственность за поражения Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны. Анализируются фактические обстоятельства следствия и судебного процесса, обосновывается тезис о том, что по соображениям политической целесообразности руководство ГКО СССР в отношении высших офицеров фронта пошло на грубое нарушение законности.

The article reveals circumstances of arrest, conviction and post-death rehabilitation of the Western front command, which was found responsible for defeats of the Red Army in the initial period of the Great Patriotic War. Factual circumstances of investigation and court proceedings are analyzed, the thesis about the fact that due to considerations of political expediency the leadership of the State Defense Committee of the USSR in relation to higher officers of the front resorted to extreme violation of lawfulness, is substantiated.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Западный фронт, командный состав, осуждение, реабилитация.

Key words: Great Patriotic War, Western front, command corps, conviction, rehabilitation.

В истории Великой Отечественной войны, до предела насыщенной драматическими коллизиями, тем не менее, найдется не так много документов, которые были бы сопоставимы с постановлением Государственного Комитета обороны СССР № 169сс от 16 июля 1941 г. по остроте поставленного в нем вопроса: кто виноват в поражениях Красной Армии?

«...Государственный Комитет Обороны, – говорилось в документе, – должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником...

Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной Армии».

В постановлении назывались фамилии высших офицеров нескольких фронтов, которых ГКО «арестовал и предал суду Военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций»: команду-

ющего войсками Западного фронта генерала армии Д.Г. Павлова, начальника штаба Западного фронта генерал-майора В.Е. Климовских, начальника связи Западного фронта генерал-майора А.Т. Григорьева, командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора А.А. Коробкова, командира 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта генерал-майора И.С. Кособуцкого, командира 60-й горнострелковой дивизии Южного фронта генерал-майора М.Б. Салихова, командира 30-й горнострелковой дивизии Южного фронта генерал-майора С.Г. Галактионова и еще двух политработников более низкого служебного ранга.

ГКО потребовал от командиров и политработников всех степеней, чтобы «они не давали паникерам, трусам и дезорганизаторам порочить великое знамя Красной Армии и расправлялись с ними, как с нарушителями присяги и изменниками Родины»[2].

Итак, главную ответственность за поражения в приграничных сражениях Сталин возложил на высших офицеров, стоявших во главе войск, которые вступили в противоборство с вермахтом в первые же дни войны. Этот вывод был доведен до всего личного состава действующей армии: несмотря на совершенно секретный характер постановления, оно было зачитано в ротах, батареях, эскадронах, авиаэскадрильях.

Какие же события предшествовали постановлению ГКО и чем была вызвана такая суровость наказания высших офицеров? Начальный период войны сложился для Красной Армии, как известно, трагически. К 10 июля 1941 г. фашистские войска продвинулись в северо-западном направлении на 400–450 км, в западном – на 450–600, в юго-западном – на 300–350 км. Наша армия оставила Прибалтику, Белоруссию, значительную часть Украины и Молдавии. Создалась угроза прорыва противника к Ленинграду, Смоленску и Киеву. Только три фронта – Северо-Западный, Западный и Юго-Западный – по неполным подсчетам потеряли около 748 тыс. человек личного состава, 18,8 тыс. орудий и минометов, свыше 11,7 тыс. танков, около 4 тыс. самолетов[3]. Правда, и вермахт никогда прежде не сталкивался с таким упорным сопротивлением. Невиданными оказались потери немцев в первые три недели войны – около 100 тыс. человек, 1,6 тыс. танков, 950 самолетов.

С первого дня особенно мощное наступление противник развил в полосе Западного фронта, созданного на базе Западного особого военного округа. Он бросил в сражение 50 дивизий, из них 15 танковых, в то время как Западный фронт располагал 24 стрелковыми, 12 танковыми и 6 мотострелковыми дивизиями.

Фактически именно на этом, западном, направлении вермахт, используя основные силы 4-й танковой армии, наносил главный удар, нацеливаясь на Смоленск и далее на Москву. Противник в полной мере воспользовался грубыми просчетами И.В. Сталина в определении момента и главного направления фашистской агрессии. Создав тройное превосходство в танках, орудиях и минометах, тройное-пятикратное – в живой силе, в первый же день захватив полное господство в воздухе, группа армий «Центр» нанесла нашим войскам тяжелое поражение. Уже 28 июня были захвачены Минск и Бобруйск, западнее белорусской столицы попали в окружение 3-я и 10-я армии Западного фронта, а остатки 4-й армии отошли за Березину. Создалась угроза быстрого выхода подвижных соединений врага к Днепру и прорыва к Смоленску.

Арест и предание суду руководящего состава Западного фронта (кроме командующего, начальника штаба, начальника связи, командующего 4-й армией, был в сентябре 1941 г. осужден и командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант артиллерии Н.А. Клич) ГКО мотивировал необходимостью «железной рукой» пресечь всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной Армии.

Однако анализ происшедшего требует дать ответ, как минимум, на два вопроса. Первый: только ли указанные лица должны были нести главную ответственность за поражения войск в приграничных сражениях? Второй: действительно ли генералы совершили те преступления, которые им инкриминировали – струсили, проявили бездействие, допустили развал управления войсками и прочее?

Разумеется, немалая доля вины за поражение вверенных войск лежит на командовании Западным фронтом. Однако публичное объявление имен высших офицеров, преданных суду военного трибунала, преследовало, как представляется, иную цель. Оно было попыткой Сталина переложить на военачальников всю вину за катастрофические поражения первых недель войны и тем самым сохранить в неприкосновенности собственную репутацию.

Комплекс документов, имеющихся в распоряжении военных историков, позволяет именно на вождя возложить основную ответственность за то, что войска Красной Армии встретили вражеское нападение на положении мирного времени. Из опасения дать немцам хоть малейший повод к агрессии (хотя их целенаправленная подготовка к войне не оставляла сомнений) Сталин запрещал военному руководству самые элементарные действия по приведению войск в необходимую степень боевой готовности. Жестко пресекались все попытки командующих войсками округов, в том числе Западного особого, заранее выдвинуть к границе хоть какие-то дополнительные силы.

Просчет в определении вероятных сроков нападения Германии стал наиболее роковым в ряду трагических ошибок высшего политического руководства СССР. Вследствие него не было сделано главного – войска прикрытия, предназначавшиеся для отражения первого удара противника, своевременно не были приведены в полную боевую готовность. Понятно, что ответственность за этот просчет должны были нести отнюдь не генералы окружного (фронтового) звена.

Сама процедура установления круга виновных военачальников явно выдавала то, что называется политическим заказом. На первом же заседании ГКО,

образованного 30 июня, генерал армии Павлов был освобожден от обязанностей командующего фронтом. До 2 июля его заменили генерал-полковником А.И. Еременко, а затем – наркомом обороны маршалом С.К. Тимошенко. Членом военного совета фронта стал армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис, продолжавший оставаться заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР, заместителем наркома обороны и начальником Главного управления политической пропаганды РККА. Ему в сталинских планах по поиску лиц, на которых предстояло возложить вину за поражения, отводилась особая роль.

Павлов, еще не зная об отстранении с поста комфронтом, выехал по вызову вождя в Москву. Но его принял лишь начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков, который объявил Павлову о снятии с должности и передал приказ Сталина возвращаться на фронт. 4 июня по дороге в Гомель, где к тому времени размещался штаб Западного фронта, Павлов был арестован.

Процедуру ареста контролировал Мехлис. Ему же было поручено определить круг лиц из командного состава фронта, которые вместе с бывшим командующим должны были предстать перед судом, и сформулировать правдоподобное обоснование расправы над ними. По образцу 1937 года, чтобы надежнее отвести вину от вождя, Мехлис сфабриковал групповой «заговор».

6 июля 1941 г. он собственноручно составил на имя Сталина телеграмму, подписанную также командующим фронтом маршалом С.К. Тимошенко и еще одним членом военного совета фронта первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко. В ней сообщалось, что «Военный совет установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжелое поражение», и назывались фамилии арестованных военачальников. Кроме указанных выше генералов В.Е. Климовских, Н.А. Клича, А.Т. Григорьева и А.А. Коробкова, в этот проскрипционный список попали заместитель командующего ВВС фронта генерал-майор авиации А.И. Таюрский (командующий ВВС Герой Советского Союза генерал-майор авиации И.И.Копец под влиянием известий о тяжелых потерях авиации покончил жизнь самоубийством в первый же день войны), командир 9-й смешанной авиационной дивизии Герой Советского Союза генерал-майор авиации С.А. Черных, командир 42-й стрелковой дивизии генерал-майор И.С.Лазаренко, командир 14-го механизированного корпуса генерал-майор С.И. Оборин и некоторые другие лица, занимавшие менее высокое служебное положение.

Мехлис действовал грубо, подтасовывал факты, не заботясь даже о тени законности. О его «объективности» при определении круга виновных свидетельствует хотя бы судьба генерал-майора А.А. Коробкова. По воспоминаниям генерал-полковника Л.М. Сандалова, встретившего войну начальником штаба 4-й армии, она «хотя и понесла громадные потери, но все же продолжала существовать и не теряла связи со штабом фронта». Почему же осудили именно Коробкова? Сандалов объяснял так: «К концу июня 1941 года был предназначен по разверстке (! – *Ю.Р.*) для предания суду от Западного фронта один командарм, а налицо был только командарм 4-й армии. Командующие 3-й и 10-й армиями находились в эти дни неизвестно где, и с ними связи не было. Это и определило судьбу Коробкова»[4].

В словах генерала Сандалова нет ни малейшего преувеличения: если вчитаться в мехлисовский арестный список, то видно, что он составлен, исходя из самой настоящей разнарядки: в нем представлено по одному человеку от каждого уровня командования – фронт, армия, корпус, дивизия. В список попали даже начальник военторга и начальник окружной ветеринарной лаборатории. Как их деятельность могла сказаться на поражении войск фронта, было ведомо одному Мехлису.

Но Сталин не увидел в этом факте ничего необычного. В тот же день от него последовал ответ, в котором вождь от имени Государственного Комитета Обороны одобрял произведенные аресты и приветствовал «эти мероприятия как один из верных способов оздоровления фронта»[5].

Многое в этой истории остается еще под покровом тайны. До сих пор не установлено даже, кто из военачальников, где и когда был арестован. Относительно обстоятельств ареста генерала армии Павлова мы располагаем двумя, противоречащими одна другой, версиями. Первая принадлежит бывшему начальнику Гомельского областного управления госбезопасности полковнику в отставке Д.С. Гусеву. На рассвете 4 июля ему позвонил Мехлис и отдал приказ задержать Павлова, направлявшегося из Могилева в Гомель, когда тот будет проезжать городок Довск. Гусев прибыл в Довск и здесь узнал, что арест генерала армии придется производить не ему, а ранее прибывшей из Москвы группе ответственных работников НКВД. Когда появилась машина Павлова, один из них остановил автомобиль и предложил генералу пройти к телефону, объяснив просьбу срочным вызовом Мехлиса. В помещении почтового отделения бывшему командующему Западным фронтом предъявили ордер на арест[6].

Сам Павлов показывал на допросе 7 июля: «Я был арестован днем 4 июля с.г. в Довске, где мне было объявлено, что арестован я по распоряжению ЦК. Позже со мной разговаривал заместитель председателя Совнаркома Мехлис и объявил, что я арестован как предатель»[7].

Однако по другой версии арест производили не сотрудники НКВД, а полковник Разведуправления РККА Х. У.Д. Мамсуров. Приказ на арест он 29 июня якобы получил от К.Е. Ворошилова, имевшего соответствующие указания от Сталина[8]. Но хотя автор статьи, в которой изложена эта версия, ссылается на использование архивных материалов ГРУ и ранее не публиковавшихся записей Мамсурова, картина ареста командования Западным фронтом предстает внутренне противоречивой и расходящейся с достоверно установленными фактами.

Заслуживающие доверия архивные материалы (в первую очередь, телеграмма Мехлиса Сталину от 6 июля 1941 г. и ответ вождя) дают основание говорить, что организация ареста генералов была доверена (не исключено, что и с участием Мамсурова) именно Мехлису, прибывшему в штаб Западного фронта, по крайней мере, не позднее 2 июля 1941 г.

Обстановку, в которой готовилась расправа над генералами, хорошо иллюстрирует такой факт: Павлов был арестован 4-го, но лишь 5-го было оформлено постановление 3-го управления НКО СССР на арест. Нарком обороны маршал С.К. Тимошенко утвердил же постановление, и прокурор Союза ССР В.М. Бочков санкционировал арест еще через день, 6 июля. Как видим, с самого начала высшие должностные лица не торопились связывать себя «какими-то» правовыми нормами – законность обозначалась, а не обеспечивалась.

События показали, что арест руководителей Западного фронта кардинально обстановку не изменил, да и, конечно, изменить не мог. В условиях постоянно нараставших по силе ударов вермахта наши войска продолжали отход. 10–12 июля противник сломил сопротивление обороняющихся частей Красной Армии в районе Витебска, южнее Орши и Могилева и стал быстро продвигаться в сторону Смоленска. Во всей полосе Западного фронта развернулось гигантское Смоленское сражение.

Если бы Сталин был последователен, он, учитывая, что перелома на фронте достичь не удалось, должен был поступить с Мехлисом так, как он обошелся с бывшим командованием фронтом. Но в том-то и дело, что армейский комиссар 1-го ранга был послан туда с иной миссией. Вождь руками своих присных добивался вполне определенной цели – дать населению страны простое и понятное объяснение сокрушительных поражений, припугнуть военные кадры тяжестью и неотвратимостью верховной кары, показать, что и с началом войны устои власти остались прежними.

Попробуем ответить и на второй вопрос из тех, что были поставлены вначале: действительно ли арестованные генералы совершили те преступления, в которых обвинялись – струсили, проявили бездействие, допустили развал управления войсками?

К сожалению, следствие не интересовалось установлением объективных фактов. И при аресте, и после того, как арестованных Павлова, Климовских, Григорьева и Коробкова доставили на Лубянку во внутреннюю тюрьму, уголовно-процессуальный кодекс нарушался на каждом шагу. Скрывая политический заказ, власти не стеснялись в средствах, создавая лишь видимость законности.

О том, что арест Павлова был санкционирован лишь спустя два дня после фактического взятия его под стражу, уже говорилось. Само постановление на арест, подписанное заместителем начальника следственной части 3-го управления НКО старшим батальонным комиссаром Б.С. Павловским, не содержало доказательств вины, а свелось к надуманным мотивам, чтобы хоть как-то обосновать сам факт заключения генерала под стражу[9]. Точно так же постфактум Павловским было вынесено, а маршалом Тимошенко утверждено постановление о содержании под стражей, как мере пресечения в отношении Павлова. Обвинительное заключение по делу всех четверых генералов (за день до суда их следственные дела были объединены в одно), утвержденное заместителем наркома внутренних дел СССР комиссаром госбезопасности 3 ранга В.С. Абакумовым 21 июля 1941 г., также было бездоказательным, не содержало ни отсылок к конкретным материалам, на основании которых перечисленные выше лица были арестованы, ни ссылок на доказательства, которые свидетельствовали бы о виновности привлекаемых к уголовной ответственности лиц.

По ходу дела постоянно велась переквалификация преступлений, в совершении которых обвинялись подследственные, а затем и подсудимые. Тот же Павлов был арестован и заключен под стражу, как подозреваемый в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1б и 58-11 УК РСФСР. Эти же статьи фигурируют в обвинительном заключении в отношении Павлова и Климовских. Григорьев и Коробков обвинялись в преступлениях по ст. 193-17б УК РСФСР. А уже на следующий день, 22 июля, дело в судебном заседании Военной коллегии рассматривалось с предъявлением обвинения уже совершенно по иному кодексу – не РСФСР, а Белорусской ССР – и новым статьям: Павлову и Климовских – ст. 63-2 и 76 УК БССР, Григорьеву и Коробкову – ст. 180-б УК БССР. Судя по протоколу судебного заседания, подсудимые об этой переквалификации поставлены в известность не были, председательствующий Ульрих лишь спросил, получили ли они копию обвинительного заключения и познакомились ли с ним?

В приговоре Военной коллегии действия всех четверых подсудимых были вновь переквалифицированы, на сей раз на ст. 193-17б и 193-20б УК РСФСР.

Сама процедура следствия также сопровождалась проявлениями беззакония. Первый допрос генерала армии Павлова 7 июля продолжался непрерывно 15 часов. Следователи сразу же потребовали от него: «...Приступайте к показаниям о вашей предательской деятельности». Подследственный, видя, что его не просто подозревают в совершении преступления, а по сути уже предъявляют обвинение, категорически заявил, что он не предатель. Следователи тут же перебили его следующим вопросом: «У следствия имеются данные, говорящие за то, что ваши действия на протяжении ряда лет были изменническими, которые особенно проявились во время вашего командования Западным фронтом». Генерал вновь настаивает: «Я не изменник, злого умысла в моих действиях, как командующего фронтом, не было». Категорически возражал он и против предположений, что кто-то из его подчиненных совершал изменнические действия[10].

Бывший командующий подробно описал обстановку, сложившуюся после нападения гитлеровских войск, свои действия по управлению войсками. Прорыв немецких войск он объяснял их огромным превосходством в танках и авиации, а также утратой связи с первых часов войны.

Но следователей это, судя по всему, мало интересовало. Они по-прежнему добивались от Павлова признания в том, что тот намеренно открыл фронт противнику: «Напрасно вы (Павлов. – *Ю.Р.*) пытаетесь свести поражение к не зависящим от вас причинам. Следствием установлено (когда? – *Ю.Р.*), что вы являлись участником заговора еще в 1935 г. и тогда еще имели намерение в будущей войне изменить родине. Настоящее положение у вас на фронте подтверждает эти следственные данные».

Следственные данные, надо понимать, это – материалы допросов тех военачальников, которые в 1937 г. были привлечены к процессу по делу о «военно-фашистском заговоре» в РККА (дело Тухачевского и др.), ожидавшие своего часа в архивах НКВД. Применяя физические методы (а допросы, когда вместе, а когда – сменяя друг друга, вели упомянутый выше заместитель начальника следственной части 3-го управления НКО старший батальонный комиссар Павловский и следователь младший лейтенант госбезопасности В.И. Комаров), Павлова вынудили признать, что он являлся участником антисоветского военного заговора еще с середины 30-х годов и был выдвиженцем «врага народа» командарма 1-го ранга И.П. Уборевича, командующего войсками Белорусского военного округа, расстрелянного в 1937 г. вместе с М.Н. Тухачевским. Заставили его признать и участие в «военно-фашистском заговоре», и преднамеренное открытие фронта врагу.

К слову, мог ли младший лейтенант госбезопасности (соответствует армейскому старшему лейтенанту) компетентно судить о действиях командования фронтом? Ответ представляется очевидным. Уже сам по себе этот факт лишний раз доказывает, что следствие явно не интересовали реальные причины произошедшего в полосе Западного фронта. Отрабатывалась заговорщицкая, изменническая версия.

Генерал-майор Климовских участия в заговоре не признал, но следствие посчитало его «изобличенным» в качестве соучастника на основе показаний двух «заговорщиков», расстрелянных еще до войны. Генералам Григорьеву и Коробкову политические обвинения вменять не стали, ограничившись обвинениями в преступном бездействии.

Правда, высшее руководство не оценило служебного рвения ни следователей, ни членов Военной коллегии, которые уже в ходе судебного заседания также активно добивались от подсудимых признания в антисоветской деятельности. Когда председатель Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюрист В.В. Ульрих доставил Сталину проект приговора, председатель ГКО через своего секретаря А.Н. Поскребышева передал указание весь «хлам» о заговоре убрать[11]. Этим как раз и объясняется исчезновение из приговора 58-й, «политической» статьи, фигурировавшей в обвинительном заключении.

Суд под председательством Ульриха состоялся 22 июля и длился ровно три часа. Процесс прошел в закрытом порядке и по упрощенной процедуре: без участия прокурора, защиты, без заслушивания показаний свидетелей, никакие оперативные документы при этом к разбирательству не привлекались. Приговор основывался только на показаниях подсудимых.

Павлов нашел в себе мужество отказаться от своих показаний о предательской, заговорщической деятельности, данных им на предварительном следствии. На замечание Ульриха: «Несколько часов тому назад вы говорили совершенно другое, и в частности о своей вражеской деятельности», Дмитрий Григорьевич заявил: «Антисоветской деятельностью я никогда не занимался. Показания о своем участии в антисоветском военном заговоре я дал, будучи в невменяемом состоянии». Настаивал на этом он и в последнем слове: «Я прошу доложить нашему правительству, что в Западном особом фронте (так в документе. – *Ю.Р.*) измены и предательства не было. Все работали с большим напряжением. Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому, что недостаточно готовились в мирное время к этой войне»[12].

Климовских также вновь заявил, что участником антисоветской заговорщической организации не был, и признал себя виновным только в ошибках по службе, допущенных, как подчеркнул Владимир Ефимович, «без всякого злого умысла».

Генералы Григорьев и Коробков также признали в своей деятельности лишь ошибки, прося суд учесть при вынесении приговора те условия, в которых оказались войска с началом германского вторжения и которые от них не зависели. Все подсудимые просили дать им возможность делами искупить свою вину.

По приговору суда генералы Павлов и Климовских были признаны виновными в том, что они проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями фронта, тем самым дезорганизовали оборону страны и создали возможность противнику для прорыва фронта советских войск.

Генерал Григорьев, по заключению суда, проявил паникерство, преступное бездействие в обеспечении организации работы связи фронта, в результате чего было нарушено управление войсками и нормальное взаимодействие воинских соединений. Генерал Коробков был признан виновным в трусости, малодушии и преступном бездействии[13].

Всех четырех генералов лишили воинских званий и приговорили к расстрелу. Даже если осужденным и дали возможность просить Президиум Верховного Совета СССР о помиловании, настоящего, объективного рассмотрения такого ходатайства, конечно, не было, ибо приговор был приведен в исполнение в тот же день. В сентябре расстреляли и генерал-лейтенанта Клича, он был осужден отдельно.

То, что над командованием Западным фронтом просто расправились, подтверждает хотя бы тот факт, что формулировка состава преступления для обвинительного приговора была прямо заимствована из постановления ГКО № 169сс от 16 июля 1941 г., изданного за шесть дней до суда. Политика шла впереди норм закона.

Из названных выше других лиц командного состава ЗФ были осуждены и расстреляны: генерал-майор авиации А.И.Таюрский (23 февраля 1942 г.), генерал-майор авиации С.А. Черных (16 октября 1941 г.), генерал-майор С.И. Оборин (август 1941 г.).

Избежал расстрела лишь генерал-майор И.С. Лазаренко. Военным трибуналом фронта он был приговорен к высшей мере наказания с заменой тюремным заключением. По личному ходатайству Президиум Верховного Совета СССР в октябре 1942 г. досрочно освободил его от наказания и направил в действующую армию. Генерал И.С.Лазаренко, будучи командиром 369-й стрелковой дивизии 2-го Белорусского фронта, погиб в бою 25 июня 1944 г. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Возвратиться к делу Павлова и его товарищей стало возможным только спустя 16 лет. Под влиянием либерализации политического режима, связанной с решениями XX съезда КПСС, Верховный суд СССР в 1956 г. запросил заключение Генерального штаба Вооруженных Сил относительно событий в полосе Западного фронта в июне 1941 г. Оно готовилось на основе мнений ряда военачальников.

Одним из первых свою позицию высказал ушедший к тому времени в запас генерал-полковник Л.М. Сандалов, который, как уже упоминалось выше, начал войну в должности начальника штаба 4-й армии Западного фронта. Позднее он выдвинулся в начальники штаба Центрального, Брянского, 2-го Прибалтийского и 4-го Украинского фронтов. Роковая случайность заставила его расстаться с активной службой: в 1953 г., будучи начальником штаба – первым заместителем командующего Московским военным округом, в авиационной катастрофе он получил тяжелые увечья. Прикованный к инвалидному креслу, этот мужественный человек продолжал напряженно трудиться, сконцентрировавшись на научной и литературной работе. Своим человеческим долгом он посчитал возвращение честного имени незаконно репрессированным военачальникам Западного фронта, вместе с которыми Леониду Михайловичу довелось принять первые удары врага.

1 сентября 1956 г. он направил начальнику Военно-научного управления Генштаба генералу армии В.В. Курасову служебную записку, в которой обстоятельно проанализировал ситуацию, сложившуюся в конце июня 1941 г. в полосе Западного фронта, и действия высших должностных лиц фронтового управления.

На вопрос, виновато ли командование Западным фронтом и 4-й армии в разгроме войск в начальный период войны, он отвечал отрицательно. Соседи Западного фронта – Северо-Западный (бывший Прибалтийский особый военный округ) и Юго-Западный (Киевский ОВО) фронты – были также разгромлены, хотя главный удар врага и не нацеливался на них. Прибегая к этому аргументу, Сандалов делал вывод, что в тех условиях поражение войск западных приграничных военных округов (фронтов), в конечном счете, зависело не от качества управления войсками. По его мнению, главная причина поражений коренилась в слабом техническом оснащении и недостаточной подготовке войск и штабов Красной Армии по сравнению с вермахтом, а также во внезапном нападении полностью отмобилизованной и сосредоточенной у советских границ фашистской армии на наши войска, не приведенные в боевую готовность.

Оговариваясь, что в сложившейся неблагоприятной ситуации и более талантливый командный состав не смог бы предотвратить разгром, Сандалов, тем не менее, не снимал определенной ответственности и с командования войсками Западного фронта.

Управление войсками фронта и армий он называл слабым, проистекавшим из неудачного подбора командного состава и, в первую очередь, несоответствия своей должности самого командующего. Генерал Павлов, отмечал Сандалов, не имея опыта в командовании войсковыми соединениями (до назначения командующим войсками ЗОВО командовал лишь танковой бригадой), ни достаточного военного образования и широкого оперативного кругозора, растерялся в сложной обстановке начального периода войны и выпустил из рук управление войсками.

Не соответствующими своим должностям были также командующий ВВС генерал И.И. Копец и командующий артиллерией генерал Н.А. Клич, как и Павлов, не имевшие достаточного опыта управлении войсками. В связи с этим часть вины за подбор неподготовленных командных кадров должны были нести те, «кто утвердил такой состав», то есть высшее политическое и военное руководство страны (никого конкретно Сандалов назвать не решился).

Что же касается начальника штаба фронта генерала Климовских и начальника связи генерала Григорьева, то, по мнению Сандалова, «и тот, и другой являлись одними из лучших в Красной Армии штабными командирами. Но оба эти начальника имели один общий важный недостаток: слабоволие и безынициативность. Самостоятельных инициативных решений в сложной обстановке эти начальники, как правило, не принимали».

Генерал Коробков показал себя храбрым и энергичным командующим армией, но и его недостаток заключался «в стремлении безоговорочно выполнять любое распоряжение командования войсками округа, в том числе и явно несоответствующее складывающейся обстановке».

Сандалов делал нелицеприятный вывод о том, что безынициативностью страдала большая часть высшего командного состава Красной Армии, поскольку «широкая инициатива среди высшего комсостава, как известно, у нас вообще в предвоенное время не культивировалась и не поощрялась».

Резюмируя содержание служебной записки, ее автор считал необходимым снять с командования войсками Западного фронта основную вину за разгром войск фронта в начальный период войны. «Никакого заранее намеченного умысла по разгрому войск округа или способствованию разгрому войск со стороны всего командования округа и его отдельных лиц не было», – убежденно делал он вывод[14].

Безусловно, аргументированное мнение человека, который в дни описываемых им событий находился рядом с военачальниками, позднее попавшими под секиру репрессий, было особенно ценно. И Генштаб учел его. Признав в своем заключении крупные недочеты в подготовке войск округа к войне, он решительно отмел обвинение командования фронтом в трусости, бездействии, сознательном развале управления войсками и сдаче оружия противнику.

Все это позволило суду вынести справедливый вердикт. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1957 г. приговор от 22 июля 1941 г. в отношении генералов Д.Г. Павлова, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьева и А.А. Коробкова, а также приговор от 17 сентября 1941 г. в отношении генерала Н.А. Клича были отменены, и дела на них производством прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

Из заключения освободили семьи военачальников. Обратим внимание, что статьи, по которым были осуждены генерал Павлов и его боевые товарищи, не предусматривали наказания близких родственников. Тем не менее, таковое последовало.

Осудили военачальников Западного фронта громко, объявили об этом на всю действующую армию. Но вокруг их посмертной судьбы даже после реабилитации власть устроила самый настоящий заговор молчания. Текст приговора не обнародовался вплоть до 1992 г. Л.М. Сандалов пытался рассказать о судьбе своих боевых соратников в увидевшей свет в 1961 г. книге «Пережитое». Но рукопись значительно сократили, удалив сомнительные с точки зрения цензуры места. Ситуация повторилась при издании в 1970 г. книги «На московском направлении», куда вошли переработанные автором главы «Пережитого». Публикация книг послужила поводом для переписки Леонида Михайловича с бывшими сослуживцами.

Бывший в 1938–1939 гг. командующим войсками Белорусского военного округа генерал-полковник М.П. Ковалев, хорошо знавший все командование Западным фронтом по совместной службе, писал Сандалову 22 марта 1962 г.: «...Тот, кто способен серьезно мыслить, может сделать правильный вывод, что армия была подготовлена к войне – умела воевать и патриотизма было достаточно, а не на высоте было руководство войсками и политикой... Мне очень жаль Климовских, Григорьева (н-к связи) и Коробкова. Они творили чужую волю. Даже Павлов виноват только в том, что взялся за непосильное для него дело».

Особого внимания заслуживает письмо, направленное Сандалову бывшим начальником оперативного отдела штаба Западного фронта генерал-майором в отставке И.И. Семеновым 28 апреля 1962 г. Приведем его с максимальной полнотой: «...О личности тов. Коробкова. Тот, кто не знает его, из Вашей книги может сделать о нем совершенно неверные выводы, ведь не надо забывать, что по приказу, который был широко опубликован, он как враг народа и предатель был расстрелян, а его семья репрессирована и долго томилась в ссылке. То же можно сказать и о генералах Павлове, Климовских, Григорьеве, Клич, т. е. о руководстве фронта, как будто только они были виновниками катастрофы на фронте.

Я лично от начала и до конца был непосредственным участником этих событий. Со всей ответственностью могу сказать, что ни паники, ни растерянности с их стороны не было. Все, что можно было сделать в тех тяжелых условиях, делалось, но было поздно, мы расплачивались за упущенное время и за то, что были успокоены и верили, вернее нас заставляли верить, что немцы наши чуть ли не друзья, вспомните заявление ТАСС[15] и снимки в газетах.

Лично я предлагал Климовских и Павлову за две-три недели до начала войны поднять войска по плану прикрытия, но они на это не пошли, было прямое указание не делать этого... Если бы мы это сделали хотя бы за неделю до войны, разве бы мы дали немцам так быстро продвигаться, даже несмотря на их превосходство?..

Нельзя полностью обвинять Павлова и Климовских в бездействии и потому, что фактически руководил всем маршал Шапошников, который уже через 5–6 часов после начала войны прибыл в Минск (начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников находился в штабе Западного фронта с 23 по 30 июня 1941 г. – *Ю.Р.*). Вы пишете в книге, что он был в Могилеве, из Могилева я его отправил в Москву, а до этого все события докладывал лично ему. Все распоряжения по фронту были согласованы и одобрены им. Никогда не забуду слов, сказанных им, когда он уже сидел в машине и пожимал мне на прощание руку: "Не волнуйтесь, голубчик, наши неудачи временные, как результат внезапности, скоро все переменится". Вот как было дело, Леонид Михайлович!»[16].

Правда о трагической судьбе генерала Павлова и его товарищей по несчастью, в конце концов, пробила дорогу к людям. Совсем не лишне вспомнить об этих военачальниках и нам, готовящимся отметить в 2015 г. 70-ю годовщину Великой Победы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (соглашение № 14.B37.21.0003).
2. 941 год. В 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 472–473.
3. Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 267–268, 484.
4. Исторический архив, 2006, № 2. С. 61.
5. Цит. по: Рубцов Ю.В. Мехлис. Тень вождя. М., 2007. С.296–297.

6. Там же. С. 294.
7. 1941 год. Кн. 2. С. 455.
8. Независимое военное обозрение, 2003, 5 декабря.
9. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 213.
10. 1941 год. Кн. 2. С. 455, 467.
11. Булок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. В 2 тт. Смоленск, 1994. Т. 2. С. 365.
12. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 391.
13. Там же. С. 393.
14. Исторический архив, 2006, № 2. С. 61.
15. Имеется в виду заявление ТАСС от 14 июня 1941 г., в котором слухи о готовящемся нападении Германии на СССР назывались злостной провокацией.
16. Цит. по: Исторический архив, 2006, № 2. С. 62–63.

V.G. LEBED'KO

В.Г. ЛЕБЕДЬКО

КНЯЗЬ ВАРШАВСКИЙ
THE PRINCE OF WARSAW

В статье освещаются редко приводимые исторические данные о заслугах перед Отечеством великого русского полководца – генерала-фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича.

In the article rarely quoted historic data about the merits of the Great Russian military commander, general field-marshal Ivan Fedorovich Paskevich, before the Fatherland are highlighted.

Ключевые слова: Талантливый полководец, война с Наполеоном, народы Закавказья и Дагестана, Ереван, Иран, мирный договор между Персией и Россией, Турецкое войско, русское оружие, штурм Варшавы, Дунайский театр Крымской войны, князь Варшавский генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский.

Key words: talented commander, war with Napoleon, peoples of Transcaucasia and Dagestan, Erevan, Iran, peace treaty between Persia and Russia, Turkish army, Russian arms, storm of Warsaw, Danube theatre of Crimean war, Prince of Warsaw general-field marshal Paskevich-Erivansky.

Когда мы вспоминаем об Александре Васильевиче Суворове, мы говорим: «Князь италийский, генералиссимус, граф Суворов-Рымникский». В отечественной истории был еще один полководец – это князь Варшавский, генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский.

К сожалению, советская национальная политика, как в энциклопедиях, так и в исторической литературе требовала избегать названных титулов генерала-фельдмаршала, а между тем это был талантливый полководец и верный солдат своего времени.

Иван Федорович Паскевич родился в Полтаве 8 мая 1782 года. Фамилия его известна на Украине свыше 400 лет. Отец, Федор Григорьевич, служил в Малороссийской Коллегии под начальством ее Президента и генерал-губернатора Малороссии генерала-фельдмаршала Румянцева-Задунайского. Положение отца способствовало поступлению Ивана Федоровича в 1794 году в Пажеский корпус. Быстрые успехи и примерное поведение вскоре обратили на него внимание начальников. 5 октября 1800 года он был выпущен из корпуса поручиком лейб-гвардии Преображенского полка, с назначением флигель-адъютантом императора Павла I.

С началом войны с Турцией в 1806 году И.Ф. Паскевич в чине штабс-капитана принимал участие в сражениях при Яссах, Бухаресте и Измаиле. В 1809 году он участвовал в штурме Браилова и был произведен в полковники. В последующем, командуя батальоном, особенно отличился в битве с Пеглеван-пашею при селе Татарице. В 1810 году Паскевич командует Витебским мушкетерским полком. Командуя полком, он отразил высадку турецкого десанта в районе Варны. В этом бою проявился полководческий талант Ивана Федоровича. 28 ноября 1810 года Паскевичу присваивается звание генерал-майора. В 1811 году становится командиром бригады, а в 1812 командует 26-й дивизией, с которой и вступает в Отечественную войну в армии Багратиона.

Первое боевое столкновение с французами для Паскевича произошло у деревни Салтановка, близ Могилева. В этом сражение он одержал над ними свою первую победу и прикрыл 2-ю армию Багратиона, отходившую к Смоленску.

В сражении за Смоленск Паскевичу была поручена оборона ключевой позиции Королевского бастиона. Находившиеся в его распоряжении шесть батальонов отбили несколько атак врага, что позво-

лило выиграть время для соединений армий Барклая де Толли и Багратиона. Вспоминая это сражение на острове Святой Елены, Наполеон вынужден был признать, что решительного удара Королевскому бастиону совершить не удалось.

В Бородинском сражении Паскевич вновь проявил бесстрашие и самоотверженность. С четырьмя полками 26-й дивизии он оборонял Курганную батарею, находящуюся в центре нашей позиции. Атаки французов на этом участке были самыми отчаянными, но все они были отбиты. В последующем он входил в арьергард Милорадовича, прикрывавшего отход войск из Москвы.

В битве за Малоярославец дивизия Паскевича неоднократно врывалась в город, а затем по приказанию Кутузова осуществляла прикрытие дороги на Калугу. Участие дивизии в сражение под Вязьмой, где он командовал центром и правым флангом, привело к тому, что удалось ворваться в город, опрокинуть арьергард французов и занять верхний город. Ночью Паскевич преградил неприятелю большую дорогу, и все попытки французов пробиться сквозь ряды наших войск ни к чему не привели. После вяземской битвы дивизия Паскевича была назначена в авангард Милорадовича.

В битве при Красном Паскевич нанес поражение маршалу Нею, захватив много пленных, знамена и всю артиллерию. Продолжая преследовать французов, он вышел на границу России. 12 декабря в Вильно был прием у императора Александра I, где Кутузов отрекомендовал Паскевича как одного из лучших генералов своей армии.

Вскоре Иван Федорович стал командовать 7-м корпусом, который включал в себя 8 пехотных полков и 48 орудий. В 1813 году корпус Паскевича, преследуя французов, принудил маршала Сен-Сира отступить к Дрездену. Наконец, в знаменитой битве под Лейпцигом Паскевич одним из первых ворвался в предместье города и взял 4000 пленных и более 30 орудий. Как активный участник «битвы народов» он был удостоен звания генерал-лейтенанта. Войска под руководством Паскевича после сражения при Арсисе, где маршал Ней вновь потерпел поражение, подошли к воротам Парижа. Десять лет непрерывных боевых действий, в которых участвовал Иван Федорович, снискали ему славу полководца, а в солдатской среде он получил прозвище «храбрый».

По окончании войны с Наполеоном Паскевич вернулся со своим корпусом в Смоленск. Здесь он познакомился с помещиком Алексеем Грибоедовым и в 1817 году женился на его дочери Елизавете Алексеевне.

Незадолго до кончины Александра I Персия нарушила Гюлистанский трактат и заняла пограничные с Карабахом земли. Мирные инициативы императора Николая I ни к чему не привели. В 1826 году кончились мирные дни для генерала Паскевича. По решению Николая I он был отправлен на Кавказ командовать корпусом под общим руководством Главнокомандующего войсками в Грузии генерала Ермолова А.П. Тогда Персия располагала значительными военными силами. Регулярная пехота, подготовленная английскими офицерами, состояла из 38,5 тысяч человек, кавалерия насчитывала 94 тысячи. Турецкий султан был на стороне персидского шаха.

Первое сражение с Аббас-мирзой, наследником шаха, имевшего под своим началом 30 тысяч войск, произошло вблизи Елисаветполя (Гянджа, Кировобад). У Паскевича было 7 тысяч пехоты и кавалерии. Он построил свои войска в расчлененных; боевых порядках – пехотных каре и колоннах в сочетании с рассыпным строем стрелков. Пехоту поддерживала артиллерия, а на флангах кавалерия. В результате боя персидское войско было наголову разбито и бежало за Араке вместе с английскими и французскими инструкторами. Закавказье было полностью очищено от персов.

В марте 1827 года Паскевич принял главное начальство над отдельным Кавказским корпусом со всеми правами вместо генерала Ермолова А.П. В мае персы опять начали действия в Закавказье. Паскевич, прикрыв свой тыл частью войск за рекой Араке, обложил остальными войсками Эривань (Ереван). Тем не менее, Аббас-мирза попытался нанести удар во фланг нашей армии в районе Нахичевани, но был разбит Паскевичем, и персы в панике бежали в горы. Вслед за тем крепости Аббас-Абад и Сардар-Аббад (построенные под наблюдением англичан) сдались на милость победителя. Подвезя осадные орудия к стенам Эривани, Паскевич начал бомбардировку крепости. Тогда Эривань представляла собой лучший крепостной оплот Персии. На рассвете 1 октября крепость была взята. Этому во многом способствовало армянское население города.

Преследуя Аббас-мирзу, русские войска овладели Тебризом, находящимся в северной части Ирана высоко в горах. Шах бежал из Тегерана. 28 ноября 1828 года Аббас-мирза подписал два протокола, по которым к России отходили Эриванская и Нахичеванская провинции и обязательство выплаты военных издержек. Однако шах Ирана под давлением Турции не согласился с этими протоколами. Вследствие этого Паскевич, овладев городами Урмия и Ардебиль, направился прямо к Тегерану. 10 февраля 1928 года в деревне Туркманчай был подписан мирный договор между Персией и Россией. Этот договор сохранял свою силу до октября 1917 года. 15 марта 1828 года высочайшим рескриптом за славное окончание войны и заключение выгодного мира Паскевич возведен в потомственное графское достоинство с наименованием Эриванского. Победы Паскевича в войне избавили народы Закавказья и Дагестана от порабощения, физического истребления иранскими завоевателями и положили конец агрессивным устремлениям Англии, Франции и Турции. Народы Грузии, Армении, Азербайджана и Дагестана получили возможность национального развития.

В апреле 1828 года началась русско-турецкая война, где Россия совместно с другими европейскими странами участвовала в разделе Османской империи на европейском континенте. Для отвлечения части сил с Дунайского театра на восток Паскевич еще в марте получил рескрипт императора, где было

указано «В связи с начавшейся войной с Турцией покорить два пашалыка Карский и Ахалцихский и крепость Поти». Граф Паскевич для выполнения поставленной задачи имел в наличии в Закавказье 25 тысяч войск, которые делились на три части: Первая – оставленные войска на персидской границе для обеспечения поступления контрибуции. Вторая часть войск была оставлена для сохранения внутреннего спокойствия и повиновения жителей Закавказских областей, оградив их от набегов мусульманских горских народов. Таким образом, Паскевич мог вывести на турецкую границу только 12 тысяч против 50 тысяч турок. Турки со своей стороны готовились начать кампанию и обеспечить себе успех. К тому же исламское духовенство призывало народ к оружию в борьбе против христиан. В середине июня Паскевич перешел границу и подошел к Карсу. Здесь, развивая суворовскую тактику, он заменил каре колоннами. При таком построении пехота могла тотчас построить каре против кавалерии, а наша кавалерия прикрывалась пехотою.

Крепость Каре представляла собой двойной ряд зубчатых стен и множество башенных и укрепленных предместий. Гарнизон крепости состоял из 11 тысяч человек. Искусно направленные Паскевичем колонны под прикрытием артиллерии бросились на штурм. Утром 23 июня крепость была взята, но турки не сразу сдались, ожидая помощи. Тогда Паскевич направил к ним требование: «Пощада повинным, смерть непокорным, час времени на размышление». Так, впервые в истории неприступная крепость была взята русскими войсками. Известно, что с взятием крепости граф Паскевич объявил жителям всеобщее помилование, законы турецкие остались неприкосновенными, а судебная власть осталась за кадием и муфтием.

Взятие Карса привело в ужас турецкое войско, и в самом начале кампании русское оружие приобрело славу непобедимого. Тяжелые климатические условия, отсутствие дорог, необходимость тащить на себе артиллерию, возы с продовольствием, питьевой водой и боеприпасами составляли чрезвычайную трудность похода. Обманув турок, Паскевич вместо Эрзерума двинулся на Архалык. Подойдя к крепости на короткое расстояние, войска Паскевича под прикрытием артиллерии пошли на штурм. Сдавшиеся были помилованы, а не сдавшиеся уничтожены.

Покорив Ахалкалак (Ахалкалаки, Грузия), Паскевич пошел к Ахалциху (Ахалцихе, Грузия), на пути к которому высоко в горах находилась небольшая крепость Гертвис (Хертыс). Два предшествующих штурма настолько напугали турок, что они сложили оружие без сопротивления, и крепость Гертвис была взята. Одновременно войска корпуса овладели крепостью Поти. Преодолев горные хребты и леса, корпус Паскевича подошел к Ахалциху. Разгромив резервные войска турок, прикрывавшие крепость, Паскевич предложил турецкому гарнизону сдаться. Через 4 дня пошел на штурм. Ожесточенный бой в городе продолжался сутки, пока, наконец, турки не сдались. 250 лет крепость эта никем не была взята. Но граф Эриванский взял ее со своими 14-ю тысячами против 30 тысяч оборонявшихся.

Жители города Ахалциха были обеспечены денежным довольствием, а раненные врачебной помощью. Вслед за этим были взяты крепости Анкурь и Ардаган. Таким образом, менее чем за два месяца указания императора были выполнены. Турецкая армия была разгромлена, лишившись знамен и пушек, и рассеяна на огромной территории. Но Паскевич хотел упрочить свои завоевания. Вслед за этим был взят Баязетский пашалык, поселения Дадиан и Топрах-кале, и русский флаг был поднят на левом берегу Ефрата. Громкие победы Паскевича привели к тому, что кавказские мусульманские горцы, всегда беспокойные и к нам неприязненные, спешили присягать русскому императору в верности.

Турецкий султан, готовясь к возвращению завоеванных турецких земель и крепостей, к весне 1829 года предполагал иметь 200 тысячную армию. Паскевич, несмотря на пополнение корпуса новобранцами, мог противопоставить туркам 16 тысяч войск. Понимая, что этого совершенно недостаточно, он заключил союз с курдами, который обеспечивал ему прикрытие левого фланга. В это время в Тегеране был убит Грибоедов А.С. Почувствовалась угроза Закавказью с иранского и турецкого направлений. Попытка Паскевича собрать ополчение из закавказских народов привела в ряде случаев к волнениям и восстаниям, особенно в Грузии. Зашевелились вновь мусульманские горцы. Однако граф Эриванский сумел успокоить эти волнения без кровопролития.

Первое сражение с турками произошло при деревне Чабории при соотношении сил 7 тысяч против 15 тысяч турок. Враг был разбит, Черноморская эскадра под командованием вице-адмирала Грейга А.С. доставила в помощь Паскевичу два маршевых батальона и 2000 рекрутов. В целом войска Паскевича насчитывали около 20 тысяч человек. В составе нерегулярной кавалерии находились 4 мусульманских полка, набранных в Закавказье, а также конница из Нахичеванской провинции. Продвигаясь к Эрзеруму, граф Эриванский обнаружил 20-тысячный корпус Гакки-паши, прикрывающий Эрзерум.

Обманным путем, зайдя с другой стороны, русские войска ударили там, где противник их не ждал. Это сражение наблюдал Александр Сергеевич Пушкин. Несмотря на свою занятость, граф Паскевич уделил поэту большое внимание. Пушкин убедился в том, что полководец знал его поэзию. Русские войска двинулись прямо по дороге на Эрзерум. Подошедший с правого фланга 12 тысячный корпус сераскира, спешивший на помощь Гакки-паше, был разбит и обращен в бегство. Граф Эриванский не упустил возможности нанести поражение остаткам армии Гакки-паши. Две одержанные победы и взятие крепости Гассан-кале решили участь Эрзерума. Город был взят без боя. Со времен владычества римлян впервые христианское знамя поднято над городом. Но преподанный туркам урок не пошел им впрок. Они вновь начали сосредотачивать свои силы в районе города

Байбурта и в самом городе. Граф Эриванский вошел в город и уничтожил большую часть турецких войск. Это было последнее сражение в войне 1829 года. К сожалению, по Адрианопольскому трактату большая часть завоеваний графа Эриванского возвращалась Турции.

Через 114 лет на переговорах с союзниками в ходе Второй мировой войны Сталин ставил вопрос о присоединении к Советскому Союзу части территории Турции. Это было в качестве наказания за армянский геноцид и попытку Турции выступить на стороне Германии в случае падения Сталинграда для образования великой мусульманской империи от Стамбула до Казани.

Тогда, в 1829 году действия Паскевича Эриванского значительно облегчили положение русских войск на Балканах. За достигнутые победы граф Иван Федорович Паскевич Эриванский был удостоен звания генерал-фельдмаршала. С захваченных им турецких земель от гнета турок бежало в Закавказье 90 тысяч человек, Иван Федорович принимал деятельное участие в их обустройстве на новых местах. И, казалось бы, деятельность Паскевича на Кавказе заканчивалась, но в это время он получил от императора повеление о необходимости полного усмирения непокорных кавказских племен. В связи с этим фельдмаршал полагал привлечь часть выходящих из Турции войск на Северный Кавказ для наведения порядка в Дагестане, Чечне и в Закубанской области. Паскевич был ярый противник кровопролития, беседовал с имамами, со старшинами племен, стараясь мирным путем разрешить создавшееся положение. Обстановка заставила Паскевича перенести свой командный пункт из Тифлиса в Пятигорск. Безусловно, имевшие место грабежи и дикие набеги орд горцев подавлялись войсками. Но главным делом графа Паскевича была забота об устройстве края, об учреждении законов с учетом мусульманских правил и традиций. Много добрых дел хотел граф сделать, но не успел, так как в апреле 1831 года император отозвал его в Петербург. Весть об отъезде фельдмаршала была принята в Тифлисе и во всех провинциях Кавказа с большой печалью.

В 1830 году в королевстве Польском произошло восстание против господства царизма, занимавшего польские земли. Аристократические и шляхетские элементы, которые возглавили созданное польским сеймом правительство восставших, стремились использовать восстание главным образом для расширения территории королевства за счет украинских и белорусских земель. Отказ правительства восставших и сейма от проведения аграрной реформы оттолкнул от восстания широкие круги польского народа. Но Варшава пылала.

В июне 1831 года граф Паскевич прибыл в Пултуск, где находилась 44-тысячная армия, плюс подходивший к ней резерв в количестве 9 тысяч из Бреста. Этими силами Паскевич должен был подавить польскую армию, ликвидировать восстание в Варшаве. 22 июня Паскевич вышел из Пултуска и 7-го июля форсировал Вислу в том районе, где поляки его не ждали. Затем армия Паскевича овладела городом Лович в 12 милях от Варшавы. От Ловича русские войска преследовали польские силы до Варшавы. Варшава, сильно укрепленная, в общем имела 60 тысяч штыков. К этому времени город был окружен русскими войсками как с запада, так и с востока. Подвоз продовольствия к нему был перекрыт, его в городе оставалось на 11 суток.

С подходом резервов 25 августа в три часа утра войска пошли на штурм Варшавы. В 11 часов утра было взято предместье Варшавы Воля. Неприятель пытался контратаковать, но безуспешно. На попытки поляков вступить в переговоры граф Паскевич потребовал безусловного повиновения законному государю. В час дня начался второй приступ Варшавы. В этом бою Иван Федорович был тяжело контужен в левую руку. Атака между тем продолжалась, и в ходе нее гусары ворвались в город. Заставы Вольская и Ерусалимская были отбиты русскими штыками. Около полуночи русские войска овладели частью города протяженностью в 12 верст. Встревоженный сейм согласился на капитуляцию. Утром войска под руководством Великого князя Михаила Павловича вступили в город. За совершенный подвиг император возвел графа Паскевича в княжеское потомственное достоинство с титулом светлейшего князя Варшавского. Менее чем за три с половиной месяца польская кампания была окончена. Император пожаловал князю Варшавскому в вечное и потомственное владение имение Демолин – село Ивановское в царстве Польском.

В 1848-1849 годах в Австро-Венгрии произошла буржуазная революция. Феодалы Габсбурги обратились к русскому императору за помощью. Князь Варшавский был послан с войсками в Венгрию. Восстание было локализовано, но Габсбурги жестоко его подавили. Естественно, какая-то доля вины легла и на Паскевича, но он никогда не отличался жестокостью, а всегда старался закончить дело миролюбием. Если же противник не соглашался на мир, то он уничтожался. Такова жестокая правда войны.

70-летний полководец принял участие в Крымской войне в 1854 году против Турции на Дунае. Он занял Молдавию и Валахию и отразил наступление турецких войск. Отсталая крепостная Россия вместе со своими войсками не могла противостоять экономически более развитым капиталистическим странам Западной Европы. Дунайский театр Крымской войны не был исключением. Паскевич, не желая терять жизнь своих солдат в уже проигранной войне, отступил за Дунай.

20 января 1856 года князь Варшавский генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский скончался в Варшаве. К сожалению, наши «польские друзья» не знают место его захоронения, но, по свидетельству очевидцев тех времен, полководца провожала в последний путь масса людей: поляки, русские, украинцы, в траурном марше шли войска.

За плечами Ивана Федоровича было около 40 личных побед. За свои подвиги он был награжден

всеми отечественными и многими иностранными орденами. Это был полководец суворовского типа. Побеждал всегда не числом, а умением. Внезапность, быстрота, ложный маневр, оригинальное построение пехоты, кавалерии и артиллерии – в этом заключалось искусство полководца. Он отличался миролюбием и уважением к противнику, но был тверд в своих решениях. Паскевич пользовался большой любовью подчиненных ему войск: солдат, офицеров и генералов.

Советская и новая российская историография сделали из него жертву внутренних и внешних национальных взаимоотношений, они обвиняли его в бездарности, отовсюду вымарывая его имя, и просили каяться за его победы. Но такие герои, как князь Варшавский не умирают, они бессмертны.

СПИСОК АВТОРОВ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК» № 1 (42)-2013

Бартош Александр Александрович, кандидат военных наук, доцент, член-корреспондент АВН, директор информационного центра по вопросам международной безопасности при Московском государственном лингвистическом университете МГЛУ, полковник в отставке, г. Москва.

Чекинов Сергей Геннадиевич, доктор технических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, начальник Центра военно-стратегический исследований ГШ ВС РФ, полковник, г. Москва.

Богданов Сергей Алексеевич, доктор военных наук, профессор, действительный член АВН, главный научный сотрудник Центра военно-стратегических исследований ГШ ВС РФ, генерал-лейтенант, г. Москва.

Сизов Владимир Ювенальевич, кандидат военных наук, доцент, генерал-майор запаса, научный сотрудник Института стратегических исследований Военной академии Генерального штаба ВС РФ, г. Москва.

Татаринов Виктор Викторович, кандидат физико-математических наук, доцент, профессор АВН, доцент МГТУ им. Н.Э. Баумана, г. Москва.

Рукина Наталия Александровна, аспирант кафедры истории и теории социологии Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Коломоец Олег Владимирович, начальник группы Главного оперативного управления ГШ ВС РФ, полковник.

Выпасняк Владимир Иванович, кандидат военных наук, профессор АВН, главный специалист ЗАО «НИИ УИМ АВН», полковник запаса, г. Москва.

Тиханычев Олег Васильевич, кандидат технических наук, профессор АВН, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского управления 27 ЦНИИ Минобороны России, полковник, г. Москва.

Гахов Владислав Романович, заместитель начальника научно-исследовательского отдела 27 ЦНИИ Минобороны России, капитан, г. Москва.

Колодяжный Валерий Владленович, доктор военных наук, профессор, профессор АВН (Белорусское региональное отделение), профессор кафедры тактики и вооружения войсковой ПВО учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь», г. Минск.

Кулешов Юрий Евгеньевич, докторант учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь», кандидат военных наук, доцент, профессор АВН РФ (Белорусское региональное отделение АВН РФ), полковник, г. Минск.

Шеховцов Николай Петрович, кандидат военных наук, профессор кафедры инженерного обеспечения учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь», профессор, член-корреспондент АВН (Белорусское региональное отделение), г. Минск.

Кондратьев Валентин Васильевич, кандидат технических наук, доцент, член-корреспондент АВН, сотрудник НИЦ Общевойсковой академии ВС, полковник в отставке, г. Москва.

Полютов А.А.

Рассолов Александр Федорович, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, полковник в отставке, г. Москва.

Балабушевич Виктор Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, профессор АВН, профессор кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин филиала ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», подполковник запаса, г. Новосибиск.

Гурский Анатолий Иванович, кандидат философских наук, доцент, профессор АВН, почетный работник высшего профессионального образования, заведующий кафедрой гуманитарных и общенаучных дисциплин филиала ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», полковник запаса, г. Новосибирск.

Уваров Александр Артурович, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности ВАГШ ВС РФ, профессор АВН.

Артяков В.В., доктор экономических наук, заместитель генерального директора Государственной корпорации «Ростехнологии», действительный член АВН.

Каленова И.Е., кандидат медицинских наук.

Ардашев В.Н., доктор медицинских наук, профессор.

Мордашев Владимир Михайлович, г. Москва.

Дегтерева Екатерина Андреевна, докторант Федерального государственного военного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Военный Университет» Министерства обороны Российской Федерации.

Марков В.А.

Крылов В.И.

Багров В.В.

Ведерников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой «Электрические станции» ФГБОУ ВПО «Самарский государственный технический университет», профессор Академии военных наук по отделению «Проблемы безопасности топливно-энергетического комплекса».

Никифоров Ю.А. – кандидат исторических наук, доцент МГГУ им. М.А. Шолохова, профессор АВН.

Рубцов Юрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, сотрудник Военного университета Минобороны России полковник, г. Москва.

Лебедько Владимир Георгиевич, кандидат военных наук, доцент, профессор АВН, контр-адмирал в отставке.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед Вами очередной выпуск журнала «Вестник Академии военных наук».

Редакционная коллегия планирует и впредь информировать армейских и флотских ученых, научных работников ОПК о важных событиях и мероприятиях, проводимых Академией военных наук.

Сборник будет сообщать ученым о развитии научных школ, направлений, течений, о новейших исследованиях, достижениях и проблемах военной науки в целом.

На страницах сборника найдут место информационные сообщения о работе АВН.

Мы надеемся на помощь и поддержку ученых и ветеранов в подготовке журнала. Ждем Ваших писем, советов, предложений и материалов, для которых его страницы всегда открыты.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

1. Общими критериями работ, принимаемых для публикации в журнале, является актуальность, новизна материала и его ценность в теоретическом и/или прикладном аспектах. Принимаются материалы, которые еще не были опубликованы в других периодических изданиях. Статьи, имеющие приоритетный характер, публикуются в первую очередь.
2. К статье должно прилагаться сопроводительное письмо — направление от отделения (секции), где выполнялось данное исследование. Желательно наличие экспертного заключения о допустимости публикации материала статьи в открытой печати и фотографии автора (авторов) размером 4 х 6,5 см или в электронном виде. В конце статьи в соответствии с требованиями ВАК должны быть собственноручные подписи всех авторов, полностью указаны фамилия, имя, отчество, точный почтовый адрес, телефон, ученая степень, звание, в том числе почетное и воинское, отношение к АВН, место работы, должность.
3. Редакция обеспечивает экспертную оценку (рецензирование) рукописей, привлекая для этого независимых рецензентов. На основании письменных рецензий и заключения Редколлегии рукопись принимается к печати, отклоняется или высылается автору (авторам) на доработку.
4. Редакция оставляет за собой право публиковать принятые к печати статьи в том номере и в такой последовательности, которые представляются оптимальными для журнала.

Оформление рукописи

5. Текст статьи представляется в распечатанном виде (1экз.) и на CD-RW в формате редактора Word. Сначала указываются авторы (инициалы, фамилия) затем название статьи, аннотация и ключевые слова (желательно указанные сведения приводить как на русском, так и на английском языках) и ниже текст статьи с выравниванием по ширине. Список литературы (примечания) указываются в конце статьи в текстовой последовательности. Не допускаются ссылки на неопубликованные работы и на авторефераты диссертаций. Шрифт Times New Roman 14 пунктов, межстрочный интервал полуторный, поля (верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см). Объем статей для публикации не более 10-15 страниц указанного формата. Статьи в обязательном порядке должны иллюстрироваться таблицами, фото или другими графическими материалами, созданными в распространенных форматах. Рисунки и таблицы необходимо располагать по тексту в соответствии с ГОСТ 7.32-2001.
6. Статья должна быть тщательно выверена. Сокращение слов, названий, кроме общепринятых, допускается не более 3 и только с первоначальным указанием полного названия. В статьях должна быть использована система единиц СИ.
7. Рукописи, оформленные не по Правилам, не рассматриваются.
8. Редакция просит возвращать исправленные после рецензирования и перепечатанные заново рукописи не позднее двух месяцев от времени их получения. Превышение этих сроков замедлит публикацию рукописи.
9. Авторский гонорар и оплата труда по рецензированию рукописей не предусмотрены.
10. Рукописи авторам не возвращаются.
11. Корректура авторам не высылается.
12. Авторам высылается 1 экземпляр журнала.

Оформленные в соответствии с настоящими Правилами рукописи следует направлять по адресу: 117330 г. Москва, Университетский проспект, дом 14, либо непосредственно в редакцию.

Контактные телефоны: (495) 330-92-12, (499) 147-51-19. Факс (499) 143-67-38.